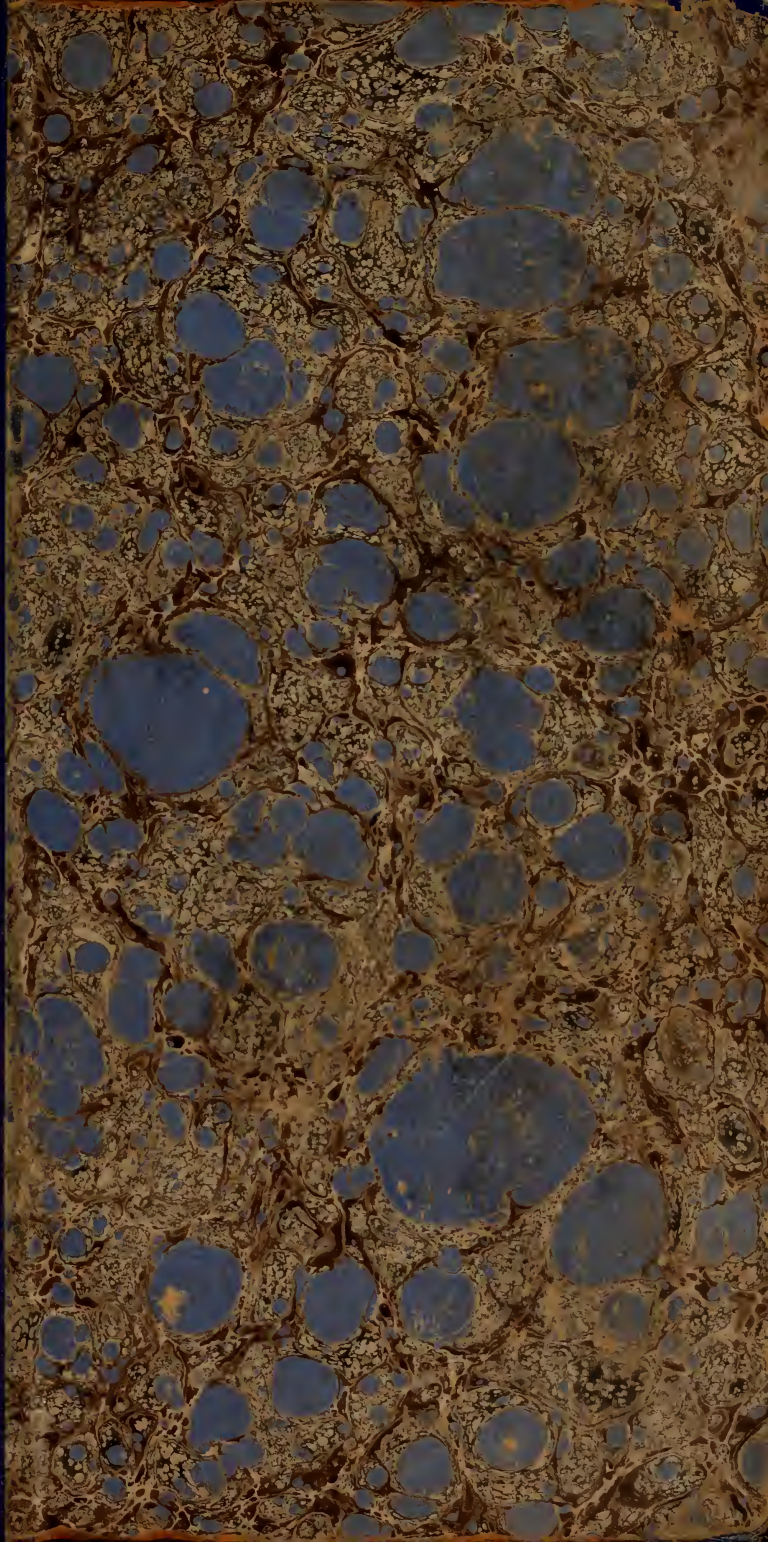

Class PGR
Book C5

YUDIN COLLECTION

Chistiakova, E

ОСЕНЬ.

НОВЫЯ ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ,

ПРЕИМУЩЕСТВЕННО

ИЗЪ

РУССКАГО БЫТА.

Е. Чистяковой.

ИЗДАНІЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
Гостиный Дворъ, №№ 18, 19 и 20.

МОСКВА,
Кузнецкій м., домъ Рудакова.

1872.

PG3460
.C56 O8

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ М. О. ВОЛЬФА (СПБ., ПО ФОНТАНКѢ, № 59).

23.422.53

Докторъ и смѣтливый больной.

На Аптекарскомъ острову, на берегу Невки стоитъ красивый деревянный домъ; передъ нимъ небольшой садъ, который спускается до самой воды. Въ этомъ домикѣ нанимало квартиру семейство доктора Н. У него была жена и двое дѣтей: сынъ двѣнадцати, а дочь десяти лѣтъ. Дѣти воспитывались дома; они были здоровы и веселы; жизнь почти загородная, на чистомъ воздухѣ, способствовала ихъ укрѣпленію. Занятіями ихъ не изнуряли: отъ девяти часовъ утра до часу продолжались уроки, а далѣе прогулки, или садовыя работы.

Дѣти сами обработывали себѣ часть сада, который былъ отъ остальнаго отдѣленъ живою изгородью, т. е. кустиками боярышника и акаціи. Тутъ было владѣніе дѣтей; посреди лужайки была выстроена маленькая русская изба съ однимъ окномъ, рѣзнымъ узорчатымъ подоконникомъ, ставнями, точь-въ-точь, какъ въ настоящей избѣ. Дѣти и даже взрослые могли входить въ избу; вокругъ двухъ стѣнъ устроена была лавка,

т. е. доска, придѣланная для сидѣнья; въ правомъ углу противъ входа стоялъ столикъ; въ лѣвомъ—шкафъ съ посудой, горшками, тарелками, ложками и всѣмъ, что надобно для завтрака, или для чая. Подлѣ входа, на томъ мѣстѣ, гдѣ у крестьянъ всегда стоитъ печка, были сдѣланы небольшія нары, т. е. доски, положеныя такъ, что занимали столько мѣста, сколько бы понадобилось для кровати.

Въ этой дѣтской избѣ все было такъ, какъ бываетъ въ настоящихъ крестьянскихъ, только чище и красивѣе сдѣлано. Здѣсь дѣти проводили время, когда нельзя было играть на чистомъ воздухѣ; когда же уходили, то запирали свою избу.

Лучшимъ удовольствіемъ для Миши и Саши было прогуливаться по ботаническому саду; тутъ отецъ имъ показывалъ растенія, называлъ ихъ и объяснялъ, на что какое употребляется. Такія прогулки предпринимались по вечерамъ, когда всѣ дневныя занятія доктора оканчивались, и онъ возвращался домой.

Однажды, въ маѣ мѣсяцѣ, когда погода была уже совсѣмъ весенняя, теплая и ясная, докторъ раньше обыкновеннаго возвратился домой. Дѣти встрѣтили его на крыльцѣ и помогли ему слѣзть съ дрожекъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, голубчики, ну, что вы дѣлаете, какъ вели себя?

— Спроси у мамы, она тебѣ скажетъ, бойко отвѣчалъ Миша.

— Про меня тоже спроси.

— Хорошо, хорошо, дружки, кажется, и спрашивать нечего, по глазамъ вижу, что хорошо. Миша, выбѣги за ворота и скажи Тимофею, что я больше не поѣду, пусть отложитъ буланку: и безъ того, бѣдная, запарилась, цѣлый день работала; шутка ли, выѣхалъ изъ дому въ восемь, а теперь уже четыре, и все возила!

Миша побѣжалъ къ кучеру, а Саша взяла отца за руку и, подпрыгивая, повела его въ столовую, гдѣ столъ былъ уже накрытъ.

За обѣдомъ рѣчь зашла о томъ, что въ такую хорошую погоду спать послѣ обѣда не должно.

— Что же мы станемъ дѣлать? спросилъ отецъ.

— Пойдемъ гулять, сказала Саша.

— Нѣтъ, лучше поѣдемъ на лодкѣ, воскликнулъ Миша.

— Ну, дружище, тебѣ бы только на воду, замѣтилъ отецъ.—Кататься — хорошее дѣло, но лѣтомъ, когда теплѣе и воздухъ, и вода; а то теперь сверху солнцемъ припекаетъ, а отъ воды несетъ холодомъ. Нѣтъ, по водѣ не поѣду: могу простудиться самъ и заболѣю, тогда кто же будетъ работать и деньги зарабатывать? Можете простудиться и вы, тоже заболѣть, тогда мамусѣ придется ходить за вами, безпокоиться за васъ и ночей не спать. Нѣтъ, лучше пойдемъ гулять; но, куда?

— Въ Ботаническій садъ, въ оранжерею: тамъ много цвѣтовъ!

— Хорошо, пойдемъ!

Обѣдъ кончился, напились кофе, и дѣти веселой гурьбою собрались въ дорогу. Вечеръ былъ прекрасный; Невка сверкала подъ лучами солнца, клонившагося къ закату; пароходы шли на острова; они своими колесами буровили глубину рѣки; волны расходились во всѣ стороны, набѣгали на песчаный берегъ Аптекарскаго острова и, плеснувшись объ него, опять уходили. Если на рѣкѣ случалась лодка, то сильно качалась, и гребцы были на сторожѣ, чтобы не попасться подъ пароходъ!

Ботаническій садъ еще не вполнѣ покрылся зеленью листьевъ, но за то яблони и вишни были въ полномъ цвѣту, и благоуханіе отъ бѣлой и лиловой сирени наполняло воздухъ. Гдѣ-то въ кустахъ щелкалъ соловей; жаворонки, гдѣ-то въ поднебесьѣ, заливались звонкою и продолжительною пѣснью.

Дѣти бѣгали по дорожкамъ: на этотъ разъ вечеръ былъ такъ хорошъ, что имъ не хотѣлось сидѣть на одномъ мѣстѣ и слушать толкованья отца; имъ пріятнѣе было взбѣгать на холмикъ, находящійся налѣво отъ главной дорожки сада и сдѣланный надъ подваломъ, въ которомъ хранятся лопаты, метлы, заступы, ломы, тачки, лейки и другія садовыя принадлежности.

Вечеръ промелькнулъ незамѣтно; дѣтямъ не очень-то хотѣлось домой, когда отецъ сказалъ, что уже

пора. Но они привыкли подчиняться приказанію и потому безропотно пошли.

— Отчего это, папа, мы сегодня не пошли въ оранжерею? спросилъ Миша.

— Оттого, мой другъ, что вамъ и безъ того весело было; ни одному изъ васъ сегодня и въ голову не пришло о чемъ-нибудь спросить меня.

— Правда, ничего не хотѣлось спрашивать; сегодня такой славный былъ вечеръ.

— Скажите мнѣ, что вамъ въ саду бросилось въ глаза?

— Не знаю, кажется, тамъ ничего особеннаго нѣтъ, только трава такая свѣженькая, и одуванчики цвѣтутъ....

— И яблони, и сирень тоже цвѣтутъ, перебила Саша брата.

— Не замѣтили ли вы чего особеннаго въ цвѣтѣ яблони, вишень и грушъ?- спросилъ отецъ.

— Ничего! только цвѣту очень много, такъ что все дерево точно будто обсыпано бѣлымъ; даже листьевъ не видно,

— И неудивительно: на яблоняхъ, на вишняхъ, грушахъ и сливахъ, во время цвѣта, листьевъ почти вовсе нѣтъ, а если и есть, то они крошечные и выростаютъ только послѣ, когда дерево отцвѣтаетъ; то же самое мы видимъ на сирени, которая цвѣтетъ въ то время, когда листья еще не вполнѣ выросли и даже не всѣ развернулись изъ почекъ.

— А, вотъ, эти липы еще не цвѣтутъ, замѣтила Саша.

— Нѣтъ, имъ рано цвѣсть; онѣ цвѣтутъ только посреди лѣта, когда очень жарко.

— Я очень люблю запахъ липы; я помню, въ прошломъ году мы такъ часто сидѣли подъ нашими липами и собирали цвѣтъ. Мама сушила его, и когда у Миши разъ заболѣла голова и горло, ему давали липоваго чаю, того самаго, что мы собирали.

— Папа, послушай-ка: что это собака тамъ визжитъ? Ей, вѣрно, больно, сказалъ Миша.

— Я собаки не вижу, но визгъ ея слышу; въ самомъ дѣлѣ, у нея что-то болитъ; должно ее быть, покусала другая собака.

Собачій визгъ съ каждымъ шагомъ становился слышнѣе, но ея самой не было видно. Дѣти внимательно прислушивались, и по ихъ лицамъ видно было, что ихъ занимаетъ этотъ визгъ и пробуждаетъ въ нихъ сожалѣніе. Прошли они еще нѣсколько саженей, и Миша обратился къ отцу:

— Папа, мнѣ кажется, собака визжитъ подлѣ рѣки; позволь мнѣ сбѣгать посмотрѣть.

— Нѣтъ, не ходи, я самъ посмотрю; собака можетъ быть бѣшеная и тогда—бѣда, укуситъ—умрешь. Отъ укушенія бѣшеной собаки можно умереть.

— Тогда и тебѣ, папа, ходить не надобно, она и тебя укуситъ, сказала Саша, схвативъ отца за руку.

— За меня не бойся; меня не укуситъ; я издали могу отличить, бѣшеная собака, или нѣтъ, и ужь навѣрное, къ бѣшеной не подойду, а вы, дѣти, подбѣжите и легко можете попасть въ бѣду.

Разговаривая такимъ образомъ, они всѣ вмѣстѣ подошли къ концу аллеи, которая идетъ вдоль Ботаническаго сада, и заглянули къ спуску Невки. На самомъ томъ мѣстѣ берега, гдѣ небольшой каналъ Ботаническаго сада соединяется съ Невкою, на травѣ лежалъ черный косматый пудель, лизалъ себѣ ногу и плачевно взвизгивалъ. Докторъ внимательно посмотрѣлъ на собаку и сказалъ: «ну, дѣти, эта собака навѣрное не бѣшеная и къ ней можно подойти; но вамъ лучше постоять здѣсь, а я одинъ схожу, посмотрю, что тамъ съ ней такое, чего она пищитъ.

Докторъ сошелъ съ берега и подошелъ къ собакѣ; она испугалась и отшатнулась было, но тотчасъ же ободрилась и посмотрѣла на него жалобно, какъ будто просила помощи.—«Что, лапка болитъ, сказалъ онъ и взялся за переднюю лапу; пудель оскалилъ зубы и еще пуще прежняго завизжалъ. Попытался было вскочить, и бѣжать, но, видно, весь онъ былъ избитъ, или придавленъ, потому что съ громкимъ воемъ опять упалъ на траву.

— Ахъ онъ бѣдный, воскликнулъ Миша:—какъ ему больно!

— Папа, милый, добрый папа, со слезами на

глазахъ просила Саша:—возьмемъ его домой, вылѣчи его: вѣдь, ты умѣешь лѣчить.

— Голубчики мои, я лѣчить умѣю, но не животныхъ, а людей.

— Ну, попробуй, можетъ быть и животное можно также лѣчить, какъ человѣка. Что у этой собаки?

— У нея лапа перешибена и, кажется, спина и бока отбиты. Подите сюда, посмотрите сами, она не можетъ шевельнуться съ мѣста.

Дѣти подбѣжали; собака продолжала жалобно смотрѣть на людей и тихонько визжала.

— Бѣдный ты мой пёсикъ, говорилъ Миша, и гладилъ собаку по головѣ:—папа, посмотри, какъ глаза его выразительны, сколько просьбы въ нихъ, пожалуйста, возьмемъ его домой.

— Но, какъ же намъ это сдѣлать? собака идти не можетъ, а нести ея нельзя, она слишкомъ велика; Какъ же тутъ быть?

— Папа, мы позовемъ извозчика и положимъ ее на дрожки, да такъ домой и привеземъ, сказалъ Миша.

— Ну, ужъ такъ и быть, отъ васъ не отдѣлаешься; посмотри, Миша, нѣтъ ли гдѣ извозчика, и приведи сюда, если найдешь.

Миша стремглавъ бросился бѣжать, и прошло не болѣе десяти минутъ, какъ онъ вернулся съ извозчикомъ.

— Ну, дѣти, теперь собаку надобно положить на дрожки.

Призвали извозчика; попался добрый старикъ, и онъ, вмѣстѣ съ докторомъ, перенесъ собаку на дрожки. Умный пудель, должно быть, по выраженію лицъ догадывался, что ему никакого зла не хотятъ сдѣлать, и потому спокойно позволялъ поднять себя и нести на дрожки, и только визжалъ отъ боли. Его положили; Миша сѣлъ и придерживалъ его рукою; докторъ съ дочерью шли пѣшкомъ и такимъ образомъ шагомъ добрались до воротъ докторскаго дома и въѣхали во дворъ.

— Знаешь ли, папа, сказала Саша:—положимъ больную собаку въ нашу избу, на нары, ей тамъ будетъ спокойно, а мы будемъ ее кормить.

— Пожалуй, согласенъ! отвѣчалъ отецъ.

Миша тотчасъ принесъ охапку сѣна, положилъ его на нары и покрылъ сукномъ. Больную собаку внесли въ дѣтскую избу и положили на постель, для нея приготовленную.

Пришла мать на зовъ дѣтей, и, при ея помощи, докторъ перевязалъ перебитую лапу, положилъ ее въ лубки, всѣ смятые и раненые члены несчастнаго животнаго растирали масломъ, дали что-то внутрь, и дѣти поставили ей чашку съ молокомъ и воды для питья.

Съ этого дня дѣти разъ по десяти въ день бѣгали въ избу къ больному пуделю, кормили его, помогали ему

передвигаться съ мѣста на мѣсто, однимъ словомъ, ходили за нимъ съ величайшею заботливостію.

Прошло нѣсколько недѣль, собака совершенно выздоровѣла, сдѣлалась весела и бѣгала уже изрѣдка на четырехъ лапкахъ. Къ дѣтямъ она привязалась и по большей части не отходила отъ нихъ. Ее прозвали Моромъ и всюду брали съ собою. Для Мора Миша и Саша оставляли и жаркаго за обѣдомъ, и пирожнаго, и нерѣдко кусочки сахара вынимали изъ чая; вообще Моръ сдѣлался членомъ семейства, но жить продолжалъ въ избѣ и охранялъ ее, какъ нельзя лучше. Въ дѣтскій садикъ и въ избу никого не пускалъ.

Къ доктору Моръ чувствовалъ глубокую признательность и покорно слѣдовалъ за нимъ, какъ тѣнь, куда бы онъ ни пошелъ.

Такъ Моръ прожилъ до зимы; но тутъ въ немъ стала проявляться какая-то тревога; онъ чаще прежняго сталъ выбѣгать за ворота и сидѣлъ и смотрѣлъ то въ одну, то въ другую сторону, точно будто отыскивалъ. или соображалъ что-то. Наконецъ, однажды утромъ онъ убѣжалъ; сколько дѣти ни звали его, онъ не прибѣжалъ назадъ.

Дѣти очень сожалѣли о неблагодарномъ Морѣ и даже поплакали о немъ; онъ пропадалъ цѣлыхъ двѣ недѣли. Но однажды утромъ опять вернулся и жилъ спокойно.

Однажды докторъ, вмѣстѣ съ дѣтьми, отправился въ Лѣсной корпусъ; они поѣхали въ коляскѣ; Моръ,

какъ обыкновенно, не отставалъ отъ лошадей; весело бѣжалъ впередъ, прыгалъ и лаялъ.

Гуляли въ аллеяхъ Лѣснаго парка и въ одномъ довольно уединенномъ мѣстѣ встрѣтились съ другимъ семействомъ; Моръ бросился впередъ и началъ ласкаться къ отцу, матери и дѣтямъ; лизалъ имъ лица и руки; лаялъ и вылъ отъ радости; и тѣ его ласкали и называли Негро, Негро.

Старикъ подошелъ къ доктору и вѣжливо сказалъ: «Вы видите сами, что ваша, или правильнѣе моя собака узнала меня и моихъ и ласкается къ нимъ. Вамъ надобно знать, что я самъ воспиталъ ее; она мнѣ досталась крошечнымъ щенкомъ, и я выростилъ Негро. Поэтому, надѣюсь, вы мнѣ ее возвратите.

— Я никакихъ правъ на Мора не имѣю, кромѣ правъ благодѣянія; мы нашли Мора избитаго, искалѣченнаго, съ переломленною лапою, и вылѣчили его. Онъ могъ бы давно отъ насъ уйти, но онъ самъ живетъ и любитъ насъ. Недавно пропадалъ двѣ недѣли и опять вернулся.

— Эти двѣ недѣли онъ гостилъ у насъ въ Парголовѣ, и сколько мы ни кормили, ни ласкали его, но убѣжалъ отъ насъ; видно, Негро чувствуетъ къ вамъ благодарность за спасеніе жизни. И я уважаю это чувство, даже въ собачьей душѣ. Разскажите пожалуйста, какъ Негро къ вамъ попалъ?

Докторъ все разсказалъ; дѣти и большіе обступили его

и слушали, а Негро, или Моръ, попеременно ласкался то къ своимъ старымъ, то къ новымъ хозяевамъ.

— Знаете ли, собака, кажется, одинаково любитъ и васъ, и насъ, такъ предоставимъ же ей самой выбрать, куда ей пристать, сказалъ докторъ.—Я очень радъ, что случай свелъ насъ, и доставилъ мнѣ возможность познакомиться съ вами.

— И я тоже радъ. Прощайте, вотъ вамъ мой адресъ; пожалуйте мнѣ вашъ; надѣюсь, мы будемъ знакомы. А теперь пойдемте въ противоположныя стороны, посмотримъ съ кѣмъ пойдетъ собака, увидимъ хочетъ ли она называться Негро, или Моръ.

Они попрощались и разошлись; собака сѣла, гдѣ стояла, и посматривала и туда и сюда, въ нерѣшительности. Потомъ со всѣхъ ногъ бросилась за семействомъ доктора, поласкалась ко всѣмъ и опять побѣжала къ своимъ прежнимъ хозяевамъ и тамъ приласкалась, побыла нѣсколько времени, но опять возвратилась къ доктору и съ нимъ пошла домой.

Но съ этихъ поръ отлучки ея стали еще чаще; поживетъ недѣли двѣ, три и уйдетъ на недѣлю.

Такъ прошла зима, и опять наступило лѣто.

Однажды докторъ возвратился изъ своихъ разъѣздовъ и усталый сидѣлъ въ саду подлѣ дѣтской избы, смотрѣлъ на игры Миши и Саши, и читалъ газету.

Мора не было опять дома, онъ убѣжалъ, должно

быть—къ своему первому хозяину; вдругъ онъ прибѣгаетъ. Миша кинулся къ нему навстрѣчу и вскрикнулъ: «а, пріятель, вернулся! Гдѣ ты пропадалъ?»

— Здравствуй, Моръ, сказала Саша и погладила его по головѣ.

Но Моръ очень хладнокровно принялъ ласки дѣтей и суетливо бросился къ доктору, лизалъ ему руки и съ лаемъ кидался отъ него прочь, потомъ опять подбѣгалъ, дергалъ его за полу платья и всевозможнымъ образомъ показывалъ, что зоветъ его куда-то. Докторъ не вставалъ; тогда Моръ зубами схватилъ за полу его широкаго домашняго сюртука, тянулъ, визжалъ и вилялъ хвостомъ.

— Ну что ты это развозился, Моръ, стыдно большой собакѣ такъ дурачиться, сказалъ докторъ.

— Нѣтъ, папа, онъ не дурачится, сказалъ Миша:— но чего-то проситъ; посмотри, какъ онъ на тебя глядитъ, точно гулять просится.

— Можетъ и одинъ погулять.

— Посмотри: онъ все сильнѣе тревожится и покою тебѣ не даетъ, замѣтила мать.—Точно зоветъ куда-то идти. Попробуй встать, посмотримъ, что будетъ.

— Пожалуй, встать не трудно; можетъ быть, Моръ проголодался и у меня проситъ ѣсть. Миша и Саша, принесите Мору чего-нибудь.

Дѣти возвратились, принесли супу съ говядиной, но Моръ и не понюхалъ, а только еще тревожнѣй и

неотвязчивѣе прежняго требовалъ, чтобы докторъ съ нимъ шелъ. Жена и дѣти хотѣли было идти, звали съ собою Мора, но онъ даже не посмотрѣлъ на нихъ и все теребилъ доктора за платье, хваталъ его за руки и тащилъ за собою.

— Ну, дѣлать нечего, сказалъ докторъ:—дайте мнѣ шляпу и палку, пойдемъ, посмотримъ, куда это она меня тащитъ.

Дѣти собрались, и докторъ пошелъ. Моръ весело, съ лаемъ кинулся впередъ, ежеминутно возвращался, прыгалъ, бралъ опять зубами за полу сюртука и тащилъ изо всѣхъ силъ. Чтобы посмотрѣть, въ самомъ ли дѣлѣ Моръ ведетъ его куда-нибудь, или просто играетъ, докторъ раза два останавливался, или даже дѣлалъ видъ, что хочетъ возвратиться домой; тогда пудель приходилъ въ отчаяніе, упирался лапами ему въ грудь и старался поворотить его; ворчалъ, лизалъ руку и тащилъ впередъ.

Такимъ образомъ прошли они Самсоніевскій мостъ и дошли до ограды церкви. Пудель, какъ хорошо знакомый съ мѣстностью, повернулъ за уголъ и привелъ къ одному углубленію: тутъ подлѣ камня лежала собака и жалобно стонала. Пудель вопросительно смотрѣлъ на доктора, то на дѣтей, то на больную собаку. Очевидно, онъ привелъ доктора къ больной собакѣ; Моръ вспомнилъ свое безпомощное положеніе,

сообразилъ состояніе больной собаки и вывелъ заключеніе, что тотъ, кто разъ могъ вылѣчить, можетъ вылѣчить и въ другой разъ.

Значитъ, животныя совсѣмъ не такъ мало соображаютъ, какъ намъ кажется.

Материнская любовь.

Въ 1783 году на островѣ Сициліи было ужасное землетрясеніе, отъ котораго прекрасный торговый городъ Мессина сильно пострадалъ.

Ужаснѣйшее землетрясеніе началось совершенно неожиданно: вся земля дрожала, какъ живая, поднималась и опускалась; изъ-подъ нея слышался какой-то, наводящій ужасъ, гулъ, трескъ, громъ и стонъ. Въ это же время поднялся сильный ураганъ, морскія волны поднимались и со стономъ дробились о прибрежныя скалы. Прибавьте къ этому трескъ и грохотъ ломающихся зданій.

Люди бѣгали по улицамъ, кричали отчаянно, падали подъ развалинами домовъ, погибали, или жалобно стонали отъ боли, не будучи въ состояніи высвободиться отъ навалившихся на нихъ грудъ. Все это вмѣстѣ представляло такую ужасную картину, что нѣтъ возможности описать ее.

Передъ этимъ землетрясеніемъ были нѣкоторыя примѣты, по которымъ опытные люди предсказывали

это несчастіе, но, какъ всегда бываетъ, мало кто вѣрилъ ихъ словамъ и не брали предосторожностей, только нѣкоторые во-время выѣхали за городъ.

Послѣ перваго подземнаго удара, послѣ перваго колебанія всякій бѣжалъ, кто только могъ, чтобы спастись отъ падающихъ камней; но удары слѣдовали такъ быстро одинъ за другимъ, что многіе погибали и въ домахъ, и на улицахъ.

Общій ужасъ былъ такъ великъ, что люди теряли всякое соображеніе; въ нихъ пропало чувство состраданія; они не обращали вниманія на погибающихъ; всякій думалъ только о себѣ; никто не помогалъ встать упавшему, не вытаскивалъ придавленныхъ изъ-подъ камней; всѣ бѣжали съ безумною торопливостью; каждый думалъ только о томъ, какъ бы поскорѣе выбѣжать за городъ. Отцы и матери позабывали о своихъ дѣтяхъ, и дѣти не вспоминали о родителяхъ.

Въ лучшей улицѣ Мессины стоялъ чудесный мраморный дворецъ маркиза Спадара, одного изъ богатѣйшихъ людей острова Сициліи.

Богатства его были неисчислимы; жена у него была прекрасная, молодая и добрая; маленькій двухлѣтній сынъ дополнялъ счастье маркиза: казалось, ему нечего было желать.

Онъ, подобно всѣмъ сициліанцамъ, былъ знакомъ съ послѣдствіями землетрясенія. Отъ сосѣдства такихъ огнедышащихъ горъ, какова Этна на Сициліи и Везувій въ Италіи, землетрясенія бываютъ очень часто; но

ежели они не сильны, то на нихъ обращаютъ мало вниманія; напротивъ, ежели первые толчки такъ ужасны, какъ тѣ, которые потрясли островъ въ 1783 году, то каждому извѣстно, чего можно опасаться, и тогда у всѣхъ появляется только одна мысль — спасаться, бѣжать изъ города.

Въ несчастный день землетрясенія, маркизъ Спадара сидѣлъ въ комнатѣ своей жены; сынъ ихъ спалъ рядомъ, въ другой комнатѣ. Итальянцы болѣе, или менѣе всѣ музыканты, и потому мужъ и жена вмѣстѣ разучивали какой-то дуэтъ, съ акомпаниментомъ арфы, на которой маркиза играла.

Вдругъ домъ задрожалъ и застоналъ отъ ужаснаго подземнаго удара; за первымъ послѣдовалъ второй и третій. Казалось, стѣны рушатся; двери сами собой хлопали; столы, стулья, этажерки и шкафы падали; зеркала и картины срывались со стѣнъ и съ грохотомъ разбивались; оконныя стекла трескались, полы и потолки кряхтѣли.

На улицѣ и въ домѣ послышался отчаянный вопль: «Землетрясеніе! Землетрясеніе!» Вся прислуга стремглавъ бросилась изъ дворца.

— Землетрясеніе! воскликнула маркиза—и безъ чувствъ упала на землю.

— Землетрясеніе! повторилъ маркизъ и съ испугомъ вскочилъ. Онъ поблѣднѣлъ, какъ мертвецъ, и какъ бы закаменѣлъ; не могъ двинуть ни рукой, ни ногой. Но изъ-подъ земли раздались тѣ ужасные

звуки, о которыхъ мы говорили; повторились еще толчки и возвратили ему сознаніе. Онъ взглянулъ на безжизненную жену, и въ его душѣ мелькнула мысль: «Надобно спасаться! Надобно спасать ее!» Сына онъ позабылъ.

Онъ съ силою отчаянія взвалилъ себѣ жену на плечи и бѣгомъ бросился со ступеней дворца, вонъ, изъ колеблющагося дома.

— Куда бѣжать? спросилъ онъ самъ себя, и съ помутившимися мыслями въ недоумѣніи остановился на улицѣ. Какой-то человѣкъ бѣжалъ мимо, замѣтилъ маркиза, потому что онъ мѣшалъ ему пройти, и крикнулъ: «въ гавань, въ гавань! Чего стоишь? Когда на землѣ нѣтъ мѣста, то вода спасетъ! А умирать? Такъ утонуть лучше, чѣмъ умереть подъ развалинами!»

Человѣкъ пробѣжалъ мимо; слова его пробудили въ маркизѣ сознаніе, и онъ тоже побѣжалъ; тамъ въ гавани спасенье, тамъ большая яхта, на ней мѣста довольно!

У всѣхъ мессинскихъ богачей всегда бываютъ свои, большія лодки или маленькіе корабли-яхты, чтобы ѣздить по прекрасному Средиземному морю, между островами, съ которыхъ вѣетъ ароматическимъ благоуханіемъ цвѣтущихъ апельсинныхъ и померанцовыхъ деревьевъ. Море до сихъ поръ для маркиза служило какъ мѣсто прогулки; теперь же онъ надѣялся на немъ отыскать себѣ спасенія. Онъ спѣшилъ къ нему.

Земля, послѣ первыхъ подземныхъ толчковъ, еще

продолжала дрожать, и ужасная сила спершихся подъ нею испареній еще выражалась грохотомъ, стономъ и какъ бы отдаленнымъ подземнымъ раскатомъ грома. Сициліанцы знаютъ, если землетрясеніе начинается. сильными ударами, если за ними слѣдуетъ подземный шумъ и колебаніе продолжается, то значитъ это только начало ужаснаго бѣдствія и ударовъ будетъ еще много и землетрясеніе можетъ продолжаться довольно долго.

Всѣ эти явленія теперь наводили ужасъ на несчастныхъ жителей Мессины, и всѣ съ безумною торопливостью спѣшили къ морю, на открытое мѣсто. Маркизъ тоже спѣшилъ, но непривычная тяжесть замедляла его шаги; во всякое другое время онъ не пронесъ бы жены по всѣмъ комнатамъ своего дворца, но теперь ужасъ смерти и отчаяніе придавали ему двойную силу; онъ задыхался, ноги у него подгибались, но онъ шелъ.

Боже мой! По какому ужасному пути пришлось ему идти! Сколько препятствій на каждомъ шагу!

Воздухъ былъ наполненъ пылью отъ разрушенныхъ зданій; кромѣ того сѣрнистыя испаренія изъ земли дѣлали его еще тяжелѣе для дыханія. Множество домовъ уже обрушились и своими развалинами загромождали улицы; колебаніе земли еще продолжалось, и многіе дома шатались и грозили паденіемъ. Съ чрезвычайнымъ усиліемъ маркизу надобно было перелѣзать черезъ развалины, или, при счастливо разбросанныхъ камняхъ, обходить ихъ; но это удавалось

рѣдко и гораздо труднѣе было перелѣзать по грудамъ щебня и камней. Иногда приходилось останавливаться и пережидать, или паденія стѣны, или того, чтобы поднявшаяся пыль улеглась хотя немного и открыла возможность смотрѣть, куда ступаетъ. Опасность съ каждымъ мгновеніемъ увеличивалась; земля дрожала сильнѣе, зданія падали чаще, и отчаяніе бѣгущихъ усиливалось.

Изъ-подъ обломковъ иногда слышались стоны заживо погребенныхъ, или раздавался отчаянный крикъ раненыхъ. Трупы поминутно попадались; усталые поминутно цѣплялись за его платье и замедляли его шаги; онъ шатался отъ усталости, голова его кружилась отъ всѣхъ этихъ ужасовъ, волосы поднимались дыбомъ; онъ съ отчаяніемъ вырывался изъ рукъ несчастныхъ, которые за него цѣплялись, и спѣшилъ далѣе, далѣе отъ смерти. Онъ не разсуждалъ, а покоряясь инстинкту шелъ далѣе, далѣе къ морю. Одна только мысль наполняла его душу: «скорѣе, скорѣе! Сейчасъ повторится ударъ, я не успѣю спастись!»

Силы его истощались, ноги подгибались; ему казалось, что онъ упадетъ и умретъ тутъ же, на мѣстѣ. Онъ напрягалъ остатокъ силъ, чтобы не упасть, и добраться до спасительной гавани.

Вотъ передъ нимъ прямая улица, оканчивающаяся моремъ; оно уже видно; но и по немъ ходятъ и мечутся бѣлыя волны и раздробляются пѣною и брызгами; вѣтеръ и подземныя силы крутятъ и пѣнятъ воду.

Во всякую другую пору никому не пришла бы на умъ мысль отважиться выйти изъ гавани, но теперь одно спасеніе на водѣ, и къ ней-то спѣшитъ народъ.

Ноги отказываются служить, маркизъ шатается, какъ опьянѣвшій, но онъ еще разъ превозмогаетъ свое смертное истомленіе, собираетъ всю свою силу, прорывается черезъ густо сомкнувшіяся толпы народа и выбѣгаетъ на набережную; передъ нимъ мечется и рвется его яхта, волнами ее подбрасываетъ, спасеніе близко, но несчастный не можетъ сдѣлать ни шагу болѣе и всею тяжестью своей двойной ноши безъ памяти рухнулъ на землю.

Постепенно ли маркиза приходила въ себя, или отъ сильнаго ушиба при паденіи, только глаза ея открылись; она обвела ихъ кругомъ, безсознательно посмотрѣла на чужихъ людей, окружавшихъ ее, потомъ взглянула на мужа, который, какъ мертвый лежалъ подлѣ нея, и бросилась къ нему съ отчаяннымъ воплемъ: «Онъ умеръ! Умеръ! Умеръ!»

Женщина, стоявшая по близости, сжалилась надъ несчастной, наклонилась къ ней, оттащила ее и сказала: «Нѣтъ, онъ живъ, онъ только въ обморокѣ, не душите его, онъ придетъ въ себя! Вы сами были точно такія же, когда онъ притащилъ васъ сюда. Должно быть, отъ усталости и отъ страха съ нимъ сдѣлался обморокъ. Вы только отойдите отъ него, дайте ему воздуху, онъ очнется.»

Эти слова успокоили маркизу; она приподнялась;

но въ это мгновеніе вспомнила о сынѣ; она вскочилъ, испуганно оглядывалась, искала его глазами и вдругъ закричала раздирающимъ голосомъ: «Сынъ мой! Гдѣ сынъ мой? Я его не вижу! Скажите, гдѣ онъ?»

— Неужели у васъ есть сынъ? спросила та же женщина. Ежели есть, то не знаю, гдѣ онъ. Онъ не приходилъ съ вами и съ отцомъ, должно быть отсталъ! Съ мужемъ вашимъ никто не приходилъ. Никого не видала! повторяла женщина.

— Боже мой! Онъ тамъ! воскликнула маркиза еще разъ, голосомъ нечеловѣческимъ и страшнымъ—въ немъ слышалось горе, отчаяніе и страданіе материнской любви. Голосъ этотъ проникъ въ сердце маркиза; онъ очнулся, приподнялся на локтѣ, успѣлъ схватить жену за подолъ платья и сказалъ едва слышно: «Ты передо мною лежала, какъ мертвая, я тебя схватилъ, вынесъ изъ города, но о сынѣ не вспомнилъ. Никого изъ людей нашихъ не видалъ; еслибы видѣлъ, то навѣрное вспомнилъ бы объ немъ и кому нибудь поручилъ бы вынести его изъ дома. О, умилосердитесь! прибавилъ онъ, обращаясь къ окружающимъ:—спасите моего сына, я маркизъ Спадара, я богатъ, отдамъ половину всего, что имѣю тому, кто спасетъ дитя мое! Я самъ не могу! У меня нѣтъ силъ, о спасите его! И слезы побѣжали по блѣдному лицу полуживаго, истомленнаго маркиза.

— О, видно, что ты не мать! воскликнула маркиза, вырывая у него изъ рукъ платье, за которое онъ держался, и бросилась впередъ,

— Ради Бога, останься! Спасти его нельзя! Умоляю тебя, останься! Не ходи, только себя погубить, а его не спасешь!

На отчаянный вопль его она остановилась, оглянулась и отвѣчала: «Не могу! Должна идти! Спасу сына, или умру вмѣстѣ съ нимъ «И опять побѣжала. Маркизъ приподнялся, съ отчаяніемъ кликнулъ ее по имени и опять въ безпамятствѣ упалъ на землю.

Еще разъ остановилась она, съ любовью и горемъ взглянула на мужа, который, какъ мертвый, лежалъ на землѣ: но не осталась, а бросилась впередъ въ городъ, навстрѣчу ко всѣмъ бѣгущимъ изъ него. Она не бѣжитъ, а летитъ, еле касаясь земли, ея распустившіеся волосы развѣваются по вѣтру. Вотъ она исчезла въ городскихъ воротахъ.

«Остановите эту женщину!» кричатъ за нею. «Она съ ума сошла, бѣжитъ въ городъ, тамъ смерть!» Нѣкоторые встрѣчные пытаются остановить ее, но она всѣхъ отталкиваетъ и спѣшитъ впередъ. Ничто не можетъ замедлить ея бѣга; она вѣрнымъ взглядомъ заранѣе выбираетъ себѣ дорогу, перескакиваетъ черезъ камни, бревна и кучи мусору: ее тянетъ сильнѣйшее чувство женскаго сердца—материнская любовь.

Она только видѣла передъ собою колыбель сына, только мысль объ немъ занимала ее. Никакое внѣшнее впечатлѣніе не доходило до нея: она не слыхала отчаянныхъ криковъ раненыхъ и погибающихъ; она не замѣчала, что колебаніе земли съ каждымъ ея ша-

гомъ усиливается; она не предугадывала близости новыхъ сильнѣйшихъ подземныхъ ударовъ. До нея не долетали подземные громы, которые то трещали, какъ будто кто нибудь бросалъ, тамъ желѣзными полосами то стучали, какъ будто кто катаетъ, большими шарами, и наконецъ разражались оглушительнымъ гуломъ. Она спѣшила впередъ безъ устали и остановокъ. Не думая и не выбирая дороги, она всетаки не сбилась и нечаянно бѣжала по самому прямому и короткому направленію. Вотъ передъ нею церковь, въ которой она всегда молилась; но ея колокольня обвалилась и засыпала всѣ сосѣдніе дома; самъ корпусъ разсѣлся сверху до низу и могъ тотчасъ упасть.

«Боже мой, дай мнѣ силы! Дай мнѣ спасти моего Альфонса!» восклицаетъ она. «Только одна улица осталась, совсѣмъ недалеко!» Стоитъ ли домъ?! Мысли, одна страшнѣе другой, толпятся въ ея головѣ; сердце бьется; дыханіе съ усиліемъ вырывается изъ ея полуоткрытаго рта; но бѣгъ ея такой же быстрый, какъ вначалѣ; никакое препятствіе не останавливаетъ ея. Она огибаетъ послѣдній уголъ. Мраморный дворецъ стоитъ невредимо какъ прежде; землетрясеніе не пошатнуло его.

Сердце несчастной матери радостно сжалось и потомъ забилось такъ, какъ будто выпрыгнуть хочетъ. «Боже мой, дай мнѣ найти дитя мое, а тамъ дѣлай что сомною хочешь!»

Изъ обрушившихся домовъ, въ печахъ и каминахъ которыхъ горѣлъ огонь, вспыхнулъ пожаръ и съ каждымъ мгновеніемъ распространялся дальше и дальше. Сосѣдніе съ дворцомъ остатки домовъ пылаютъ; пламя уже коснулось дворца; крыша дымится, переплеты оконъ загорѣлись. Вѣтеръ свищетъ, реветъ и распространяетъ пожаръ; чего еще не разрушило землетрясеніе, то погибало отъ пламени.

Маркиза не видитъ пожара, не видитъ, что огонь уже охватываетъ ея дворецъ; она вбѣгаетъ въ отворенную дверь, вверхъ по мраморнымъ ступенямъ лѣстницы; безостановочно пробѣгаетъ отворенныя, пустынныя комнаты, въ которыхъ валяются дорогія вещи; она топчетъ ихъ, не видитъ, и всею душою стремится туда, гдѣ лежитъ ея счастье, ея радость, ея сынъ.

Въ одной дѣтской дверь не отворилась; мать съ замирающимъ сердцемъ отворяетъ ее, и передъ нею колыбель стоитъ посреди комнаты, какъ стояла, и отъ колебанія земли только сильно качается. Мать бросается къ ней и видитъ—сынъ ея спитъ, укачиваемый землетрясеніемъ. Мать вскрикнула отъ радости; малютка проснулся и съ улыбкой, сквозь сонъ, протянулъ ей руки. Она схватила его и прижала къ замирающему сердцу; на мгновеніе подняла глаза съ благодарностью къ небу, прошептала молитву, и спѣшитъ вонъ изъ этого страшнаго, прежде такъ милаго дома.

Но тутъ подземный громъ грянулъ сильнѣе, земля дрогнула отъ сильнаго удара; полы и стѣны колеблются; мать съ ужасомъ летитъ къ знакомой мраморной лѣстницѣ, но въ ту минуту, когда хочетъ ступить на нее, она съ грохотомъ рухнула, и изъ зіяющей глубины поднялся густой дымъ и пыль взвилась столбами.

Маркиза чуть-чуть съ разбѣга не соскочила въ глубину; но во-время рванулась назадъ и бросилась къ другой лѣстницѣ; выходовъ много; вотъ она у второй—и этой ужъ нѣтъ. Предсмертный ужасъ охватилъ ея душу; она не знаетъ, куда ей дѣваться; но во-время вспомнила, есть еще одинъ исходъ. Она бросается въ одинъ длинный, узкій коридоръ, въ концѣ котораго есть узкая витая лѣстница въ стѣнѣ: она ведетъ въ нижній этажъ. Маркиза бѣжитъ съ отчаянною скоростью и съ трепетомъ прижимаетъ къ себѣ младенца; за нею обваливаются потолки; стѣны шатаются больше и больше. Едва вбѣжала она въ нижній этажъ и успѣла дойти до окна, которое выходило на терассу, новый ударъ потрясъ всю землю и, казалось, она распадается; потолки и крыши обвалились, отъ прежняго великолѣпнаго дворца осталась груда камней.

Несчастная мать успѣла выскочить въ окно; ее задѣло по головѣ кускомъ падавшаго карниза; кровь бѣжала по лицу ея, но она, не помня себя, не чувствуя боли, бѣжала по двору; слышала, какъ за нею все рушится, чувствовала волнообразное движеніе земли,

добѣжала до берега пруда, посреди сада, и безъ чувствъ повалилась на землю.

Долго ли она пролежала—неизвѣстно, но когда пришла въ себя, первое поразилъ ее плачъ дитяти. Когда она очнулась, то увидѣла, что при паденіи своемъ прижала сына къ землѣ такъ, что онъ не могъ высвободиться и плакалъ, потому что ушибся и ему было тяжело. Убѣдившись, что онъ здоровъ, маркиза посмотрѣла кругомъ.

Ей было жарко отъ пламени, которое стояло надъ дворцомъ и дожигало то, что еще оставалось послѣ землетрясенія; нѣкоторыя деревья въ саду сгорѣли; повсюду дымъ, смрадъ и удушливый жаръ. Но посреди картины истребленія въ душѣ маркизы проснулось чувство глубочайшей благодарности. Она бросилась на колѣни и со слезами благодарила Бога за свое чудесное спасеніе и за спасеніе дитяти. Потомъ успокоила его, обмыла кровь у себя съ лица, завязала себѣ платкомъ голову, потому что кровь все еще лилась; взяла малютку на руки и пошла отыскивать или выхода изъ сада, или мѣста, гдѣ бы можно было переждать пожаръ.

Земля не колебалась болѣе, только подъ нею все еще слышался гулъ, и она изрѣдка вздрагивала. Вѣтеръ свисталъ съ ужасною силой. Маркиза съ трудомъ передвигала ноги; она истомилась отъ напряженія, отъ двухъ обмороковъ и отъ большой потери крови. Она пошла къ одному выходу изъ сада; но

навстрѣчу ей дымъ и пламя отъ сосѣдняго дома; въ другомъ мѣстѣ еще груда не остывшихъ и тлѣвшихъ развалинъ, загораживала ей дорогу и т. д. Куда она ни направлялась, вездѣ что нибудь загораживало ей выходъ. Она была, какъ на островѣ, посреди пылающаго моря огня.

Жаръ становился нестерпимымъ; несчастная женщина не знала, чѣмъ защищать дитя; наконецъ вспомнила о земляномъ подвалѣ, въ которомъ прятали земледѣльческія орудія; она поспѣшила туда и въ его сырой глубинѣ нашла защиту отъ пылавшаго кругомъ пожара. Она просидѣла тутъ нѣсколько часовъ; сынъ ея, утомленный плачемъ, уснулъ; она скинула съ себя часть одежды, укутала малютку, подложила подъ его головку травы и положила его на землю.

Альфонсъ уже нѣсколько разъ просилъ ѣсть, и когда онъ уснулъ, первою мыслью ея было, нельзя ли найти чего нибудь съѣдобнаго. Она пошла ходить по саду, нашла съ пятокъ спѣлыхъ апельсиновъ, да двѣ груши, и принесла ихъ домой въ свой земляной подвалъ. Пожаръ все еще продолжался, но подземные удары и сотрясенія прекратились.

Плоды на этотъ первый день утолили голодъ маленькаго Альфонса; мать его надѣялась, что къ утру пожары уймутся и можно будетъ попытаться выйти изъ сада и поискать маркиза, который теперь, можетъ быть, тоскуетъ и плачетъ объ нихъ, какъ объ умершихъ. Ночь для маркизы прошла безсонная, въ тре-

вогѣ и печали; маленькій Альфонсъ озябъ и плакалъ. На утро мать дала ему послѣднюю грушу, одѣлась, взяла его на руки и пошла къ дворцу, надѣясь черезъ него выбраться на улицу; но тутъ съ одной стороны лежали такія груды камней, что по нимъ не было возможности шагу сдѣлать; съ другой стороны еще курилось, и раскаленные обломки лежали огненной грудой, и зола едва прикрывала уголья.

— Нѣтъ, здѣсь нѣтъ выхода, подумала маркиза, и печально пошла искать другаго выхода.

Безпокойство ея возрастало, Альфонсъ плакалъ. Она медленно шла вдоль развалившейся ограды сада и отыскивала, нѣтъ ли гдѣ выхода. Наконецъ въ одномъ направленіи не видно было огня; только лежали развалины. Маркиза вернулась назадъ къ пруду, напилась воды, напоила сына, сорвала вѣтку съ незрѣлыми апельсинами и пошла.

Путь выбрала она невыразимо трудный: на каждомъ шагу надобно было карабкаться на груду камней, или перелѣзать черезъ стѣну, или пробираться между наклонившимися и нависшими камнями, которые съ каждою минутой могли обвалиться и раздавить ее своею тяжестію.

Цѣлый день бродила она по развалинамъ и совсѣмъ не могла выйти изъ этого лабиринта камней; переходила отъ одной груды къ другой; нигдѣ ни одного живаго существа, за то мертвыхъ много. Она никакъ не могла отыскать знакомой улицы; всѣ были до

того завалены и искажены, что ни одной нельзя было узнать.

Только къ вечеру начали ей попадаться люди, которые вскользь отвѣчали ей на вопросы и спѣшили отыскивать того, или тѣхъ, которыхъ потеряли въ этомъ бѣдствіи.

По этимъ легкимъ и неточнымъ указаніямъ, маркиза однакожъ выбралась наконецъ на такое мѣсто, откуда видна была пристань. Она совершенно изнемогла, потому что двое сутокъ ничего ни ѣла; малютка Альфонсъ плакалъ отъ голоду; слава Богу, тутъ есть люди, можно что нибудь купить. Денегъ у нея съ собою не было, но она вынула серьгу, и ей за нее дали булочку, которая хоть немного утолила ея голодъ и голодъ дитяти.

Она сѣла на ступеньку набережной и задумалась: «гдѣ найти мужа, спрашивала она себя; здѣсь всѣ чужіе, я всѣхъ боюсь. Живъ ли онъ? Вчера я видѣла, какъ онъ упалъ, точно мертвый. Господи! Ты меня вывелъ изъ огня, Ты меня оградилъ отъ падающихъ камней, Ты меня вывелъ къ людямъ. Господи, дай мнѣ найти моего мужа! Отца моего сына!»

Послѣ этой короткой молитвы, она поднялась и слабымъ, тусклымъ взглядомъ обвела вокругъ себя: вездѣ люди копошатся, хлопочутъ, суетятся; но нигдѣ ни одного знакомаго лица. Маркиза взглянула на море; тамъ сотни лодокъ, лодочекъ и большихъ судовъ, которыя, какъ чайки послѣ бури, оправлялись и стре-

мились къ землѣ, теперь спокойной и опять на время безопасной.

Бѣдная женщина задумчиво глядѣла вдаль, думала о томъ, какъ бы ей узнать, что сталось съ мужемъ.

«Это вы, прекрасная синьора», вдругъ послышался за нею знакомый голосъ. Маркиза обернулась; за нею была таже женщина, которая наканунѣ показала ей сочувствіе. «И сынъ вашъ живъ и спасенъ! Надъ вами совершилось чудо, святая Матерь Божія охраняла васъ!...» и еще многое въ этомъ тонѣ говорила словоохотливая старуха.

Выбравъ минуту, когда можно было сказать слово, маркиза спросила: «что сдѣлалось съ моимъ мужемъ, гдѣ онъ? Я его вчера здѣсь оставила.»

— Ахъ бѣдный, бѣдный, какъ онъ убивался по васъ; проснется изъ обморока, придетъ въ себя, крикнетъ «Изабелла» и опять потеряетъ чувства. Такъ пролежалъ онъ до темной ночи. Море стало потише; матросы съ одной большой, красивой яхты сошли на берегъ, одинъ наткнулся на вашего мужа, всплеснувъ руками: «ахъ, Боже мой, да это синьоръ, надобно спасти его.» Онъ позвалъ другаго моряка, и они вдвоемъ его отнесли на яхту, гдѣ онъ и о сю пору лежитъ.

— Нѣтъ ли тутъ лодки, нельзя ли меня отвезти къ яхтѣ? Тамъ за это заплатятъ! я бы сейчасъ дала денегъ, но у меня нѣтъ съ собою.

— Время-то, синьора, теперь плохое; у каждаго свое горе, даромъ никто шагу не сдѣлаетъ.

— Вотъ серьга, одну ужъ я отдала, а эта стоитъ сотню червонцевъ; возьмите ее, но поищите для меня лодку и лодочника.

Старуха съ жадностью схватила серьгу, на лету поцѣловала руку маркизы и исчезла; черезъ пять минутъ она привела молодаго рыбака и сказала: «синьора, вотъ внукъ мой, Луиджи, онъ васъ отвезетъ на яхту; она стоитъ вонъ тамъ, на томъ концѣ гавани, поближе къ выходу въ открытое море.»

Маркиза съ сыномъ сѣла въ лодку; молодой Луиджи ударилъ веслами, и маленькая лодочка полетѣла по спокойному заливу; свиданіе маркизы съ мужемъ было трогательное.

Маркизъ былъ боленъ, но при видѣ жены и сына какая болѣзнь не прошла бы? Особенно, если она произошла, какъ эта, отъ горя, что потерялъ ихъ.

Съ этого времени маркизъ уѣхалъ изъ Мессины и переѣхалъ въ сѣверную Италію, гдѣ такихъ землетрясеній не бываетъ, и не хотѣлъ болѣе жить въ большихъ каменныхъ домахъ, а выбиралъ себѣ всегда деревянные. Счастье ихъ болѣе не нарушалось землетрясеніемъ. Альфонсъ выросъ, сдѣлался умнымъ и добрымъ молодымъ человѣкомъ и всегда со слезами на глазахъ говорилъ о томъ, какъ мать его, изъ любви къ нему, чуть не погубила себя.

Компаньоны.

Савойя лежитъ въ Сѣверной Италіи; это страна горная, очень безплодная во многихъ мѣстахъ, и жителямъ ея приходится постоянно работать, постоянно отыскивать средства, какъ бы самимъ не умереть съ голоду и не переморить своихъ женъ и дѣтей.

Дома у себя они не находятъ средства пріобрѣтать денегъ и потому принуждены бываютъ отправляться во Францію, въ Германію или еще куда нибудь подальше, напримѣръ къ намъ, въ Россію. Они занимаются разными нетрудными, но и неприбыльными ремеслами: дѣлаютъ жестяные кофейники, ведра, полоскательныя чашки, формы и т. п.; или выливаютъ изъ олова ложечки, подсвѣчники, кружки, оловянныя игрушки и т. п.; иногда же нанимаются въ трубочисты или въ ходебщики, или другія подобныя нетрудныя должности.

Всѣ савойцы ведутъ себя порядочно; они честны и бережливы; копятъ каждую копѣйку и съ любовью думаютъ о своихъ горахъ, о родинѣ, о родныхъ, и всѣми силами

души стремятся назадъ на свои, съ дѣтства знакомыя и милыя горы. Лишь только они скопятъ небольшую сумму денегъ, бросаютъ все и спѣшатъ назадъ въ свою бѣдную хижину: она имъ дороже городской роскоши, шума и блеска.

Не всегда взрослые савоярды оставляютъ родину; очень часто и дѣти выселяются въ чужія государства и добываютъ себѣ хлѣбъ тѣмъ, что играютъ на улицахъ, на маленькихъ органчикахъ, пляшутъ сами, или заставляютъ плясать нарочно выученныхъ сурковъ, или показываютъ обезьянъ; чтобы возбудить состраданіе и получить копѣечку, они у насъ кривляются и прыгаютъ на довольно сильномъ морозѣ.

Такихъ савоярдовъ можно встрѣчать и у насъ въ Петербургѣ. Но ихъ несравненно больше въ Парижѣ, гдѣ они еще занимаются тѣмъ, что на улицѣ чистятъ сапоги тѣмъ, кто запачкалъ ихъ въ грязи, или запылилъ обувь и въ домъ къ знакомымъ хочетъ войти чистый. Вотъ такихъ-то людей бѣдные Савоярды и поджидаютъ: у нихъ въ ящичкѣ сапожныя щетки, вакса и прочія принадлежности. По первому знаку, они подбѣгаютъ и тутъ же, на улицѣ прямо на ногѣ, очень хорошо и ловко чистятъ сапоги, смахиваютъ пыль съ платья и т. д.

Доходу отъ показыванья сурка и отъ чищенья сапоговъ и платья очень немного, поэтому жизнь бѣдныхъ маленькихъ савоярдовъ въ Парижѣ очень печальная; никто имъ больше четверти копѣйки разомъ

не дастъ, а много ли найдется сострадательныхъ людей, много ли такихъ, которымъ надобно чистить сапоги?

Иногда они голодаютъ по цѣлымъ днямъ, иногда видятъ, что совсѣмъ жить нечѣмъ, и тогда-то изъ Парижа идутъ дальше, въ Германію и даже къ намъ, въ Россію.

Въ одной изъ живописныхъ горныхъ долинъ Савойи стояла бѣдная хижина; въ ней изо дня въ день перебивалась семья. Отецъ работалъ, мать ни на минуту не отдыхала; но пятеро голодныхъ дѣтей ежедневно просили хлѣба. Сколько ни перебивались родители, но наконецъ рѣшились послѣдовать примѣру сосѣдей.

Старшему сыну было уже десять лѣтъ; отецъ посадилъ его себѣ на колѣни, приласкалъ и сквозь слезы сказалъ: «Викторъ, ты уже большой мальчикъ, тебѣ надобно помогать намъ, возьми сурка и ступай въ Парижъ, туда, куда ушли твои товарищи и куда Мартинъ завтра идетъ. Вамъ двоимъ будетъ веселѣе, да и черезъ горы безопаснѣй!

Мальчикъ заплакалъ, но не возражалъ; у нихъ въ деревнѣ всѣ такъ дѣлали. Долго плакалъ онъ молча, наконецъ собрался съ силами и сказалъ:

— Я пойду, но возьму съ собою двухъ сурковъ, и своего и того, котораго покойный братъ мнѣ подарилъ; съ нимъ я не могу разстаться.

— Бери обоихъ, только тяжело нести и корму для двоихъ больше потребуется, чѣмъ для одного.

Маленькаго Виктора снарядили, одѣли, дали ему ящикъ съ сурками, органчикъ, хлѣба и сыру на дорогу; отецъ и мать проводили его черезъ первыя горы. Горько плакалъ маленькій савоярдъ, ужасно неохотно покидалъ онъ свою родину; но отцовская воля была неизмѣнна, и домашняя нужда тяготила даже его дѣтскую душу.

Когда онъ былъ на самой высшей точкѣ снѣжныхъ горъ Савойи, онъ остановился на минуту, обернулся и глазами, полными слезъ, окинулъ давно знакомую милую мѣстность, отыскалъ свою родную долину, но хижины не видалъ; онъ только зналъ, что она тамъ, сталъ на колѣни и началъ молиться: молился и за остающихся родителей, и сестеръ, и братьевъ, и молился за себя.

Мужественное сердце благороднаго мальчика встрепенулось; онъ еще въ послѣдній разъ, до земли поклонился своей родинѣ, всталъ, отеръ слезы и бодро пошелъ.

Съ этой поры любовь къ родинѣ и къ роднымъ у него сохранялась въ глубинѣ сердца; онъ только по ночамъ думалъ о нихъ, но днемъ вся его любовь и вся забота сосредоточивались на суркахъ; онъ старался, чтобъ имъ было тепло и удобно, чтобы кормъ у нихъ всегда былъ хорошій и свѣжій, питья всегда давалъ имъ вдоволь.

Много всякихъ бѣдъ, много неудачъ переиспыталъ маленькій Викторъ; однажды онъ свалился съ крутизны и сломалъ свой органчикъ, такъ что долженъ былъ его бросить; но съ сурками ничего не случилось, и всѣ трое, т. е. мальчикъ и оба сурка счастливо добрались до Парижа.

До сихъ поръ перевидѣлъ онъ много горя, но здѣсь все пошло еще хуже. Пока онъ шелъ съ сурками по деревнямъ и по маленькимъ, или хотя и большимъ но не столичнымъ городамъ, на звѣрковъ и на ихъ уморительные скачки любовались, а Виктору давали денегъ, хлѣба и хорошее мѣсто для ночлега, или въ комнатѣ или на сѣновалѣ; но въ Парижѣ савоярдовъ и сурковъ очень много; ни тѣ, ни другіе никого не забавляютъ; всѣ такъ заняты, спѣшатъ и бѣгутъ по своимъ дѣламъ, торопятся, перегоняютъ другъ друга, праздныхъ нѣтъ, и некому смотрѣть на звѣрковъ и слушать пѣсни савоярда.

Викторъ около полугода пробился въ Парижѣ и думалъ не разъ о томъ, что ему было бы лучше въ иномъ мѣстѣ попытать счастья. «Какъ далеко ни иди, думалъ онъ, куда ни заберись, всетаки дорогу домой, въ Савойю, найти можно. Что мнѣ здѣсь въ Парижѣ дѣлать? Пойду, куда глаза глядятъ; можетъ быть, счастье скорѣе найду».

Такъ думалъ Викторъ, бродя голодный по большимъ парижскимъ улицамъ. Собираться въ дорогу не долго тому, у кого ничего нѣтъ. Все богатство Вик-

тора заключалось въ ящикѣ съ сурками. Пока они были сыты и веселы, онъ спокойнѣе переносилъ собственный голодъ и собственную нужду.

Оставилъ онъ Парижъ и побрелъ, куда глаза глядятъ; перебиваясь кое-какъ, терпя жестокую нужду, онъ брелъ все дальше и дальше; обувь у него износилась подошвы отвалились отъ башмаковъ, и ему пришлось идти босикомъ.

На пути ему встрѣчались иногда и добрые люди. Такъ однажды, онъ подошелъ къ красивому деревенскому домику; двое прекрасныхъ дѣтей играли въ саду. Викторъ выпустилъ своихъ сурковъ, запѣлъ и дѣти были въ восторгѣ. Они гладили, цѣловали звѣрковъ, давали имъ хлѣба и сахару, и когда мать пришла, то представленіе заинтересовало и ее.

Прекрасное лицо, умные, печальные глаза мальчика еще болѣе пѣсенъ и прыжковъ маленькихъ сурковъ обратили на себя вниманіе матери; она взглянула на его оборванное платье, на его босыя ноги, и самое живое участіе выразилось на лицѣ ея.

Она разспрашивала Виктора объ его родителяхъ, о бѣдности ихъ, о томъ, зачѣмъ онъ оставилъ Парижъ, и готова была помочь ему, чѣмъ только могла. Она оставила его ночевать, накормила сытнымъ ужиномъ, подарила пару новыхъ башмаковъ, и дала ему нѣсколько денегъ.

Воспоминаніе о гостепріимномъ домѣ навсегда сохранилось въ душѣ Виктора.

Чѣмъ дальше уходилъ онъ отъ Парижа, тѣмъ

проще становились нравы, тѣмъ охотнѣе смотрѣли на сурковъ и тѣмъ чаще давали ему денегъ; многія старушки гладили Виктора по головѣ и говорили по-нѣмецки: «бѣдный мальчикъ, каково тебѣ было разставаться съ отцомъ и матерью, каково одному добывать себѣ пропитаніе; ахъ, Боже мой! не приведи моимъ внукамъ въ такомъ возрастѣ идти на чужбину».

Подобнымъ образомъ старушки, да и молодыя женщины сожалѣли о Викторѣ; но онъ ихъ не понималъ, потому что по-нѣмецки не говорилъ. Такимъ образомъ перешелъ онъ черезъ Рейнъ, большую рѣку въ Германіи, пришелъ въ прусскія прирейнскія провинціи и добрался до города Тріера.

Настала весна; однажды солнце весело свѣтило; Викторъ сѣлъ на камень, на самомъ припекѣ и съ наслажденіемъ грѣлся на солнечномъ теплѣ. Мало-по-малу началъ онъ припоминать ту весну, которую проводилъ дома въ милыхъ горахъ; передъ его воображеніемъ мелькнули милыя лица отца, матери, братьевъ и сестеръ; онъ вспомнилъ о своемъ любимомъ братѣ, о томъ, какъ онъ лежалъ больной, какъ умиралъ; ему стало особенно тяжело; онъ вынулъ изъ ящика братниняго сурка, припалъ къ нему лицомъ и долго, долго плакалъ, такъ что всю его шерстку смочилъ слезами.

Потомъ взглянулъ на деревья ближняго сада, на молодую зелень, и опять мысли его унеслись далеко, туда, гдѣ бѣлѣли снѣжныя вершины горъ; онъ припомнилъ, какъ тамъ теперь таетъ снѣгъ, какъ сбѣгаетъ ручь-

ями, какъ трава пробивается и зеленѣетъ между камнями, и альпійскія розы, фіалки, энціаны распускаются, какъ козы смѣло лѣзутъ на неприступныя высоты, а за ними пробираются, почти съ опасностію жизни, мальчики-пастухи, весело другъ съ другомъ перекликаются, поютъ и трубятъ.

Всѣ эти воспоминанія съ такою силою и съ такою живостію втѣснились въ грудь Виктора, что онъ зарыдалъ, какъ маленькое безпомощное дитя; ободрившись немного, бросился на колѣни, сложилъ руки на молитву и жарко молился за своихъ, опять плакалъ и опять молился. Онъ совсѣмъ растерялся; все окружающее для него перестало существовать; онъ вспоминалъ прошедшее, и смотря по тому, что у него въ памяти проходило, онъ или въ отчаяніи бросался на землю, или обнималъ и цѣловалъ своихъ сурковъ, или плакалъ, или молился.

Пришлось Виктору сидѣть, плакать и молиться подлѣ стѣнъ архіепископскаго дворца. Въ ту пору архіепископъ Клементій Венцеславъ Тріерскій сидѣлъ у окна; онъ увидѣлъ мальчика, слѣдилъ за его отчаяніемъ и слезами и полный состраданія и любопытства послалъ за нимъ и приказалъ привести его къ себѣ въ кабинетъ. Онъ заговорилъ съ нимъ необыкновенно ласково и кротко. Мальчикъ сначала смутился, но ласковый видъ и еще болѣе ласковыя слова и голосъ очаровали его; онъ свободно и откровенно отвѣчалъ на всѣ вопросы, и когда архіепископъ спросилъ, о чемъ онъ думалъ, пока сидѣлъ на камнѣ, о чемъ,

плакалъ и молился, Викторъ чистосердечно разсказалъ все, что чувствовалъ и о чемъ думалъ.

По лицу добраго старца пробѣжало умиленіе; онъ съ трудомъ подавилъ выступившія слезы и, подумавъ немного, сказалъ:

«По словамъ твоимъ, другъ мой, вижу, что дѣла твои идутъ плохо; трудно тебѣ пробиваться, да и содержаніе звѣрковъ стоитъ дорого. Знаешь ли, какая мысль мнѣ пришла: «продай мнѣ одного сурка, съ тебя и одного довольно; я очень люблю сурковъ и давно уже искалъ случая добыть ученаго! твой хорошо обученъ и красивъ, и веселъ».

Мальчикъ стоялъ въ раздумьи; онъ соображалъ: «не все ли равно, показывать одного, или двухъ сурковъ? Продать одного, хорошо бы—а полученныя деньги отошлю отцу и матери, а то до сихъ поръ ничего не посылалъ, только съ трудомъ пробивался самъ и маячилъ жизнь: гдѣ же тутъ посылать денегъ?»

«Хорошо, сурка я вамъ продамъ, но только, *моего* а не *братниного*. О, съ тѣмъ я никогда, никогда не разстанусь; смотря на него, я припоминаю, какъ братъ, умирая, поручалъ его мнѣ, какъ въ послѣдній разъ поцѣловалъ его, какъ самъ доставалъ изъ гнѣзда и училъ его!» И съ этими словами новый потокъ слезъ хлынулъ у него изъ глазъ. Покупка состоялась, архіепископъ заплатилъ за сурка вдесятеро дороже, чѣмъ онъ стоилъ, и тѣмъ значительно облегчилъ судьбу бѣднаго Виктора; но все же проститься съ суркомъ

ему было трудно; онъ нѣсколько разъ возвращался и цѣловалъ его и просилъ беречь и говорилъ какъ и чѣмъ кормить.

Когда Викторъ вышелъ изъ дворца, хоть у него сердце и болѣло по суркѣ, но тѣмъ неменѣе внутренній голосъ говорилъ ему, что сурку будетъ хорошее житье, лучше, чѣмъ у него.

Убѣжденіе это утѣшало мальчика, и онъ съ наслажденіемъ думалъ о томъ, какъ бы поскорѣе и повѣрнѣе переслать деньги родителямъ.

Архіепископъ призвалъ одного изъ своихъ лучшихъ служителей, передалъ ему на попеченіе сурка и просилъ заботиться о немъ и любить его, обѣщаясь иногда навѣдываться о немъ. Вскорѣ архіепископъ совсѣмъ позабылъ о Савоярдѣ и о суркѣ.

Прошло лѣто и осень; настала зима съ морозами, вѣтрами и снѣгомъ; на окнахъ выступили морозные цвѣты; бѣда бѣднымъ босоногимъ Савоярдамъ! Лохмотья не грѣютъ ихъ, не предохраняютъ отъ вѣтру и мороза. Зимою только хорошо въ теплой, натопленной комнатѣ, или на дворѣ—въ теплой одеждѣ.

Однажды архіепископъ подошелъ къ замерзшему оконному стеклу, подулъ на него, оттаялъ и посмотрѣлъ, что дѣлается на дворѣ, какова погода? Онъ, вѣроятно, думалъ о томъ, какъ трудно бѣднякамъ выносить зимній холодъ и непогоду; особенно о тѣхъ думалъ онъ, которые принуждены скитаться, гдѣ день, гдѣ ночь; невольно мысли его остановились на бѣдномъ

савоярдѣ. Между тѣмъ онъ продолжалъ смотрѣть въ проталинку стекла; сначала окинулъ глазомъ небо, далекій городъ, поля, и наконецъ взглядъ его остановился на придорожномъ камнѣ, на томъ самомъ, гдѣ весною сидѣлъ и плакалъ Викторъ. Что это и теперь, на томъ же мѣстѣ сидитъ кто-то и ежится, и дрожитъ отъ холоду.

Архіепископъ открылъ окно и выглянулъ; того только, казалось, сидѣвшій и ожидалъ; онъ тотчасъ вскочилъ, окоченѣлыми отъ мороза руками снялъ шапку и низко поклонился. Но поклонъ и движенія были медленны и печальны.

Архіепископъ поманилъ его рукою, и мгновеніе спустя въ комнату вошелъ знакомый намъ савоярдъ.

«Ну, что подѣлываешь ты, дружокъ, ласково спросилъ архіепископъ:—каково поживаетъ твой сурокъ?»

Слезы выступили на глазахъ мальчика и голосъ его дрожалъ при отвѣтѣ: «у меня больше нѣтъ сурка! Мой сурокъ умеръ; что дѣлаетъ вашъ? Живъ ли онъ?

— Какъ же, какъ же, живъ и здоровъ! отчего же это твой сурокъ умеръ?

— Богъ его знаетъ, но я думаю, съ тоски, оттого что его разлучили съ вашимъ. — Эти звѣрки очень привязаны другъ къ другу и скучаютъ въ разлукѣ. Ктому же они часто думаютъ о своихъ родныхъ и друзьяхъ; точь въ точь, какъ мы; то и дѣло вспоминаемъ отца, мать, братьевъ и сестеръ, и наши прекрасныя, снѣжныя Альпы!

При этомъ Викторъ печально потупилъ голову

и только вздыхалъ и въ замѣшательствѣ въ рукахъ вертѣлъ шляпу.

Архіепископу не трудно было прочесть тревогу на худомъ лицѣ мальчика, и онъ догадался, что у него лежитъ что-то на сердцѣ. «Гдѣ же тебѣ теперь достать другаго сурка?» спросилъ архіепископъ.

— Вотъ, видите ли, запинаясь началъ мальчикъ: за этимъ-то я пришелъ къ вамъ; я хотѣлъ узнать у васъ, не продадите ли вы мнѣ того сурка, котораго я весною вамъ продалъ? Мнѣ бы очень хотѣлось получить его обратно.

— Развѣ у тебя есть на это деньги; вѣдь, сурокъ довольно рѣдкій звѣрокъ и дорого стоитъ.

— Вотъ то-то и бѣда: у меня всего шесть гульденовъ *), я вамъ ихъ отдамъ, вы со мною отпустите сурка, и я помаленечку уплачу. Прошу васъ, повѣрьте мнѣ эту бездѣлицу въ долгъ, не обману васъ и точно, до послѣдняго крейцера и гроша, заплачу вамъ все, что вы сами дали за него; вы мнѣ можете смѣло вѣрить, я никогда и никого не обманывалъ.

Все это мальчикъ говорилъ съ такимъ откровеннымъ и честнымъ видомъ, что глубоко тронулъ архіепископа.

— Послушай, дитя мое, сказалъ онъ: — я тебѣ вотъ какое предложеніе сдѣлаю: — заключимъ между собою условіе, возьми сурка даромъ, корми и ходи за нимъ, за-

---

*) Гульденъ равняется 65 копѣйкамъ.

ставляй его плясать и всѣ деньги, которыя пріобрѣтешь, т. е. все, что останется отъ твоего содержанія и отъ содержанія сурка, раздѣли на двѣ равныя доли, съ своею дѣлай, что хочешь, а мою ежегодно въ новый годъ приноси ко мнѣ. Ну, что, согласенъ ли, по рукамъ, что ли? прибавилъ архіепископъ и протянулъ Виктору руку.

Мальчикъ нѣсколько мгновеній смотрѣлъ на архіепископа въ нерѣшительности, не зная, шутитъ ли онъ, или говоритъ серьезно; но видя по лицу его, что это не шутка, смѣло положилъ свою руку въ протянутую руку архіепископа и просилъ сейчасъ же отдать ему сурка, чтобы, не теряя времени, начать выработывать деньги на себя и на своего компаньона.

Во все время разговора, архіепископъ не сводилъ глазъ съ прекраснаго мальчика и успѣлъ замѣтить, что бѣлье на немъ грязное и въ лохмотьяхъ, что куртка вся въ дырахъ, нижнее платье тоже; башмаки продрались, и пальцы выглядываютъ изъ прорванныхъ передковъ.

«Нѣтъ, другъ мой, отвѣчалъ ему архіепископъ на просьбу отдать ему сурка:—теперь ты мой компаньонъ; моя собственная выгода требуетъ того, чтобы ты былъ здоровъ и работалъ прилежно; поэтому я почитаю необходимымъ оставить тебя у себя на все холодное, зимнее время; къ тому же, моему компаньону неприлично ходить въ лохмотьяхъ, изъ-за этого я считаю своимъ долгомъ одѣть и обуть тебя за-ново; чтобы

тебѣ больше заработывать и чтобы выгоды мнѣ было больше, видишь ли, я долженъ хлопотать о тебѣ и о суркѣ, какъ о дорогихъ мнѣ торговыхъ предметахъ.

Мальчикъ съ своей стороны былъ радъ отдохнуть и сытно обѣдать, и жить въ теплѣ. На досугѣ онъ съ суркомъ повторилъ всѣ его штуки и пріучилъ его къ новымъ. Самое холодное время миновалось; савоярда одѣли красиво и тепло; для сурка сдѣлали также новый ящикъ, выложенный теплою подкладкою.

Архіепископъ благословилъ своего компаньона и отпустилъ его, давъ на дорогу порядочную сумму денегъ. Викторъ съ жаромъ и со слезами благодарности поцѣловалъ руку своего благодѣтеля и съ веселымъ, облегченнымъ сердцемъ вышелъ изъ Тріера и направился на берега Рейна.

Архіепископу приключеніе съ савоярдомъ доставило истинное наслажденіе. «Посмотримъ, думалъ онъ про себя, такой ли онъ честный мальчикъ, какъ кажется.»

Но архіепископу много дѣла, и думать о мальчикѣ ему некогда. Онъ позабылъ объ немъ и вспомнилъ только въ новый годъ, когда приходили и пріѣзжали съ поздравленіями. Вопросъ: придетъ ли онъ? занималъ его цѣлый день. Онъ нѣсколько разъ подходилъ къ окну, опять оттаивалъ дыханіемъ замерзшія стекла, смотрѣлъ на знакомый камень; но мальчика на немъ не было, и у добраго архіепископа защемило сердце.

Опять прошелъ годъ, и опять ожиданія добраго, благороднаго архіепископа не исполнились; и онъ печально думалъ, «неужели онъ меня обманулъ; неужели покинулъ узкую тропинку честной жизни и пошелъ по широкому пути гибели?» Мысли эти болѣзненно терзали старца; онъ припоминалъ честный, открытый взглядъ мальчика, его смѣлую рѣчь, его увѣренность въ себѣ, и погибель его вдвое чувствительнѣе была для добраго архіепископа. Сначала онъ не хотѣлъ вѣрить и придумывалъ разныя причины, почему ему нельзя было придти. Но годъ проходилъ за годомъ, а савоярдъ не являлся; долѣе сомнѣваться нельзя было: этотъ на видъ честный мальчикъ обманулъ своего благодѣтеля. Такъ прошло еще шесть лѣтъ, всего семь, съ того дня, какъ савоярдъ сдѣлался компаньономъ архіепископа.

31 декабря камердинеръ доложилъ ему, что какой-то молодой человѣкъ, очень прилично одѣтый, требуетъ аудіенціи, говоря, что у него на сердцѣ очень важное дѣло, о которомъ говорить можетъ съ однимъ только архіепископомъ.

«Проси!» коротко отвѣчалъ онъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ кабинетъ вошелъ высокій, стройный молодой человѣкъ, хорошо одѣтый и очень красивый. Онъ почтительно поклонился архіепископу и дожидался, чтобы тотъ заговорилъ съ нимъ.

«Чѣмъ могу служить вамъ, сынъ мой?» спросилъ архіепископъ.

Викторъ,—это былъ онъ, ясно видѣлъ, что архі-

пископъ не узнаетъ его и началъ такъ: «По всему вижу, что ваше преосвященство не узнаете меня; потрудитесь припомнить: семь лѣтъ тому назадъ былъ у васъ савоярдъ, которому вы изволили дать сурка съ условіемъ, чтобы онъ каждый новый годъ приносилъ вамъ половину вырученной съ суркомъ суммы.»

— Какъ же, какъ же, помню, съ пріятнымъ изумленіемъ воскликнулъ архіепископъ: но, къ несчастію, онъ или, правильнѣе, ты, сынъ мой, не сдержалъ своего обѣщанія! Узнаю тебя теперь, хоть ты и выросъ съ тѣхъ поръ и возмужалъ.

— О, благодѣтель мой, не судите меня строго; не карайте за неблагодарность; мысль, что вы недовольны мною, тяжелымъ камнемъ лежала у меня на душѣ. Позвольте мнѣ открыть передъ вами всѣ изгибы моего сердца, позвольте мнѣ оправдаться, и тогда я съ покорностію вынесу приговоръ вашъ.

Архіепископъ ласково улыбнулся, взялъ молодаго человѣка за руку и принудилъ его сѣсть на кресло, подлѣ себя. «Говори, сынъ мой, я тебя слушаю!»

«Послѣ той, жестокой для многихъ, а для меня счастливой зимы, когда я прожилъ у васъ въ теплѣ и довольствѣ, я съ суркомъ отправился внизъ по Мозелю къ Рейну, перебрался черезъ рѣку въ нѣмецкія земли. Ваше благословеніе оберегало меня и приносило мнѣ счастье! Мнѣ во всемъ была удача; повсюду меня хорошо принимали, кормили и давали денегъ.

«Я забрался далеко отъ Тріера, и новый годъ за-

сталъ меня въ торговомъ, большомъ городѣ Гамбургѣ. Мнѣ тяжело было, что не могу явиться къ вамъ въ срокъ и отдать вамъ вашу часть, которую я свято сберегалъ въ отдѣльномъ мѣшечкѣ.

«Изъ Гамбурга, черезъ Страсбургъ, я опять добрелъ до Парижа; все шло, какъ нельзя лучше; но тутъ меня постигло ужасное горе: мой милый сурокъ умеръ. Въ первые дни, несчастіе это меня совсѣмъ убило; я не зналъ, что начать; но я, къ счастію, встрѣтился съ землякомъ, который чистилъ сапоги на парижскихъ прохожихъ.

«Онъ меня утѣшилъ и ободрилъ; онъ своимъ ремесломъ скопилъ почти столько же денегъ, сколько я скопилъ своимъ суркомъ. Мы рѣшились соединить наши три капитала, т. е. его, мой и вашъ, которому я велъ самый строгій счетъ, и заняться торговлей, сдѣлаться разносчиками.

«Мы накупили всякаго вздору, и нужныхъ, и ненужныхъ вещей, всего, что покупаютъ и по надобности, и безъ нужды, если въ домъ принесутъ,—уложили все въ два ящика, взвалили ихъ себѣ на плечи и пошли бродить по разнымъ частямъ Франціи. Въ южной и восточной намъ было лучше всего; тутъ торговля наша шла чрезвычайно удачно. Теперь мы намѣреваемся раздѣлиться; мы сосчитали, что пріобрѣли въ это время. Вашему капиталу я постоянно велъ самый строгій и точный счетъ, у меня все записано въ книгѣ, и я являюсь къ вамъ, моему благодѣтелю, съ тѣмъ, чтобы дать вамъ

отчетъ и снять съ себя постыдное клеймо обманщика. Васъ я уважаю больше всѣхъ въ мірѣ и добрымъ мнѣніемъ вашимъ дорожу.»

Говоря такъ, онъ досталъ свертокъ бумагъ, положилъ его на столъ и продолжалъ: «Вотъ отчетъ, составленный и засвидѣтельствованный нотаріусомъ по моей книгѣ, а вотъ и деньги.» И онъ положилъ на столъ нѣсколько свертковъ денегъ, всего двѣ тысячи гульденовъ, голландскими червонцами. «Потрудитесь счеты провѣрить и деньги сосчитать. Теперь у меня съ души свалилась ужасная тяжесть, я опять могу смѣло смотрѣть вамъ въ глаза; меня болѣе не тревожитъ опасеніе, что не застану васъ въ живыхъ, и что вы сохранили даже до послѣдняго вздоха мысль, что осыпали благодѣяніями человѣка неблагодарнаго и безчестнаго!»

Архіепископъ не вѣрилъ ушамъ своимъ; отъ радостнаго волненія онъ не въ силахъ былъ прервать молодаго человѣка; наконецъ овладѣлъ собою и сказалъ: «Другъ мой, неужели ты все это нажилъ при помощи сурка? Вѣдь, это невозможно!»

— Если строго взять, то я собралъ не все черезъ сурка, возразилъ молодой человѣкъ,—но начало всему положилъ сурокъ; мнѣ давали денегъ за то, что я показывалъ его и заставлялъ плясать, и особенно за то, что онъ былъ такой красивый; онъ такъ нравился всѣмъ, особенно молодыя дѣвушки и дѣти его любили. Вотъ, видите, черезъ сурка я собралъ первыя деньги, потомъ на нихъ купилъ себѣ ящикъ разносчика; ваше благосло-

веніе мнѣ помогало; выгодная торговля съ каждымъ днемъ приносила все больше и больше; наконецъ мы оставили свои короба и въ Мецѣ завели лавку. И тутъ все шло отлично; вашъ капиталъ оставался вмѣстѣ съ моимъ въ торговлѣ и постепенно возрасталъ. Теперь мнѣ остается еще поблагодарить васъ и попросить новаго благословенія, которое помогло бы мнѣ и дальше жить также счастливо, какъ до сихъ поръ.

— Сынъ мой, сказалъ архіепископъ взволнованнымъ голосомъ,—ты честный и благородный человѣкъ! Но неужели ты съ перваго раза не замѣтилъ, что все мое компанейство посредствомъ сурка была только шутка? Нѣтъ, нѣтъ, не возьму я своей мнимой половины; это все твое, это все нажито честнымъ и благороднымъ трудомъ. Да благословитъ тебя Богъ на такую же дальнѣйшую прекрасную жизнь, какую ты до сихъ поръ велъ!

Но Викторъ не хотѣлъ принимать денегъ; онъ утверждалъ, что то была вовсе не шутка. Когда же архіепископъ ему очень серьезно сказалъ, что требуетъ этого отъ него, онъ покорился, и архіепископъ прибавилъ: «Сынъ мой, если тебѣ эти деньги дѣйствительно не нужны, то отдай ихъ своему отцу, и матери, и братьямъ, и сестрамъ, пусть они тебя благословляютъ и молятся за тебя.»

Викторъ при этомъ палъ на колѣни, поцѣловалъ руку архипастыря и съ благоговѣніемъ принялъ его благословеніе и возвратился къ своей торговлѣ, а по-

лученныя отъ компаньона деньги отослалъ къ себѣ на родину.

Архіепископъ впослѣдствіи часто разсказывалъ о благородствѣ, честности и безкорыстіи своего компаньона-савоярда и всякій разъ прибавлялъ: «Дай Богъ ему счастья!»

Альпійскій пастухъ и орелъ.

У насъ въ Петербургѣ — мѣста ровныя, и горъ мы вовсе не знаемъ; кто бывалъ, напримѣръ, въ Парголовѣ, или въ Токсовѣ, или въ Пулковѣ, въ Красномъ селѣ, или на Дудергофской горѣ, тотъ дивился ихъ крутизнѣ, и считалъ эти возвышенія очень большими; но есть такія земли, гдѣ горы во сто и болѣе разъ выше.

Онѣ даже выше облаковъ; на ихъ макушкахъ снѣгъ не таетъ даже лѣтомъ; онѣ состоятъ изъ каменныхъ глыбъ, или такихъ крутыхъ, какъ стѣна, или изъ нагроможденныхъ камней, по которымъ ходить, или вовсе нельзя, или очень опасно. Такія горы идутъ не сплошными массами, а уступами, съ обрывами, трещинами въ нѣсколько сажень шириною и съ пропастями, въ которыя, если кто свалится, то убивается до смерти.

На такихъ высокихъ горахъ холоднѣе, чѣмъ у ихъ подошвы; на самыхъ вершинахъ снѣгъ никогда не таетъ, а на склонахъ зима становится раньше, чѣмъ у подошвы, туда снѣгъ скатывается съ вершинъ, дождь пре-

вращается въ снѣгъ, и однажды выпавши уже не таетъ; такъ что въ концѣ сентября на горахъ уже зима, тогда какъ у подошвы ихъ, въ долинахъ, еще цвѣтутъ цвѣты, зеленѣютъ поля и на нижнихъ склонахъ горъ зрѣетъ виноградъ.

На самыхъ крутыхъ вершинахъ, немного пониже снѣгу, встрѣчаются площадки, или не совсѣмъ крутые склоны, куда набралось немного плодородной земли, и въ лѣтніе мѣсяцы эти площадки и склоны покрываются густою, сочною травою. Она находится хотя на большихъ высотахъ, но не пропадаетъ даромъ; сюда приходятъ косить ее, или пригоняютъ стада козъ и остаются съ ними до снѣгу, т. е. до зимы.

Такія горныя зеленыя мѣста называются *маттами;* трава на нихъ очень хорошая, питательная и душистая.

Все это встрѣчается на такихъ горахъ, каковы Альпы, Юра, Кавказъ и многія другія.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1855 года, по горной тропинкѣ, чуть замѣтной для глаза, шла молодая женщина; лѣвой рукой она прижимала къ себѣ маленькое, трехмѣсячное дитя; въ правой несла косу. Она шла твердою, привычною поступью и не смотрѣла подъ ноги, потому что съ дѣтства привыкла къ горамъ и труднымъ ихъ тропинкамъ.

Все вниманіе ея было обращено на дитя. Малютка протягивалъ рученки къ матери, улыбался, и черные глазенки его бѣгали, какъ жучки. Чтобы выразить свое

удовольствіе, малютка складывалъ свои губки и ворковалъ, точно голубокъ.

Мать съ невыразимою любовью смотрѣла на своего сына и съ наслажденіемъ прислушивалась къ его: *гу-гу-а*! Сама, между тѣмъ, торопилась впередъ; ей надобно было накосить травы, чтобы заготовить сѣна для зимняго корма козъ; въ сентябрѣ каждый день и каждый часъ дорогъ,—можетъ пойти снѣгъ и засыпать матты.

Она взобралась на большую крутизну; тутъ на порядочной площадкѣ, было столько травы, что работы достало бы ей на цѣлый день. Съ удовольствіемъ посмотрѣла она на сочную зелень, выбрала мѣсто помягче, потѣнистѣе, нѣсколько разъ поцѣловала дитя и положила его, закутавъ сперва одѣяльцемъ. Дитя спало; мать наточила косу и принялась за работу.

Бѣдная торопилась воспользоваться временемъ, чтобы поболѣе накосить; ей ни разу не пришло въ голову посмотрѣть на небо; она бы увидѣла, что тамъ на безоблачной синевѣ стоитъ небольшая черная точка; опытнымъ глазомъ горной жительницы, она тотчасъ узнала бы въ ней большаго горнаго орла и не отходила бы отъ спящаго младенца.

Орлиный взоръ между тѣмъ давно уже выслѣдилъ мать и ея дитя; орелъ то парилъ неподвижно, то описывалъ небольшой кругъ, то спускался, то опять поднимался.

Мать работала подлѣ малютки, постоянно поглядывая на него,—онъ все еще спалъ; одѣяльце не распахи-

валось, потому что было связано тесемкою, какъ это всегда дѣлаютъ въ горахъ, чтобы дѣти не простужались; малютка лежалъ подъ навѣсомъ скалы, пригрѣтый солнечнымъ тепломъ. Оставалось скосить самую густую траву, которая росла подальше, на другой окраинѣ матты. Мать отошла отъ дитяти; если оно и проснется,—думала она,—я услышу и успѣю добѣжать, не дамъ ему расплакаться.

У орла, по близости, было гнѣздо съ двумя голодными орлятами; онъ слѣдилъ за косильщицей,—дитя было для него легкою добычею. Онъ увидѣлъ, что мать отошла, и тотчасъ началъ спускаться. Вотъ изъ чернаго, едва замѣтнаго пятна, онъ становится яснѣе, кругами спускается ниже и ниже и, вдругъ, какъ стрѣла, пущенная съ тетивы, падаетъ на то мѣсто, гдѣ лежитъ дитя...

Мать услышала глухой шумъ и свистъ полета, обернулась и увидѣла, что орелъ впустилъ могучіе когти въ одѣяло дитяти, взвился съ нимъ и понесся черезъ зіяющую пропасть къ гнѣзду, гдѣ кричали его голодные птенцы.

Несчастная мать вскрикнула отчаяннымъ голосомъ; въ этомъ крикѣ было столько страданія, что онъ казался какимъ-то нечеловѣческимъ. Въ чистомъ горномъ воздухѣ онъ раздался еще пронзительнѣе; эхо повторило его много разъ, и пастухи, которые пасли стада козъ на самыхъ неприступныхъ высотахъ услышали его. Они съ ужасомъ повскакали съ каменьевъ, на которыхъ сидѣли, вырѣзывая деревянныя вещицы.

За первымъ крикомъ раздался второй, такой-же отчаянный. Пастухи уже давно видѣли орла; замѣтили какъ онъ съ высоты камнемъ упалъ, знали, гдѣ его гнѣздо и мгновенно поняли въ чемъ дѣло. На альпійскихъ высотахъ такіе случаи бывали и прежде, и разсказы о нихъ повторяются во время зимнихъ вечернихъ собраній. Поэтому неудивительно, что по отчаяннымъ крикамъ женщины и по полету орла, пастухамъ тотчасъ пришла мысль, что онъ унесъ дитя.

Всѣ, движимые состраданіемъ, бросили стада козъ, и, схвативши свои горныя палки, съ поразительною быстротою не сходили, а скатывались съ уступа на уступъ, къ той маттѣ, гдѣ несчастная мать все еще стояла на краю пропасти, отчаянно ломала себѣ руки и съ рыданіемъ повторяла: «Дитя! Мой сынъ! Дитя! Унесъ! унесъ! унесъ!... Боже мой, унесъ! Дитя! унесъ!...»

Разспрашивать тутъ некогда было; каждый понималъ, что нужна скорая помощь. Орлу нельзя было позволить спокойно оставаться въ гнѣздѣ; нельзя было и пугать его во время полета, чтобы онъ не выпустилъ дитя изъ когтей; въ это мгновеніе онъ съ дитятей парилъ надъ горами въ недосягаемой высотѣ. Надобно было дѣйствовать рѣшительно, спокойно и безстрашно.

Одинъ пастухъ побѣжалъ въ нагорную хижину, и принесъ канаты на всякій случай; остальные размѣстились по высотамъ такъ, чтобы не выпускать

гнѣзда изъ глазъ, но и не быть у орла на виду; мать уговорили спокойно дожидаться.

Между тѣмъ, могучій орелъ описывалъ круги и спускался все ниже и ниже; вотъ онъ сдѣлалъ послѣдній крутой поворотъ, опустился въ гнѣздо, положилъ громко плачущее дитя и шагнулъ всторону. Въ это мгновеніе, разомъ со всѣхъ сторонъ, пастухи громко и внезапно крикнули и захлопали въ ладоши; крики ихъ громомъ прокатились по горамъ и своею неожиданностію испугали орла; онъ стремительно взлетѣлъ и поднялся на воздухъ въ высоту, оставивъ младенца въ гнѣздѣ.

Наступила рѣшительная минута; если ею не воспользоваться, дитя погибло. Молодой, семнадцатилѣтній пастухъ Иванъ Имталь вызвался добыть дитя: онъ прицѣпилъ себѣ къ ногамъ прочныя горныя подковы, взялъ свою крѣпкую палку съ желѣзнымъ наконечникомъ и съ такимъ же крюкомъ, снялъ шляпу, помолился, перекрестился, кивнулъ головою остающимся и пошелъ по дорогѣ, гдѣ каждый шагъ могъ быть смертеленъ.

Онъ полѣзъ на такія отвѣсныя крутизны, по какимъ даже горныя серны не ходили, цѣплялся за камни и выступы скалъ, и взбирался туда, гдѣ, казалось, человѣческая нога не могла ступить.

Орелъ съ высоты видѣлъ, что человѣкъ пробирается къ его гнѣзду; у него также дрогнуло птичье сердце за своихъ птенцовъ; онъ готовъ былъ защищать ихъ съ такимъ же мужествомъ, съ ка-

кимъ пастухъ жертвовалъ своею жизнью за дитя бѣдной, убитой горемъ женщины. Орелъ стремительно бросился на молодаго человѣка и однимъ ударомъ крыла столкнулъ бы его въ пропасть, но пастухи встрѣтили его градомъ камней и криками; орелъ отлетѣлъ всторону, но не спускалъ глазъ съ своего врага и чѣмъ болѣе тотъ приближался къ гнѣзду, тѣмъ сильнѣе и чаще становились его нападенія. Къ счастію, пастухамъ каждый разъ удавалось его прогонять тѣмъ же способомъ, какъ и въ первый разъ.

Несчастная мать, между тѣмъ, стоя на колѣняхъ, блѣдная, съ полуоткрытыми губами, шептала молитву и не спускала глазъ съ молодаго человѣка; она дрожала за него; кровь леденѣла у нея въ жилахъ при каждомъ отважномъ скачкѣ его. Вотъ еще шага два и онъ будетъ у гнѣзда!.... Боже мой, онъ тамъ!

Орлята сначала испугались младенческаго крика и его барахтающихся рученокъ, и не приближались къ нему; потомъ появленіе смѣлаго охотника ихъ окончательно выгнало изъ гнѣзда. Иванъ Имталь взлѣзъ на площадку, гдѣ было гнѣздо и помѣстился въ углубленіи скалы, рядомъ съ орлятами, а дитя отодвинулъ, какъ можно дальше назадъ. Орелъ съ яростію опять напалъ на пастуха и ему пришлось отбиваться; онъ кололъ его и билъ своею палкою такъ ловко, что кровь показалась на орлиныхъ перьяхъ, и онъ принужденъ былъ перелетѣть черезъ пропасть и сѣсть отдохнуть на ближайшей вершинѣ; казалось, онъ не рѣшался болѣе нападать.

Молодой горецъ былъ въ гнѣздѣ; первая половина предпріятія исполнена; но вторая была труднѣе: оставалось взять дитя и возвратиться съ нимъ на матту; а это было вдесятеро труднѣе того, что онъ сдѣлалъ; идти назадъ по тѣмъ стремнинамъ, по которымъ онъ взошелъ, нельзя было ни подъ какимъ видомъ. Можно было только съ вершины горы спустить канатъ и на немъ подняться, надъ пропастью, дна которой не было видно и которая вся усѣяна была остряками и обломками скалъ. Канатъ могъ лопнуть отъ тяжести человѣческаго тѣла, могъ перетереться, или перерѣзаться объ остряки скалъ, или тянувшіе могли его выпустить, и во всѣхъ этихъ случаяхъ, не было бы спасенія; смерть неминуемая, ужасная ожидала бы и его, и дитя. Мысли эти промелькнули въ головѣ молодаго человѣка, но сердце его не дрогнуло; онъ оставался твердъ.

Онъ осмотрѣлся въ гнѣздѣ: схватилъ орлятъ, одного за другимъ, и сбросилъ ихъ въ пропасть. Орелъ увидѣлъ это, и ярость его дошла до крайнихъ предѣловъ. Онъ неотступно нападалъ, пытаясь когтями и клювомъ стащить своего врага со скалы и сбросить его тоже въ пропасть. Имталь отбивался палкой, пастухи кричали и бросали въ орла камнями, но ничто не дѣйствовало; могучая птица съ слѣпою яростью бросалась на смѣлаго пастуха. Въ это время сердце его въ первый разъ дрогнуло; онъ обдумывалъ свое положеніе и осматривался: надъ гнѣздомъ былъ выступъ скалы, который мѣшалъ бы канату спуститься, но его достать рукою было невозможно, потому что онъ пришелся

бы слишкомъ далеко отъ гнѣзда. А между тѣмъ идти по той же крутизнѣ съ ребенкомъ, по которой еле взобрался одинъ, и думать нечего было. Нападенія орла продолжались, становились стремительнѣе и съ минуту на минуту надо было ожидать, что къ нему на помощь прилетитъ орлица, его пара.

При этихъ мысляхъ, ужасъ, почти неизбѣжной смерти, охватилъ Имталя, но не надолго; онъ вскорѣ ободрился, сильнѣе прежняго ударилъ орла по головѣ, и тотъ, ошеломленный, отлетѣлъ прочь далѣе, чѣмъ прежде.

Пользуясь этимъ мгновеніемъ, Имталь поднялъ плачущее дитя и, протянувъ руки надъ пропастью, показалъ его матери, чтобы она видѣла, что сынъ ея цѣлъ и живъ.

Мать увидѣла своего младенца, но и орелъ увидѣлъ его; новая ярость придала ему силу. Пастухи вовремя крикомъ дали знать Имталю о приближающейся опасности, и тотъ еле успѣлъ положить дитя въ углубленіе, но самъ не успѣлъ защититься: орелъ ударилъ его всею силой быстраго полета и сшибъ его съ ногъ; онъ упалъ и половина туловища его повисла надъ краемъ пропасти. Опять раздался пронзительный крикъ ужаса, такой, какъ въ первый разъ, когда орелъ унесъ дитя; казалось, никакая человѣческая сила не спасетъ болѣе отважнаго охотника и дитя. Но орелъ съ новою неслыханною яростію ринулся на своего врага, ударилъ его прямо въ голову и этимъ косымъ ударомъ отбросилъ его, назадъ, въ самое углубленіе скалы, далеко за гнѣздо.

Надобно замѣтить, что каменный, или царскій орелъ никогда не бросается на свою добычу сверху внизъ, но всегда налетаетъ съ боку. Здѣсь же онъ долженъ былъ нападать совершенно горизонтально, потому что нависшая скала мѣшала нападать наклонно сверху, и этимъ спасъ Имталя отъ паденія въ пропасть.

Ударъ въ голову на мгновеніе ошеломилъ молодаго человѣка, но онъ тотчасъ же опомнился и опять началъ отбиваться отъ орла. Паденіе Имталя придало птицѣ смѣлость; она надѣялась побѣдить своего врага, и наступала неотступнѣе и сильнѣе. У Имталя кромѣ палки не было оружія; ею въ тѣснотѣ онъ не могъ размахнуться, не могъ ударить такъ, какъ на открытомъ мѣстѣ и потому дѣйствовалъ неловко.

Онъ оглянулся, нѣтъ ли гдѣ годнаго камня, чтобъ бросить—но ничего не нашелъ, кругомъ стояли сплошныя скалы; онъ раскидалъ гнѣздо—въ немъ были прутья, но на самомъ днѣ нашелся довольно большой и толстый сукъ; онъ ему обрадовался, схватилъ его, и надежда мелькнула у него въ испуганной душѣ.

Орелъ дѣлался смѣлѣе; онъ уже нѣсколько разъ садился на край обрыва и клювомъ и крыльями билъ Имталя по ногамъ. Пастухъ отодвинулъ дитя въ самый дальній уголъ пещерки, самъ тоже подобралъ ноги, сталъ на колѣни и, съ своимъ новымъ оружіемъ въ рукахъ, ожидалъ еще нападенія.

Орелъ прилетѣлъ и опять сѣлъ на край гнѣзда. Имталь изловчился и сукомъ ударилъ его прямо по

клюву — онъ отшатнулся и отлетѣлъ; но клекотъ его сдѣлался грознѣе, и черезъ мгновеніе онъ съ шипѣньемъ и свистомъ еще стремительнѣе прежняго налетѣлъ, надѣясь сломить врага.

Имталь повернулъ сукъ такъ, что за тонкій конецъ взялъ рукою, а толстымъ могъ дѣйствовать, какъ булавою; онъ напрягъ всю свою силу, размахнулся какъ можно лучше и, выждавъ мгновеніе, когда орелъ вытянулъ голову, чтобы схватить его клювомъ, ударилъ по головѣ такъ мѣтко, что онъ болѣзненно вздрогнулъ и откинулся назадъ. Надежда на успѣхъ дала Имталю новую силу: онъ придвинулся къ орлу и вторичнымъ ударомъ по головѣ раздробилъ ему черепъ. Все тѣло могучей птицы дрогнуло, голова ея опрокинулась на спину, крылья безсильно опустились, когти разжались, и она мертвая упала въ пропасть, туда, гдѣ уже лежали ея птенцы и валялись груды костей отъ заѣденныхъ ею животныхъ.

Имталь тяжело перевелъ духъ; онъ совсѣмъ выбился изъ силъ, и ежели не явится скорая помощь, онъ пропадетъ. Орлицѣ стоило прилетѣть; но у молодаго человѣка уже не достало бы силъ, вынести съ нею новую борьбу. Дитя жалобно кричало. Имталь поднялъ его, прижалъ къ себѣ, и оно тотчасъ успокоилось у него на рукахъ и уснуло. Нечего было терять времени, слѣдовало дать знать товарищамъ, что орелъ убитъ и что теперь для нихъ настало время дѣйствовать.

Онъ осторожно положилъ спящее дитя на скалу и, чтобы усилить звукъ, приложилъ руки воронкой ко

рту, высунулся изъ углубленія гнѣзда и крикнулъ, что было силы: «Эй, вы тамъ, братцы, помогите! Подавайте канатъ! Орелъ убитъ! Онъ въ пропасти!...»

Голосъ его услышали, и пастухи принялись за дѣло.

Имталь, между тѣмъ, бросился на колѣни и горячо молился, поручая себя и младенца Богу. Онъ кончилъ молитву и ждалъ. Вотъ показался конецъ съ тяжелымъ камнемъ; онъ спускался колыхаясь, но такъ далеко надъ пропастью, что достать его нельзя было.

Если и достать, то, Боже мой, страшно подумать, какъ этотъ канатъ раскачается, когда на немъ повиснетъ человѣкъ и его дернутъ сверху. Выдержитъ ли онъ, не лопнетъ ли? Не выпустятъ ли его тамъ наверху? Удержится ли онъ самъ? Эти мысли вихремъ пронеслись въ его головѣ.

Онъ взялъ свою палку за самый конецъ, наклонился надъ пропастью и желѣзнымъ крюкомъ досталъ канатъ, на концѣ котораго была петля для ногъ, и притянулъ его къ себѣ.

Онъ обѣими ногами, еще вооруженными горными подковами, сталъ въ петлю, укрѣпился въ ней; снялъ свой кожаный поясъ, осмотрѣлъ его, довольно ли онъ проченъ, притянулъ къ себѣ канатъ такъ, чтобы онъ приходился у него на груди и пристегнулъ его поясомъ къ себѣ подъ мышками. Лѣвою рукою взялъ еще спящее дитя, прижалъ его къ себѣ, а правою приготовился отталкиваться отъ скалъ, или отцѣпляться отъ выступовъ, если понадобится.

Когда все было готово, онъ крикнулъ изо всѣхъ силъ: «Готово! Держите крѣпче! Поднимай! Съ Богомъ!»

Тамъ вверху была мертвая тишина; каждое слово ясно долетало. Они тоже приготовились; они знали, что первый толчекъ будетъ самый сильный; всѣ правою ногою каблуками уперлись въ дернъ, а лѣвую выставили впередъ, уперлись въ выступъ скалы и въ обломки камней, повсюду нагроможденные; въ одинъ голосъ повторили: «Съ Богомъ!» и потянули.

Несчастная мать совсѣмъ растерялась; она не смѣла взглянуть туда, гдѣ ея дитя и его избавитель висѣли надъ бездной; она лицомъ припала къ землѣ, судорожно ломала руки и по временамъ глухо рыдала.

Канатъ дернуло сильнѣе, чѣмъ ожидали; всѣ покачнулись, подались впередъ, но ни одинъ не упалъ, ни одинъ не выпустилъ и съ крикомъ: «помоги Богъ!» оправились и потащили. «Хорошо! Идетъ! Скоро, скоро будетъ!» слышалось по временамъ и всѣ работали осторожно и сильно. «Вотъ, вотъ его шляпа! Еще, еще немного! Тяните!!!» И всѣ разомъ, сильнѣе потянули, и отважный Имталь съ дитятей были на краю матты на травѣ; всѣ пастухи изъ стѣсненной груди разомъ крикнули: «Слава Богу! Спасены!...»

Слова эти электрическимъ ударомъ поразили молодую женщину; она вскочила, протянула руки къ дитяти, хотѣла ринуться впередъ, но безъ чувствъ повалилась на землю.

— Неужели умерла? съ испугомъ спрашиваетъ одинъ пастухъ.

— Оставь ее, спокойно говоритъ старый пастухъ и ласкаетъ плачущее дитя и баюкаетъ его.—Тише, тише, голубчикъ; нечего плакать! Вся бѣда прошла, теперь ты съ нами, не плачь, не плачь! Погоди, твоя мать очнется! Отъ радости не умираютъ! А вы, братцы, достаньте-ка парнаго козьяго молока, чтобы напоить эту плаксу, да и Имталю надобно дать, посмотрите, онъ совсѣмъ ослабѣлъ, лежитъ, какъ пластъ.

Одинъ пастухъ побѣжалъ за молокомъ, другой приподнялъ молодаго человѣка и теръ ему виски, потому что послѣ такого нечеловѣческаго напряженія, съ нимъ сдѣлался такой же обморокъ, какъ съ матерью.

Принесли молока, напоили дитя, окончательно привели Имталя въ чувство, и напоили его тоже.

Въ это время и молодая женщина проснулась и громко вскрикнула. Она сѣла, ей на колѣни положили спасенное дитя; она что-то неслышно шептала, и слезы, одна за другой, катились на голову и лицо улыбавшагося малютки, который и не подозрѣвалъ, въ какой опасности находился.

Пастухи обступили Имталя и наперерывъ подавали ему руки, поздравляли его и дружески жали и трясли его усталыя и окровавленныя руки. Мать, не выпуская младенца, тоже встала, подошла къ молодому человѣку, обхватила его шею рукою, цѣловала его въ

лобъ и въ голову и, приникнувъ къ его груди долго и порывисто плакала. Она ни слова не произнесла, потому что говорить не могла, но благодарность ея ясно выражалась въ слезахъ и въ ласкахъ, которыми она его осыпала.

Молодую мать вмѣстѣ съ спасеннымъ ребенкомъ пастухи гурьбою проводили до самой долины, въ которой стоялъ ея домикъ; потомъ, на обратномъ пути, они докосили траву, которую она начала косить, разостлали ее для сушенія и спокойно возвратились на свои высоты къ стадамъ козъ, которыхъ нашли, гдѣ оставили, и опять занялись рѣзьбою изъ дерева.

Вскорѣ они замѣтили орла еще больше перваго, который летѣлъ надъ вершинами горъ и въ когтяхъ несъ молодую серну. Онъ направился прямо къ гнѣзду, нѣсколько времени парилъ надъ нимъ, опустился въ него, посидѣлъ, убѣдился, что оно пусто, какъ-то звонко крикнулъ, поднялся, могучимъ полетомъ понесся надъ горами и навсегда исчезъ изъ этихъ мѣстъ.

Пастухи проводили его громкимъ и пронзительнымъ горнымъ крикомъ, а усталый до изнеможенія Имталь сидѣлъ, прислонившись спиною къ скалѣ, и грѣлся на осеннемъ солнцѣ, которое еще ярко свѣтило. Въ душѣ у него была живая, святая теплота, которая всегда остается послѣ благороднаго поступка.

Изъ жизни Іосиф а Гайдена.

Молодость Іосифа Гайдена, извѣстнаго нѣмецкаго композитора, прошла въ большой бѣдности; онъ натерпѣлся всевозможныхъ лишеній и потому въ теченіе цѣлой жизни сохранилъ сочувствіе къ бѣднымъ и часто помогалъ нуждающимся. Надобно замѣтить, что онъ и взрослый былъ не богатъ; очень часто не имѣлъ ни копѣйки денегъ и принужденъ былъ себѣ во всемъ отказывать. Только подъ старость жизнь его сдѣлалась спокойнѣе.

Когда ему было уже за двадцать лѣтъ, самое трудное время для него миновалось; онъ давалъ много уроковъ музыки и могъ уже существовать. Но уроки были у него въ разныхъ частяхъ Вѣны, и онъ принужденъ былъ бѣгать изъ улицы въ улицу, изъ одного конца города въ другой, чтобы поспѣвать на уроки; на бѣду, за нихъ платили такъ дешево, что нанимать извозчика онъ не былъ въ состояніи и всегда ходилъ пѣшкомъ.

При своихъ невольныхъ прогулкахъ по городу,

Гайдену приходилось часто миновать одну улицу, въ которой подлѣ угла большаго дома всегда видалъ слѣпаго старика, съ маленькимъ красивымъ и бойкимъ вожатымъ. Старикъ обыкновенно игралъ на скрипкѣ и очень недурно, а маленькій мальчикъ протягивалъ шляпу къ прохожимъ и просилъ милостыни. Мальчикъ былъ очень хорошъ собою; волосы вились у него по плечамъ; личико у него было живое и умное, глаза свѣтились дѣтскою веселостью; шляпу протягивалъ онъ съ милою улыбкою, и голосокъ такъ заманчиво и плѣнительно просилъ, что невозможно было отказать. И дѣйствительно, прохожіе наперерывъ торопились положить что нибудь въ шляпу мальчика, а многіе любовались имъ, гладили его по головѣ.

Гайденъ, подобно всѣмъ остальнымъ прохожимъ, подпалъ подъ власть дитяти и нарочно каждый день опускалъ по крейцеру въ шляпу и каждый разъ говорилъ ласковое привѣтствіе мальчику, или перекидывался словомъ, другимъ со слѣпымъ старикомъ. Иногда, когда не надобно было слишкомъ торопиться на урокъ, между Гайденомъ и слѣпымъ завязывался разговоръ.

Ласковый голосъ и задушевная рѣчь молодаго человѣка очень нравилась старику, и онъ считалъ тѣ дни для себя удачными, въ которые Гайденъ останавливался и разговаривалъ съ нимъ. Такіе разговоры стали возобновляться все чаще и чаще, такъ что слѣпой старикъ дожидался ихъ съ нетерпѣніемъ и по походкѣ еще издали узнавалъ Гайдена. У слѣ-

пыхъ слухъ всегда очень развивается отъ упражненія; когда старикъ издали узнавалъ походку, онъ обращался къ внуку и говорилъ: «Послушай, Вени, вѣдь это идетъ добрый господинъ Гайденъ.»

Гайденъ самъ былъ человѣкъ бѣдный и потому, если ему нечего было давать слѣпому, лучше онъ по другимъ улицамъ обходилъ его, чтобы не пройти протянутой шляпы и ничего не положить въ нее.

Красивый, кудрявый и живой мальчикъ также очень нравился Гайдену; онъ охотно останавливался не только чтобы разговаривать съ старикомъ, но также и затѣмъ, чтобы пошутить съ мальчикомъ и погладить его по кудрявой головкѣ.

Такимъ образомъ прошелъ цѣлый годъ и ежедневныя свиданія не прерывались. Однажды вечеромъ Гайденъ возвращался домой, покончивъ всѣ свои занятія; стояла осень, и вечеръ былъ темный. Гайденъ приближался уже къ своему дому, вдругъ ему послышался боязливый дрожащій голосъ: «Вени, Вени, гдѣ ты? Неужели ты покинулъ меня? Вени, Вени!»

Гайденъ узналъ голосъ старика и удивился... въ эту пору дня его уже никогда не бывало на привычномъ мѣстѣ; Гайденъ поспѣшилъ и нашелъ его въ большой тревогѣ. Онъ стоялъ, прислонившись къ углу улицы, и не переставалъ звать своего шаловливаго внука, который куда-то убѣжалъ.

«Что съ тобою, дѣдушка, спросилъ Гайденъ, гдѣ Вени? Отчего ты въ такую позднюю пору не дома?

«Ахъ, это вы, господинъ Гайденъ, отвѣчалъ старикъ, самъ Богъ посылаетъ васъ! со мною случилось большое несчастіе, Вени пропалъ!

«Какъ пропалъ? Куда же онъ дѣвался?

«Не знаю! Сегодня тутъ было много дѣтей; я позволилъ Вени поиграть съ ними: бѣдному малюткѣ скучно постоянно стоять на одномъ мѣстѣ и просить со мною милостыни. Господи, посѣтилъ Ты меня! Но не мое дѣло роптать!.. Сначала Вени часто подбѣгалъ ко мнѣ и справлялся, не надобно ли мнѣ чего нибудь? Игра длилась, имой мальчикъ все болѣе и болѣе разгорался и рѣже, и рѣже подходилъ ко мнѣ.

«Я ему сдѣлалъ выговоръ, онъ поцѣловалъ меня, сказалъ: Погоди, дѣдушка, дай мнѣ чуточку доиграть, я сейчасъ кончу и буду съ тобою!—Потомъ опять пошелъ играть, и я слышалъ, какъ вся ватага побѣжала по улицѣ; я кликалъ Вени, но онъ не слыхалъ! Онъ убѣжалъ! Господи, что будетъ съ нимъ! Пропадетъ онъ! Навѣрное пропадетъ!

«Весь нынѣшній день я провелъ въ тревогѣ, собралъ поэтому втрое меньше обыкновеннаго, а мнѣ надобно кормить семерыхъ и я домой одинъ не дойду, а Вени пропалъ. Господи, что съ нимъ! Гдѣ онъ?» жалобно говорилъ старикъ, и крупныя слезы бѣжали изъ его незрячихъ глазъ.

Горе старика и его слезы глубоко тронули Гайдена, онъ рѣшился помочь ему: «Скажи, дѣдушка, въ какую сторону убѣжалъ шалунъ?»

«Онъ побѣжалъ туда, направо, оттуда я въ послѣдній разъ слышалъ его топотъ.

— Направо! но знаешь ли ты, дѣдушка, тамъ сходятся четыре улицы, по которой изъ нихъ побѣжалъ онъ?

«Не знаю, въ то время ѣхало много экипажей, кругомъ ходили, говорили, и я не знаю, куда онъ побѣжалъ.

— Старинушка, возьми мою скрипку, подержи ее, посиди тутъ, подожди меня, я постараюсь отыскать твоего внука.

Гайденъ отдалъ свою скрипку старику и быстро, почти бѣгомъ отправился по указанному направленію: пробѣжалъ по одной, по другой, по всѣмъ четыремъ улицамъ, спрашивалъ у дворниковъ и лавочниковъ, не видали ли гдѣ Вени, описывалъ его, но не нашелъ ни малѣйшаго слѣда.

Съ каждымъ мгновеніемъ становилось темнѣе; нечего было надѣяться отыскать мальчика. «Онъ ужъ не такой маленькій, думалъ Гайденъ, пропасть онъ не можетъ; я сегодня же подамъ объявленіе въ полицію, примѣты его мнѣ хорошо извѣстны и его до завтрашняго дня, навѣрное, отыщутъ; вернусь лучше къ старику: онъ, должно быть, не на шутку безпокоится.»

Съ этимъ онъ пересталъ отыскивать Вени и пошелъ къ тому мѣсту, гдѣ оставилъ слѣпаго. Старикъ все еще стоялъ на томъ же мѣстѣ: онъ дрожалъ отъ холоду; на лицѣ его изображалось глубокое горе, и

торопливо спросилъ Гайдена еще издали: «Ну, что Вени, нашли ли вы его?

— Нѣтъ, дѣдушка, я побывалъ во всѣхъ улицахъ, но нигдѣ не нашелъ. Вы не печальтесь; онъ, должно быть, пошелъ съ тѣми дѣтьми, можетъ быть, теперь у кого нибудь изъ нихъ, или прямо домой пробрался. Пропасть ему никакъ нельзя, онъ не маленькій, объ немъ нечего безпокоиться!

«Ну... а если его захватили цыгане, или другіе какіе нибудь бродяги, что тогда?

— Этого быть не можетъ; ни цыганъ, ни бродягъ по улицамъ нѣтъ, успокоивалъ его Гайденъ, полиція смотритъ; онъ не теленокъ, его нельзя увести безъ сопротивленія; онъ закричитъ, если чужой потащитъ его, и полиція защититъ; вы объ немъ, дѣдушка, не безпокойтесь; у дѣтей есть Ангелы-хранители, которые берегутъ ихъ и не даютъ имъ погибать. Неужели у васъ нѣтъ довольно вѣры въ Бога, неужели Онъ покинетъ невинное дитя и не спасетъ его отъ всякихъ опасностей?

Послѣднія слова сильно подѣйствовали на старика; онъ покорно склонилъ голову и сказалъ: «Вы правы, молодой человѣкъ. Господь не покинетъ невиннаго дитяти. Онъ пошлетъ своего Ангела, чтобы охранять моего милаго Вени отъ всякой бѣды. Онъ направитъ его на путь правды и охранитъ отъ всякаго несчастія. Будемъ молиться за него! Помолитесь и вы, вы добрый!

— Очень охотно, отвѣчалъ Гайденъ, но Богъ и безъ моей грѣшной молитвы не оставитъ дитя! Но вамъ, дѣдушка, пора домой, посмотрите, вы дрожите. У васъ лихорадка, вы простудились, позвольте мнѣ проводить васъ до вашей квартиры.

«Какъ? Вы хотите довести меня, бѣднаго слѣпаго домой! Какъ мнѣ благодарить васъ! Да наградитъ васъ Богъ, у меня есть только слезы благодарности, и Богъ видитъ мое сердце. Но я сегодня очень усталъ; я старъ и слабъ и только съ трудомъ могу передвигать ноги, какъ же вы со мной пойдете, квартира моя очень далеко отсюда, на самомъ краю города, не знаю, доплетусь ли?

Слова эти не на шутку испугали Гайдена; у него было мало времени, и онъ не зналъ, какъ ему быть: въ тотъ же вечеръ ему нужно было играть въ большомъ обществѣ, куда былъ приглашенъ, чтобы акомпанировать на скрипкѣ пѣніе одной изъ своихъ учениць. Какъ ему поспѣть? надо довести старика, вернуться во время домой, чтобы одѣться, и поспѣть на музыкальный вечеръ.

Но покинуть бѣднаго слѣпаго нельзя было. Гайдену пришла было мысль нанять кого нибудь провожать и заплатить за это, но кто поручится, что взявши деньги предоставятъ несчастнаго старика на волю Божію. Все это промелькнуло въ головѣ и въ сердцѣ Гайдена, и онъ не зналъ, на что ему рѣшиться; оба шли молча, Гайденъ велъ старика за руку; тотъ шелъ

съ трудомъ; по его задумчивому и печальному лицу видно было, что онъ молится. Гайденъ не нарушалъ его молчанія и самъ задумался.

Къ счастію, ѣхала пустая наемная карета; Гайденъ остановилъ ее и нанялъ довольно дешево, потому что извозчикъ жилъ въ одномъ предмѣстьѣ съ нищимъ по дорогѣ согласился довезти подешевле. Старикъ съ благодарностью сѣлъ въ карету, и оба поѣхали, но и тутъ молчаніе не прерывалось.

Послѣ довольно долгаго времени карета остановилась передъ небольшимъ бѣднымъ домикомъ, изъ оконъ котораго свѣтился небольшой огонекъ; изъ комнаты слышался громкій говоръ.

Гайденъ постучался въ окно; вскорѣ отворилась дверь, и вышла женщина съ лампочкой въ рукахъ и спросила, кто тамъ?

«Это я, Катя!»

— Ахъ, Боже мой, это ты, ты, батюшка! съ радостью воскликнула женщина, бросилась къ старику и со слезами обняла его шею.

Гайденъ осторожно ввелъ старика въ маленькую, бѣдную, но теплую комнатку; маленькій Вени, весь въ слезахъ, съ потупленной головой, съ выраженіемъ стыда и раскаянія стоялъ въ углу. Когда дѣдъ узналъ, что онъ цѣлъ, то съ благодарностью поднялъ глаза къ небу и громко благодарилъ Бога за его избавленіе отъ всякой опасности; но потомъ, обратясь къ мальчику, съ

упрекомъ сказалъ: «Вени, Вени, зачѣмъ ты меня покинулъ?»

Мальчикъ за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ вернулся домой и на вопросъ матери, откровенно разсказалъ всю свою вину.

Когда онъ увидѣлъ дѣда и услышалъ голосъ его, то съ громкимъ плачемъ кинулся къ нему, палъ передъ нимъ на колѣни и рыдалъ, и умолялъ простить ему вину его, и обѣщался никогда, никогда больше не дѣлать этого.

Старикъ самъ заплакалъ и простилъ мальчика, поднялъ, обнялъ его и поцѣловалъ. Тутъ только вспомнилъ онъ о Гайденѣ: «Гдѣ онъ, гдѣ мой избавитель?» воскликнулъ онъ.

— Кого ты ищешь, батюшка? спросила молодая женщина.

« Гдѣ тотъ молодой человѣкъ, который нашелъ меня одинокаго на улицѣ, сжалился надо мною, и привезъ меня сюда?»

— Ахъ Боже мой, я и не замѣтила, отвѣчала молодая женщина,—какъ онъ ушелъ. Слышители стукъ кареты; это, вѣрно, онъ уѣзжаетъ! Ахъ, зачѣмъ я не удержала его, зачѣмъ не поблагодарила?

Гайденъ, дѣйствительно, воспользовался тѣмъ временемъ, пока всѣ были заняты старикомъ и мальчикомъ, и, никѣмъ незамѣченный, вышелъ изъ комнаты и уѣхалъ, чтобы избѣжать благодарности. Душа его

была взволнована происшествіемъ этого вечера. Онъ чувствовалъ какое-то одушевленіе.

Онъ доѣхалъ до своей квартиры, поспѣшно закусилъ, переодѣлся и поспѣшилъ во дворецъ.

Въ этотъ вечеръ звуки лились съ необыкновенною чистотою и прелестью изъ-подъ его смычка, они потрясали душу слушателей, и всѣ находили, что онъ никогда не игралъ съ такимъ чувствомъ. Всѣ восхищались его игрою, никто не зналъ, что источникъ этого одушевленія скрывался въ добромъ въ дѣлѣ, которое онъ въ этотъ день сдѣлалъ.

Знаменитый скрипачъ и нищій.

Былъ теплый, лѣтній день; большая часть народонаселенія австрійской столицы, Вѣны, спѣшила въ Пратеръ, мѣсто общественнаго гулянья. Солнце свѣтило очень привѣтное, густые липы, клены и дубы бросали тѣнь; на зеленыхъ лужайкахъ сидѣли и лежали усталые. Многіе располагались тутъ пить пиво и закусывать; для этого въ разныхъ мѣстахъ стояли столики предъ зелеными садовыми скамейками.

Народу было много; тутъ были дамы въ нарядныхъ дорогихъ платьяхъ, и жены и дочери мастеровыхъ въ самыхъ простенькихъ костюмахъ; иные пріѣзжали въ богатыхъ экипажахъ на чудесныхъ лошадяхъ, но еще больше приходили пѣшкомъ. Дѣти бѣгали и играли; молодые весело разговаривали и смѣялись, старики, за кружкой пива, обсуживали разные политическіе вопросы, и всѣ были довольны. Всѣ гуляющіе наслаждались тихимъ и теплымъ вечеромъ.

Но не всѣ, бывшіе въ Пратерѣ, одинаково веселились и наслаждались; въ разныхъ мѣстахъ гулянья, видѣ-

лись печальныя лица: это были нищіе, протягивавшіе руку за подаяніемъ; хромые, слѣпые и безрукіе попадались на каждомъ шагу; они старались выказывать свое уродство, чтобы вѣрнѣе пробудить состраданіе. Нѣкоторые стыдились просить милостыни: тѣ играли на какомъ нибудь инструментѣ и тѣмъ обращали на себя вниманіе проходящихъ.

Въ числѣ такихъ несчастливцевъ былъ старый отставной солдатъ, искалѣченный въ сраженіяхъ; у него недоставало одной ноги, на правой рукѣ—оставалось всего три пальца; лицо было изрублено и голова безъ волосъ. Старый солдатъ не просилъ милостыни. Онъ былъ родомъ чехъ, изъ Богеміи, а чехи музыкальный народъ; каждый или играетъ на какомъ нибудь инструментѣ, или поетъ; такъ и этотъ старый инвалидъ умѣлъ играть на скрипкѣ, хоть не бойко, но царапалъ кое-какъ, и своею музыкой надѣялся пробудить жалость и состраданіе прохожихъ.

Онъ на своей деревяшкѣ стоялъ подъ толстымъ, столѣтнимъ дубомъ, склонилъ свою сѣдую, почти безволосую голову на сторону и очень усердно игралъ на своей скрипкѣ. Онъ пріучилъ свою собаку сидѣть подлѣ себя, и она преважно держала въ зубахъ старую и скомканную шляпу бѣдняка.

Смѣшной видъ собаки сѣдины старика и его увѣчье обыкновенно пробуждали состраданіе, и прохожіе бросали мелкихъ денегъ, въ шляпу, а собака всякій разъ, когда что нибудь клали въ шляпу, ставила ее на

землю, весело лаяла, пробѣгала кругъ, опять возвращалась на свое мѣсто и опять садилась съ шапкою въ зубахъ.

Въ этотъ день, или старикъ игралъ хуже обыкновеннаго, или собака не умѣла обратить на себя вниманія, или погода такъ дѣйствовала, или были у гуляющихъ какія нибудь другія заботы, но никто не обращалъ вниманія на старика, никто не останавливался передъ нимъ, никто ничего не бросилъ въ шляпу, и собакѣ ни разу не пришлось пробѣжаться съ лаемъ.

Кругомъ все волновалось, разговоры лились рѣкою, смѣхъ поминутно слышался то тутъ, то тамъ, а шляпа все оставалась пуста. На лицѣ старика выражалась большая печаль; и неудивительно: у него дома не оставалось ни щепотки муки, ни одной крошки хлѣба; онъ уже сутки не ѣлъ, и голодъ мучительно сжималъ ему внутренности.

Давно уже дожидался онъ гулянья: но все стояли ненастные дни и старикъ ничего не заработывалъ; сегодня въ первый прекрасный лѣтній день, старикъ натянулъ на скрипку новыхъ струнъ, которыя уже болѣе мѣсяца берегъ, и пошелъ въ Пратеръ съ надеждою, что опять запасется деньгами на нѣсколько дней.

Мимо него вереницей проходили гуляющіе, а никому на умъ не приходило дать что нибудь бѣдняку. Онъ смотрѣлъ на роскошные туалеты, слышалъ звонъ денегъ въ карманахъ, видѣлъ повсюду золотыя цѣпочки и брильянтовыя серги и запонки, и ему еще труднѣе сдѣлалось

выносить свою нищету; онъ съ горечью думалъ о томъ, что придетъ на свой чердакъ и голодный ляжетъ спать на жесткій соломенникъ. «Моя собака даже счастливѣе меня, думалъ онъ, она найдетъ гдѣ нибудь кость, поглоложетъ ее и сыта, а я? Что мнѣ дѣлать?»

Такъ думалъ старикъ, а самъ все водилъ смычкомъ, все игралъ разныя народныя, веселыя пѣсни и вальсы и т. п.

Солнце клонилось уже къ закату; многіе начали собираться домой; нѣкоторыя дамы уже вышли изъ Пратера, сѣли въ свои экипажи и поѣхали домой; день оканчивался, голодъ мучилъ стараго инвалида, а шляпа все еще пуста; горькія чувства волновали его сердце, тоска подступила къ горлу, на лицѣ его выразилось страданіе.

Недалеко отъ старика, прислонившись къ клену, стоялъ молодой человѣкъ, щегольски одѣтый; онъ уже давно смотрѣлъ на старика и слѣдилъ за выраженіемъ его лица. Онъ замѣчалъ, какъ лицо его становилось все мрачнѣе и мрачнѣе, какъ рука безъ пальцевъ судорожно водила смычкомъ; онъ видѣлъ какъ утомленіе постепенно брало верхъ; наконецъ онъ болѣе стоять не могъ и въ совершенномъ изнеможеніи сѣлъ на камень подъ дубомъ, пересталъ играть, безнадежно махнулъ рукою, и изъ глазъ его, по сѣдымъ рѣсницамъ, покатились слезы и закапали на землю.

При видѣ слезъ этого стараго солдата, искалѣченнаго на войнѣ, молодой человѣкъ вздрогнулъ, точно

будто до него дотронулись раскаленнымъ желѣзомъ; онъ поблѣднѣлъ, быстро подошелъ къ инвалиду и положилъ ему *золотой* въ руку.

Старикъ точно остолбенѣлъ: никогда, никто не подавалъ ему такой милостыни; но молодой человѣкъ ломаннымъ нѣмецкимъ языкомъ сказалъ: «Одолжите мнѣ вашу скрипку на полчаса, я опять отдамъ, потомъ!»

Хоть молодой человѣкъ очень плохо выговаривалъ слова, но все же понять его можно было, и старикъ исполнилъ его желаніе.

Молодой человѣкъ нѣсколько времени настраивалъ ее, потомъ для пробы провелъ смычкомъ и сказалъ: «Скрипка совсѣмъ не дурна! Ну, старикъ, теперь я поиграю, а ты подержи шляпу и собирай деньги!»

Онъ заигралъ: «Что это? Да это не моя скрипка я ея не узнаю!» Старикъ позабылъ свое горе, свой голодъ и шляпу; онъ весь превратился въ слухъ, и у него только смутно вертѣлось въ головѣ: «откуда берутся эти звуки, неужели ихъ можно вызвать изъ моей полуразбитой скрипки?»

Изъ-подъ смычка у незнакомца лились чудесные звуки; они такъ и входили въ душу и трогали и нѣжили ее; то они лились, какъ бисеръ, отчетливо и четко переливаясь; то въ нихъ слышался плачъ, раздирающій душу, то дикое веселье, то свѣтлая радость, то отчаяніе тоскующаго сердца...

Прохожіе образовали вокругъ артиста большой кругъ, и число ихъ съ каждымъ мгновеніемъ росло, экипажи останавливались и сидѣвшіе въ нихъ увеличивали число слушателей; никто не смѣлъ дохнуть, чтобы не проронить ни одной ноты; многіе плакали.

Всѣ до одного поняли, что передъ ними великій артистъ и что этотъ артистъ употребляетъ свое искусство на службу бѣдняка. Всякій считалъ своимъ долгомъ показать артисту, что понимаетъ его, и въ шляпу старика посыпалось золото, серебро, мѣдь и бумажки; всякій давалъ, что могъ.

Собака съ неудовольствіемъ смотрѣла на своего хозяина, зачѣмъ онъ берется не за свое дѣло и ворчала, а хозяинъ видѣлъ, что шляпа уже полна; онъ высыпалъ деньги въ карманы, платокъ и опять подставилъ ее и опять она наполнилась до краевъ.

А незнакомецъ, между тѣмъ, продолжалъ играть все съ бо̀льшимъ одушевленіемъ, глаза его искрились отъ удовольствія и звуки волновали и нѣжили сердца слушателей. Наконецъ онъ остановился, чтобы отдохнуть; тутъ загремѣли рукоплесканія и восторженные крики. Но лишь только смычекъ опять коснулся струнъ, вся толпа замолкла и всѣ слушали съ такимъ вниманіемъ, что можно было разслушать полетъ мухи, замѣтить біеніе сердца, каждый вздохъ былъ слышенъ.

Но солнце склонилось къ закату; въ воздухѣ стало свѣжо, туманъ показался надъ рѣкою и капли росы засверкали на травѣ. Незнакомецъ мало по малу свелъ

игру на мелодію всѣмъ знакомую и всѣми австрійцами любимую; онъ заигралъ народный гимнъ: «Боже, храни Франца нашего императора»... Онъ игралъ съ такимъ одушевленіемъ, что всѣ присутствующіе сняли шляпы и въ тысячу голосовъ запѣли, однимъ громаднымъ хоромъ...

Гимнъ приближался къ концу; незнакомецъ внезапно положилъ скрипку подлѣ старика, надѣлъ шляпу, которую скинулъ, когда началъ играть, ласково кивнулъ ему головою и, не дождавшись его спасиба, исчезъ въ толпѣ.

Голоса замолкли, всѣ тѣснились къ инвалиду и громко и требовательно спрашивали, кто это такой?

Кто игралъ?

«Господа, отвѣчалъ старикъ, я не знаю, кто это былъ подлѣ меня: это ангелъ, слетѣвшій съ небесъ; безъ него мнѣ сегодня пришлось бы голодать.»

Въ это время изъ толпы выступилъ пожилой человѣкъ, очень почтенный, и сказалъ: «я его знаю: это извѣстнѣйшій скрипачъ Александръ Буше. За нѣсколько дней передъ этимъ онъ пріѣхалъ въ Вѣну и познакомилъ васъ сегодня съ своимъ талантомъ и сдѣлалъ доброе дѣло. Будемъ же и мы подражать ему!»

При этомъ онъ снялъ свою шляпу, первый положилъ въ нее талеръ и сталъ обходить присутствующихъ, сказавъ: «Сегодня мы позабыли объ этомъ бѣдномъ инвалидѣ, но Буше игралъ въ его пользу!»

Когда шляпа опять наполнилась, онъ высыпалъ деньги въ котомку инвалида и воскликнулъ: «Да здраствуетъ Буше!»

Народъ подхватилъ: Ура, Буше! Ура! Ура!..»

У стараго инвалида слезы капали изъ глазъ; онъ сложилъ руки и произнесъ: «Господи, награди его!»

Пратеръ опустѣлъ; въ домахъ зажглись огни, и въ этотъ вечеръ, во многихъ вѣнскихъ домахъ говорили о благородномъ поступкѣ Буше; и каждый намѣревался идти въ концертъ, когда онъ дастъ концертъ; каждому хотѣлось показать сочувствіе къ великому артисту и благородному человѣку.

Благодѣтель.

Однажды, въ концѣ прошлаго столѣтія, по самымъ уединеннымъ улицамъ Филадельфіи шелъ пожилой человѣкъ, очень, просто одѣтый; его задумчивое лицо его строгія черты внушали уваженіе. Было еще очень рано утромъ, и народу на улицахъ, противъ обыкновенія, было еще очень мало.

Вдругъ изъ-за угла одного дома вышелъ мальчикъ, лѣтъ тринадцати; онъ былъ очень бѣдно одѣтъ, очень блѣденъ, печаленъ и, не смѣя поднять глазъ, робко подошелъ къ прохожему и дрожащимъ отъ волненія голосомъ просилъ у него не милостыни, а какой нибудь помощи.

Прохожій очень внимательно и строго осмотрѣлъ его съ головы до ногъ; по дрожащему голосу, смущенію и скромному виду мальчика, тотчасъ можно было догадаться, что нищенство у него не ремесло, а только поступокъ, вынужденный крайнею бѣдностію и несчастіемъ.

«Вы не похожи на нищаго. Что васъ заставляетъ

протягивать руку? Прошу васъ, скажите мнѣ откровенно правду, но чистую правду; отъ вашего отвѣта будетъ зависѣть моя помощь!» Такъ говорилъ незнакомецъ; въ его голосѣ было много мягкости и слышалась доброта, которая внушала довѣренность.

Мальчикъ ободрился, смѣлѣе взглянулъ на незнакомца, и сложивъ руки, отвѣчалъ съ глубокимъ горемъ: «О Господи, я не привыкъ просить милостыни, я не на то родился и не на то меня воспитывали. Только несчастія отца, горе и болѣзнь матери заставили меня, скрѣпя сердце, протянуть руку за подаяніемъ. Господи, Господи, до чего я дошелъ!»

«Кто такой отецъ вашъ, гдѣ онъ, гдѣ ваша мать?— спросилъ незнакомецъ.

«Мой отецъ занимался торговлей, мы жили богато, но одинъ изъ пріятелей моего отца обманулъ его, другой отказался платить ему долги, у третьяго потонули корабли; съ моего отца потребовали, чтобы онъ заплатилъ за тѣхъ за кого поручился, и въ двѣ недѣли изъ богатыхъ мы сдѣлались бѣдняками. Отецъ уже и прежде хворалъ, но тутъ онъ не могъ перенести несчастія, захворалъ еще сильнѣе и умеръ. Матушка осталась со мною и съ братомъ, помоложе меня, безъ всякихъ средствъ къ жизни.

«Одинъ изъ знакомыхъ отца взялъ меня къ себѣ въ домъ, а матушка съ братомъ живутъ отдѣльно; она работаетъ съ утра до вечера и добываетъ тѣмъ пропитаніе себѣ и брату; но въ прошлую ночь она опасно заболѣла и можетъ умереть, если я не найду

доктора и не достану денегъ на лекарство; а у матери и у меня нѣтъ ни копѣйки. Я бы пошелъ просить къ прежнимъ знакомымъ, но у меня не достаетъ смѣлости. Одни изъ нихъ не дадутъ, а тѣ, которые и дали бы, не могутъ, у нихъ у самихъ ничего нѣтъ. Поэтому... и мальчикъ съ смущеніемъ замолчалъ.

Въ истиннѣ его словъ сомнѣваться нельзя было; правда слышалась въ голосѣ и видѣлась въ глазахъ. По глазамъ и по голосу правду всегда можно отличить отъ лжи. «Ну, такъ поэтому... Чего же остановились, продолжайте,» сказалъ незнакомецъ ласковымъ и кроткимъ голосомъ.

«Поэтому, продолжалъ мальчикъ и слезы закапали у него изъ глазъ, я побѣдилъ въ себѣ стыдъ и съ тяжелымъ сердцемъ обратился къ вамъ, мнѣ совсѣмъ незнакомому: ради Бога, помогите матушкѣ и брату!»

— Гдѣ живетъ ваша мать?

— Недалеко отсюда; въ послѣднемъ домѣ направо, въ концѣ улицы, въ третьемъ этажѣ.

— Призывали ли вы доктора?

Мальчикъ отрицательно покачалъ головою.

— Нате вамъ нѣсколько денегъ на первый случай, бѣгите поскорѣе за докторомъ. И незнакомецъ сунулъ мальчику четыре золотыя монеты въ руку.

Онъ со слезами схватилъ руку и поцѣловалъ ее молча, — говорить отъ волненія не могъ, потомъ опрометью побѣжалъ прочь.

Незнакомецъ нѣсколько мгновеній съ недоумѣніемъ провожалъ его глазами, потомъ сказалъ про себя: «Нѣтъ, не можетъ быть!» и пошелъ по тому направленію, гдѣ была квартира больной.

Домъ не трудно было найти, также легко и квартиру; незнакомецъ, по словамъ дворника, поднялся на самый верхній этажъ и остановился передъ бѣдною и плохо запертой дверью. Онъ постучался; ему отворилъ пятилѣтній мальчикъ необыкновенно красивый, но худой, блѣдный и весь въ слезахъ.

Однимъ взглядомъ незнакомецъ удостовѣрился, что передъ нимъ несчастное, но неиспорченное семейство. Въ комнаткѣ былъ всего одинъ деревянный столъ, два или три такихъ-же простыхъ бѣлыхъ деревянныхъ стула. На столѣ лежала неконченная женская работа; вездѣ все было очень чисто прибрано. Въ одномъ углу, на соломенникѣ, едва прикрытомъ грубою, но чистою простыней, на кровати лежала больная, въ полубессознательномъ состояніи.

Незнакомецъ подошелъ къ ней и, назвавшись докторомъ, разспросилъ ее о болѣзни, а больше всего объ ея несчастіяхъ и объ обстоятельствахъ, которыя довели ее до этого состоянія.

Она чистосердечно разсказала ему тоже, что и мальчикъ; только прибавила еще, что смерть была бы для нея благодѣяніемъ и разомъ прекратила бы всѣ ея страданія; но смерти не смѣетъ призывать,

потому что жизнь ея нужна для дѣтей и она для нихъ желала бы сохранить ее и работать для нихъ.

Незнакомецъ выслушалъ ея печальную повѣсть и утѣшалъ ее словами, исполненными невыразимаго сочувствія' пробудилъ въ ней надежду на лучшіе дни, и заключилъ: «Потерпите немного, на свѣтѣ много добрыхъ людей, вамъ дадутъ средства окончить воспитаніе вашихъ сыновей; они выростутъ, окрѣпнутъ, будутъ добывать деньги и поддержатъ вашу жизнь. Теперь главное, постарайтесь поскорѣе выздоровѣть! Дайте мнѣ бумаги, чернилъ и перо, я вамъ напишу рецептъ и, когда вашъ старшій сынъ придетъ, пошлите его въ аптеку».

Въ комнатѣ поискали бумаги, но не было ни одного листочка. На постели у больной лежала хорошо переплетенная библія и молитвенникъ. Незнакомецъ осмотрѣлъ книги и въ одной изъ нихъ нашелъ чистый листокъ бумаги, какъ это всегда бываетъ въ переплетенныхъ книгахъ, вырвалъ его и сказалъ «Для вашего молитвенника это не потеря, а съ меня довольно.»

Маленькій мальчикъ принесъ свою чернильницу и перо; незнакомецъ сѣлъ къ столу и что-то написалъ, оставилъ исписанный листокъ на столѣ, поцѣловалъ мальчика въ голову, еще поговорилъ съ больною, ободрялъ ее, совѣтовалъ поскорѣе выздоравливать и ушелъ.

Нѣсколько времени спустя прибѣжалъ старшій сынъ и весело сказалъ: «Слава Богу, нашелъ доктора,

онъ сейчасъ будетъ и вамъ пропишетъ лекарство. Мы счастливы! Милость Божія не оставляетъ насъ, я нашелъ благодѣтельнаго человѣка, который помогъ намъ Матушка, милая, добрая матушка, ободритесь. Богъ, не оставляетъ насъ.»

Вдова, растроганная до слезъ, обняла и поцѣловала дѣтей своихъ и отвѣчала:

— Другъ мой, чего ты хлопочешь? вѣдь ты уже прислалъ ко мнѣ доктора; онъ былъ, и я ему все разсказала.

«Не можетъ быть! я теперь прямо отъ доктора, никуда не заходилъ, и онъ не могъ раньше моего поспѣть сюда!

— Ты не вѣришь, а между тѣмъ докторъ былъ и не только способный исцѣлять болѣзни, но еще болѣе способный исцѣлять душу. Онъ говоритъ такъ умно въ немъ столько кротости, что отъ его словъ всякое горе исчезаетъ. Ты не вѣришь, ты качаешь головой, ну, пойди же къ столу и прочти, тамъ лежитъ рецептъ; да снеси его въ аптеку, мнѣ другого доктора не нужно.

Она слабой рукою показала на столъ, гдѣ еще лежалъ рецептъ.

Мальчикъ съ удивленіемъ подошелъ къ столу, взялъ написанный листъ и началъ читать. Но тотчасъ же поблѣднѣлъ еще больше и задрожалъ; колѣни у него безсильно подгибались и руки дрожали.

— Матушка, воскликнулъ онъ. Это совсѣмъ не рецептъ. Послушайте сами.

И онъ громко прочелъ предписаніе выдать вдовѣ Мельзеръ очень значительную сумму денегъ, принявъ во вниманіе несчастіе, разорившее ее, и малолѣтство дѣтей, требующихъ воспитанія и приличнаго содержанія.

Мать вскочила и не могла сообразить своего счастія: «Ради Бога, скажи мнѣ, кто подписался, не обманъ ли это?»

— Матушка, тутъ стоитъ: «Джоржъ Уашингтонъ, президентъ конгреса Соединенныхъ американскихъ штатовъ».

При этихъ словахъ вдова въ полномъ безпамятствѣ упала на постель. Слишкомъ большая и неожиданная радость дѣйствуетъ также сильно, какъ и чрезмѣрная печаль; человѣкъ перестаетъ дышать, сердце у него не бьется, онъ ничего не видитъ и не слышитъ и, какъ мертвый, падаетъ на землю.

При видѣ матери въ обморокѣ, дѣти ужасно испугались, начали тереть ей виски, прыскали на нее водою, но она не шевелилась. Къ счастію, пришелъ докторъ и вскорѣ привелъ ее въ себя. И онъ прочиталъ бумагу, оставленную Уашингтономъ и наравнѣ съ семействомъ Мельзеръ благословилъ благодѣтельнаго президента.

Недѣлю спустя, президентъ навѣстилъ облагодѣтельствованную семью; вдова уже поправлялась; оба сына были дома; они съ восторгомъ встрѣтили его; со слезами припали къ его рукамъ и цѣловали ихъ съ та-

кою же любовью, съ какою цѣлуютъ руку милаго и добраго отца.

Когда всѣ успокоились и сѣли на бѣдные, деревянные стулья, Уашингтонъ изъ вынулъ кармана двѣ бумаги и подалъ каждую изъ нихъ одному изъ мальчиковъ; въ одной было условіе съ однимъ изъ лучшихъ купеческихъ домовъ Филадельфіи; по просьбѣ президента, мальчика принимали въ контору, съ назначеніемъ небольшаго жалованья.

Во второй была квитанція отъ хорошаго училища, въ которое младшій изъ братьевъ принимался ученикомъ и въ которой было написано, что деньги за ученіе получены за два года впередъ.

Сумма, обѣщанная въ первое посѣщеніе, дала вдовѣ возможность жить безбѣдно, и она начала небольшую торговлю бакалейными товарами; такъ какъ сыновья ея были опредѣлены, то ей оставалось много свободнаго времени; на ея личное содержаніе немного надобно было денегъ, поэтому она каждую копѣйку употребляла на торговлю, и выгоды отъ нея радовали ее.

Президентъ по временамъ навѣщалъ семейство Мельзеръ и слѣдилъ за тѣмъ, какъ мальчики учатся, какъ ведутъ себя; онъ радовался, когда старшій занялъ видное мѣсто въ торговомъ домѣ и вполнѣ оправдалъ хлопоты объ немъ. Благородный Уашингтонъ называлъ его сыномъ и былъ правъ: онъ далъ ему жизнь, далъ средство жить честно.

Докторъ и семейство Мельзеръ разсказали благородный поступокъ президента и въ Филадельфіи въ каждомъ домѣ говорилось: «Да благословитъ Господь спасителя отечества, опору и помощника бѣдныхъ и несчастныхъ!..»

Случай изъ жизни Горація Верне.

Во Франціи, во время царствованія Луи-Филиппа, однажды послали роту венсенскихъ стрѣлковъ въ загородный дворецъ Версаль, чтобы занять тамъ караулы.

Надобно знать, что Версаль — это лучшій загородный дворецъ, недалеко отъ Парижа, съ прекраснымъ паркомъ, фонтанами, похожими на наши петергофскіе фонтаны, и съ большою картинною галлереей. Картинная галлерея эта особенно тѣмъ замѣчательна, что тутъ изображены масляными красками всѣ происшествія изъ исторіи Франціи. Больше всего картинъ новѣйшаго французскаго живописца Горація Верне (Horace Vernet); такъ какъ онъ писалъ событія, ему современныя, то и помѣщалъ въ свои картины портреты людей, отличившихся на войнѣ; къ тому же, онъ пишетъ такъ живо и выразительно, что кажется, будто на полотнѣ все живые люди и лошади.

Между венсенскими стрѣлками былъ молодой человѣкъ, родомъ изъ окрестностей Страсбурга; такъ какъ народонаселеніе тутъ смѣсь изъ французовъ и изъ нѣм-

цевъ, то и очень часто лица бываютъ совсѣмъ нѣмецкія, бѣлыя, румяныя съ голубыми глазами, свѣтлыми волосами. Таковъ былъ молодой человѣкъ, о которомъ идетъ разсказъ; звали его Жаномъ, т. е. по-русски Иваномъ. Это былъ добрый, честный и прямодушный молодой человѣкъ; его замѣчательная красота поразила капитана, командира роты, и чтобы имѣть Жана при себѣ, онъ взялъ его къ себѣ въ *деньщики*: такъ называютъ солдата, который прислуживаетъ своему офицеру.

Жанъ былъ кроткаго, мечтательнаго характера, склоннаго къ задумчивости: отъ этого и лицо его выражало печаль, или огорченіе.

Капитанъ очень любилъ Жана и, заставши его однажды грустнѣе и молчаливѣе обыкновеннаго, сказалъ ему: «Скажи мнѣ пожалуйста, отчего ты не сходишь въ картинную галлерею и не посмотришь на картины; такихъ ты никогда не видывалъ; ты, вѣдь, прежде не бывалъ въ Версали, поди, посмотри! Непремѣнно посмотри!»

Жану этого только и хотѣлось; товарищи ему много говорили о батальныхъ картинахъ Горація Верне, и ему очень хотѣлось увидѣть ихъ; только все не было времени и совѣстно было попроситься у капитана.

Сердце у Жана сильно билось отъ ожиданія. Онъ ходилъ по галлереѣ, смотрѣлъ, но некому было объяснять картинъ; некому сказать, которыя писаны Гораціемъ Верне. Только нѣкоторыя поражали солдата своею жи-

востью, и онъ невольно останавливался передъ ними и не могъ насмотрѣться на нихъ. Когда же онъ увидѣлъ лица знакомыхъ генераловъ и даже солдатъ, онъ не могъ двинуться съ мѣста, не могъ удержаться, чтобы не воскликнуть:

«Вотъ, живописецъ! Да, это не рисованные люди, а живые, чуть не выходятъ изъ рамокъ!» Какой-то незнакомецъ стоялъ подлѣ него; обращаясь къ нему, Жанъ спросилъ: «скажите мнѣ, пожалуйста, кто это ихъ написалъ?»

— Горацій Верне!

«Гдѣ онъ теперь? торопливо спросилъ солдатъ.

— Я думаю, въ Парижѣ, на прошлой недѣлѣ я съ нимъ встрѣтился въ Элисейскихъ поляхъ.

Жанъ поблагодарилъ незнакомца и продолжалъ осматривать галлерею. Съ этихъ поръ каждую свободную минуту проводилъ онъ въ ней; капитанъ далъ ему книжечку, въ которой историческій смыслъ каждой картины былъ объясненъ, и съ нею въ рукахъ Жанъ изучалъ галлерею.

Недѣли двѣ спустя, въ полку начали говорить о томъ, что венсенскіе стрѣлки посылаются въ Африку, въ Алжиръ, гдѣ въ то время шла война.

Жанъ всегда былъ тихъ и молчаливъ, но съ этого времени, онъ или молча работалъ, или сидѣлъ и о чемъ-то думалъ; если же товарищи надъ нимъ смѣялись, онъ таинственно улыбался и ничего не отвѣчалъ на ихъ шутки. Онъ всегда былъ бережливъ,

но теперь сдѣлался скупъ и на себя ровно ничего не издерживалъ и во всемъ себѣ отказывалъ; онъ прежде курилъ папиросы, но теперь и это пересталъ.

Однажды Горацій Верне стоялъ въ своей мастерской передъ картиной и писалъ ее. Работа шла очень успѣшно; фигуры такъ и выступали на полотнѣ. Г. Верне особенно дорожилъ своимъ утреннимъ временемъ; никто его тутъ не посѣщалъ, никто не мѣшалъ ему работать.

Онъ такъ углубился въ свое дѣло, что и не замѣтилъ, какъ дверь его мастерской отворилась, вошелъ Жанъ и долго стоялъ, не спуская глазъ съ его кисти, наконецъ у него вырвалось невольное восклицаніе восторга. Горацій Верне быстро повернулся къ нему и увидѣлъ восторженное лицо и сверкающій взглядъ молодаго прекраснаго собою солдата.

Къ знаменитому живописцу ежедневно приходило много гостей, но солдаты еще никогда не являлись и потому видъ венсенскаго стрѣлка удивилъ его. Жанъ былъ очень хорошъ собою, бѣлокурый, голубоглазый, настоящій Эльзасецъ; живописецъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на молодаго человѣка, который смѣшался, покраснѣлъ и потупилъ глаза. Онъ очень неловко поклонился и еще болѣе неловко извинился, что помѣшалъ работѣ.

Но Горацій Верне заговорилъ съ нимъ ласково, такъ что Жанъ ободрился и сказалъ: «я въ Версали разсматривалъ ваши картины, удивлялся имъ и не могъ удер-

жаться, чтобы не придти къ вамъ и посмотрѣть, какъ это вы можете такъ чудесно рисовать.»

Уже появленіе солдата и его наружность произвели хорошее впечатлѣніе на Горація Верне; но его простая рѣчь, и восторгъ, съ которымъ онъ говорилъ о его произведеніяхъ, еще больше понравились; живописецъ, положивъ кисти и палитру, досталъ картонъ, на которомъ былъ набросанъ эскизъ, т. е. планъ картины.

Стрѣлокъ посмотрѣлъ и воскликнулъ: «ахъ Боже мой, да это сраженіе при Исли!»

Живописецъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на солдата: «Неужели ты былъ тамъ?» спросилъ онъ. «Нѣтъ, нѣтъ прибавилъ онъ, по твоему цвѣту лица видно, что ты въ Африкѣ не бывалъ, отъ солнца пустыни ты бы загорѣлъ.»

Жанъ глубоко вздохнулъ и отвѣчалъ: «скоро и я почернѣю отъ жаркаго солнца, недѣли черезъ двѣ и я буду въ Африкѣ.»

— Но, почему же ты узналъ, что это сраженіе при Исли?

«Вотъ видите ли, всѣ прежнія сраженія уже вы нарисовали, я ихъ видѣлъ въ Версали, а на этой картинѣ я вижу генераловъ, офицеровъ и даже солдатъ, которые были въ этомъ сраженіи и мнѣ объ немъ много разсказывали; а тутъ у васъ все похоже и солдаты и офицеры, и пушки, и дымъ, и арабы, все

тутъ, какъ на яву. Не понимаю, какъ это вы можете такъ рисовать!

— Самъ не знаю, какъ, отвѣчалъ ему художникъ улыбаясь.

Жанъ смотрѣлъ на него съ удивленіемъ и недовѣрчивостію. «Неужели вы каждаго можете такъ похоже нарисовать.»

— Я думаю, что каждаго, отвѣчалъ г. Верне, которому молодой солдатъ все болѣе и болѣе нравился.

«Я такъ и думалъ! съ живостью воскликнулъ стрѣлокъ, да у васъ и люди, и лошади чуть не движутся; и глаза сверкаютъ, и ноздри раздуваются и пышутъ! А генералы-то, а полковники, Господи Боже мой! ну, точь въ точь такіе, какими я ихъ видѣлъ на разводѣ; только слѣпой ихъ не узнаетъ; нечего говорить, такого сходства никто изъ другихъ живописцевъ не можетъ придать! Удивительно! Право, удивительно!

Жанъ еще долго болталъ, но очевидно было, что у него на сердцѣ что-то лежитъ, и онъ не осмѣливается приступить къ своему дѣлу и продолжалъ толковать о сходствѣ. Наконецъ онъ сказалъ: «Вотъ мои товарищи тоже заказали съ себя портреты Петитену, потому что не знаютъ гдѣ сдѣлать похожіе? Только говорятъ, будто это портреты, а между тѣмъ не видятъ, что на картинкѣ только мундиръ похожъ, а лица какія-то чужія, некрасивыя и столько же похожія на Петра, сколько на Ѳому. Не понимаю какъ можно посылать матери и отцу лицо, которое нисколько не похоже и никакъ не можетъ напоми-

нать сына, котораго, можетъ быть, какая нибудь пуля убьетъ въ Алжирѣ. Да, плохо пишетъ Петитенъ, а деньги беретъ большія.

— Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ дорого беретъ за портретъ? спросилъ Горацій Верне.

«Представьте себѣ, по цѣлому франку, съ неудовольствіемъ отвѣчалъ Жанъ.

Франкъ на наши русскія деньги въ то время стоилъ двадцать пять копѣекъ, теперь онъ сталъ дороже.

— Это, дѣйствительно, слишкомъ дорого, если портретъ не похожъ.

«И я тоже говорю: если портретъ не похожъ, то онъ ни копѣйки не стоитъ. У насъ, солдатъ, мало денегъ, и бросать ихъ за безобразную мазню совсѣмъ нельзя.

— Да, да!! И такъ, вы пойдете въ Алжиръ; неужели ты еще не сдѣлалъ своего портрета, чтобы отослать его матери: ей это было бы пріятно.

«Я? съ удивленіемъ, почти съ испугомъ, что мысли его угаданы, переспросилъ Жанъ. — Думать-то я думалъ, но...

— Чтожь тебя остановило?

«Я бы сказалъ вамъ, да страшно, проговорилъ солдатъ въ замѣшательствѣ, чуть слышно, потупилъ голову и покраснѣлъ, какъ дѣвушка. — Я портретъ свой хотѣлъ бы имѣть, но не хочу, чтобы его написалъ Петитенъ: что за радость для моей матери имѣть передъ глазами лицо незнакомаго человѣка, да еще съ

носомъ на сторону и съ раскосыми глазами. — Когда я смотрѣлъ на ваши чудесныя картины въ Версали, я самъ себѣ говорилъ: «ну, пріятель, если уже дѣлать портретъ, то сдѣлай такой, какъ эти, а другаго незачѣмъ; одинъ только живописецъ г. Верне умѣетъ схватывать сходство, а другимъ — гдѣ?..» Я объ этомъ съ тѣхъ поръ часто думалъ, но у меня тяжело на душѣ при мысли, что портретъ вашей работы стоитъ очень дорого; вѣрно, вдвое или еще дороже портретовъ Петитена. Сколько я ни бился, сколько ни голодалъ, но не могъ накопить много денегъ.

Горацій Верне улыбнулся «Значитъ, ты не скопилъ двухъ франковъ?» Это на наши деньги побольше шестидесяти копѣекъ.

«Нѣтъ, не скопилъ: но ради Бога, не подумайте, чтобы я попусту тратилъ деньги и оттого не могу платить, что сыпалъ ими направо и налѣво. Посудите сами, есть-ли у меня лишняя копѣйка: Отецъ мой былъ искусный ткачъ изъ окрестностей Страсбурга; когда я подросъ, онъ научилъ меня своему мастерству. Мы добывали довольно, чтобы жить порядочно; но здоровье моего отца испортилось, и наступило время работать одному мнѣ, — тутъ, къ несчастію, мнѣ пришла очередь идти въ солдаты. Можете вообразить, чего мнѣ стоило преодолѣть себя и спокойно покинуть своихъ стариковъ родителей. Съ перваго дня службы, я все свое жалованье отсылалъ имъ, а самъ перебивался кое-какъ; когда же капитанъ взялъ

меня къ себѣ въ деньщики, и сталъ давать жалованье, я и его отправлялъ домой.

«Между тѣмъ батюшка умеръ, и мать осталась въ нищетѣ; моего жалованья ей мало было на содержаніе; по закону мнѣ, какъ единственному сыну, можно было выхлопотать себѣ отставку и позволеніе вернуться домой для поддержки матери: я хлопоталъ объ этомъ, просилъ всѣхъ, кого могъ, но отставки не получилъ и не дождался даже отвѣта: уже такое несчастье мое!

— Это несправедливо: другихъ же отпускаютъ...

«Да; другихъ, продолжалъ Жанъ, но у тѣхъ есть или деньги, или друзья, или родные, т. е. есть кому похлопотать за нихъ; ну, они и освобождаются; а у меня ничего этого нѣтъ, я и остаюсь въ полку. Слава Богу, и за то, что капитанъ взялъ меня въ деньщики, даетъ жалованье, и я теперь все, что получаю, отсылаю матери, и жизнь ея теперь не такая горемычная, какъ прежде. Но если бы я былъ съ нею, было бы еще лучше, я занялся бы ткацкимъ мастерствомъ и заработывалъ бы много... я свое дѣло знаю... На бѣду теперь и думать о возвращеніи домой нечего; меня отправляютъ въ Африку, и тамъ, чуетъ мое сердце, моя могила. Передъ вѣчнымъ прощаньемъ, мнѣ хотѣлось бы оставить матери память по себѣ; хотѣлось бы подарить ей свой портретъ, но сколько я ни голодалъ въ послѣдніе два мѣсяца, не могъ набрать болѣе пятиде-

сяти копѣекъ (т. е. одинъ франкъ и семьдесятъ сантимовъ).

«Не знаю, какъ и быть; день отправленія приближается, я и рѣшился спросить васъ: можете ли вы осчастливить меня, можете ли вы доставить моей бѣдной матери величайшую радость имѣть меня передъ глазами, какъ живаго, написать меня такъ, какъ вы пишете ваши картины, за одинъ франкъ и семьдесятъ сантимовъ; больше денегъ у меня нѣтъ.»

Верне былъ глубоко тронутъ простою, безъискусственною рѣчью молодаго солдата и глубокою привязанностію его къ матери. Сердце въ немъ смягчилось, и онъ нѣсколько мгновеній промолчалъ, а Жанъ смотрѣлъ на него съ волненіемъ ожиданія и боязни. Наконецъ живописецъ сказалъ: «Хорошо, я согласенъ, по рукамъ, и постараюсь, чтобы моя картина была получше портретовъ Петитена, котораго я впрочемъ не знаю и портретовъ котораго не видалъ.

— Еще бы вамъ сравнивать свои портреты съ его малеваньемъ, смѣшно даже и подумать. Ужь ваша картина будетъ хороша; я даже молодцомъ у васъ выйду, какъ всѣ тѣ, кого вы пишете.

— Только, вотъ бѣда, сказалъ г. Верне. — У меня много дѣла и до будущаго воскресенья за твой портретъ приняться я не могу; такъ ты приходи въ воскресенье, въ девять часовъ утра; можешь отпроситься у своего капитана. Но прежде, чѣмъ начать рисовать, мнѣ надобно сдѣлать тебѣ нѣсколько вопросовъ, на

которые ты долженъ отвѣчать откровенно, если хочешь, чтобы портретъ былъ похожъ. «Какъ тебя зовутъ?»

«Жанъ Деммеръ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

«Двадцать шесть.

Такимъ образомъ Горацій Верне продолжалъ спрашивать откуда онъ родомъ, гдѣ живетъ его мать, когда отецъ умеръ, и много подобныхъ подробностей, и все это записывалъ.

Жанъ отвѣчалъ ему, но никакъ не могъ понять, на что такія свѣдѣнія при портретѣ. Онъ спросилъ объ этомъ живописца.

— Что дѣлать, такое уже у меня обыкновеніе, а то сходства у меня тоже не выходитъ. Я тебѣ объяснилъ бы причины, но боюсь, ты не поймешь.

Жанъ задумчиво покачалъ головою: «Странно, странно! проговорилъ онъ; — видно, оттого-то Петитенъ никогда и не можетъ нарисовать похожимъ, что ничего такого не разспрашиваетъ.

Послѣ этого Жанъ довѣрчиво на прощанье протянулъ руку Горацію Верне и ушелъ.

Оставшись одинъ, художникъ весело потеръ себѣ руки и воскликнулъ: «Молодецъ! Право молодецъ! Я тебя не позабуду, пріятель!»

Говоря это, онъ всталъ, ходилъ по комнатѣ, отыскалъ небольшое четвероугольное, загрунтованное полотно, натянутое на рамкѣ, поставилъ передъ собою, взялъ кисти и тотчасъ принялся писать портретъ мо-

лодаго солдата, лицо котораго у него напечатлѣлось въ памяти. Онъ работалъ и по временамъ повторялъ:

« Славный малый! Какой добрый!»

Онъ работалъ часа два, потомъ одѣлся, приказалъ себѣ подать карету, взялъ листокъ съ записанными отвѣтами Деммера, просмотрѣлъ и поправилъ ихъ, сѣлъ въ карету и приказалъ себя везти въ военное министерство. Тамъ онъ пробылъ нѣсколько часовъ, когда же уѣзжалъ, какой-то важный человѣкъ провожалъ его до дверей, и прощаясь съ нимъ, еще о чемъ то серьезно говорилъ, кланялся и увѣрялъ: «Непремѣнно устроимъ, все будетъ сдѣлано!»

Горацій Верне сѣлъ въ карету и крикнулъ: «въ Тюльери!»

Пріѣхавши въ королевскій дворецъ, онъ тотчасъ послалъ просить у короля Луи-Филиппа чести представиться ему.

Король принялъ живописца. Горацій Верне въ трогательномъ и комическомъ тонѣ разсказалъ всю сцену заказа портрета; Луи-Филиппъ отъ души смѣялся, но когда дѣло дошло до того, какъ не давали Жану отставки и какъ мать его нуждалась и онъ переносилъ всевозможныя лишенія, чтобы помогать ей, — король сдѣлался очень серьезенъ и сказалъ: «напишите мнѣ, пожалуйста, все дѣло вкратцѣ; я прикажу пересмотрѣть дѣло въ военномъ министерствѣ и если онъ правъ, то его освободятъ отъ военной службы.»

— Я уже былъ въ министерствѣ и вотъ, что я

тамъ узналъ; съ этими словами онъ подалъ королю нѣсколько бумагъ.

Король очень внимательно прочиталъ ихъ, взялъ перо и на поляхъ написалъ что-то, позвалъ своего адъютанта, отдалъ ему бумаги и приказалъ отвезти ихъ къ военному министру.

«Ежели вы свой двухъ-франковый портретъ также хорошо нарисуете, какъ я покончилъ остальныя дѣла, вашъ Жанъ Деммеръ будетъ доволенъ мною.»

Горацій Верне былъ радъ. Король ласково кивнулъ ему головою на прощанье. Живописецъ пошелъ гулять и никогда, во всю жизнь не чувствовалъ въ себѣ такой радости и такой бодрости; весь день провелъ онъ самымъ пріятнымъ образомъ; при встрѣчѣ съ друзьями шутилъ, смѣялся и своими остроумными шутками заставлялъ всѣхъ смѣяться.

На слѣдующее утро г. Верне опять принялся за портретъ. Онъ представилъ молодаго венсенскаго стрѣлка въ саду, подъ деревомъ. Онъ сидѣлъ на скамейкѣ; на колѣняхъ у него лежало развернутое письмо, надъ которымъ онъ задумался; правою онъ опирался на свое кепи. На второмъ планѣ набросалъ деревья и вдали Версальскій дворецъ, именно та часть его, гдѣ историческая картинная галлерея. Молодой человѣвъ безъ цѣли, печально смотритъ вдаль. Сходство было поразительное, и Верне съ удовольствіемъ смотрѣлъ на свою картину, когда она, къ вечеру того же дня, была совсѣмъ окончена.

Дня черезъ два, къ величайшему удивленію Жана, Горацій Верне пріѣхалъ въ гости къ капитану; видно, онъ былъ знакомъ съ нимъ, и просидѣлъ у него часа два; когда же онъ уѣзжалъ въ своемъ красивомъ экипажѣ, то Жанъ побоялся подойти къ нему и только почтительно поклонился ему издали; на поклонъ Верне отвѣчалъ улыбкой и дружелюбнымъ кивкомъ.

Жанъ былъ печаленъ; онъ не могъ отдѣлаться отъ мысли, что погибнетъ въ Африкѣ. «Если я уцѣлѣю отъ пуль, думалъ онъ, то непремѣнно умру отъ жаркаго климата: я и во Франціи лѣтомъ хвораю, такъ гдѣ же мнѣ перенести африканскій зной! Хоть бы г. Верне нарисовалъ мой портретъ въ утѣшеніе матушкѣ!» прибавлялъ онъ и не могъ дождаться воскресенья.

Время тянулось, но страшно медленно; онъ все думалъ о своемъ положеніи, о бѣдности матери и никакъ не могъ преодолѣть въ себѣ желанія въ послѣдній разъ увидѣться съ нею и обнять ее. — Долго раздумывалъ онъ, не попроситься ли ему въ отпускъ, дней на двѣнадцать, и сходить въ это время домой. Наконецъ онъ рѣшился и, выждавъ минуту, пошелъ къ капитану.

«Позвольте узнать, когда мы сядемъ на корабли, спросилъ онъ.

— Еще неизвѣстно, отвѣчалъ капитанъ.

«У меня на свѣтѣ только и есть, что мать, мнѣ бы хотѣлось повидаться съ нею; позвольте мнѣ сходить къ ней въ отпускъ на двѣнадцать дней.

Совершенно неожиданно для Жана, капитанъ тотчасъ согласился и спросилъ, когда онъ намѣренъ идти въ отпускъ?

«На слѣдующей недѣлѣ.

— Отчего же не сейчасъ? спросилъ капитанъ.

«Потому что, потому что... Г. Верне обѣщался сдѣлать мой портретъ.

— Какъ? Что такое? Ты хочешь, чтобы знаменитый Горацій Верне сдѣлалъ твой портретъ. Да что это тебѣ вздумалось? Развѣ ты не знаешь, портретъ у него стоитъ тысячу и болѣе франковъ, гдѣ-же тебѣ взять столько денегъ?

Съ Жаномъ сдѣлался обморокъ. Когда онъ пришелъ въ себя, то повторилъ, чуть слышно:« Тысячу франковъ. Какъ можно такъ жестоко шутить? Я было и повѣрилъ вамъ. Я ему говорилъ, что у меня всего одинъ франкъ и семьдесять сантимовъ, и онъ обѣщался за эту цѣну сдѣлать мой портретъ.»

— Ты и повѣрилъ! Постой-ка онъ пожалуй тебѣ портретъ сдѣлаетъ, но подастъ счетъ въ тысячу франковъ. Ну, надѣлалъ же ты глупостей, нечего говорить! Съ великими художниками такъ обращаться нельзя.

Жанъ нѣсколько разъ повторилъ, что Верне обѣщался сдѣлать портретъ за его ничтожныя деньги, что онъ добрый и совсѣмъ не такой, какъ капитанъ говоритъ.

Но, каждый оставался при своемъ мнѣніи; однакожъ Жану слова капитана запали въ душу: онъ продумалъ

цѣлый день и рѣшился въ воскресенье идти къ художнику и сказать ему, что не хочетъ портрета: «отказать можно, думалъ стрѣлокъ, онъ еще не начиналъ работать.»

Онъ провелъ безсонную ночь, и утромъ, очень печальный, пошелъ къ г. Верне. Онъ пришелъ раньше назначеннаго часа, дожидался на улицѣ и съ послѣднимъ ударомъ часовъ вошелъ въ комнату.

— Здравствуй, другъ мой, ты очень точенъ, воскликнулъ живописецъ. Но, Боже мой, прибавилъ онъ: что съ тобою? Ты боленъ! ты дрожишь и блѣденъ, какъ смерть.

«Ахъ, Боже мой, сказалъ онъ со слезами на глазахъ; я не хочу больше портрета, покорно благодарю.

Горацій Верне съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него:

— Какъ? Ты уже перемѣнилъ свое намѣреніе? Не хочешь болѣе посылать портрета матери, или ты боишься, я сдѣлаю его непохожимъ, или Петитенъ тебя привлекъ чѣмъ нибудь.

« Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! совсѣмъ не то; я бы очень хотѣлъ сдѣлать матери радость; кто же, кромѣ васъ, нарисуетъ похожій, я, и со мною всѣ, дивятся вашимъ картинамъ... Только сумасшедшій можетъ осмѣливаться сравнивать васъ съ Петитеномъ... Но...

— Что же такое случилось? Что заставляетъ тебя отказаться отъ своего слова? Посмотри сюда, теперь уже поздно, портретъ твой готовъ.— И съ этими сло-

вами онъ сдернулъ покрышку съ картины. Передъ изумленнымъ Жаномъ стоялъ онъ самъ, совсѣмъ какъ живой, оставалось только додѣлать землю, траву и одно дерево.

Венсенскій стрѣлокъ такъ и замеръ, но мгновеніе спустя, радостно воскликнулъ: «Боже мой, да, вѣдь, это я самъ, какъ живой, лучше, чѣмъ въ зеркалѣ! Но, какъ мнѣ теперь быть, прибавилъ онъ послѣ минутнаго размышленія, я было шелъ къ вамъ, чтобы отказать портретъ, а онъ уже и готовъ!»

— Отчего же ты хотѣлъ отказаться? Я совсѣмъ тебя не понимаю!

Жанъ не вытерпѣлъ долѣе и подробно передалъ свой разговоръ съ капитаномъ; не забылъ даже и обморока, который съ нимъ сдѣлался, когда узналъ, что портретъ у такого великаго художника, каковъ Горацій Верне, стоитъ не менѣе тысячи франковъ.

— Въ сущности твой капитанъ правъ, разсмѣявшись отвѣчалъ художникъ; вотъ, видишь ли, я обѣщался сдѣлать портретъ за одинъ франкъ и семьдесять пять сантимовъ, имѣя въ виду заключить съ тобою условіе, что ты останешься мнѣ долженъ 998 франковъ и 25 сантимовъ, безъ всякихъ процентовъ, и отдашь ихъ тогда, когда тебя произведутъ въ генералы.

Жанъ смотрѣлъ на художника, не зная шутитъ ли онъ, или говоритъ серьезно.

— Что же ты молчишь, развѣ ты не согласенъ на мое условіе?

— Ахъ Боже мой, жалобно воскликнулъ Жанъ,

я, право не понимаю, шутите ли вы, или говорите серьезно!...

Верне опять захохоталъ и удерживаясь съ трудомъ спросилъ: «Ну, скажи же мнѣ: нравится ли тебѣ картина, или нѣтъ?»

— Можно ли такъ спрашивать, да я бы цѣлый вѣкъ не сводилъ съ нея глазъ.

— Тѣмъ лучше! Такъ пусть наше условіе остается безъ измѣненія; но такъ какъ ты идешь въ отпускъ, то мнѣ не нужно твоего задатку, пусть вся тысяча франковъ сполна остается за тобою, ты мнѣ ее выплатишь, когда сдѣлаешься генераломъ.

— Ахъ, господинъ Верне... что-то хотѣлъ возразить солдатъ, но художникъ прервалъ его: Итакъ, дѣло рѣшеное, не дѣлай никакихъ возраженій! Когда ты сдѣлаешься генераломъ, то для тебя тысячу франковъ будетъ легче отдать, нежели теперь одинъ сантимъ; къ тому времени я состарѣюсь, перестану писать картины, можетъ быть, буду бѣденъ, тогда такая сумма денегъ будетъ для меня очень важна. И такъ, картина эта—твоя; но одна бѣда: она еще не совсѣмъ готова; ее надобно писать, а потомъ ей нужно сохнуть побольше недѣли; значитъ тебѣ отдать ее раньше недѣли не могу; мои картины писаны масляными красками, а не клеевыми, какъ у Петитена. Ты ѣдешь въ отпускъ, такъ поѣзжай съ Богомъ, поживи у матери, а черезъ недѣлю пойди къ банкиру Кехлину въ Мюльгаузенѣ;

тамъ тебѣ картину выдадутъ и ты ее подаришь матери. Прощай, поклонись ей отъ меня.»

Все это казалось Жану такъ невѣроятнымъ, что онъ не двигался съ мѣста и какъ-то странно смотрѣлъ.

Г. Верне по лицу догадывался, что происходило въ его душѣ, и сказалъ: «Ты, какъ кажется, мнѣ не вѣришь: даю тебѣ честное слово, что вовсе не шучу, а говорю истинную правду; ровно черезъ недѣлю являйся за полученіемъ картины.»

Тутъ слезы хлынули изъ глазъ Жана, губы его дрожали: «Какъ мнѣ благодарить васъ?» воскликнулъ онъ.

— Будь всегда добрымъ, внимательнымъ и великодушнымъ сыномъ и люби мать свою, какъ теперь любишь; мнѣ больше ничего не надо. Если же тебѣ когда нибудь случится быть въ Парижѣ, солдатомъ ли ты будешь, генераломъ, или ткачемъ, вспомни обо мнѣ и приходи ко мнѣ, какъ къ своему другу.

На прощанье Верне крѣпко пожалъ руку солдату и пожелалъ ему счастья.

Жанъ, какъ въ чаду, пришелъ къ капитану, — его не было дома; Жанъ уложилъ свои вещи, чтобы тотчасъ отправиться въ дорогу. Все было готово, оставалось только попрощаться съ капитаномъ.

Онъ пришелъ, и первое его слово было: «Ну, какъ ты покончилъ съ портретомъ?»

Жанъ обрадовался случаю высказать все, что у него накопилось на душѣ; похваламъ Верне не было

конца, и онъ не находилъ словъ высказать свою безконечную благодарность.

— Нечего говорить, ты рѣдкій счастливецъ; тебѣ портретъ все равно какъ бы подаренъ; я думаю, тебѣ хотѣлось бы лучше выйти въ отставку, чѣмъ сдѣлаться генераломъ.

«Это истинная правда; странно! и вы и г. Верне все говорите объ отставкѣ, но мнѣ до нея еще далеко.

— Я думаю ближе, чѣмъ до генеральства.

— Ну, это пока оставимъ, замѣтилъ капитанъ, я полагаю, что ты сегодня же отправишься въ отпускъ. Съ Богомъ, другъ мой! На, тебѣ, на дорогу десять франковъ. Прощай! Не забывай меня и заботься о своей матери. Богъ не оставитъ тебя и дастъ тебѣ силу успокоить и утѣшить мать твою!

При этомъ капитанъ дружески пожалъ руку солдату и отпустилъ его.

Онъ пошелъ, но на заставѣ остановился въ раздумьи и сказалъ: «Странное дѣло, всѣ они прощаются со мною, какъ будто навсегда, точно я въ отставку выхожу! Ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ такъ?»

И у него сердце радостно забилось; онъ изъ кармана досталъ свой отпускъ и прочиталъ его; нѣтъ, тутъ стоитъ ясно: «отпускается по домашнимъ надобностямъ на двѣнадцать дней!»

«Господи, какъ человѣкъ самъ себя обманываетъ, всегда видишь то, что хочется видѣть; вотъ, хоть бы и

я: мнѣ хочется въ отставку, мнѣ и кажется, будто всѣ прощаются со мною какимъ-то особеннымъ образомъ. Но мой двѣнадцатидневный отпускъ скоро пройдетъ, медлить нечего, надобно торопиться!»

И Жанъ дѣйствительно торопился; онъ шелъ каждый день по нѣскольку десятковъ верстъ и черезъ три дня былъ уже дома. Онъ съ замирающимъ сердцемъ подходилъ къ родному дому: его тревожила мысль, здорова ли мать его, не терпитъ ли большую нужду, не умерла ли? Когда пришлось переступить порогъ, онъ перекрестился и прижалъ руки къ груди, чтобы унять біеніе сердца.

Къ счастію, мать была здорова; нужды большой, благодаря помощи сына и добрыхъ сосѣдей, она не терпѣла. Неожиданное свиданіе съ сыномъ привело ее въ неописанный восторгъ; она не могла на него наглядѣться, не вѣрила глазамъ своимъ, трогала его за платье, за волосы и плакала отъ радости.

О томъ, что полкъ его идетъ въ Африку, Жанъ ни слова не говорилъ, чтобы не опечалить матери.

Наступилъ день, когда надобно было идти за портретомъ; Жанъ заранѣе радовался удивленію своей матери.

Какъ видно, банкиръ заранѣе зналъ что нибудь о Жанѣ, потому что при появленіи его, не дожидаясь вопроса, сказалъ: «А, вы за ящикомъ, который пришелъ на ваше имя. Его присылаетъ знаменитый Горацій Верне, по формѣ ящика вижу, что это — карти-

на, продайте мнѣ ее: я покупаю ее не глядя, даю вамъ за нее 500 франковъ. Продайте только.»

— Это, дѣйствительно, картина работы Г. Верне; но она не продажная, я съ нею не разстанусь, не только за 500 франковъ, но и вдесятеро дороже.

Жанъ взялъ ящикъ и понесъ его домой. Его открыли, и передъ изумленною матерью въ прекрасной золоченой рамкѣ былъ ея сынъ, какъ живой.

Старушка и плакала, и смѣялась, и обнимала сына, и благодарила его, и еще болѣе благодарила добраго и великаго художника.

Съ благоговѣніемъ повѣсили картину въ бѣдной комнатѣ и оба долго стояли передъ нею со сложенными руками. Сынъ подробно разсказалъ всю исторію портрета.

Ужъ долго спустя, Жану пришло на мысль посмотрѣть: нѣтъ ли письма въ ящикѣ; онъ посмотрѣлъ,—и на днѣ увидѣлъ толстый пакетъ. Съ невольнымъ волненіемъ распечаталъ его и увидѣлъ двѣ бумаги. На одной, самой большой, крупными буквами была написана его отставка изъ военной службы, а меньшая—было письмо и вложенный въ него вексель на 300 франковъ; въ письмѣ стояло: «Любезный Жанъ! посылаю тебѣ картину и твою отставку; такъ какъ теперь ты, должно быть, потерялъ всякую надежду когда либо сдѣлаться генераломъ, то наше условіе на счетъ платы за портретъ уничтожается, и я тебя прошу принять его отъ меня въ подарокъ. Еще прилагаю при семъ

300 франковъ; предъяви этотъ вексель банкиру, онъ тебѣ выдастъ эти деньги, и я желаю, чтобы, при ихъ помощи, ты завелъ хорошую ткацкую мастерскую и въ ней счастливо жилъ съ своею матерью и забылъ опасности военной службы, но въ тоже время не забывалъ, что у тебя есть другъ Горацій Верне.»

Вторичная радость была, если и не больше первой, то нисколько не уступала ей, и имя благодѣтеля произносилось съ благоговѣйною благодарностью.

Жанъ на слѣдующій день опять пошелъ къ банкиру; тотъ его встрѣтилъ съ улыбкою, какъ стараго знакомаго, и сказалъ: «Ну, другъ мой, я полагаю, тебѣ пріятно было бы побывать въ Парижѣ. Я завтра посылаю туда товары; если хочешь, то можешь ѣхать туда и обратно съ моими вещами, и это тебѣ ничего не будетъ стоить; ты, вѣрно, захочешь тамъ повидаться съ кѣмъ нибудь.»

Жанъ съ благодарностью принялъ предложеніе и на слѣдующій день былъ уже въ дорогѣ.

Онъ побывалъ у своего благодѣтеля, со слезами благодарилъ его и не зналъ, гдѣ найти выраженія сколько нибудь способныя высказать то, что онъ чувствовалъ; онъ путался въ словахъ, плакалъ и смѣялся.

Горацій Верне потрепалъ его по плечу и сказалъ: «успокойся, другъ мой, я радъ, что могъ тебѣ доставить удовольствіе, и ты меня вполнѣ вознаградишь, если во всю свою жизнь будешь такимъ добрымъ сыномъ. Если же я буду въ твоемъ родномъ городѣ, то надѣ-

юсь найти квартиру и столъ въ домѣ искуснаго ткача Жана Демлера.»

Полкъ еще не отправлялся въ Алжиръ, и Жану удалось еще разъ повидаться съ товарищами; онъ простился съ ними, и еще разъ съ капитаномъ.

Изъ Парижа онъ возвратился къ матери, завелъ мастерскую и постоянно оставался добрымъ, ласковымъ, внимательнымъ и почтительнымъ сыномъ.

Они жили въ довольствѣ, а картина Горація Верне постоянно занимала почетное мѣсто въ лучшей комнатѣ, и на нее смотрѣли съ благоговѣніемъ.

Теперь семейство Демлеръ уже вымерло, а портретъ молодаго солдата съ письмомъ въ рукахъ перешелъ въ картинную галлерею.

Черта изъ жизни Гаррика.

Извѣстный своею игрою актеръ Гаррикъ и еще болѣе способностью измѣнять лицо такъ, что самый близкій родственникъ не узналъ бы его, жилъ въ Англіи, лѣтъ за сто тому назадъ. Онъ родился въ 1716 году и умеръ въ 1779. Времени съ тѣхъ поръ много прошло, но имя его и до сихъ поръ извѣстно, и объ его искусствѣ еще и теперь говорятъ и пишутъ.

Онъ обыкновенно игралъ въ Лондонѣ; но въ цѣлой Англіи его знали, кто въ лицо, кто по наслышкѣ, кто по газетамъ. Объ немъ разсказывали чудеса и каждый радъ былъ проѣхать много верстъ и истратить много денегъ, чтобы хоть разъ въ жизни, посмотрѣть на его игру.

Однажды Гаррику, по своимъ семейнымъ дѣламъ, пришлось ѣхать въ Шотландію; дороги тогда были плохія; о желѣзныхъ дорогахъ и о шоссе въ то время и понятія не имѣли. Итакъ, онъ ѣхалъ на сѣверъ; коляска его тяжело двигалась по грязной дорогѣ; колеса

уходили въ вымоины по самую ступицу; лошади совсѣмъ устали.

— Скоро ли мы доѣдемъ до города N..? спросилъ Гаррикъ у почтальона, сидѣвшаго на одной изъ дышловыхъ лошадей.

«Скоро, остается только два очень плохихъ мѣста, одно въ верстѣ отсюда, а другое подъ самымъ городомъ.

— Скажите, пожалуйста, отчего это не починяютъ дорогъ?

«Какъ не починять? ихъ чинятъ, только не часто, дорого стоитъ.

— Ну, смотря на эту дорогу, можно подумать, что ее никто никогда не чинилъ.

«И теперь бы починили; да за споромъ дѣло стало, земля-то, спорная, изъ-за нея идетъ процесъ, оттого и чинить не хотятъ.

Между тѣмъ коляска въѣхала уже въ топь, и лошади съ трудомъ вытаскивали ее; раза два она чуть не опрокинулась; но все-таки кое-какъ благополучно миновали эту первую грязь. За то во второй, подъ самымъ городомъ, ось крякнула и переломилась. Дѣлать нечего; пришлось вылѣзать и идти въ городъ пѣшкомъ. Гаррикъ морщился, кряхтѣлъ, сердился, но дѣлать было нечего, надобно покориться злой участи. Почтальонъ растолковалъ ему, какъ найти лучшую гостинницу, и обѣщался кое-какъ подвязать подъ колеса жердь и тотчасъ, вслѣдъ за нимъ, привезти туда же и коляску.

Гаррикъ нашелъ гостиницу, вошелъ въ нее недовольный и сердитый, потребовалъ себѣ отдѣльной комнаты и сказалъ хозяину, чтобы онъ послалъ какихъ нибудь людей къ его коляскѣ, чтобы вытащить ее изъ грязи и прямо отвезти для починки въ кузницу.

Было еще рано утромъ; хозяинъ подалъ Гаррику кофе и на вопросъ, нѣтъ ли какихъ нибудь газетъ, принесъ ему старый истрепанный № Лондонской Газеты, ежедневный городской листокъ и кучу объявленій

Гаррикъ былъ очень невдухѣ и сердитъ на остановку; онъ небрежно пересматривалъ печатную кипу газетъ. Вдругъ его поразило собственное его имя, напечатанное крупными, почти дюймовыми буквами. Это возбудило любопытство Гаррика; онъ принялся читать.

Въ городъ пріѣхала какая-то странствующая труппа актеровъ. Такія труппы и до сихъ поръ ѣздятъ изъ города въ городъ, даютъ представленія два, три и опять уѣзжаютъ; въ то время въ Англіи ихъ было гораздо больше и онѣ, по большей части, состояли изъ плохихъ актеровъ, которые только играли въ карты, пили вино и ничего не дѣлали, оттого и были очень бѣдны. Ихъ вообще презирали и на ихъ представленія хотя и ходили смотрѣть, но лично съ ними никто не знакомился и всякій избѣгалъ ихъ за непорядочное поведеніе.

Въ ежедневномъ городскомъ листкѣ была напечатана статья, написанная директоромъ странствующей труппы. Онъ говорилъ, что пріѣхалъ въ городъ съ

тѣмъ, чтобы дать нѣсколько представленій, которыя будутъ состоять изъ лучшихъ произведеній знаменитаго англійскаго писателя Шекспира. Далѣе писалъ онъ, что воспитывался вмѣстѣ съ извѣстнымъ лондонскимъ актеромъ Гаррикомъ, что находится съ нимъ въ самой тѣсной дружбѣ и эта дружба такъ сильна, что Гаррикъ нарочно пріѣдетъ изъ Лондона, чтобы играть свою лучшую комическую, и въ тоже время трагическую роль жида. Далѣе, директоръ труппы проситъ не только всѣхъ городскихъ жителей запастись билетами заранѣе, но и приглашаетъ все окрестное дворянство собраться въ городъ на такое необыкновенное представленіе. Къ этой статьѣ была приложена афиша, въ которой представленіе, съ участіемъ Гаррика, было назначено въ этотъ самый день. Вездѣ, гдѣ встрѣчалось имя Гаррика, оно напечатано было очень крупно.

Когда Гаррикъ прочиталъ статью и объявленіе, досада у него дошла до крайней степени; онъ вскочилъ съ своего мѣста, швырнулъ газету на столъ и принялся ходить по комнатѣ, повторяя: «Негодный обманщикъ! Какъ онъ смѣетъ лгать? Я его другъ! Воспитывался съ нимъ! Вотъ дерзость! Нѣтъ, пріятель, я тебя накажу, постой же, постой! Покажу тебѣ дружбу!»...

Такъ ворчалъ Гаррикъ и продолжалъ ходить по комнатѣ, не будучи въ состояніи унять своего волненія.

Между тѣмъ улицы города оживились; постоянно ѣхали экипажи. Они то проѣзжали мимо гостиницы, то останавливались передъ нею. Хозяинъ бѣгалъ, суетился,

принималъ гостей, отводилъ имъ комнаты, кланялся съ пріѣзжими особенно почтительно и выбивался изъ силъ, чтобы угодить всѣмъ. Вскорѣ гостиница наполнилась пріѣзжими.

Выбравъ свободную минуту, онъ прибѣжалъ въ комнату Гаррика и сказалъ: «Что за силу имѣетъ имя Гаррика! Знаете-ли, онъ сегодня нарочно пріѣдетъ въ нашъ городъ и будетъ играть; ну, вотъ этого и довольно, чтобы всѣ наши помѣщики изо всего округа съѣзжались въ городъ, чтобы видѣть знаменитаго актера. Какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобъ онъ здѣсь остановился! Воображаю, какая давка будетъ въ театрѣ. Какъ же онъ любитъ директора театра. Изъ дружбы къ нему ѣдетъ такую даль, нечего сказать! Вы-то, какой счастливецъ! Не сломайся ваша ось, не видать бы вамъ Гаррика! Право, счастливецъ! Достаньте себѣ поскорѣе билетъ!»

— Спасибо, не нужно! Я видалъ его и до представленія, и на сценѣ, и послѣ; мнѣ его смотрѣть нечего!

«Неужели вы знакомы съ Гаррикомъ? съ удивленіемъ воскликнулъ хозяинъ гостиницы, и всплеснулъ руками. Скажите мнѣ, пожалуйста, какой онъ собою?

— Особеннаго ничего въ немъ нѣтъ, улыбаясь отвѣчалъ Гаррикъ; представьте, увѣряютъ, будто онъ очень похожъ на меня.

Хозяинъ выпучилъ глаза на Гаррика и не зналъ, вѣрить ли ему, или нѣтъ. Какъ мы уже говорили, у Гаррика была необыкновенная способность до того измѣнять свою физіономію, что никто бы не узналъ

его. Такъ и теперь: въ глазахъ хозяина, онъ постепенно принялъ положеніе тѣла и выраженіе жида, и лицо его совершенно измѣнилось.

Удивленный хозяинъ глазамъ своимъ не вѣрилъ и воскликнулъ: «Господи Боже мой! У меня, вѣрно, зрѣніе мутится, что это? Вы.... ваше.... лицо....

— Развѣ оно вамъ не нравится, что съ вами? спросилъ Гаррикъ.

— Право, не знаю, вы, вы, сію минуту совсѣмъ были другіе!... Совсѣмъ не то, что теперь!

— Вотъ видите, какъ сильно воображеніе дѣйствуетъ: я вамъ сказалъ, будто похожъ на Гаррика, а вамъ ужъ показалось, будто и лицо у меня измѣнилось, какъ у него измѣняется! Это вамъ просто такъ показалось; я такой же, какъ и былъ.

Хозяинъ недовѣрчиво покачалъ головою и побѣжалъ на звонокъ: пріѣхали какіе-то новые пріѣзжіе.

Когда дверь за нимъ затворилась, Гаррикъ особеннымъ образомъ надѣлъ свой камзолъ, загнулъ полы. закинулъ шляпу на затылокъ, досталъ большія очки, растрепалъ себѣ волосы, сгорбился, согнулъ колѣни и присѣдая пошелъ изъ гостиницы. Онъ сталъ совершеннѣйшимъ евреемъ; въ сѣняхъ была толпа слугъ и только что пріѣхавшій баронъ; онъ взглянулъ на проходившаго Гаррика и спросилъ у хозяина: «Что это за жидъ?»

Хозяинъ тоже взглянулъ и отвѣчалъ: «Право, не знаю! Я его никогда не видалъ!»

Гаррикъ, между тѣмъ, шелъ по улицѣ, отыскивая, гдѣ остановилась странствующая труппа. На всѣхъ углахъ красовались объявленія съ именемъ Гаррика, написаннымъ аршинными буквами.

Досада его все росла; онъ рѣшился вывести обманъ наружу, и распрашивалъ, гдѣ бы поскорѣе найти директора странствующей труппы. Наконецъ ему указали старый трехъ-этажный домъ. Онъ спросилъ у дворника, гдѣ тутъ живутъ пріѣзжіе актеры, и гдѣ ихъ директоръ?

— Онъ тамъ, на верху, въ третьемъ этажѣ; когда взойдете, тотчасъ направо! Другіе актеры тамъ-же, только подальше.

Гаррикъ пошелъ по грязной, темной и скрипучей лѣстницѣ; чѣмъ дальше, тѣмъ круче она становилась и тѣмъ дряхлѣе ступеньки. Но, вотъ и дверь Онъ ее отворилъ, и ему представилась картина крайней нищеты.

Комната небольшая; вся мебель — одинъ столъ, скамья и пукъ соломы на нарахъ. Подлѣ стола, на скамейкѣ, сидѣла худая, блѣдная, но еще красивая женщина; она куталась въ какой-то дырявый платокъ; вокругъ нея тѣснилось шестеро такихъ же блѣдныхъ и худыхъ дѣтей, малъ-мала меньше, въ лохмотьяхъ, босикомъ. Отецъ раздавалъ имъ по ломтю черстваго хлѣба; на столѣ стояла кружка воды и солонка съ сѣрой, крупной солью.

Гаррикъ однимъ взглядомъ окинулъ картину этой нищеты и сказалъ, уже не столько строгимъ голосомъ,

какъ намѣревался: «Скажите мнѣ, вы ли директоръ странствующей труппы?»

«Точно такъ, я! отвѣчалъ отецъ; чѣмъ могу служить вамъ?»—и печальная улыбка скользнула у него по лицу.

«Значитъ, вы напечатали объявленіе о томъ, что у васъ будетъ играть Гаррикъ?

Краска выступила на лицѣ бѣдняка и тотчасъ смѣнилась мертвою блѣдностью.

Онъ весь задрожалъ; ноги у него затряслись; сколько онъ ни усиливался, но не могъ выговорить—да.

«Нѣтъ ли у васъ другаго мѣста, гдѣ бы намъ переговорить; мнѣ надобно кое-что сообщить вамъ.

«Пожалуйте!»

И онъ повелъ Гаррика внизъ съ лѣстницы на дворъ въ огромный сарай, гдѣ устроивался театръ; сцена была крошечная, еле сколоченная изъ досокъ, декораціи чуть не въ лохмотьяхъ; краски облѣзли, полиняли и облупились. Директоръ, чуя что-то недоброе, провелъ Гаррика мимо ряда скамеекъ, на сцену и остановился въ ожиданіи.

«Итакъ, вы директоръ труппы, спросилъ Гаррикъ, и напечатали *ложное* объявленіе о томъ, что Гаррикъ будетъ сегодня играть у васъ.

При словѣ *ложное* директоръ еще болѣе смѣшался, поблѣднѣлъ и, едва переводя духъ, отвѣчалъ голосомъ, въ которомъ слышалось рыданіе.: — «Милостивый государь, сжальтесь надо мною, вы видѣли сегод-

нишній обѣдъ моихъ дѣтей и поймете, зачѣмъ я это сдѣлалъ. Я въ крайности; дѣти у меня хворали полъ года; жена тоже не выноситъ нужды и теперь только что оправляется отъ страшной болѣзни; не судите меня!

«Но, можно ли было напечатать такую ложь? Подумали ли вы о томъ, что между вашими зрителями могутъ быть люди, уже видавшіе Гаррика? Что тогда? Вѣдь обманъ откроется и вы опозорены навсегда!»

Директоръ съ отчаяніемъ закрылъ обѣими руками глаза и крупныя слезы у него выступили между пальцевъ. Послѣ нѣкотораго молчанія онъ сказалъ: «Моя нужда безконечна; я обнаружу ее передъ публикой и надо мною сжалятся. Другаго средства къ спасенію у меня не было! Но можетъ быть, никто здѣсь не видалъ Гаррика и мой подлогъ не откроется»—съ горемъ прибавилъ онъ.

«Но я-то самъ очень, очень коротко знакомъ съ Гаррикомъ.

Директоръ упалъ на колѣни, сложилъ руки, какъ на молитву, и воскликнулъ: «О вы, вы не выдадите меня, я это чувствую! Въ вашемъ голосѣ столько сочувствія и состраданія, онъ звучитъ такъ нѣжно; вамъ знакомо чувство жалости и состраданія. Помолчавъ мгновеніе, онъ схватилъ руку Гаррика и, прижимая ее къ сердцу, воскликнулъ: «Нѣтъ, нѣтъ, вы не погубите меня, я это чувствую!

«Успокойтесь, отвѣчалъ Гаррикъ: но скажите мнѣ, кто же вашъ подставной Гаррикъ?

— Это молодой человѣкъ съ дарованіемъ, отвѣчалъ директоръ, все еще не вставая съ колѣнъ; въ душѣ его смутно чувствовалось, что этотъ человѣкъ недаромъ его такъ разспрашиваетъ; у него даже мелькнула мысль, ужъ не самъ ли это Гаррикъ, и при этомъ онъ совсѣмъ позабылъ, что стоитъ на колѣняхъ. Дыханіе, отъ волненія, у него спиралось въ груди.

— Что это вы на колѣняхъ, сказалъ Гаррикъ, встаньте, — и подалъ ему руку, чтобы помочь ему.

«О, эта рука!...

— Принадлежитъ настоящему Гаррику; я ѣхалъ, ось моей коляски сломалась, я остановился въ гостинницѣ и случайно прочиталъ ваше объявленіе.

При этомъ несчастный директоръ пришелъ въ еще большее смущеніе; онъ совсѣмъ растерялся и только твердилъ: «Чуяло мое сердце, что вы—Гаррикъ. О умилосердитесь! не погубите меня и мое семейство. У меня инаго средства къ спасенію не было.»

Гаррикъ утѣшилъ и успокоилъ несчастнаго; сердцемъ онъ понималъ отчаянную нужду директора и сказалъ: «О сегодняшнемъ представленіи не заботьтесь; ваше объявленіе сказало правду, я самъ буду играть. Подите и приготовьте все получше; на театральныя издержки и на одежду дѣтей — возьмите вотъ это!» При этомъ онъ сунулъ ему въ руки порядочный кошелекъ съ золотомъ и ушелъ такъ скоро, что директоръ не успѣлъ даже поблагодарить его.

На сердцѣ у Гаррика было легко; онъ рѣшился

на доброе дѣло и объявленія на улицахъ уже не досадовали его больше. Онъ возвратился въ гостиницу и въ общей комнатѣ потребовалъ себѣ бутылку вина и стаканъ.

Въ городѣ, дѣйствительно, нашлось много людей, которые видали его въ Лондонѣ и тотчасъ узнали. Вѣсть о томъ, что Гаррикъ пріѣхалъ, съ быстротою распространилась по городу. Тотчасъ въ гостиницу начали сходиться, сбѣгаться и съѣзжаться любопытные и въ общемъ покоѣ сдѣлалось такъ тѣсно, что Гаррикъ ушелъ въ свою комнату. Къ тому же ему надобно было отдохнуть и собраться съ мыслями до начала представленія.

Театръ былъ биткомъ набитъ, было такъ тѣсно, что шевельнуться нельзя было, и все еще приходили новыя толпы зрителей; каждому хотѣлось увидѣть и услышать Гаррика. Онъ въ этотъ день игралъ особенно хорошо, съ такимъ увлеченіемъ, что и представить трудно; сердце его было особенно мягко настроено и способно выражать каждое чувство.

Зрители приходили въ восторгъ, хлопали въ ладоши, вскакивали съ мѣстъ и кричали, какъ безумные.

Когда занавѣсъ спустился, изъ театра не расходились; всѣ еще чего-то ждали; распространился слухъ, что Гаррикъ еще выйдетъ на сцену. Немного погодя, занавѣсъ вторично поднялся, и извѣстный актеръ подошелъ къ самому краю сцены и сдѣлалъ знакъ, что

хочетъ говорить. На немъ вмѣсто прежняго театральнаго, былъ самый простой, скромный дорожный костюмъ.

Когда рукоплесканія и восторженные крики немного успокоились, Гаррикъ коротко и ясно разсказалъ свое приключеніе и объяснилъ, по какому случаю онъ игралъ; но бѣдность и болѣзнь всего семейства директора театра онъ описалъ съ такою поразительною живостью, что слезы потоками бѣжали изъ глазъ слушателей, и онъ окончилъ словами: «Я знаю, что говорю съ англичанами, т. е. съ народомъ, всегда готовымъ помогать нуждающимся и сочувствовать чужому несчастію. Господа, я надѣюсь, что вы докажете этому директору, что не хотите мстить ему за вынужденный обманъ, заставившій меня играть.

«Я при выходѣ буду принимать то, что каждый изъ васъ заблагоразсудитъ жертвовать семейству бѣднаго содержателя здѣшней странствующей труппы!»

Съ этими словами Гаррикъ поклонился, занавѣсъ опустился, и минуту спустя онъ уже стоялъ у дверей сарая, служившаго театромъ, и держалъ шляпу, чтобы собирать пожертвованія.

Гаррикъ не ошибся; деньги посыпались въ шляпу, и онъ три раза высыпалъ изъ нея въ передникъ жены директора, и каждый разъ она наполнялась до краевъ.

Мужъ и жена, недавно еще голодные и холодные, плакали отъ восторга; во всю жизнь у нихъ не бывало

столько денегъ; они хотѣли благодарить своего избавителя, но онъ исчезъ.

Онъ торопливо возвратился въ гостиницу; коляска была готова, онъ сѣлъ въ нее и поѣхалъ, чтобы избѣгнуть благодарности и тѣхъ торжествъ, какими жители города хотѣли, на слѣдующее утро, почтить его.

Но молва о дурныхъ и о благородныхъ поступкахъ скоро распространяется. Еще до возвращенія Гаррика въ Лондонъ, всѣ газеты уже разсказали, какъ онъ поступилъ съ содержателемъ странствующей труппы, и его встрѣтили съ восторгомъ.

Таня и бѣлая кошечка.

Сказка.

За три-девять земель, въ тридесятомъ государствѣ, жила-была очень злая царица; у нея была десятилѣтняя дочь; царица была безъ ума отъ своей дочери, баловала ее ужасно. Чего бы ни захотѣла маленькая царевна, все ей давали; день и ночь царица думала о томъ, чтобъ ей было весело, чтобы она не плакала.

Царица-мать, ко всѣмъ строгая и взыскательная была снисходительна только къ дочери. Она каждый день придумывала для нея новую забаву; наряжала ее въ бархатъ, шелкъ и парчу; комната вся уставлена была дорогою мебелью, а игрушекъ навалено безъ числа.

Не только маленькая царевна ходила въ шелку, въ золотѣ, жемчугахъ и брильянтахъ, но и кукла ея была также разряжена, какъ она сама. Къ куклѣ была приставлена особая горничная, которая наряжала ее поутрамъ и раздѣвала ввечеру. Маленькая царевна была неразлучна съ своею куклою и иногда, для удо-

вольствія раздѣвала ее и умывала; для этого у нея былъ золотой умывальникъ и золотая чашка.

Царевна сядетъ на свой алый бархатный стуликъ, вышитый золотомъ и примется раздѣвать куклу, но у нея терпѣнія не было и она разрывала платья, ломала замочки у ожерелья, рвала кружева и разбрасывала все по комнатѣ; умывала куклу, портила ея прическу и сердилась потомъ на горничную за безпорядки; при этомъ плакала и сердилась. Царица приходила на крикъ ея и, по большей части, не разобравъ дѣла, наказывала горничную, бранила и прогоняла ее, а дочь утѣшала подарками и безумными ласками.

Отъ такого потворства царевна мало-по-малу сдѣлалась сердита и не привыкла сдерживать себя.

Кромѣ царевны, во дворцѣ жила еще другая дѣвочка, племянница царицы, бѣдная сиротка, у которой на цѣломъ свѣтѣ, кромѣ царицы, не было родныхъ. Маленькой Тани царица не любила, потому что она была собою несравненно красивѣе царевны и потому что она всегда была мила, весела, послушна и во всемъ составляла противоположность съ капризной и избалованной царевной. Сравненіе было такъ непріятно для царицы, что она наконецъ запретила Танѣ показываться ей на глаза; приказала ей жить, и обѣдать, и чай пить съ горничными, и никогда не надоѣдать царевнѣ своимъ присутствіемъ.

Служанки вскорѣ тоже начали пренебрегать ма-

ленькой Таней; онѣ говорили: «царица не любитъ Таню, значитъ она этого заслуживаетъ, слѣдовательно и намъ не годится ухаживать за нею». Онѣ не только не ухаживали за Таней, а сдѣлали ей житье несноснымъ; дали ей самый дурной уголокъ для спанья, кормили ее объѣдками, заставляли работать за себя и при всякомъ случаѣ обижали сиротку.

Житье Танино было самое горькое; сердце ея часто ныло и болѣло; она чувствовала, однакожъ, что жить безъ того, чтобы любить какое нибудь живое существо, нельзя; она и полюбила кошечку. Вскорѣ онѣ подружились; кошечка была премиленькая — бѣлая, какъ снѣгъ, съ коричневыми ушами и съ розовой мордочкой. Таня ей отдавала свои лучшіе куски и куда бы ни пошла, кошечка-Бѣлянка не покидала ее.

Иногда Таню посылали въ кухню ворочать вертелъ, на которомъ жарилось жаркое; кошечка Бѣлянка шла туда же за нею, ложилась подлѣ нея, свертывала хвостъ кольцомъ, съуживала свои зеленоватые глаза, такъ что видны были только продолговатыя щелки, и мурлыкала, въ ожиданіи, не дастъ ли ей Таня чего нибудь. Иногда Таня давала ей соку, но по большей части дожидалась, пока ей самой дадутъ миску супу и кусочекъ говядины, или каши съ молокомъ, и тогда обѣ и Таня, и кошечка—Бѣляночка уходили куда нибудь въ укромный уголокъ, и принимались играть и обѣдать. Съ кошечкой Таня проводила самыя лучшія минуты своей горемычной жизни.

Царевна, глядя на мать и на окружающихъ ее придворныхъ, тоже не взлюбила Таню, постоянно на нее жаловалась, при встрѣчѣ съ нею бранила и толкала ее, или обижала насмѣшками. Иногда нарочно призывала ее къ себѣ въ комнату, показывала какую нибудь игрушку и подавала ее ей, но въ то мгновеніе, когда сиротка протягивала руку, принималась кричать и плакать. На крикъ, по большей части прибѣгали приставленныя къ царевнѣ дамы, или сама царица: царевна обыкновенно жаловалась, что Таня отнимаетъ у нея игрушки; на нее всѣ накидывались, бранили, толкали и прогоняли ее изъ комнаты, приказывая ей взяться за какую нибудь работу.

Однажды царь, царица и царевна на цѣлый день уѣхали въ какой-то загородный домъ. Вся прислуга тоже разбрелась, кто куда. Горничной царевны захотѣлось отправиться на гулянье. Она призвала Таню и приказала ей убрать, вычистить комнату царевны и перетереть пыль со всѣхъ вещицъ. «Но смотри, прибавила она,—не смѣй тамъ что нибудь изломать, или испортить, а не то бѣда тебѣ, я тебѣ житья не дамъ, со свѣту сгоню!»

Таня обѣщалась быть осторожною и пошла убирать комнату царевны; она и не замѣтила, что кошечка Бѣляночка не отставала отъ нея. Таня вымела комнату, перетерла пыль со всѣхъ вещицъ, въ порядкѣ поставила все по мѣстамъ и хотѣла было уйти. Но тутъ ей пришло на мысль: «пойду, посмотрю на

царевнину куклу; я ее видѣла только издали, она такая хорошая. Я ее не трону, только посмотрю; отъ этого ничего дурнаго не будетъ, а посмотрѣть ужасно хочется!

Съ такими мыслями она подошла къ постели куклы и подняла шелковый пологъ. Кукла лежала такъ мило на батистовыхъ подушкахъ; руки ея лежали на розовомъ одѣялѣ, покрытомъ тончайшими кружевами; черные глаза куклы смотрѣли бодро и бойко. Танѣ захотѣлось поближе поглядѣть на куклу; она стала на колѣни: но тутъ взглядъ ея упалъ на прекрасную алую бархатную скамейку, вышитую золотомъ. Вотъ бы посидѣть на такой скамейкѣ, подумала она и сѣла. Давно не сидѣла она на мягкой мебели и наслаждалась ею. «Ахъ, какъ удобно, какъ мягко, совсѣмъ не то, что на жесткой деревянной скамьѣ. Давай-ка, посмотрю поудобнѣе на куклу!»

Кошечка-Бѣляночка тутъ же вертѣлась у ея ногъ, мурлыкала и терлась объ ея платье, напоминая о своемъ существованіи. Таня не замѣчала ея; все ея вниманіе было обращено на куклу; такой прекрасной она никогда не видала.

— Что за прелесть! говорила Таня, ну точно маленькій человѣчекъ! И пальцы, и на нихъ шелковыя перчатки! Ахъ нѣтъ, это не перчатки, а шелковые пальцы; у куколъ, вѣрно, всегда шелковая кожа. Есть ли у нея ноги, подъ одѣяломъ не видно. А, вѣдь, должно быть, она большаго роста, посмотрю-ка!»

Таня тихонько приподняла одѣяло. «Ахъ, у нея и ноги шелковыя, и чулки есть, и черные сапожки съ кистями и съ блестящими пряжками. Какъ мило! Какъ мило! И лежитъ въ кроваткѣ, точно человѣкъ. И что у нея за платье, прозрачное, тоненькое, какъ дымъ, и блеститъ золотыми звѣздочками. Какъ это хорошо!»

Танѣ ужасно захотѣлось взять куклу на руки; она думала: «Я возьму ее тихонько, осторожненько и опять положу на мѣсто; пусть минутку полежитъ у меня на колѣняхъ, съ нею ничего не сдѣлается!»

Она осторожно взяла куклу и положила ее себѣ на колѣни, стала ее качать и напѣвала тихонько; но кукла не закрывала глазъ, не засыпала, а смотрѣла своими большими черными глазами; Танѣ стало неловко и непріятно отъ ея пристальнаго взгляда; ей показалось, что кукла недовольна тѣмъ, что потревожили ея сонъ, и она будто поморщилась, будто хочетъ плакать. Танѣ стало жаль куклы; она ее прижала къ своей груди и цѣловала въ щечку, и гладила по головкѣ.

Кошечка-Бѣляночка уже давно слѣдила за Таней и видѣла, какъ она занялась куклой; ей стало завидно, что она на нее не обращаетъ вниманія; дергала ее лапкой за платье, мурлыкала, терлась объ ея ноги и всѣми средствами старалась обратить ея вниманіе на себя; но Таня такъ занята была куклой, что вовсе ничего другаго не видала и не слыхала. Когда же начала цѣловать ее, кошечка-Бѣляночка потеряла вся-

кое терпѣніе, однимъ скачкомъ очутилась у Тани на колѣняхъ, вцѣпилась когтями въ куклу и разорвала все ея платье въ лохмотья.

Таня ахнула и замерла отъ ужаса; сама не зная, что дѣлаетъ, сунула куклу подъ одѣяло и убѣжала; кошечка за нею. Во всю ночь Таня не сомкнула глазъ; сердце у нея билось. Сначала она не хотѣла сознаваться въ своемъ проступкѣ; но вспомнила, какъ покойная мать говаривала ей, что добровольное сознаніе уменьшаетъ вину, что скрывать дурной поступокъ непростительно, потому что равняется лжи, а лгать большой порокъ, за который Богъ накажетъ, и счастья не дастъ на землѣ. Всѣ эти мысли проходили по головѣ несчастной дѣвочки, и она рѣшилась лучше вынести самое строгое наказаніе, нежели солгать.

Однакожъ ей очень было страшно, и когда ее позвали къ царицѣ, ноги у нея дрожали и подгибались такъ, что она съ трудомъ переступала. Царица встрѣтила ее грознымъ взглядомъ; дочь нажаловалась ей, плакала объ испорченномъ платьѣ куклы и объ оцарапанной рукѣ ея, и тѣмъ въ высшей степени разсердила мать.

Когда Таня смиренно вошла въ ея комнату, и вся въ слезахъ бросилась на колѣни, сложила руки и чистосердечно, безъ малѣйшей неправды, разсказала все, какъ было.

Жалкій видъ ея, слезы и дрожь испуга не по-

дѣйствовали на осерженную царицу; она помнила только слезы дочери и приказала убить кошку, какъ главную виновницу, а Таню наказать розгами и розгой выгнать изъ города, чтобъ она никогда больше не являлась въ замокъ. Жестокое наказаніе исполнили, и несчастная дѣвочка въ слезахъ, вся избитая, выбѣжала изъ города. Кошки нигдѣ не нашли и поэтому казни надъ ней не произвели.

Таня долго бѣжала по полямъ и по лѣсамъ; ей все казалось, что за нею гонятся и бьютъ ее; наконецъ она выбилась изъ силъ и въ безпамятствѣ повалилась на землю, подъ деревомъ. Не извѣстно, долго ли она пролежала тутъ, но пришла въ себя отъ того, что что-то шершавымъ языкомъ лижетъ ей лицо; она открыла глаза, и кошечка Бѣляночка мурлычетъ надъ нею и ластится къ ней.

Таня припомнила все, заплакала еще сильнѣе прежняго, но съ горячею любовью обняла кошечку, прижала ее къ своей груди, цѣловала ей головку и сквозь слезы говорила: «мы обѣ несчастныя, изгнанныя! Будемъ же любить другъ друга, будемъ дружны, этого никто не можетъ запретить намъ. Милая моя Бѣляночка, не покидай меня, я безъ тебя пропаду съ горя!»

Кошечка, какъ будто понимала ее, ластилась къ ней, мурлыкала и извивалась у ногъ ея. Но вдругъ схватила ее зубами за платье и стала тащить въ одну сторону, точно собака, точно хотѣла дать понять,

чтобы она за нею пошла. Таня посмотрѣла на кошечку съ удивленіемъ, потомъ встала и сказавъ: «да, ты меня куда-то ведешь, пойдемъ, пойдемъ! Мнѣ все равно, куда идти!» пошла за кошечкой; та, увидѣвши, что Таня идетъ за нею, бросила ея платье и побѣжала впередъ; но лишь только Таня останавливалась, тотчасъ опять теребила и тащила ее. Она ее привела въ лѣсную чащу къ скалѣ, въ которой была пещерка, какъ бы нарочно выдолбленная, а въ ней каменная скамейка. Кошечка тотчасъ прыгнула на скамейку и легла, какъ бы давая знать, что и Танѣ надобно лечь.

Все тѣло у Тани болѣло; ей хотѣлось лежать; она за кошечкой вошла въ гротъ, пріятная прохлада охватила ее, и она сказала: «какъ здѣсь хорошо, ляжемъ спать кошечка!» Нарвала вѣтвей, травы, моху, уложила всю скамью, подъ головами повыше, и легла подлѣ Бѣляночки. Наступилъ полдень, въ лѣсу была нестерпимая духота, а въ гротѣ прохладно; кусты шиповника нависли надъ входомъ, и яркіе цвѣты его разливали благоуханіе. Таня легла и заснула отъ утомленія.

Подъ вечеръ она проснулась и чувствовала себя посильнѣе; но она цѣлый день ничего не ѣла и ей захотѣлось ѣсть. Она обратилась къ кошечкѣ и сказала ей: «ну, Бѣляночка, мы отдохнули, выспались, теперь не худо бы поѣсть, но чтожъ мы будемъ ѣсть?

— На это кошечка, видно, не знала, что отвѣчать, но только мурлыкала и лапками умывалась.

«Пойдемъ, давай искать ягодъ, найдемъ и поѣдимъ!» Ходила Таня по лѣсу, но ни одной ягодки не находила; голодъ мучилъ ее. Вдругъ видитъ по лѣсу пробирается столѣтняя Марѳа и несетъ на спинѣ вязанку хвороста. Таня знала старуху, потому что она иногда приходила во дворецъ, но не знала, гдѣ она живетъ. Она подбѣжала къ ней и умоляющимъ голосомъ сказала: «Бабушка, дай мнѣ кусочекъ хлѣба, смерть какъ ѣсть хочется!»

— Ну можетъ ли быть? Ты живешь во дворцѣ, въ довольствѣ, поди попроси у поваровъ, тотчасъ дадутъ тебѣ. У меня хлѣбъ черный, ты такого никогда не ѣдала.

«Нѣтъ, бабушка, для меня и моей кошечки во дворцѣ больше хлѣба нѣтъ. Дай мнѣ свою вязанку хворосту, я тебѣ помогу, а ты мнѣ дай поѣсть; я со вчерашняго дня ничего не ѣла, и моя Бѣляночка-тоже.

Старушка бросила хворостъ на землю, сѣла на вязанку, достала изъ котомки черствую корку хлѣба и подала ее Танѣ; та съ удовольствіемъ ее съѣла, но половину отдала кошечкѣ.

Когда Таня поѣла, старушка спросила ее, какъ она очутилась здѣсь въ лѣсу? Таня ей все чистосердечно разсказала. Добрая Марѳа только слушала, качала сѣдой головой, но ничего не говорила. Наконецъ, какъ бы разсчитавши что-то, сказала:—«Избенка у меня маленькая, хлѣба не много, коровка одна

только, но я тебѣ и твоей кошечкѣ дамъ пріютъ и подѣлюсь съ вами тѣмъ, что сама буду ѣсть, но за это ты должна мнѣ помогать; приглядѣть за чистотой въ домѣ, каждый день приносить по двѣ вязанки валежнику, чтобы запастись на зиму дровами, и вообще помогать мнѣ, чѣмъ можешь, и чѣмъ умѣешь.»

Таня очень обрадовалась предложенію доброй старухи, поблагодарила ее и тотчасъ же, для начала, взвалила себѣ на плечи вязанку, которую тащила старуха, и вмѣстѣ съ нею пошла къ избѣ ея. Кошечка-Бѣляночка весело побѣжала рядомъ съ ними.

Старушка Марѳа съ удовольствіемъ дала пріютъ дѣвочкѣ и ея кошечкѣ; ей самой пріятно стало видѣть въ избѣ живыя существа; да и помощь отъ Тани ей была большая, такъ что старушка могла и полежать долѣе въ постелѣ и отдохнуть послѣ обѣда и вечеромъ пораньше лечь спать.

Зажили онѣ весело и безпечно. Таня во всю жизнь свою не была такъ счастлива, какъ теперь. Марѳа обращалась съ нею очень ласково, не обременяла ея работой, никогда не бранила ее, давала много свободнаго времени. Таня, съ своей стороны, работала весело, безъ принужденія и когда выпадала свободная минута, съ кошечкой убѣгала въ знакомый гротъ на каменную скамью, набирала охапку цвѣтовъ, и тутъ у нихъ съ кошечкой поднималась самая веселая возня. Время въ играхъ летѣло скоро и въ сумерки обѣ возвращались въ свою милую, хотя бѣдную избу,

къ ласковой Марѳѣ, и Таня ни разу не вспомнила о великолѣпныхъ стѣнахъ дворца, не пожалѣла о нихъ и всячески старалась позабыть о непріятностяхъ, какія тамъ съ нею были.

Однажды Таня съ своею кошечкой Бѣляночкой пошла въ лѣсъ за хворостомъ; она собрала уже порядочную вязанку и только-что хотѣла взвалить ее себѣ на спину, какъ по лѣсу что-то сильно захрустѣло; молодыя деревца со стономъ падали на землю. Таня испугалась, стоитъ и смотритъ; вдругъ изъ лѣсной чащи показался огромный бурый медвѣдь. Таня, не думая долго, вскарабкалась на дерево и стала манить туда же Бѣляночку, изъ боязни, чтобы медвѣдь ея не изломалъ.

Но кошечка только поглядѣла вверхъ на Таню и опять направила все свое вниманіе на медвѣдя, который тоже на нее смотрѣлъ. Вдругъ Бѣляночка двумя скачками очутилась подлѣ медвѣдя и принялась къ нему ластиться; она мурлыкала, изгибалась, терлась объ медвѣдя и тотъ съ своей стороны выказывалъ ласку, ворчалъ что-то про себя, обнюхивалъ головку Бѣляночки, ея ушки и носикъ.

Наконецъ медвѣдь легъ на землю и протянулъ по землѣ одну переднюю лапу. Кошечка легла спинкой къ груди медвѣдя, и положила голову на медвѣжью лапу, такъ, какъ это дѣлаютъ маленькія дѣти, которыя ложатся съ матерью и кладутъ голову на ея руку. При этомъ и кошечка и медвѣдь что-то про

себя мурлыкали. Напрасно Таня звала свою кошечку, напрасно обѣщалась накормить ее сладкимъ; ей, вѣроятно, было веселѣе съ медвѣдемъ и она спокойно продолжала играть съ нимъ и ластиться къ нему.

Когда же медвѣдь заслышалъ въ лѣсу тяжелую поступь Марѳы, онъ ушелъ; вслѣдъ за нимъ побѣжала и кошечка-Бѣляночка, но Танѣ стало ея очень жаль, и она крикнула отчаяннымъ голосомъ: «Бѣляночка, Бѣляночка, куда ты? Неужели ты меня оставляешь. Кись, кись, кись, куда ты? Кысинька сюда, ко мнѣ, моя Бѣляночка!»

Бѣляночка остановилась, оглянулась, съ минуту постояла въ нерѣшительности и наконецъ прибѣжала къ Танѣ. Она обняла ее, посадила къ себѣ на колѣни, ласкала и стыдила, и упрекала за то, что она хотѣла покинуть ее.

Онѣ вернулись въ избу; когда Марѳа узнала о встрѣчѣ съ медвѣдемъ, то сказала:—«Медвѣдь этотъ предобрый и живемъ мы съ нимъ въ согласіи: какъ-то разъ на него напали охотники и собирались убить его, но мнѣ стало жаль звѣря и чтобы освободить его отъ бѣды, я сказала охотникамъ, будто это не простой медвѣдь, а заколдованный и что тому, кто его убьетъ, не будетъ счастья на свѣтѣ и его самого скоро убьютъ. Охотники перепугались, перестали ходить на медвѣдя, да и совсѣмъ перестали охотиться въ этомъ лѣсу, и теперь медвѣдь живетъ себѣ спокойно. Одно чудное дѣло: онъ будто понялъ, что я для него сдѣлала, и съ тѣхъ поръ

особенно ласковъ со мною, выгоняетъ изъ лѣсу всѣхъ дикихъ звѣрей и показываетъ мнѣ особенную услужливость

Съ этихъ поръ и Таня перестала бояться медвѣдя; она часто встрѣчалась съ нимъ, и когда Бѣляночка играла съ нимъ и ласкалась къ нему, Таня тоже подходила и гладила его по косматой спинѣ и по большой головѣ.

Но дни становились короче, осень прошла и настала зима; снѣгъ началъ перепархивать и морозъ уже доходилъ до 8°. Медвѣдь ушелъ куда-то въ лѣсъ и залегъ въ свою берлогу. Таня въ послѣдній разъ пошла за дровами; ужъ руки у нея покраснѣли и совсѣмъ окоченѣли, за лицо щипалъ морозъ и она собиралась идти домой. Въ это время всторонѣ, по дорогѣ пастухи гнали стадо быковъ; между ними былъ одинъ пребольшой и пресердитый козелъ; лишь только онъ увидѣлъ Бѣляночку, тотчасъ нагнулъ рога и кинулся, чтобы забодать ее. Таня ужасно испугалась за кошечку; она побѣжала къ Бѣляночкѣ, чтобы взять ее на руки и спрятать отъ козла, но спотыкнулась и упала прямо на кошечку; разъяренный же козелъ боднулъ ее изо всѣхъ силъ въ голову, нанесъ ей огромную рану, такъ что кровь горячею струею полилась на кошечку и окрасила ея бѣлую шерсть въ алую; Таня лишилась чувствъ.

Когда она пришла въ себя, кошечки не было подлѣ нея, она навсегда исчезла, а возлѣ Тани стояла прекрасная молодая дама въ богатомъ, бѣломъ платьѣ, съ вѣнцомъ изъ

драгоцѣнныхъ камней на головѣ. Таня испугалась; но незнакомая дама ободряла ее ласковыми словами:

— Не бойся, милая малютка Таня, я, вѣдь, та самая кошечка-Бѣляночка, которую ты пріютила; ты ко мнѣ всегда была ласкова и теперь чуть не пожертвовала за меня жизнію. Злая волшебница превратила меня въ кошку и только кровь человѣческая, добровольно за меня пролитая, могла меня спасти. Я царская дочь и готова тебѣ разсказать, какимъ образомъ сдѣлалась кошкой; пойдемъ въ избу Марѳы, отдохнемъ и поговоримъ.

Таня пошла съ царской дочерью, но во всю дорогу не сказала ни слова; она была удивлена этимъ нечаяннымъ превращеніемъ; она и радовалась ему, и въ тоже время не могла не пожалѣть о своей кошечкѣ-Бѣляночкѣ, къ которой такъ сильно привязалась.

Въ дверяхъ избы встрѣтились онѣ съ Марѳой, которая кланялась въ поясъ прекрасной и нарядной незнакомкѣ и никакъ не хотѣла при ней сѣсть.

— Бабушка, сказала ей царская дочь,—садись пожалуйста, не чинись со мною, вѣдь я та самая кошечка-Бѣляночка, которой ты столько времени давала пріютъ и кормъ. Я этого никогда не позабуду и ежели когда нибудь возвращусь въ свое царство, то постараюсь выказать тебѣ въ какой мѣрѣ я благодарна.

Замѣшательство Марѳы, однакожъ, не уменьшалось; она сажала царскую дочь въ передній уголъ, подъ образа, подавала на столъ все, что у нея было

лучшаго. Наконецъ всѣ трое немного привыкли къ новому положенію, сѣли, и царская дочь начала разсказъ свой:

— Меня зовутъ Ольгой, я дочь сильнаго царя; у меня есть еще братъ Вячеславъ; мы близнецы, т. е. родились въ одинъ день и часъ; только братъ немного старше меня. Мы росли вмѣстѣ и крѣпко любили другъ друга; у насъ всегда во всемъ было согласіе; желанія наши были одинаковыя, мысли и чувства тоже; мы всегда бывали вмѣстѣ и величайшимъ несчастіемъ для насъ было не видаться цѣлый день. Матушка радовалась, глядя на нашу дружбу, и говорила, что она ею счастлива.

Но, къ несчастію, матушка умерла въ то время, когда мы были маленькіе; мы ни на минуту не забывали нашей матери, каждый день говорили о ней, припоминали ея наставленія и иногда пѣли пѣсни, которыми она насъ баюкала.

У Вячеслава былъ характеръ смѣлый и вспыльчивый, точь въ точь такой, какъ у отца: но со мною онъ никогда не ссорился; даже тогда, когда бывало на кого нибудь осердится, и разгорячится, мнѣ стоило только ласково заговорить съ нимъ, или пропѣть ему одну изъ пѣсенъ нашей матери, и онъ немедленно успокоивался и всегда слушался моихъ совѣтовъ.

У меня тоже былъ большой недостатокъ; я любила подмѣчать недостатки у другихъ и насмѣхаться надъ ними. Братъ часто замѣчалъ мнѣ, какъ это дурно и

совѣтовалъ исправиться; я отъ души хотѣла исправиться, часто давала себѣ слово, но не знаю какъ, при случаѣ забывала доброе намѣреніе и опять впадала въ свою вину.

Однажды къ намъ во дворецъ пришла старуха, очень безобразная собою; носъ у нея былъ непомѣрно длинный и нависъ надъ нижнею губою, точно какъ колбаса. Она просила милостыни. Когда я ее увидѣла, то не могла удержаться отъ смѣха; я хохотала до слезъ и съ насмѣшкой сказала: — «на что тебѣ, колдунья, просить хлѣба, у тебя готовая колбаса виситъ надо ртомъ!»

«У тебя языкъ слишкомъ длинный, да и смѣтлива ты не въ мѣру,» сердито отвѣчала колдунья; при этомъ глаза ея злобно сверкнули и она прибавила: —«отнынѣ у тебя не будетъ ни смѣху, ни злаго слова.»—Я отъ испуга, какъ бы окаменѣла; голосъ у меня пропалъ и когда я хотѣла сказать что—то въ отвѣтъ, у меня выходило мяуканье; руки и ноги мои съежились, сдѣлались гибки, на концахъ пальцевъ выросли когти и послѣдніе суставы пальцевъ загнулись вверхъ; однимъ словомъ, я сдѣлалась кошкой, такою какою, ты меня знала.

Вячеславъ пришелъ въ ту минуту, когда я только что начала превращаться въ кошку; онъ это увидѣлъ, осердился, выхватилъ мечъ и хотѣлъ имъ рубануть старуху; но она грозно подняла руку, погрозилась на него и сказала: — «Тише, тише ты, мишка, постой-ка, я тебя не боюсь! Мнѣ ничего не сдѣлаешь!» — И

тотчасъ, въ моихъ глазахъ онъ превратился въ медвѣдя, колдунья прогнала его въ лѣсъ и, чтобы насъ разлучить, меня оставила при себѣ. Я хотя стала кошкой, но въ моемъ сердцѣ сохранилась любовь къ роднымъ, къ брату и къ родинѣ.

«Я очень тосковала о братѣ, лишь только вырвалася отъ колдуньи, побѣжала отъискивать брата и такимъ образомъ забрела въ царскій дворецъ, гдѣ тебя встрѣтила; ты меня полюбила и я осталась съ тобою, потому что ты меня полюбила; только благодаря твоей благородной смѣлости, я опять сдѣлалась человѣкомъ.

«Знаешь ли, мнѣ кажется, я нашла брата: тотъ медвѣдь, съ которымъ я играла будучи кошкой, навѣрное Вячеславъ. Я это чувствую по той теплотѣ и той радости, которая проникаетъ меня всякій разъ, когда я вижу его. Не будь тебя, Таня, я бы съ перваго дня нашей встрѣчи ушла съ нимъ въ лѣсъ.

— Пойдемъ же, отыщемъ медвѣдя, воскликнула Таня.

«Да, непремѣнно отыщемъ! сказала царская дочь; ты, бабушка, проводи насъ къ его берлогѣ; ты, навѣрное, знаешь, гдѣ онъ живетъ и куда онъ на зиму залегаетъ.

— Ты не ошиблась, красавица, я дѣйствительно знаю, гдѣ медвѣдь, пойдемъ же.—Всѣ трое пошли въ лѣсъ, и вскорѣ дошли до темной, низкой пещеры; входъ въ нее былъ узкій и мѣста въ ней немного. Царская дочь съ невольнымъ ужасомъ вошла въ тем-

ное жилье медвѣдя, но сестринская любовь преодолѣла страхъ ея, и она проникла въ логовище звѣря; мѣста тамъ было такъ мало, что за нею ни Таня, ни Марѳа не могли войти; онѣ остались при входѣ и смотрѣли, что будетъ.

Медвѣдь лежалъ въ самомъ темномъ углу, слегка ворчалъ и сосалъ свою лапу; но ворчалъ не сердито, а ласково, какъ въ тѣ дни, когда игралъ съ Бѣляночкой. Царевна сѣла на землю подлѣ него, стала его гладить по головѣ и по спинѣ и тихо запѣла пѣсню, которою, бывало, мать убаюкивала ее и брата, когда они были маленькіе и спали въ колыбелькахъ. По мѣрѣ того, какъ Ольга пѣла, медвѣдь ворчалъ все тише и тише и наконецъ совсѣмъ замолкъ; неизвѣстно, слушалъ ли онъ, или заснулъ очень крѣпко.

Во время пѣнія, медвѣдь иногда тяжело вздыхалъ; при послѣднихъ же словахъ онъ поднялся на заднія лапы, а переднія протянулъ къ княжнѣ, какъ будто хотѣлъ обнять ее.

«Другъ мой, воскликнула Ольга, я чувствую, что ты мнѣ братъ! Попробую, не могу ли я тебѣ возвратить человѣческій образъ: но для этого стой смирно, не касайся меня; злая волшебница сказала: вы останетесь звѣрьми, пока добровольно пролитая человѣческая кровь не прольется за васъ.

При этихъ словахъ царевна обнажила ножъ и нанесла себѣ въ руку глубокую рану. Кровь полилась струей; она обмокнула палецъ въ горячую кровь и

сдѣлала крестъ у медвѣдя на лбу. Кожа на этомъ мѣстѣ тотчасъ треснула, разсѣлась и тихонько съѣхала со всего тѣла, точно будто шуба; передъ Ольгой стоялъ братъ ея Вячеславъ. Они бросились на шею другъ къ другу и благодарили Бога за избавленіе.

Таня, стоя у входа, видѣла все и ликовала, а старушка Марѳа набожно крестилась и про себя читала благодарственную молитву.

Когда молодые люди вышли изъ пещеры, Ольга взяла Таню за руку и сказала: — «Братецъ! до сихъ поръ насъ было только двое, а теперь будетъ *трое*; вотъ моя сестра; безъ ея помощи, мы бы до сихъ поръ оставались звѣрями; она меня спасла своею кровью также, какъ я тебя спасла.

— Пусть будетъ по твоему, сестра! Пусть она съ нами отправляется въ наше царство, и ей третья доля всего, что у насъ есть.

«Какъ же намъ быть съ бабушкой Марѳой, неужели она останется одна? замѣтила Таня.

— Ничутѣ, и она съ нами! Какъ она насъ не покинула, такъ и мы ея не покинемъ!

Всѣ вмѣстѣ отдохнули въ избѣ Марѳы, потомъ всѣ вмѣстѣ отправились въ царство Вячеслава и Ольги. Народъ встрѣтилъ ихъ съ полнымъ восторгомъ; незадолго передъ тѣмъ умеръ старый король и если бы царевичъ во время не явился, то царемъ сдѣлался бы

родственникъ его, человѣкъ всѣмъ ненавистный за свою жестокость.

Итакъ Вячеславъ сдѣлался царемъ, а Таня и старая Марѳа жили при немъ и при царевнѣ Ольгѣ въ радости, довольствѣ, какъ близкія родственницы. У Тани опять завелась кошечка и даже бѣленькая, но она уже не превращалась въ царевну.

Двѣ сестры.

Сказка.

Въ лѣсной мѣстности, посреди поляны, стояла маленькая избушка; въ ней жила бѣдная столѣтняя старушка съ своими двумя внучками. Старшей, Сонѣ, было десять, а младшей, Дунѣ, 6 лѣтъ; пока сынъ и невѣстка живы были, старушка жила въ довольствѣ; у нихъ и скота было вдоволь, и пашня исправная и все, все, какъ у богатаго крестьянскаго семейства; но мать и отецъ умерли въ то время, когда Сонѣ и Дунѣ было по малу лѣтъ: Сонѣ было всего 4 года, а Дунѣ нѣсколько дней.

Сначала жили онѣ кое-какъ перебиваясь; сосѣди помогали, чѣмъ могли, старушка работала и въ полѣ, и дома; но болѣзнь постигла ее: параличемъ отняло у нея ноги: руки болѣли отъ простуды, и она работать не могла; продали скотъ, чтобы купить хлѣба: продавали все, что можно было продавать, и все-таки недоставало. Дѣти не могли работать, у бабушки тоже ни руки, ни ноги не дѣйствовали.

Горько было бѣдной старушкѣ, но дѣлать нечего; пришлось дѣтей посылать на большую, проѣзжую дорогу, просить милостыни. По большой дорогѣ много народу ѣздило и потому можно было собирать кое-что. Дѣвочки были хорошенькія, одѣты всегда чисто, умыты и причесаны; ихъ наружность нравилась, и потому проѣзжіе имъ всегда подавали милостыню. Но Дунѣ давали больше и охотнѣе, чѣмъ Сонѣ; она просила такъ кротко, личико ея было такъ скромно и въ темныхъ глазкахъ такъ ясно выражалась мольба, что ей трудно было бы отказать; между тѣмъ въ лицѣ Сони было что-то гордое и дерзкое, и она не просила, а въ голосѣ ея слышалось требованіе.

Характеры у сестеръ были очень различные, какъ и самая наружность ихъ: обѣ были очень хороши собою, но въ Сонѣ видны были гордость и заносчивость, а въ лицѣ Дуни столько доброты и ласки, что глядя на нее, хотѣлось приласкать ее, погладить по головкѣ и поцѣловать милое, доброе дитя.

Въ обращеніи съ бабушкой особенно ярко выказывалась ихъ разница.

Дуня своими дѣтскими рученками дѣлала все, что бабушкѣ нужно было; подавала ей одѣваться, обувала ее, помогала спустить ноги на полъ и сѣсть на лавку; приносила ей обѣдать и ужинать, однимъ словомъ— всѣми способами старалась облегчить горькое положеніе старушки. За то бабушка и любила Дуню; при всякомъ случаѣ хвалила ее, молилась за нее Богу и

благословляла ее за ея вниманіе и за доброту къ ней.

Соня совсѣмъ напротивъ; она часто надоѣдала бабушкѣ своею невнимательностію, и когда старушка говорила ей, что надобно то, или другое сдѣлать, она улыбнется, тряхнетъ головою и скажетъ: „мнѣ некогда. пусть Дуня сдѣлаетъ.“ Когда же бабушка дѣлала ей выговоръ за лѣность, она отвѣчала грубо и дерзко и продолжала лѣниться.

Кромѣ того она всегда была недовольна и сердита, всегда роптала на дурное кушанье и дурную одежду и при всякомъ случаѣ говорила: „дайте мнѣ только подрости, ужъ я не останусь жить въ этой трущобѣ, а пойду отъищу себѣ такое мѣсто, гдѣ буду и сыта, и обута, и одѣта.“

Дуня всегда и ко всѣмъ была ласкова, не только къ людямъ, но и къ животнымъ; она всегда была весела и ей хотѣлось бы побольше дѣлать добра. Но если у нея не было возможности дѣлать добро людямъ, то, по крайней мѣрѣ, она не забывала животныхъ. Она посыпала крошки хлѣба птицамъ, бросала ихъ рыбамъ и даже не забывала лягушекъ въ пруду.

Она всѣхъ животныхъ, безъ исключенія, любила и въ самыхъ некрасивыхъ и отталкивающихъ находила что нибудь хорошее. Такъ, напримѣръ, ей даже лягушки въ пруду нравились, и она ежедневно отнимала частицу хлѣба отъ своей доли и давала его лягушкамъ.

Подлѣ избы сочился ручеекъ, который выходилъ

изъ пруда съ лягушками; рѣченка эта вскорѣ сдѣлалась любимымъ мѣстомъ игръ для Дуни. На ручейкѣ были маленькія быстринки и островокъ. Дуня заставила быстрину маленькими колышками, вбитыми въ землю, а съ другой стороны островка, гдѣ вода текла потише, она устроила воротцы; она ихъ отворяла и затворяла съ своего островка. Въ позднюю осень лягушки изъ ручейка обыкновенно пробирались въ прудъ, и тутъ-то наступала для Дуни самая веселая пора. Она лягушекъ называла своимъ стадечкомъ, прикармливала ихъ, говорила съ ними ласково, отворяла имъ воротца и пропускала ихъ.

Лягушки очень некрасивы, но Дуня привыкла къ нимъ; она слѣдила за ихъ развитіемъ отъ того времени, когда онѣ весною были головастиками и состояли изъ одной круглой головки съ двумя большими глазами и хвостика; она радовалась, глядя на нихъ, какъ у нихъ постепенно выростали ноги, туловище удлинялось, хвостъ отпадалъ и онѣ получали способность прыгать по землѣ также удобно, какъ плавать въ водѣ; она до того свыклась съ ними, что находила ихъ даже красивыми.

Дуня вообще любила животныхъ и когда бабушка продавала корову за коровой, овцу за овцой, она жестоко тосковала и каждую скотинку оплакивала; когда же наконецъ въ домѣ не осталось даже кошки, она привязалась къ лягушкамъ и свела съ ними знакомство.

Однажды осенью она сидѣла на своемъ островкѣ и кормила лягушекъ, удѣляя имъ половину своего хлѣба, и пропускала ихъ черезъ воротцы по мѣрѣ того, какъ онѣ подплывали къ нимъ. На этотъ разъ и Соня была тутъ же, но она, по своему характеру, не любила животныхъ и находила удовольствіе только въ томъ, чтобы помучить ихъ. Она прутомъ стегала лягушекъ, чтобы отгонять ихъ отъ воротъ и не смотря на просьбы и слезы сестры, забавлялась своею жестокою игрою.

Вдругъ плыветъ огромная старая лягушка. Дуня завидѣла ее издали и ласково сказала ей: «сюда, сюда, старушка. Ну, ну, плыви, я тебя пропущу; на тебѣ крошекъ хлѣба, позавтракай и ступай своей дорогой, а назадъ въ рѣчку захочешь—тоже пропущу; не бойся, не задержу тебя, дѣлай, что хочешь!» и съ этими словами отворила воротцы.

На бѣду, Соня услышала слова сестры, подбѣжала и прутомъ начала прогонять старую лягушку; нѣсколько разъ она подплывала къ воротцамъ, но всякій разъ Соня прогоняла ее.

— Какъ тебѣ не стыдно, Соня, мучить мою милую лягушку! Оставь ее, она никому вреда не дѣлаетъ!

Но Соня не переставала; насмѣхалась надъ Дуней, надъ лягушкою и не переставала ее хлестать прутомъ. Она уплыла назадъ въ ручей, а Дуня горько заплакала.

Въ это время къ дѣвочкамъ подошла сгорбленная старуха; она еле передвигала ноги, опираясь на клюку.

Она нѣсколько времени уже стояла подлѣ дѣтей и слушала, что они говорятъ и какъ ссорятся.

— Полно плакать, дитя мое, сказала она Дунѣ, перестань! Каждой изъ васъ будетъ по дѣламъ вашимъ! Помни слова мои, сказала она, обращаясь къ Сонѣ. Жизнь дана всѣмъ тварямъ земнымъ на то, чтобы онѣ наслаждались и горе тому, кто понапрасну мучитъ животныхъ.

Соня расхохоталась, и грубо сказала: «ну, ну, убирайся, старая корга, нечего каркать, ворона! Смотри чтобы я тебя не проводила также, какъ лягушку».

Послѣ этого прошло много времени, Сонѣ было уже пятнадцать, а Дунѣ двѣнадцать лѣтъ. Жили онѣ по прежнему бѣдно и по прежнему выходили на большую дорогу просить милостыни. Разница между сестрами была все та-же; только Дуня научилась вязать и вышивать, и она, хотя просила милостыню, но дожидаясь проѣзжихъ, всегда сидѣла гдѣ нибудь подъ деревомъ и работала, потомъ продавала работу и тѣмъ добывала еще денегъ, такъ что могла изрѣдка приносить бабушкѣ кринку молока, или калачъ, или сайку.

Однажды обѣ сестры, по обыкновенію, дожидались проѣзжихъ; вотъ ѣдетъ карета четверней; дѣвочки стали подлѣ дороги и низко поклонились. Карета остановилась по приказанію сидѣвшей въ ней нарядной дамы. «Что вамъ надобно?» спросила она.

— Пожалуйте что нибудь на хлѣбъ намъ и бѣдной бабушкѣ, отвѣчала Дуня.

«Кто же ваша бабушка?

— Она бѣдная больная, не можетъ ходить и работать, а у насъ еще силы мало.

«Ну, сестра твоя уже порядочная дѣвушка, могла бы работать. Но она такая хорошенькая, что жаль морить ее работой, да и ты тоже. Не хочетъ ли одна изъ васъ отправиться со мною? ей хорошо будетъ; у меня всего вдоволь.

— Нѣтъ, спасибо, мы не можемъ покинуть бабушки, безъ насъ она пропадетъ, сказала Дуня.

«Молчи, глупая, воскликнула Соня, ты можешь за себя отказываться, но не за меня; у меня свой умъ и свой языкъ; знаю, что хочу. Я поѣду!

— Какъ, не простившись даже съ бабушкой?

«Что за прощанье, когда нибудь увидимся!

— Ну, такъ садись же ко мнѣ въ карету и поѣдемъ!

Соня прыгнула на подножку, въ карету, дверцы захлопнулись и лошади поскакали. Соня высунула голову въ окошко, со смѣхомъ кланялась сестрѣ и на прощанье махала ей платкомъ.

Дуня осталась одна на большой дорогѣ, въ слезахъ звала сестру, простирала къ ней руки, и долго смотрѣла ей вслѣдъ, и стонала и плакала. Она возвратилась домой и вмѣстѣ съ бабушкой долго оплакивала сестру.

Съ этихъ поръ старушка съ каждымъ днемъ видимо угасала; Дунѣ нельзя было отходить отъ нея, и она уже больше не выходила на большую дорогу;

брала шитье и другую работу у сосѣдей къ себѣ на домъ; но заработывала такъ мало, что ей очень часто приходилось голодать дня по два, и по три, и тогда она жевала траву и запивала ее водою. Но она не унывала, работала, сколько могла, была всегда ласкова и предупредительна къ бабушкѣ, и даже иногда была такъ весела, что пѣсня ея звонко раздавалась по цѣлому дому.

Такъ прошло еще два года; Дунѣ было уже 14 лѣтъ; бабушка ея еще сильнѣе захворала и умерла. Дуня со слезами проводила ее въ могилу; но для похоронъ пришлось продать даже постель, на которой лежала больная, и въ домѣ не осталось ни ложки, ни плошки, стояли только четыре голыя стѣны.

Дуня не знала, что ей дѣлать; тоска и одиночество душили ее; дома оставаться она не могла; она пошла къ ручейку, на тотъ островокъ, гдѣ сидѣла и играла, когда была маленькая; приникла головой къ березѣ и начала думать о томъ, что ей дѣлать. Впереди ничего добраго не было видно; она горько плакала.

Но вдругъ, Богъ вѣсть отчего, вся окружавшая ее природа заговорила съ нею. Береза наклонила къ ней свои вѣтви, и листья залепетали: «Дуня, мы тебѣ дадимъ тѣнь, мы тебя защитимъ отъ солнца и отъ дождя! Живи у насъ!»

Вдругъ въ воздухѣ зашумѣли крылья птицъ; стая гусей опустилась на землю, положила передъ нею два десятка яицъ, и загоготала: «вотъ тебѣ яицъ, Дуня, поѣшь и будь весела, мы тебя будемъ кормить!»

— А я тебя напою чистой, студеной водою! зажурчалъ ручей.

—. Погоди немного, я тебя одѣну; моя работа скоро поспѣетъ, заговорилъ паукъ, который по сучьямъ растянулъ нити своей паутины, быстро бѣгалъ взадъ и впередъ, и доканчивалъ свою ткань.

— А я тебя обую, сказалъ цвѣтущій кустикъ донника (lotus corniculatus), цвѣты котораго походили на золотые башмачки.

— Возьми меня: я тебѣ всѣ замки отворю, приговаривалъ цвѣточекъ бѣлаго подснѣжника (Primula veris).

— Отъ меня выслушай добрый совѣтъ! проквакала старая, престарая лягушка,—я много жила, много знаю! На вѣтеръ словъ не пускаю!

Дуня поняла, что вся природа ей желаетъ добра, и она утѣшилась, перестала плакать, и обращаясь къ лягушкѣ, ласково сказала: «Благодарю тебя, милая старушка, посовѣтуй мнѣ, неразумной! Я послушаюсь тебя! Твоя морщинистая голова напоминаетъ мнѣ старую голову моей бабушки. Скажи мнѣ, куда мнѣ, бездомной сиротѣ, дѣваться и гдѣ мнѣ искать работы и хлѣба.»

Лягушка вскочила на берегъ, сѣла прямо противъ Дуни, покряхтѣла минутку и сказала: «Надѣнь башмачки *донника*, и если ты никогда не лгала, они тебѣ будутъ впору, ты всегда будешь ходить по правому пути и башмачки укажутъ тебѣ дорогу. Если случится рѣка и переправы не будетъ, ты подуй въ башмаки, и они перенесутъ тебя по водѣ, какъ по мосту.»

«Возьми у паука *паутину* и одѣнься въ нее; она не грѣетъ, но блеститъ, какъ серебряный газъ и какъ бы она тонка и прозрачна ни была, но ея не разрѣжетъ и не разрубитъ самый острый мечъ. На дорогу возьми также цвѣточекъ подснѣжника или *бѣлой буквицы*: передъ нимъ любой замокъ отопрется. Вотъ тебѣ мой совѣтъ, больше я ничего не знаю; прощай!» И лягушка съ этимъ словомъ юркнула въ воду.

Дуня выбрала желтенькій цвѣтокъ донника и хотѣла попытать счастья; она подумала: я, кажется, никогда не лгала, можетъ быть, мнѣ башмачекъ будетъ впору.» Она дунула въ цвѣтокъ, расправила его и принялась надѣвать; онъ дѣлался больше и больше, и по мѣрѣ того, какъ она его надѣвала, онъ выросталъ и когда надѣлся совсѣмъ, то заблестѣлъ, какъ чистое золото. Со вторымъ цвѣткомъ вышло точь въ точь то же самое.

Послѣ этого Дуня взяла паутину, которая стала такая большая, что она ею закуталась съ головы до ногъ; за паутиной побѣжалъ и паукъ, проворно взобрался на плечи къ Дунѣ и хлопотливо забѣгалъ, засновался и принялся ткать и поправлять свою работу, скрѣплялъ паутину на плечахъ, на рукахъ, вокругъ тальи и повсюду, такъ, что вышло, будто платье сшито изъ лучшаго серебристаго газа и сдѣлано искусными швеями. На солнцѣ платье блестѣло, какъ серебро. Дуня смотрѣла на себя и не вѣрила глазамъ; она взглянула на зеркало пруда и увидѣла, что тамъ отражается прекрасная, бѣлокурая дѣвочка,

съ волнистыми волосами, блестящимъ платьемъ и золотыми башмаками.

Дуня обрадовалась и хотѣла было бѣжать; ноги у нея такъ сами и начали подниматься; она было и позабыла о бѣлой буквицѣ; но цвѣточки на ней сами залепетали: «Возьми насъ съ собою, не забывай: мы всякіе замки отпираемъ также, какъ пробиваемся чрезъ снѣгъ и ледъ весною.» Дуня сорвала три цвѣточка; два заткнула себѣ за поясъ, а третій держала въ рукахъ. Послѣ этого Дуня пошла, не потому что хотѣла идти, но золотые башмаки невольно поднимали ей ноги, и она все шла, да шла, по горамъ, по долинамъ и лѣсамъ, безъ остановки, безъ усталости, до самаго вечера; она не знала, куда идетъ; но такъ далеко никогда не заходила.

Вотъ видитъ она передъ собою прекрасный замокъ; онъ горитъ огнями; въ немъ слышится веселая музыка; но ворота заперты крѣпкими замками. Владѣлецъ замка веселился съ своими родными и знакомыми, онъ заперся, чтобы чужіе ему не мѣшали.

Дуня стояла у воротъ и, закинувъ голову, глядѣла и слушала. «Какъ тамъ должно быть весело, шептала она про себя, но какъ жаль, что дверь заперта; туда не войти; пойду-ка я опять своей дорогой; лишь бы найти, гдѣ переночевать и чего поѣсть. Ѣсть же мнѣ куда, какъ хочется!»

Попробовала Дуня повернуться и идти, но не могла отдѣлить ногъ отъ земли; ноги точно къ ней прилипли;

она попробовала идти въ одну, въ другую сторону, но напрасно: башмаки не пускали. Дѣлать нечего; видно, чудесные башмаки не хотятъ, чтобы она уходила; при этомъ ей припомнились цвѣты подснѣжника и слова лягушки. Она подумала: «слышала я много разсказовъ о разрывъ-травѣ, не бѣлая ли буквица это и не могутъ ли эти цвѣты отпирать замки, рвать цѣпи и т. д. Постой, попробую!»—и съ этими словами она взяла одинъ изъ цвѣтковъ, тихонько вложила его въ замокъ на мѣсто ключа, и ворота въ ту же минуту распахнулись настежъ.

Опять зашевелились башмаки, и противъ воли понесли Дуню впередъ черезъ дворъ, на крыльцо, по лѣстницѣ вверхъ, прямо въ ярко освѣщенный залъ. Дуня съ смущеніемъ и боязнію смотрѣла кругомъ; ее поражало и множество незнакомыхъ дамъ и мужчинъ, и яркій блескъ свѣчей, и бронза, и позолота, и бархатъ, кружева и драгоцѣнные камни; всего этого она во всю жизнь не видала.

На нее хозяинъ и гости смотрѣли тоже съ удивленіемъ; они не знали, откуда она взялась и кто она такая.

Въ этотъ вечеръ въ замокъ пріѣхали три музыканта изъ дальнихъ сторонъ и играли такъ хорошо и такъ замысловато, что никто никогда такой музыки не слыхивалъ и всѣ не могли налюбоваться ихъ искусною игрою.

Вдругъ они заиграли какой-то танецъ и просили,

чтобы подъ ихъ музыку танцовали. Танцовать всѣмъ хотѣлось, но никто не могъ плясать подъ ихъ странный размѣръ; многіе пробовали, но должны были отказаться.

Самъ владѣтель замка попробовалъ, но и ему не удавалось попасть въ тактъ. Вдругъ золотые башмачки Дуни зашевелились, и она невольно выступила впередъ и что же? Ноги ея, она сама не знала какъ, задвигались, и она танцовала какой-то странный, но очень красивый танецъ. Ей очень стыдно было танцовать такъ, одной-одинешенькѣ посреди зала; она въ замѣшательствѣ краснѣла, потупляла голову, но черезъ это становилась только прекраснѣе.

Сыну владѣтеля замка захотѣлось потанцовать съ этой прекрасной незнакомой дамой; онъ выступилъ впередъ, подошелъ къ ней и просилъ у нея позволенія потанцовать съ нею. И что же?

Дуня подала ему руку, и онъ заплясалъ такъ же хорошо, какъ она, но лишь только она выпускала его, какъ опять онъ не попадалъ въ тактъ и не умѣлъ ступить, какъ слѣдуетъ; чудесная сила башмаковъ дѣйствовала и на него, но только до тѣхъ поръ, пока онъ не выпускалъ Дуниной руки.

Въ залѣ подлѣ музыкантовъ сидѣла дочь владѣтеля замка и досадовала на то, что эта чужая, пришлая дѣвушка такъ хорошо пляшетъ и такъ красива собою, всѣ ею заняты, а на нее никто не смотритъ. Она встала и вышла въ садъ; долго ли она ходила, неизвѣстно, но когда празд-

никъ кончился, ея хватились и нигдѣ не нашли. Ворота за Дуней остались отворенными, а по близости бродили разбойники; они замѣтили отворенныя ворота, забрались въ садъ, во дворъ и похитили дочь владѣтеля замка.

Отецъ, мать и всѣ родные ужасно тосковали, и отецъ сказалъ, что готовъ отдать половину своего богатства тому, кто отыщетъ его дочь, и если то будетъ мужчина, то усыновитъ его, а если женщина или дѣвушка, то приметъ на мѣсто дочери и будетъ любить ее и послѣ себя оставитъ въ наслѣдство такую же долю изъ своего имѣнія, какъ родному сыну и дочери.

Всѣ гости тотчасъ снарядились въ дорогу, осѣдлали лошадей, вооружились съ головы до ногъ и выѣхали изъ городскихъ воротъ; сынъ владѣтеля замка впереди всѣхъ; онъ любилъ свою сестру и хотѣлъ, во что бы то ни стало, отыскать ее. Всѣ всадники раздѣлились на четыре кучки и поѣхали въ четыре стороны. Братъ поѣхалъ прямо на западъ; лошади у него и его спутниковъ были отличныя, и они скакали очень быстро.

Надобно сказать, что Дуня исчезла изъ замка тотчасъ, когда хватились молодой Нины, дочери владѣльца. И хорошо сдѣлала Дуня, что не оставалась въ замкѣ: раздраженный отецъ говорилъ объ ней: «ищите ее, приведите ко мнѣ; это она виновата, что моя Нина пропала; она нарочно плясала передъ нами, нарочно отводила намъ глаза, чтобы разбойники, съ которыми она, вѣрно, за одно, успѣли обобрать мои кладовыя

и увезти мою дочь. Подавайте мнѣ эту плясунью, я ее засажу въ самый сырой подвалъ моего замка, я ее заморю на хлѣбѣ и водѣ; она у меня исчахнетъ въ цѣпяхъ; я у нея всю душу выколочу!...» Такъ говорилъ осерженный и отчаянный отецъ и вѣроятно исполнилъ бы свою угрозу, еслибы Дуня ему попалась въ руки.

Всадники, между тѣмъ, неслись во всю прыть, по горамъ, по долинамъ, и доскакали до густаго, дремучаго лѣса; они выѣхали на поляну, съ которой расходилось нѣсколько дорогъ; не знали, куда же дальше ѣхать; въ раздумьи они начали совѣтоваться, но тутъ изъ-подъ дерева вышла Дуня, поклонилась всадникамъ и сказала: «Вы ищете прекрасную сестру свою, позвольте мнѣ проводить васъ, я знаю всѣ лѣсныя тропинки!»

— Пошла прочь, воскликнулъ одинъ старый воинъ, ну, годишься ли ты намъ въ проводники? Гдѣ видано, чтобы пѣшій былъ товарищемъ конному?

Но молодой графъ, сынъ владѣтеля замка, тотчасъ узналъ свою вчерашнюю танцовщицу и отвѣчалъ ей, что охотно принимаетъ ея услуги; онъ велѣлъ одному изъ воиновъ сойти съ лошади и отдать ее незнакомкѣ. Но Дуня отвѣчала:

— Благодарю васъ, графъ, я не умѣю ѣздить верхомъ и лошадью не могу управлять, но если вы согласны идти за мною, я отъ лошадей не отстану. Поѣзжайте туда, куда я пойду.

Воины зароптали; имъ не хотѣлось взять себѣ въ проводники дѣвушку; но молодой графъ сказалъ имъ:

«Вы недовольны моимъ выборомъ: знайте же, намъ лучше всего разстаться: разъѣдемтесь еще разъ; тутъ сошлось много дорогъ; Богъ вѣсть, на которой изъ нихъ моя сестра; кто хочетъ оставаться со мною, тому я радъ, а остальныхъ не неволю; я же поѣду за этой дѣвушкой!»

Человѣкъ пятнадцать отдѣлилось и поѣхало за молодымъ графомъ; остальные разсыпались въ другія стороны.

Дуня на своихъ золотыхъ сапожкахъ еле касалась до земли; она шла такъ скоро, что лошади за нею не поспѣвали; иногда она уходила такъ далеко, что въ своемъ свѣтломъ блестящемъ костюмѣ походила на свѣтлое облако, которое парило по дорогѣ, не касаясь земли. Ей не было остановокъ, не было препятствій; горы, озера и рѣки не останавливали ея; лошадямъ приходилось выбиваться изъ силъ, плыть, а Дуня въ своихъ башмакахъ проходила по водѣ, какъ по суху.

Три дня ѣхали они безъ отдыха, подъ вечеръ третьяго увидѣли передъ собой большой замокъ съ высокой башней; передъ нею Дунины башмаки сами собою остановились, и она сказала графу: «сестра ваша здѣсь!»

Но, какъ попасть въ башню? Она была изъ большихъ, гладко обтесанныхъ камней; всего одна дверь — желѣзная, съ большими запорами и крѣпкими замками.

Молодой графъ безнадежно смотрѣлъ на эту крѣпкую дверь, но Дуня знала, какъ ей быть. Она изъ-за

пояса достала свой бѣлый цвѣтокъ, вложила его въ замокъ, и дверь, кряхтя, съ визгомъ и стономъ отворилась на скрипучихъ, ржавыхъ петляхъ.

Молодой графъ приказалъ всѣмъ воинамъ оставаться у входа въ башню, и дожидаться его, а самъ за Дуней пошелъ вверхъ по витой лѣстницѣ; они быстро поднимались; въ потьмахъ графъ видѣлъ только блестящее, серебристое платье Дуни и слѣдовалъ за нею. Вотъ они опять подошли къ желѣзной запертой двери; за нею слышался плачъ, и кто-то жалобно приговаривалъ. Графъ узналъ голосъ своей сестры и хотѣлъ было мечомъ выломать дверь; но Дуня удержала его за руку и сказала: «Тише, графъ, не шумите, не стучите; для меня нѣтъ замковъ; я своимъ послѣднимъ цвѣткомъ отворю дверь.»

И она достала свой третій послѣдній цвѣтокъ, вложила его въ замокъ, и дверь распахнулась. Графъ первый бросился къ сестрѣ, обнялъ ее и поцѣловалъ. Она очень рада была брату, но видъ Дуни на нее непріятно подѣйствовалъ; ей стало досадно, зачѣмъ она здѣсь. Но братъ подробно разсказалъ ей все, что эта дѣвочка сдѣлала для ея спасенія, и тогда молодая графиня бросилась къ Дунѣ на шею, называла ее своей сестрою и обѣщалась любить ее. «Теперь же поторопимся уйти отсюда, сказала она, разбойники и атаманъ ихъ скоро вернутся и тогда мы всѣ пропали.»

Они быстро спускались съ лѣстницы и уже дошли до нижнихъ ступенекъ, но тутъ Нина упала въ обмо-

рокъ; она услышала бряцаніе мечей, которые сшибались, и узнала голоса разбойниковъ и ихъ атамана.

Разбойники возвратились раньше обыкновеннаго и теперь сражались съ воинами, оставленными у подошвы башни.

Когда графъ показался, атаманъ оставилъ воиновъ и бросился прямо на него; еслибы Дуня не стала передъ молодымъ графомъ, послѣдній часъ его пришелъ бы; разбойникъ совершенно неожиданно ударилъ бы его мечемъ: но Дуня подвернулась, и длинный мечъ запутался въ ея паутинномъ платьѣ; сколько атаманъ ни бился, но мечъ все болѣе и болѣе запутывался въ паутинѣ. Графъ воспользовался этимъ мгновеніемъ и однимъ ударомъ сѣкиры снесъ голову разбойника. Воины между тѣмъ, или порубили остальныхъ разбойниковъ, или разогнали ихъ; нѣкоторые убѣжали, иные спрятались въ башню.

Нина пришла въ себя и совершенно успокоилась, когда узнала о смерти атамана. Ее посадили на лошадь, хотѣли посадить тоже и Дуню, но она отказалась и пошла опять передъ всадниками, не уставала и не останавливалась.

Радостямъ стараго графа и графини не было конца: они не знали, куда посадить дочь, какъ наглядѣться на нее, усыновили Дуню и благодарили ее за ея помощь. Въ замкѣ, по случаю усыновленія Дуни и по случаю возвращенія графини Нины, сдѣлали богатый праздникъ; по просьбѣ Дуни для простаго народа и

особенно для бѣдныхъ были накрыты столы и ихъ угощали. Дуня помнила свою бѣдность и нужду, и знала, что накормить голоднаго очень пріятно и для нищаго, и для того, кто угощаетъ.

Послѣ обѣда она вмѣстѣ съ своею названною сестрою и съ братомъ пошли ходить по столамъ и одѣляли бѣдныхъ деньгами.

Проходя по двору, вниманіе Дуни обратилось на одну нищую; это была молодая дѣвушка, которая прижалась къ стѣнѣ, ничего не ѣла, издали смотрѣла на пирующихъ и горько плакала. Дуня взглянула на нее пристальнѣе и узнала свою сестру.

Она тотчасъ бросилась къ ней на шею, начала ее цѣловать, ласкала и говорила: «Сестрица, ты здѣсь! Соня, откуда ты?»

— Я издалека, сестра, разскажу тебѣ все, дай мнѣ теперь только отдохнуть, накорми и напой меня; я совсѣмъ изнемогаю.

Вотъ что случилось съ Соней. Когда она уѣхала съ чужой дамой, она и не пожалѣла о своихъ. Житье у дамы было ей хорошее; комнаты великолѣпныя, платье она давала ей красивое, блестящее; но все было поддѣльное: бархатъ, напримѣръ, былъ не шелковый, а бумажный; шелковая матерія пополамъ съ бумагой; все, все поддѣльное: и кружева, и золото, и дорогіе камни, все поддѣльное.

Дама позволила Сонѣ гулять, и она вышла въ лѣсъ и въ поле, но тутъ все заговорило съ нею недружелюбно: «Здравствуй, злая Соня, сказалъ ручей, я бѣгу издалека;

принесъ тебѣ поклонъ отъ твоей сестры; она и старая бабушка твоя сидятъ на моемъ берегу, плачутъ по тебѣ, и говорятъ: зачѣмъ Соня насъ покинула.»

— Что ты тамъ за пустяки говоришь, съ досадой сказала Соня. Я тебя не знаю и никакой сестры и бабушки у меня нѣтъ.—Ей передъ новыми знакомыми не хотѣлось признаваться, что она родомъ крестьянка; она выдавала себя за знатную.

— А, ты меня не знаешь, съ досадой зажурчалъ ручей, погоди же, узнаешь меня тогда, когда время придетъ. Соня отошла отъ ручья, но за ней запрыгала цѣлая стая лягушекъ и квакала: «Здравствуй, побирушка Соня! Какая ты теперь нарядная, совсѣмъ не похожа на то, какъ мы тебя въ послѣдній разъ видѣли, когда ты на столбовой дорогѣ просила милостыню.»

— Молчите, уроды, я васъ совсѣмъ не знаю и милостыни никогда не просила, съ досадой отвѣчала Соня.

— А, ты насъ не знаешь? А помнишь ли, какъ прутомъ била нашу бабушку, не пускала въ воротцы; постой же, узнаешь насъ въ свое время!...

Сонѣ стало неловко, и она сказала дѣвушкѣ, которая съ нею шла: «я больше гулять не хочу, пойдемъ домой. Но тутъ налетѣлъ на нее сѣверный вѣтеръ и прошумѣлъ: «Я былъ на твоей родинѣ, видѣлъ, какъ сестра и бабушка плачутъ по тебѣ и убиваются, зачѣмъ ты ихъ покинула, не простившись съ ними.»

— Какъ ты непріятно воешь, утихни, я тебя не знаю и сказокъ твоихъ знать не хочу.

— Постой, придетъ время, дамъ себя знать тогда, когда тебѣ будетъ очень непріятно, прошумѣлъ вѣтеръ и полетѣлъ дальше.

Но Соню окружилъ рой мухъ, и онѣ зажужжали: «Здравствуй, злая Соня! Помнишь ли, когда мы въ послѣдній разъ видѣлись? Помнишь ли, какъ ты на иголку посадила нашу бабушку и любовалась ея мученіемъ?»

— Пошли прочь, я васъ не знаю и никогда никакихъ мухъ не мучила.

— Не знаешь, а мы тебя знаемъ; помнишь, какъ ты въ лохмотьяхъ просила милостыни, а теперь нарядилась въ мишуру, да и не хочешь узнавать: постой, дадимъ мы тебѣ знать себя въ ту минуту, когда меньше всего будешь ожидать этого.

Сонѣ стало непріятнѣе прежняго, и она поспѣшила домой, давши себѣ слово никогда больше не гулять. Долгое время Соня ходила печальная и думала о случившемся съ нею.

Прошли года, Соня выросла и стала очень красивою дѣвушкою; дама, взявшая ее подъ свое покровительство, хотѣла пріискать ей богатаго и знатнаго жениха; ей надобно было черезъ Соню войти въ родство съ знатными людьми. Вскорѣ нашелся человѣкъ и богатый, и знатный, который хотѣлъ жениться на Сонѣ; ей нашили всякихъ нарядовъ; замокъ разукрасили, и богатый женихъ пріѣхалъ.

Соня повела его по саду и по замку, чтобы показывать всѣ богатства. Пришли они въ садъ къ рѣчкѣ, разговаривали о чемъ-то и весело смѣялись, но въ рѣчкѣ вдругъ волны заметались, всплеснули и покрыли золотые башмаки Сони, раньше, чѣмъ она успѣла отскочить; парча на башмакахъ была поддѣльная, мишурная, и тотчасъ почернѣла отъ воды, а волны между тѣмъ журчали: «Прочь, побирушка Соня; мы смоемъ твои наряды; зачѣмъ ты носишь то, чего не вправѣ носить!»

Соня поскорѣе пошла домой, подальше отъ рѣчки, чтобы не слыхать ея обличительныхъ словъ. «Поѣдемъ лучше верхомъ,» сказала она жениху, — а сама подумала: «туда за мною рѣчка не погонится.» Она надѣла свое прекрасное верховое платье и шляпу съ перьями и мишурными галунами и навѣсила себѣ серьги и ожерелье, такое же поддѣльное, какъ и все.

Поѣхали они и сначала все шло, какъ нельзя лучше: но вдругъ налетѣлъ сѣверный вѣтеръ и началъ рвать и теребить одежду Сони, сорвалъ съ шляпы вуаль, обтрепалъ галуны, разнесъ перья, и самъ между тѣмъ приговаривалъ: «Узнаешь ли ты меня теперь? Узнаешь ли?»

Соня сдѣлалась грустна и поѣхала домой; она заперлась съ свою комнату и горько плакала; она убѣдилась, что все противъ нея, ничто въ природѣ не любитъ ея. Женихъ тоже задумался и говорилъ себѣ: «Соня хороша собою, спору нѣтъ, но она, вѣрно, не

добрая: съ нею вся природа враждуетъ: надобно еще подумать и посмотрѣть, потому что злая жена — настоящее Божье наказаніе.»

Сонина покровительница увидѣла, что дѣло плохо, что дѣло не ладится, и она задумала устроить богатый балъ. Назвала очень много гостей, залъ освѣтили самымъ яркимъ огнемъ сотни свѣчей; Соню вырядила, сколько можно было; надѣла на нее все лучшее; обвѣшала всѣмъ, что нашлось блестящаго въ замкѣ.

Начались танцы, и когда всѣ восхищались красотою, ловкостью и граціей Сони, въ залу ворвалась стая лягушекъ; онѣ прыгали по залу и квакали: «Мишурный нарядъ! Мишурный нарядъ! Долой, чужое добро! Мишура! Узнаешь ли ты насъ, злая Соня?»

Многія изъ дамъ и дѣвицъ испугались лягушекъ и съ крикомъ бросились бѣжать; но лягушки сдѣлали нѣсколько круговъ по залу, и не дожидаясь, чтобы лакеи выгнали ихъ, сами поскакали вонъ изъ зала.

Когда все успокоилось, и танцы опять возобновились, женихъ пригласилъ Соню на какой-то танецъ. Но вдругъ рои мухъ, сидѣвшихъ на потолкѣ, вдругъ спустились и облѣпили лицо Сони, такъ что она сдѣлалась совсѣмъ черная; напрасно она отмахивалась, напрасно вытирала платкомъ лицо, мухи на мгновеніе улетали, но тотчасъ же опять садились и безпрестанно жужжали: «Узнаешь ли ты насъ, злая Соня! помнишь ли, какъ мучила нашихъ дѣдовъ и отцовъ? Мы тебя узнали, хоть ты разрядилась впухъ и впрахъ.»

эти слова и многіе другіе укоры—мухи такъ громко прожужжали, что всѣ гости въ залѣ ихъ поняли и, смотря на уморительные жесты, которыми Соня прогоняла навязчивыхъ мухъ, всѣ въ одинъ голосъ хохотали; но Соня, вся черная отъ надоѣдливыхъ мухъ, плакала и въ отчаяніи убѣжала въ свою комнату; женихъ въ теченіи ночи уѣхалъ и больше никогда не показывался. Онъ не хотѣлъ больше видѣть Соню, потому что считалъ ее заколдованною и ненавистною для всѣхъ живыхъ существъ.

Покровительница Сонина убѣдилась, что ей отъ нея не будетъ никакой выгоды, и прогнала ее изъ своего замка. Соня горько заплакала и просила позволенія остаться, хотя въ самомъ скромномъ уголку замка и просила дать ей работу: но дама отвѣчала: «Нѣтъ, нѣтъ, тебѣ никакъ нельзя оставаться, я тебя видѣть не могу, довольно долго кормила и поила я тебя даромъ. Ступай назадъ къ своей бабушкѣ; пусть она возится съ тобою, сколько ея душѣ угодно».

Дѣлать нечего; пришлось Сонѣ уйти изъ замка; на дорогу ей дали только грубое крестьянское платье и черствый ломоть хлѣба. Горько сожалѣла Соня о томъ, что покинула бабушку и сестру; теперь ей хотѣлось возвратиться къ нимъ; она надѣялась выпросить прощеніе у бабушки и хотѣлъ совершенно перемѣниться, сдѣлаться послушной, прилежной и доброй дѣвушкою; рѣшилась загладить вину свою и заслужить прощеніе. Но она не знала дороги домой, шла на обумъ и вско-

рѣ до того сбилась съ настоящаго направленія, что блуждала по окрестности, какъ полоумная какая. По большей части ей приходилось голодать, потому что милостыни просить трудно, а никто самъ не догадывался дать странницѣ пообѣдать, или поужинать.

Такимъ образомъ Соня добрела до замка, въ которомъ торжествовали освобожденіе дочери и усыновленіе Дуни. Сонѣ и въ умъ не приходило, что можетъ увидѣться съ сестрою, она только узнала, что для бѣдныхъ и для простаго народа приготовлено угощеніе, и ей захотѣлось воспользоваться даровымъ обѣдомъ.

Она пришла въ замокъ, увидѣла накрытые столы, услышала, что изъ открытыхъ оконъ несется говоръ гостей, ихъ громкій смѣхъ, и раздается веселая застольная музыка. Чужое веселье острыми ножами рѣзало ей душу; она вспомнила, что сама недавно жила въ роскоши, что недавно сама веселилась, а теперь стала одинокой, покинутой всѣми, несчастной женщиной, и снова горько заплакала. Она искренно раскаялась въ своихъ дурныхъ чувствахъ и наклонностяхъ и рѣшилась идти поскорѣе домой, чтобы въ бѣдной, уединенной хижинѣ бабушки забыть о свѣтской роскоши и искать отрады въ работѣ и въ точномъ исполненіи своихъ обязанностей.

Въ такомъ настроеніи нашла ее Дуня, узнала сестру и встрѣтила ее, какъ истинная сестра. Она побѣжала къ своимъ названнымъ родителямъ, къ на-

званному брату и сестрѣ и со слезами просила у нихъ позволенія принять къ себѣ родную сестру и дать въ домѣ работу.

Заслуга Дунина въ глазахъ ея новыхъ родственниковъ была такъ велика, то ей безропотно позволили принять сестру; ее одѣли съ головы до ногъ, и Дуня обращалась съ нею какъ съ милою сестрою, никогда не давала ей чувствовать своего превосходства, и онѣ вмѣстѣ прожили много, много счастливыхъ дней; Соня вполнѣ измѣнилась и исправилась отъ своихъ дурныхъ наклонностей.

Случаи изъ жизни Беранже.

Въ нынѣшнемъ столѣтіи, во Франціи жилъ замѣчательный поэтъ Беранже; онъ умеръ въ Парижѣ въ 1857 году. Онъ писалъ народныя пѣсни и нѣтъ во Франціи человѣка, который бы не зналъ ихъ; всякій грамотный и неграмотный, или самъ поетъ пѣсни Беранже, или знаетъ ихъ наизустъ, или когда нибудь слышалъ ихъ.

Беранже умѣлъ говорить такъ, что слова его находили дорогу прямо въ сердце простолюдина; онъ хорошо зналъ простой народъ, потому что долго жилъ съ нимъ и, какъ самъ говоритъ о себѣ, *въ колыбели я спалъ на соломѣ*, т. е. онъ былъ сынъ бѣдныхъ и простыхъ людей. Онъ оставался бѣденъ въ теченіе всей своей жизни, не печалился о томъ и не гонялся за деньгами. Ежели у него случались лишнія деньги, онъ всегда находилъ средства дѣлать добро другимъ и употреблялъ ихъ не для себя, а для того, чтобы помогать тѣмъ, у кого было меньше, чѣмъ у него.

Пѣсни свои часто писалъ онъ по какому нибудь

онъ перекрестился и принялся ѣсть; Беранже смотрѣлъ случаю и въ нихъ всегда выражалъ чувства, понятныя для народа. Народъ очень часто бываетъ недоволенъ различными распоряженіями правительства и такъ какъ Беранже, въ своихъ пѣсняхъ писалъ именно въ такомъ же недовольномъ духѣ, то неудивительно, если начальство, въ свою очередь, было недовольно его пѣснями и преслѣдовало поэта судебнымъ порядкомъ за его сочиненія.

Такъ, въ 1821 году онъ написалъ пѣсни, въ которыхъ осмѣивалъ разныя учрежденія; его судили и присудили посадить въ тюрьму на три мѣсяца и кромѣ того заставили заплатить штрафу, на наши деньги—сто двадцать пять рублей. Поэтъ безпрекословно подчинился приговору, заплатилъ штрафъ и просидѣлъ три мѣсяца въ тюрьмѣ; но всѣ жители Парижа сожалѣли объ немъ, сочувствовали его несчастію, и находили, что съ нимъ поступили несправедливо.

Вскорѣ послѣ того, когда его опять освободили, Беранже однажды осенью вечеромъ шелъ по улицѣ; день былъ очень холодный; на немъ былъ теплый, ваточный сюртукъ, застегнутый на всѣ пуговицы; шляпа, надвинутая на самые глаза; онъ опирался на палку, сдѣланную изъ виноградной лозы. Онъ пробирался по самымъ отдаленнымъ переулкамъ въ свою любимую кофейную. Онъ нарочно шелъ по уединеннымъ улицамъ, чтобы не встрѣчаться съ знакомыми и избѣжать постояннаго изъявленія сочувствія и уваженія,

которыми его повсюду встрѣчали, когда узнавали, и, тѣмъ приводили его въ замѣшательство.

Ноябрьскій холодный вѣтеръ пронизывалъ Беранже, и онъ прибавилъ шагу, чтобы поскорѣе дойти до знакомой кофейни. Было уже темно; Беранже хотѣлъ обогнуть уголъ очень глухой улицы: вдругъ ему послышалось подавленное дѣтское рыданіе.

Онъ остановился и прислушался; но стонъ не повторялся.

«Неужели мнѣ это только такъ показалось?» спросилъ онъ самъ себя. Нѣтъ, нѣтъ, я ясно разслышалъ. Беранже оглядывался и никого не видалъ.

«Кто тутъ плачетъ?» спросилъ онъ громко своимъ мягкимъ и до глубины сердца проникающимъ голосомъ; но отвѣта не было. «Кто тутъ плачетъ?» повторилъ онъ гораздо громче.

На эти слова изъ-за выступа стѣны показалось дитя; мальчикъ съ трудомъ держался на своихъ окоченѣлыхъ босыхъ ногахъ. Беранже подошелъ къ нему и ласково спросилъ: «Это ты тутъ плачешь?»

«Да, я тутъ плакалъ», дрожащимъ голосомъ и со слезами отвѣчалъ мальчикъ; по произношенію слышно было, что это маленькій савоярдъ, одинъ изъ тѣхъ несчастныхъ мальчиковъ, которые каждый годъ приходятъ изъ Савойи за тѣмъ, чтобы добывать себѣ пропитаніе.

Беранже прервалъ мальчика и спросилъ его: «что съ тобою, дитя мое?»

«Мнѣ ѣсть хочется и мнѣ холодно, съ плачемъ отвѣчалъ онъ.

— Если твое ремесло чистить сапоги, другъ мой, какъ я полагаю, глядя на твои щетки и ваксу, то ты выбралъ дурное мѣсто; здѣсь мало прохожихъ, и ты мало заработываешь.

«Ахъ, да, очень мало!

— Ты, вѣрно, недавно въ Парижѣ?

«Всего три недѣли!

Беранже взялъ мальчика за руку и сказалъ ему: «Пойдемъ со мною; тебѣ, вѣрно, здѣшнія улицы знакомѣе, чѣмъ мнѣ; проведи меня въ какую нибудь харчевню, гдѣ бы тебя можно было накормить.

«Знаю, знаю, пойдемте; тутъ недалеко есть гостиница, въ которой обѣдаютъ рабочіе.

— Хорошо! Веди меня!

Они пошли; сердце Беранже было тронуто; онъ чувствовалъ несчастное и одинокое положеніе савоярда; онъ вообразилъ себѣ, что бѣднякъ тоскуетъ по родинѣ, по роднымъ, и не имѣетъ ни души знакомой въ большомъ многолюдномъ Парижѣ, что не умѣетъ заработывать себѣ хлѣба и теперь плачетъ отъ холоду и голоду. Ему хотѣлось поскорѣе отогрѣть и накормить бѣдняжку, и при этомъ онъ шелъ такъ скоро, что мальчикъ даже бѣгомъ не могъ поспѣвать за нимъ: озябшія ноги не слушались его.

Однакожъ они пришли къ харчевнѣ, и Беранже взглянулъ на своего спутника, когда переступилъ порогъ освѣщенной комнаты. Мальчику было около 12 лѣтъ;

онъ былъ такъ худъ, что казался моложе; лицо его было мертвенно-блѣдно, губы посинѣли отъ холода; руки и ноги покраснѣли и распухли.

Они вошли въ большую комнату со многими столами, за которыми обѣдали рабочіе; иные курили трубки и разговаривали послѣ обѣда; нѣкоторые играли въ карты и пѣли пѣсни Беранже. Играли не въ деньги; на краю стола лежало много расщепленныхъ лучинокъ; проигравшимъ защемляли ими носъ, къ общему удовольствію и смѣху присутствовавшихъ.

Беранже окинулъ взглядомъ гостей, улыбнулся ихъ веселію и обратился къ молодой и красивой трактирщицѣ, которая не спускала съ него глазъ и очевидно удивлялась, что сюда зашелъ человѣкъ, довольно богато одѣтый, очевидно принадлежавшій къ другому обществу и мѣсто которому скорѣе въ кафе, чѣмъ въ трактирѣ. Беранже сказалъ ей: «Будьте такъ добры, накормите, на мой счетъ, этого мальчика всѣмъ, что у васъ есть питательнаго.

— Сейчасъ подамъ ему ужинать! сказала молодая дѣвушка и побѣжала хлопотать.

Беранже любилъ наблюдать нравы простаго народа; онъ сѣлъ въ отдаленный уголокъ, выбралъ самый незамѣтный и темный и оттуда смотрѣлъ и слушалъ. Рядомъ съ нимъ сѣлъ мальчикъ, наслаждавшійся тепломъ и весело улыбавшійся при мысли, что ему дадутъ теплое и вкусное кушанье.

Дѣвушка возвратилась и подала савоярду ужинать;

на него съ удовольствіемъ. Но вскорѣ вниманіе его обратилось на шумъ, слышавшійся на другомъ концѣ комнаты.

— Да, кричалъ, одинъ, я самъ слышалъ отъ привратника, что нашего Беранже выпустили: давайте же споемъ, въ честь его, ту самую пѣсню, за которую ему пришлось потерпѣть. Стыдъ и срамъ намъ всѣмъ, что не защитили его, не освободили! Ну-те затягивайте пѣсню, будемъ чаще пѣть ее, чтобы не позабыть!

И всѣ присутствовавшіе единогласно затянули знакомую пѣсню; голоса были хриплые, нестройные, но усердія— много и каждый старался перекричать своего товарища.

Сердце поэта невольно дрогнуло отъ одушевленія, съ которымъ пѣли.

— И за такую чудесную пѣсню посадили его, воскликнулъ одинъ изъ пѣвцовъ, по окончаніи пѣсни.

«Да, нечего говорить, такого честнаго и добраго человѣка посадить! Что за стыдъ!

— Да здравствуетъ Беранже! воскликнулъ третій, поднимая свой стаканъ. Восторженные крики наполнили домъ.

Лицо Беранже раскраснѣлось; глаза его засверкали; сердце билось такъ, какъ бы вырывалось изъ груди.— Но онъ опомнился, взглянулъ на мальчика; всѣ тарелки были пусты; дѣвушка стояла и смотрѣла на поэта

пристально. Онъ наклонился къ мальчику и спросилъ: «сытъ ли ты?

— О, благодарю васъ; я совсѣмъ сытъ, такъ я не ѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ ушелъ изъ дому.

«Ну, такъ хорошо; пойдемъ же!» Беранже расплатился и поспѣшилъ къ выходу; по лицу дѣвушки видѣлъ онъ, что она его узнала. Она вѣжливо проводила его до дверей и въ ту минуту, когда онъ хотѣлъ переступить черезъ порогъ, она остановила его за рукавъ и сказала ему: » я васъ узнала, благородный человѣкъ, позвольте мнѣ вамъ пожать руку».

Онъ посмотрѣлъ на нее, улыбнулся и подалъ ей руку; она схватила ее, крѣпко пожала, потрясла и воскликнувъ: «доброй ночи, господинъ Беранже!», — побѣжала назадъ въ комнату.

Не успѣлъ Беранже пройти нѣсколькихъ шаговъ, какъ за нимъ послышались громкіе, восторженные крики, раздававшіеся въ харчевнѣ; между ними слышалось его имя. Очевидно, дѣвушка разсказала, что онъ былъ у нихъ и что сдѣлалъ для мальчика.

Беранже зашелъ въ другую улицу, а восторженные голоса все еще доносились. Тутъ во всѣхъ окнахъ свѣтился огонь, и всѣ лавки и магазины еще были открыты. Беранже увидѣлъ лавку, въ которой продавалось старое платье, остановился передъ дверью и сказалъ: «войдемъ сюда!»

Купецъ раскланялся и очень вѣжливо спросилъ Беранже: «Что вамъ угодно?»

— Нѣтъ ли у васъ поношеннаго, но хорошаго, теплаго платья для этого мальчика?

Въ это время свѣтъ отъ лампы ударилъ въ лицо Беранже: купецъ очень внимательно вглядывался въ него и что-то обдумывалъ: но внезапно на лицѣ его выразилась увѣренность; глаза радостно заблистали, онъ потиралъ себѣ руки и униженно просилъ Беранже, сдѣлать ему честь посидѣть въ его комнатѣ, подлѣ камина, пока онъ примѣритъ мальчику платье и выберетъ для него башмаки.

— Этого нельзя сдѣлать въ одну минуту, поэтому вамъ лучше посидѣть въ тепломъ мѣстѣ и погрѣться.

Въ трактирѣ было очень жарко; на улицахъ пронзительный вѣтеръ, который въ лавкѣ дулъ во всѣ щели; Беранже прозябъ и очень охотно принялъ предложеніе посидѣть въ теплой комнатѣ; тутъ встрѣтила его молодая, ласковая жена купца, придвинула очень спокойный стулъ къ камину и просила его садиться; купецъ между тѣмъ ушелъ примѣривать платье, а жена его взяла работу и тоже сѣла къ камину; вскорѣ между нею и гостемъ начался оживленный разговоръ.

Когда купецъ вышелъ въ лавку онъ спросилъ, обращаясь къ савоярду: «Знаешь ли ты господина, съ которымъ, ты пришелъ?»

— Нѣтъ, не знаю, но онъ такой добрый! Онъ меня въ той улицѣ накормилъ такъ сытно, какъ я никогда не обѣдалъ.

— Вѣрю, вѣрю, онъ всегда такой! Но знаешь ли ты, какъ его зовутъ?

«Нѣтъ, но кажется Бе..... Бер....

— Не Беранже-ли? спросилъ купецъ.

«Точно такъ! Точно такъ назвала его трактирщица, когда цѣловала его руку.

— Какъ я радъ! Голубчикъ ты мой! Черезъ тебя мнѣ такая радость, какой я во всю жизнь не забуду! Беранже въ моей квартирѣ!

Купецъ былъ внѣ себя отъ восторга; онъ не зналъ, что дѣлаетъ; то возьметъ одно, то другое; мечется по лавкѣ и не находитъ, чего ищетъ. Прошло довольно много времени, пока онъ успокоился и нашелъ въ магазинѣ платье, годное для мальчика. Наконецъ онъ одѣлся, лицо его горѣло отъ восторга, платье было впору и грѣло его; шерстяные чулки и крѣпкіе башмаки защищали его босыя ноги отъ холода и каменьевъ. Онъ бережно сложилъ свое старое, изношенное платье и ремнемъ привязалъ его къ крышкѣ ящичка, въ которомъ находились сапожныя щетки и вакса.

Купецъ съ удовольствіемъ смотрѣлъ на него и когда все было готово, весело сказалъ: «Ну, молодецъ, теперь пойдемъ въ ту комнату, покажись доброму г-ну Беранже и поблагодари его!»

Мальчикъ, вслѣдъ за купцомъ, вошелъ въ слѣдующую комнату и не могъ слова сказать отъ волненія;

только слезы бѣжали у него изъ глазъ, сверкающихъ радостью.

Беранже улыбнулся, повертывалъ его во всѣ стороны, съ удовольствіемъ щупалъ толстое и теплое сукно, осматривалъ чулки и башмаки, остался очень доволенъ и наконецъ обратился къ купцу и спросилъ: «что все это стоитъ?»

Купецъ, вопреки ожиданію, назначилъ очень небольшую плату; Беранже досталъ кошелекъ, высыпалъ деньги на столъ и принялся считать; но какъ же онъ испугался, у него не доставало денегъ, чтобы заплатить купцу. Онъ обшарилъ всѣ свои карманы и нигдѣ ничего больше не оказалось. «Боже мой! въ полномъ замѣшательствѣ пробормоталъ онъ: право не знаю, какъ мнѣ быть! Тутъ недостаетъ денегъ!....»

Купецъ, улыбаясь собралъ деньги, опустилъ ихъ въ столъ и сказалъ: «Благородный человѣкъ! Вы уже и безъ того много добра сдѣлали этому мальчику, позвольте же и мнѣ, съ своей стороны, хоть что нибудь сдѣлать для него! Мнѣ больше ничего не приходится, вы мнѣ все заплатили. Я благодаренъ этому мальчику: онъ доставилъ мнѣ величайшее наслажденіе; безъ него знаменитый поэтъ Беранже, любимецъ всей Франціи, никогда не былъ бы подъ моею кровлею.»

— Что я слышу, воскликнула жена неужели этотъ господинъ — Беранже?

«Да, да, это Беранже, и желаніе помочь бѣдному мальчику привело его сюда. Да будетъ благословенъ

величайшій и благороднѣйшій поэтъ! Вы не можете себѣ представить, какъ мы васъ любимъ.

Замѣшательство Беранже съ каждымъ мгновеніемъ увеличивалось; жена купца схватила его руку и цѣловала ее, а мальчикъ, заливаясь слезами, приникъ къ другой.

— Оставьте меня! оставьте! мнѣ надобно идти, говорилъ Беранже, стараясь высвободить руки, а у самого на глазахъ были слезы умиленія. Наконецъ онъ вырвался и быстро вышелъ изъ лавки, стараясь скрыть волненіе, но вслѣдъ ему слышалось: «Да благословитъ васъ Богъ!

Долго шелъ онъ по улицамъ съ наклоненной внизъ головою, наконецъ пришелъ въ свою любимую кофейную и сѣлъ къ окну, на свое обычное мѣсто. Онъ молчалъ; но лицо его было свѣтло и радостно; онъ даже не прикасался къ своей чашкѣ кофе, которую хозяйка поставила передъ нимъ. Когда же она ему припомнила, что кофе стынетъ, онъ улыбнулся, посмотрѣлъ на нее и началъ прихлебывать, взявшись за газеты.

Когда же онъ всталъ, чтобъ идти домой, онъ сказалъ: «ну, ужь сегодня я не могу вамъ заплатить за свою чашку кофе; прошу васъ, повѣрьте мнѣ ее въ долгъ, мои карманы пусты!»

Хозяйка засмѣялась и отвѣчала: «знаю, знаю, куда дѣлись деньги, должно быть опять какіе нибудь бѣдняки вамъ попались и произвели у васъ опусто-

шеніе. Я сердечно рада повѣрить вамъ кофе въ долгъ; приходите только почаще и берите почаще кофе въ долгъ!»

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ; Беранже все ходилъ въ свою любимую кофейную; всегда садился на одно и тоже мѣсто, подлѣ окна, недалеко отъ конторки, изъ-за которой хозяйка принимала заказы, и распоряжалась слугами и служанками. Беранже, обыкновенно приходилъ, садился, ему подавали газеты и кофе, не дожидаясь приказанія; онъ просиживалъ тутъ часа два, или больше и уходилъ также тихо, какъ приходилъ.

Однажды онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ; ему только что подали кофе и газеты; вдругъ въ комнату торопливо входитъ прекрасная собою дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати, или тринадцати, быстро ищетъ глазами кого-то по залу, и увидѣвши хозяйку, подходитъ къ ней и съ жаромъ что-то разсказываетъ. Звучный голосъ дѣвочки, ея бѣдное., но крайне чистое платье и ея граціозныя движенія обратили на себя вниманіе Беранже. Онъ посмотрѣлъ на дѣвочку черезъ газету и увидѣлъ что она отираетъ слезы; онъ сдѣлалъ видъ, будто очень внимательно читаетъ, а самъ напрягъ все свое вниманіе, чтобы разслушать, о чемъ тамъ говорятъ. Изъ словъ дѣвочки онъ узналъ, что мать ея уже болѣе трехъ мѣсяцевъ больна, что теперь не въ

состоянiи заплатить за квартиру, и жестокосердый хозяинъ не хочетъ ждать, а выгоняетъ изъ дому, но оставляетъ себѣ все, что у нихъ есть, и мебель, и бѣлье, и платье, и даже постель, на которой лежитъ больная мать; дѣвочка говорила съ отчаянiемъ и въ яркихъ краскахъ описывала, какъ мать и всѣ дѣти дома горюютъ и плачутъ, и какъ она сюда прибѣжала за совѣтомъ.

Беранже сложилъ газету, быстро докончилъ свой кофе, заплатилъ и вышелъ на улицу; хозяйка, между тѣмъ дала дѣвочкѣ немного денегъ и сказала, что сама придетъ, какъ только выберетъ свободную минуту. Дѣвочка поблагодарила и пошла.

Беранже дожидался ея на улицѣ и пошелъ за нею изъ улицы въ улицу, въ какой-то домъ, и вошелъ прямо въ комнату привратника. Въ Парижѣ во всѣхъ домахъ, гдѣ много квартиръ, есть привратники; ихъ обязанность смотрѣть за порядкомъ въ домѣ и сберегать ключи отъ квартиръ жильцовъ.

Когда хозяинъ выгналъ несчастную больную вдову съ дѣтьми и обобралъ ее, она на первое время нашла прiютъ у привратника; сюда пришла дѣвочка, а за нею вошелъ и Беранже. Онъ узналъ тутъ, что положенiе семейства самое горькое; мать только что выздоравливала отъ долгой и трудной болѣзни, которая совсѣмъ разорила ее. Беранже трогательно успокоивалъ больную и, обратившись къ привратнику, просилъ его позволить больной оставаться въ его комна-

тѣ до тѣхъ поръ, пока онъ не отыщетъ средствъ помочь ей.

Привратникъ обѣщался, и Беранже поспѣшилъ къ себѣ домой. Онъ пробылъ тутъ недолго, всего столько времени, сколько нужно, чтобы забрать столько денегъ, сколько у него оказалось на лицо. Потомъ онъ вышелъ, нанялъ карету и поѣхалъ отыскивать квартиру. Это ему удалось; квартира оказалась сухою и за наемъ ея просили недорого.

Онъ ее нанялъ съ тѣмъ, чтобы ее тотчасъ вычистили, вытопили и чтобы черезъ часъ можно было въ нее переѣхать; онъ заплатилъ за мѣсяцъ впередъ. Покончивши все съ квартирой, онъ поспѣшилъ назадъ въ комнату привратника, гдѣ несчастные ожидали его съ замирающимъ сердцемъ. Они его не знали; но по лицу, по голосу и по пріемамъ видѣли, что онъ ихъ не обманетъ и найдетъ средство помочь ихъ бѣдѣ; они вѣровали въ него и потому дожидались его съ нетерпѣніемъ.

Онъ вошелъ къ нимъ веселый и объявилъ, что нашелъ для нихъ квартиру и что они тотчасъ могутъ переѣзжать, когда онъ переговоритъ съ ихъ теперешнимъ хозяиномъ. Привратникъ проводилъ его до квартиры хозяина. Беранже вошелъ и въ рѣзкихъ и жесткихъ выраженіяхъ упрекалъ его за жестокосердіе, высказалъ весь ужасъ, какой ему внушало его безчеловѣчное притѣсненіе бѣдной больной вдовы, заплатилъ то, что она должна, и требовалъ выдачи всѣхъ ея вещей, ка-

кія онъ задержалъ. Хозяинъ принужденъ былъ исполнить требованіе. Беранже тотчасъ послалъ за носильщиками, нанялъ ихъ и при себѣ отправилъ вещи на новую квартиру. Часа два спустя, вся семья была уже въ новомъ помѣщеніи и съ наслажденіемъ устроивалась на новосельи.

Беранже провелъ остатокъ дня съ своими новыми друзьями; онъ узналъ, что отецъ этихъ несчастныхъ малютокъ умеръ года два тому назадъ; онъ былъ искусный граверъ и жилъ въ довольствѣ, но долгая болѣзнь нанесла первый ударъ ихъ благосостоянію, потомъ смерть, всякія несчастія и потери, наконецъ болѣзнь матери довели ихъ до крайней нищеты. Изъ разговоровъ и изъ многихъ мелочей онъ убѣдился въ томъ, что передъ нимъ семейство честное, любящее другъ друга и что каждый готовъ жертвовать всѣмъ для остальныхъ.

Дѣти заботились о матери, старались скрывать отъ нея то, что имъ неловко, или чего бы имъ нужно было, а мать готова была отдать послѣднее, чтобы утѣшить, или успокоить своихъ дѣтей.

Старшій сынъ особенно понравился Беранже своимъ открытымъ, беззаботнымъ, умнымъ и смѣлымъ выраженіемъ лица; Беранже долго разговаривалъ съ нимъ, разспрашивалъ, чему онъ учился, чѣмъ бы хотѣлъ сдѣлаться.

Мальчикъ признался, что ему хотѣлось бы сдѣлаться граверомъ, какъ его отецъ. «Я ужъ началъ учиться рисовать, и отецъ научилъ меня вытравливать мѣдныя

пластинки,» сказалъ онъ Беранже и принесъ свои рисунки и одну мѣдную доску, на которой былъ вытравленъ небольшой рисунокъ. Беранже былъ знатокъ въ рисованьи; онъ внимательно осмотрѣлъ работу мальчика и убѣдился, что у него есть дарованіе. Но, что это дарованіе заглохнетъ и пропадетъ, если его не развивать, это Беранже тоже зналъ и рѣшился поискать нѣтъ ли средства помочь мальчику.

Онъ попрощался съ вдовою и съ ея дѣтьми, обѣщался скоро придти къ нимъ и пошелъ бродить, куда глаза глядятъ. Онъ весь погрузился въ размышленія, не замѣчалъ, куда идетъ и съ кѣмъ встрѣчается. Вдругъ его кто-то остановилъ за руку; онъ поднялъ голову: передъ нимъ стоялъ другъ его, банкиръ Лафитъ.

— Что это съ вами, ужъ не случилось ли какой бѣды? Вы такъ задумались, что ничего не видите и не слышите; я кричу, кричу, кланяюсь, кланяюсь, а вы себѣ идете, какъ глухой; что съ вами?

Беранже посмотрѣлъ на него съ улыбкой и отвѣчалъ: «ничего!»

— Куда-жъ вы идете?

«Самъ не знаю куда.

— Ну, такъ пойдемъ ко мнѣ обѣдать.

«Пожалуй! отвѣчалъ Беранже и пошелъ съ богатымъ банкиромъ.

Въ этотъ день у Лафита не было гостей, и Беранже былъ особенно веселъ и разговорчивъ.

Оба любили играть въ домино, и послѣ обѣда Ла-

фитъ, обращаясь къ Беранже, предложилъ ему съиграть партію въ домино.

«Очень охотно, но только съ условіемъ: партія будетъ идти въ пятьсотъ франковъ». Это на наши деньги около ста пятидесяти рублей серебромъ.

— Ого! воскликнулъ банкиръ. Развѣ вы разбогатѣли, что хотите такъ много проиграть?

«Совсѣмъ не хочу проигрывать, а напротивъ, хочу выиграть.

— Что я слышу? Мой другъ Беранже сдѣлался корыстолюбивъ? Вотъ новость!

Беранже пожалъ плечами и отвѣчалъ: «Мнѣ теперь именно столько денегъ нужно.»

— Позвольте узнать на что это? съ легкою насмѣшкой спросилъ Лафитъ. Готовъ побиться объ закладъ, что у васъ есть опять какой нибудь бѣднякъ, которому нужна помощь.

«И не ошиблись, воскликнулъ Беранже. Онъ разсказалъ свою сегоднишнюю встрѣчу и съумѣлъ заинтересовать банкира.

— А, если это такъ, сказалъ Лафитъ, я готовъ играть на такихъ условіяхъ. Онъ повернулъ косточки, и игра началась. Оба отлично играли, оба были внимательны и неторопливо, обдуманно клали одну косточку за другой. Счастье было на сторонѣ Лафита, онъ почти выигрываетъ, но кладетъ одну неудачную косточку: Беранже захлопалъ въ ладоши и съ востор-

гомъ вскакиваетъ съ своего мѣста, восклицая: «Выигралъ! Выигралъ!»

Лафитъ дѣйствительно проигралъ: «Никогда не игралъ я такой дорогой партіи, и мнѣ очень досадно, что проигралъ ее!» сказалъ онъ.

— Очень жаль, отвѣчаетъ Беранже, но сердечно радуюсь вашей неудачѣ.

«Чтожъ бы вы сдѣлали, еслибы проиграли?

— Я остался бы вамъ долженъ, потому что у меня въ карманѣ не больше трехъ франковъ.

Лафитъ расхохотался. «Ну, съиграемъ еще одну партію въ 500 франковъ.

— Пожалуй, отвѣчалъ Беранже, но съ условіемъ: если я проиграю, то я вамъ не возвращаю выигранныхъ мною 500 франковъ; они не принадлежатъ мнѣ, а остаюсь вамъ долженъ. Согласны ли вы?

«Согласенъ», сказалъ Лафитъ, и партія началась.

Опять оба играли внимательно, опять оба напрягали всѣ свои силы, чтобы побѣдить противника; долго неизвѣстно было, кто побѣдитъ; наконецъ Лафитъ выигралъ. «Ну, чтожъ теперь?» спросилъ онъ.

«Ничего, заплачу когда нибудь, отвѣчалъ Беранже.

— Нѣтъ, мой милый, сказалъ Лафитъ, пожимая ему руку, я совсѣмъ не съ тѣмъ игралъ. Ежели вы можете дарить 500 франковъ мальчику, то мнѣ было бы стыдно отставать отъ васъ; я отъ себя тоже дарю пятьсотъ франковъ. Мое самолюбіе удовлетворено; я

выигралъ партію у лучшаго игрока въ Парижѣ, мнѣ денегъ не нужно.

Съ этими словами онъ досталъ бумажникъ, отсчиталъ тысячу франковъ, отдалъ ихъ Беранже и сказалъ: «Возьмите ихъ и распоряжайтесь ими, какъ знаете.»

Въ этотъ день Беранже пришелъ домой такой веселый и довольный, что земли подъ собой не слышалъ, даже ночью ему не спалось, все хотѣлось поскорѣе устроить мальчика.

Утромъ, когда можно дѣлать визиты, онъ отправился къ извѣстному живописцу, чтобы посовѣтоваться съ нимъ. Оказалось, что онъ зналъ отца молодаго Альфреда и показалъ готовность помочь опредѣлить его къ хорошему граверу. Сначала оба отправились въ квартиру вдовы. Живописецъ осмотрѣлъ рисунки Альфреда, остался ими очень доволенъ, посовѣтовалъ къ кому обратиться и отправился вмѣстѣ съ Беранже къ граверу, который тоже зналъ покойнаго отца Альфреда и охотно принялъ мальчика въ ученье за самую ничтожную плату. Беранже былъ въ восторгѣ.

На слѣдующій день Альфредъ поступилъ въ число учениковъ извѣстнаго гравера, но тамъ Беранже просилъ не называть его, не сказывать, кто онъ такой. Онъ послалъ съ Альфредомъ часть денегъ матери, а остальныя отнесъ къ Лафиту и положилъ ихъ къ нему на проценты съ тѣмъ, чтобы вся сумма составляла собственность Альфреда.

Вексель онъ отослалъ тоже матери Альфреда и больше не показывался въ ея квартирѣ.

Напрасно старалась она узнать имя своего благодѣтеля; онъ не показывался въ той части города, гдѣ она жила, и даже цѣлую недѣлю не ходилъ въ свою любимую кофейную.

Хозяйкѣ кофейной въ тотъ вечеръ, когда дѣвочка приходила къ ней, не удалось побывать у ея матери, своей бывшей подруги; она тоже не замѣтила, что Беранже подслушалъ разсказъ о несчастіяхъ вдовы и не замѣтила, какъ онъ ушелъ изъ кофейной: но въ тотъ же день разсказала своимъ остальнымъ гостямъ печальную исторію обѣднѣвшаго семейства. Всѣ пожалѣли, громко побранили жестокосердаго хозяина; но никому не пришло въ голову помочь деньгами, или вещами. Одна только хозяйка дала денегъ и собиралась отнести ихъ, но такъ какъ она сама была вдовою и у самой у нея было мало денегъ, и помощь ея могла быть ничтожною.

Однакожъ на слѣдующій день пошла къ своей подругѣ и очень удивилась, что не нашла ея на прежней квартирѣ. Привратникъ не зналъ, куда она выѣхала, и удивилъ ее разсказомъ о томъ, что какой-то незнакомецъ наканунѣ пришелъ вмѣстѣ съ дѣвочкой и помогъ несчастнымъ, нанялъ имъ новую квартиру и заплатилъ за старую.

Очень сожалѣла содержательница кофейной о томъ, что не могла узнать, куда семейство переѣхало; ей хотѣлось бы помочь имъ, а главное узнать, кто это въ нихъ принялъ участіе.

Два дня дѣвочка не являлась; хозяйка сгорала нетерпѣніемъ, и когда дитя, наконецъ, вошло въ комнату, она бросилась къ ней, обняла, поцѣловала ее и осыпала вопросами: «Какъ здоровье твоей матери? Гдѣ вы теперь живете? Какъ переѣхали? Какъ выручили вещи? Кто вашъ благодѣтель?» и т. д.

Дѣвочка стояла, испуганно смотрѣла на хозяйку и не знала, что отвѣчать.

Та поняла, что на столько вопросовъ разомъ отвѣчать нельзя, и потому стала спрашивать по порядку. Дѣвочка разсказала, что знала, что съ ними случилось, но на вопросъ: кто же этотъ добрый человѣкъ? отвѣчала, что не знаетъ и его самого спросить объ этомъ нельзя, потому что онъ это запретилъ.

«Съ его стороны это очень благородно, сказала хозяйка, но тѣмъ не менѣе хотѣлось бы узнать его имя. Подумай-ка, не видала ли ты его здѣсь, когда разсказывала мнѣ о своемъ горѣ?

— Нѣтъ, не видала, но должно быть онъ здѣсь все слышалъ, потому что вошелъ къ намъ вслѣдъ за мною и все зналъ.

Хозяйка созвала своихъ слугъ и разспрашивала ихъ, кто въ тотъ день былъ въ кофейнѣ. Но никто не могъ ей отвѣчать; народу было много, а всѣхъ запомнить нельзя.

Дѣвочка еще разъ должна была по порядку все разсказать и когда дошла до того, что брата ея помѣстили въ ученье къ отличному граверу, хозяйка пришла въ

полный восторгъ, осыпала незнакомца похвалами и ей еще сильнѣе хотѣлось узнать, кто онъ.

Послѣ долгаго размышленія она наконецъ вотъ что придумала; она сказала дѣвочкѣ: «ступай домой къ матери, скажи ей, что я прошу ее отпустить тебя ко мнѣ, до тѣхъ поръ, пока мы не узнаемъ имени вашего благодѣтеля; но сперва скажи мнѣ, узнаешь ли ты его, если увидишь?

— О, узнаю, непремѣнно узнаю: черты его лица тутъ у меня въ сердцѣ.

«Хорошо, ступай же домой, попросись у матери. Тебѣ никакого особеннаго дѣла не будетъ: сиди только тутъ, подлѣ моей конторки, и смотри на всѣхъ приходящихъ; между ними, вѣрно, будетъ и нашъ незнакомецъ.

Беранже между тѣмъ не являлся въ кофейной; онъ истратилъ всѣ свои деньги и ему нечѣмъ было заплатить за кофе, онъ лучше отказывалъ себѣ въ этой роскоши, но не хотѣлъ пить въ долгъ.

Прошло нѣсколько дней; отсутствіе его поражало и озабочивало хозяйку кофейной; случайно встрѣтилась она съ однимъ изъ друзей Беранже и спросила его. не заболѣлъ ли Беранже?

— Нисколько; онъ здоровѣе чѣмъ когда нибудь, но онъ занятъ какими-то дѣлами; не все же ему сидѣть въ кофейнѣ.

«Чѣмъ же онъ такъ занятъ? Ужъ я его около недѣли не видала.

— Не знаю, чѣмъ онъ занятъ, но когда заговоришь съ нимъ, онъ какъ-то странно улыбается, и, вы знаете, тогда поневолѣ перестанешь его разспрашивать.

«Странно! воскликнула хозяйка, его видно что-нибудь сильно занимаетъ, если онъ даже позабылъ свой кофе и газеты.

— Ну, мнѣ не разрѣшить вашихъ сомнѣній, спросите его сами, когда увидите. Только я знаю одно; если онъ занятъ, то ужъ добрымъ, а не дурнымъ дѣломъ: посмотришь, опять кому нибудь втихомолку помогаетъ, какъ всегда.

Разговоръ прекратился, но хозяйка не переставала думать и нашла нить давно желаннаго открытія. Она поспѣшно подошла къ дѣвочкѣ и спросила ее: «Милая Амели, скажи мнѣ, вашъ благодѣтель ужъ не молодой человѣкъ?

— Да, не молодой.

«Что онъ худъ, или довольно полонъ?

— Да, именно, полонъ.

«Волоса у него довольно длинные, зачесанные назадъ?

— Да, да, зачесаны назадъ.

«Какого цвѣта сюртукъ, или пальто его?

— Не замѣтила, но, кажется, темнаго.

«Была ли у него палка?

— Была легкая трость, сдѣланная изъ виноградной лозы.

— Ну, а голосъ у него какой?

«О, голосъ чудесный, такой ласковый, добрый, что его никогда не забудешь, когда хоть разъ услышишь.

— Прекрасно! Онъ и есть! Онъ и есть. Погоди: мы его найдемъ, я догадываюсь, кто онъ.

Прошло еще нѣсколько дней; Беранже не являлся въ кофейную. Наконецъ онъ однажды вошелъ, никѣмъ не замѣченный, и спокойно сѣлъ на свое мѣсто. Хозяйка увидѣла его только тогда, когда онъ уже пилъ кофе и читалъ газету. У нея такъ и дрогнуло сердце. Она обратилась къ дѣвочкѣ и сказала ей: «Видишь ли ты этого господина, который сидитъ къ намъ спиною; проберись осторожно, тихо, какъ кошечка, на ту сторону комнаты и посмотри ему въ лицо, не это ли вашъ благодѣтель, но смотри, осторожно, чтобъ онъ тебя не замѣтилъ.»

Дѣвочка исполнила приказаніе хозяйки, прокралась въ назначенное мѣсто и вернулась съ раскраснѣвшимся отъ радости лицомъ и еще издали кивала ей головой и подошедши прошептала: «Это онъ! Онъ и есть! О, какъ бы мнѣ хотѣлось поцѣловать ему руку. Я такъ давно не видала его: онъ къ намъ не приходитъ!»

— Потерпи немножко! Теперь ступай домой, скажи матери, что я завтра приду къ ней и скажу ей, кто ея спаситель. Сама же приходи завтра утромъ пораньше; тебѣ будетъ дѣло.

Дѣвочка пошла, но раза два оглянулась на Беранже; ей жаль было такъ скоро разставаться съ нимъ. Онъ

прочиталъ газету, выпилъ кофе, заплатилъ и ушелъ. Хозяйка поклонилась ему особенно ласково и дружелюбно; но у нея сердце было такъ полно чувствъ, что она не рѣшалась заговорить съ нимъ, чтобы не выдать своей тайны. Ей хотѣлось чѣмъ нибудь показать поэту, что она знаетъ его благородный поступокъ и сочувствуетъ ему, но ей хотѣлось сдѣлать это какъ нибудь поделикатнѣе. Она цѣлую ночь не спала, все придумывала, но ничто ей не нравилось, все казалось пошлымъ. Наконецъ придумала, и ей показалось, что планъ ея хорошъ.

Она встала очень рано, сама пошла къ продавщицѣ цвѣтовъ и заказала ей сдѣлать очень красивый вѣнокъ изъ лавровыхъ листьевъ, розъ и ржаныхъ колосьевъ, но чтобы онъ былъ не больше чайнаго блюдечка. Когда вѣнокъ поспѣлъ, она достала свою лучшую севрскую чашку, положила вѣнокъ на серебряный подносъ, посреди него бѣлый листокъ бумаги, на которомъ написала два стиха изъ собственныхъ пѣсенъ Беранже, въ которыхъ говорится, что онъ приноситъ счастье въ хижину и прогоняетъ скуку изъ дворцовъ.» На листокъ поставила чашку и все спрятала въ шкафъ въ ожиданіи Беранже: дѣвочка выглядывала изъ-подъ занавѣски слѣдующей комнаты; чтобы тотчасъ, когда поэтъ придетъ, взять подносикъ съ чашкой и поднести ему кофе.

Беранже не заставилъ себя ждать; въ обычное время вошелъ онъ въ гостинницу и сѣлъ на свое мѣсто;

его привычки были извѣстны и приказывать ему нечего было; лакей тотчасъ подалъ ему газеты съ почтительнымъ поклономъ.

Вотъ, подносятъ и кофе; Беранже взглянулъ, чтобы взять чашку; передъ нимъ стоитъ радостная Амели съ сверкающимъ взглядомъ и въ дрожащихъ рукахъ держитъ подносъ съ увѣнчанной чашкой; за дѣвочкой стоитъ улыбающаяся хозяйка. Беранже догадывается, что тайна его открыта; онъ не знаетъ, что сказать, смотритъ то на чашку, то на дѣвочку, то на хозяйку. Она подала ему чашку, изъ-подъ нея вынула бумагу и отдала ему. Тутъ нѣтъ больше сомнѣнія; деликатно выраженная благодарность тронула его. Онъ взялъ вѣнокъ, спряталъ его у себя на груди и, застегнувъ сюртукъ, сказалъ:

— Благодарю васъ, но я право, не заслужилъ такой благодарности. Вѣнокъ этотъ я сохраню и въ завѣщаніи напишу, чтобы, когда я умру, мнѣ его положили на остывшее сердце. — Но теперь, я васъ прошу, дайте мнѣ слово никогда больше не говорить объ этомъ ни мнѣ, ни кому бы то ни было другому; я хочу, чтобы происшествіе это осталось тайнымъ для всѣхъ. Вы меня наградили выше заслугъ и если еще станутъ объ этомъ говорить, то я принужденъ буду отказаться отъ удовольствія бывать въ вашей кофейной и долженъ буду гдѣ нибудь въ другомъ, отдаленномъ кварталѣ отыскать себѣ мѣсто, гдѣ меня не знаютъ.

— Даю вамъ слово, что отъ меня никто не узнаетъ объ этой новой, благородной чертѣ изъ вашей жизни! И она такъ быстро при этомъ поцѣловала руку своего обожаемаго поэта, что тотъ не успѣлъ ее отдернуть; но онъ всталъ и дружески обнялъ сперва хозяйку, потомъ дѣвочку, поцѣловалъ ее въ лобъ и еще разъ поблагодарилъ за удовольствіе, ему доставленное.

Хозяйка, должно быть, не вполнѣ сдержала слово, данное Беранже, потому что мы узнали эту черту изъ его жизни и съ удовольствіемъ пересказали ее.

Молодой Рюйтеръ и Марокскій бей.

Голландскій знаменитый морякъ, адмиралъ Рюйтеръ родился въ 1607 году въ Флисингенѣ; родители его жили въ большой бѣдности; отецъ былъ рыбакъ, и маленькій Михаилъ часто ѣздилъ съ нимъ въ открытое море на рыбную ловлю.

Но сколько бѣднякъ Рюйтеръ ни трудился, онъ оставался бѣденъ; нѣсколько дальнихъ путешествій дѣлалъ онъ на кораблѣ матросомъ, но и это не вывело его семьи изъ бѣдности и онъ часто говаривалъ женѣ: «Нѣтъ, сынъ мой не будетъ такой бѣдный, какъ я; мы научимъ его хлѣбному ремеслу; отчего бы ему не выучиться вить канаты? Дѣло прибыльное.»

Пока Михаилъ былъ маленькій, онъ не противорѣчилъ; но когда началъ подростать, любимымъ занятіемъ его стало бродить по морскому берегу, собирать раковины, и когда бывало засядетъ въ отцовскую лодку, то качается на волнахъ и даже въ бурную погоду не боялся качки и пѣнящихся волнъ, которыя подбрасывали лодку. Когда ему стало лѣтъ 12, лучшаго наслажденія онъ не зналъ, какъ отправляться съ отцомъ на рыбную ловлю.

Наконецъ пришла пора отдавать Рюйтера въ ученье къ мастеру, чтобы научить его вить канаты. Ремесло это не нравилось мальчику; ему хотѣлось сдѣлаться морякомъ; онъ и во снѣ видѣлъ корабли и море. Онъ былъ въ отчаяніи, когда отецъ объявилъ ему свое рѣшеніе помѣстить его къ опытному канатному мастеру. Рюйтеръ бросился на колѣни передъ отцомъ, со слезами цѣловалъ ему руки и говорилъ: «ради Бога, не губите меня, не заставляйте работать изо льна и пакли; я не женщина, прясть не могу. Я люблю канаты, но на корабляхъ, когда они смочены морской водой и дегтемъ. Мнѣ въ сараѣ тѣсно, мнѣ хочется на просторъ моря, я на землѣ жить не могу!..»

Отецъ Рюйтера былъ человѣкъ упрямый; на всѣ мольбы сына онъ спокойно продолжалъ курить свою коротенькую трубку и говорилъ: «Ничего, привыкнешь жить въ сараѣ; вить канаты не бабье дѣло, ремесло хлѣбное, и ты выучишься хорошему дѣлу. О морѣ позабудь и думать.»

Михаилъ тосковалъ, худѣлъ, хворалъ, но отецъ не уступалъ и помѣстилъ его къ канатному мастеру. Мальчикъ нѣсколько времени томился при ненавистномъ дѣлѣ, но не вытерпѣлъ.

Онъ сдѣлалъ дурной поступокъ, за который жестоко поплатился. Онъ воспользовался отсутствіемъ отца, нашелъ корабль, готовый выйти въ море, тайно поступилъ на него *юнгой* и, не простившись даже съ матерью, ушелъ въ море.

Если мальчика отдаютъ въ ученье къ какому нибудь мастеровому, съ нимъ обращаются, особенно первое время, очень дурно; его часто безъ причины толкаютъ, бьютъ и заставляютъ работать все, что попало. Это такъ дѣлается даже теперь, но 200, или 300 лѣтъ тому назадъ было еще несравненно хуже.

Поступить же юнгой на корабль еще хуже, чѣмъ поступить въ ученье къ мастеровому. Такъ и Михаилу Рюйтеру житье на кораблѣ было очень дурное; его ничему не учили, били и толкали безъ милосердія, кормили объѣдками, заставляли работать выше силъ и исполнять самыя грязныя работы.

Жизнь была такая тяжелая, что Рюйтеръ не разъ сожалѣлъ о томъ, что нанялся на корабль; къ тому же онъ обдумалъ свой поступокъ, и сознаніе говорило ему, что онъ сдѣлалъ дурно и на теперешнія мученія свои долженъ смотрѣть, какъ на наказаніе за свое неповиновеніе къ родителямъ.

Корабль, на которомъ Рюйтеръ служилъ юнгой, принадлежалъ купцу; онъ всегда самъ ѣздилъ на немъ и велъ торговлю съ африканскими и европейскими государствами. Купецъ замѣтилъ несправедливое и жестокое обращеніе матросовъ съ юнгой и замѣтилъ также, что онъ особенно усерденъ и ловокъ, и за это произвелъ его, раньше положеннаго срока, въ матросы. Кромѣ того онъ замѣтилъ, что въ молодомъ человѣкѣ есть неоцѣненное свойство—необыкновенная честность; бывали случаи, когда ему можно бы было воспользоваться

какою нибудь бездѣлицей, и купецъ нарочно устроивалъ эти случаи, но Рюйтеръ всегда былъ честенъ и даже мѣшалъ другимъ матросамъ брать что нибудь, что имъ не принадлежало.

Когда купецъ совершенно убѣдился, что Рюйтеръ честенъ, онъ началъ поручать ему разныя дѣла, гдѣ надобна была честность. Мало-по-малу купецъ полюбилъ красиваго, ловкаго и умнаго молодаго человѣка и часто давалъ ему довольно запутанныя порученія.

Жизнь Рюйтера сдѣлалась лучше: но онъ все-таки часто грустилъ; совѣсть мучила его, что онъ ослушался родителей и до сихъ поръ не можетъ попасть въ Голландію, чтобы выпросить у нихъ прощеніе. Тоска по родинѣ и по родителямъ дошла до высшей степени; но тутъ, къ его счастію хозяину корабля надобно было ѣхать въ Голландію, чтобы для большаго торговаго оборота запастись товарами.

Рюйтеръ едва могъ дождаться, когда бросятъ якорь и можно будетъ сойти на землю. Онъ поѣхалъ въ свой родной Флисингенъ, нашелъ отца и мать дома и на колѣняхъ, со слезами вымолилъ у нихъ прощеніе. Родители простили его и съ удовольствіемъ смотрѣли на красиваго, ловкаго, умнаго и хорошо одѣтаго сына. Они уже позабыли, что хотѣли сдѣлать изъ него канатнаго мастера, и такъ какъ самъ старикъ до страсти любилъ свое ремесло и море, то онъ простилъ сына и радовался его наружности и смыслу, съ какимъ онъ толковалъ о своихъ путешествіяхъ. Довѣренность купца

также радовала его, онъ предвидѣлъ, что судьба Михаила рано или поздно хорошо устроится.

Послѣ примиренія съ родителями Рюйтеръ сдѣлался совсѣмъ другимъ человѣкомъ, всегда былъ веселъ, услужливъ, доволенъ собою и другими; онъ сдѣлался смѣлъ и твердъ; ничто не пугало его.

Купецъ дѣлалъ частыя поѣздки изъ Голландіи въ Марокко, которое находится въ сѣверо-западной части Африки. Онъ такъ часто бывалъ тамъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Рюйтеръ, что совсѣмъ освоился въ Марокко и былъ тамъ, какъ дома; завелъ много знакомыхъ и узналъ всѣ особенности жителей Марокко.

Однажды надобно было снарядить корабль съ особенно большимъ грузомъ въ Марокко, но купецъ неожиданно захворалъ, и ему ни подъ какимъ видомъ нельзя было предпринять дальней поѣздки; отложить ея тоже нельзя было. Купецъ не зналъ, на что ему рѣшиться. Наконецъ приказалъ позвать къ себѣ молодаго Рюйстера и сказалъ ему.

— Видишь ли, какая со мною бѣда случилась, я совсѣмъ болѣнъ, не могу шевельнуть ни рукой, ни ногой, не могу ѣхать въ Марокко, а между тѣмъ корабль нагруженъ, пора ему въ дорогу; откладывать нельзя: тамъ начнется ярмарка и если я опоздаю, то потеря мнѣ будетъ большая; можетъ быть даже, что мой кредитъ будетъ подорванъ. Совсѣмъ не знаю, что мнѣ дѣлать; я позвалъ тебя: ты умный человѣкъ, посовѣтуй, что мнѣ дѣлать?

«Очень просто—что: пошлите за себя другаго.

— Да, и я того же мнѣнія, но кого? На кого могу я положиться? Посовѣтуй, кого послать?

«Этого я не могу знать; ваше дѣло вамъ извѣстнѣе, вы сами лучше моего знаете.

— Но, другъ мой, ты ужъ знаешь, что за народъ эти африканцы; съ ними дѣло имѣть трудно; они шутокъ не знаютъ.

«Да, вѣдь, туда ѣздятъ не для шутокъ, а для дѣла, отвѣчалъ Рюйтеръ.

«Такъ-то такъ; ты меня вполнѣ понимаешь; но что бы ты на это сказалъ, еслибъ я тебѣ предложилъ замѣнить меня и вмѣсто меня ѣхать въ Марокко.

— Кому, мнѣ? съ удивленіемъ воскликнулъ Рюйтеръ. Мингеръ, сказалъ онъ немного погодя серьезно; если вы надо мной потѣшаетесь, то позвольте вамъ сказать, я уже переросъ тѣ года, когда мальчишки служатъ старшимъ потѣхой; если же вы говорите серьезно, то я еще слишкомъ молодъ, чтобы исполнять такую важную обязанность. Я къ тому же матросъ, а не купецъ, слуга покорный!

Онъ повернулся и пошелъ къ дверямъ.

— Постой, постой, куда ты? воскликнулъ купецъ; ужъ не думаешь ли ты, что я на старости лѣтъ стану заниматься тѣмъ, что годится мальчишкѣ, т. е. обманывать честныхъ людей и насмѣхаться надъ бѣдными? Я еще съ ума не сходилъ и знаю, что дѣлаю. У меня ревматизмъ въ рукахъ и ногахъ, но не въ головѣ! Съ этого дня ты мой главный прикащикъ, хочешь ли,

нѣтъ-ли, мнѣ все равно — баста! Завтра принимай бумаги, счеты и товары.

Молодой Рюйтеръ стоялъ въ раздумьи: онъ видѣлъ, что арматоръ (такъ называютъ строителя корабля, который на немъ же ведетъ торговлю) не шутитъ; такая довѣренность льстила его самолюбію. Хоть это занятіе было ему не по душѣ, но онъ подумалъ: «во первыхъ, жалованья мнѣ будетъ больше и я могу помогать родителямъ; во вторыхъ, отвѣтственность, правда, большая и въ Марокко можно потерять голову, но за то работа легче, чѣмъ работа простаго матроса, и почище, и я могу, между дѣломъ, заняться математикой, и наконецъ въ третьихъ, я все же не разстанусь съ кораблемъ и буду всю жизнь плавать, а это главное, на землѣ мнѣ не житье.»

Всѣ эти соображенія быстро пронеслись у него въ головѣ, и онъ отвѣчалъ: «Если это вамъ угодно и если безъ этого обойтись нельзя, то я вамъ даю слово употребить все стараніе на то, чтобы честно исполнить свое дѣло.»

На томъ и кончилось совѣщаніе. Рюйтеръ получилъ письменно полную довѣренность на распоряженіе кораблемъ и всѣми товарами; самъ арматоръ представилъ его матросамъ, какъ ихъ прямаго начальника, и каждый поочередно долженъ былъ дать слово, что будетъ во всемъ повиноваться ему. Матросы охотно дали согласіе, но съ величайшимъ удивленіемъ смотрѣли на неожиданное повышеніе своего товарища; такъ ка онъ

онъ успѣлъ пріобрѣсть общую любовь, то ему никто и не завидовалъ: каждый былъ увѣренъ, что въ случаѣ нужды найдетъ въ немъ помощника и друга.

Корабль на этотъ разъ нагрузили красными суконами, бархатомъ, парчею и другими товарами, которые высоко цѣнились въ Марокко. Оснастка, т. е. паруса и канаты были хорошіе, новые, и Рюйтеръ отправился въ путь.

Переѣздъ былъ очень счастливый; прибыли на мѣсто совершенно во время; ярмарка только что начиналась. На слѣдующій день послѣ пріѣзда, Рюйтеръ уже успѣлъ нанять лавку и разложилъ свои товары; на самое видное мѣсто положилъ онъ ярко красныя тонкія сукна, которыя въ Марокко особенно любятъ.

Въ то время въ Марокко царствовалъ бей, или дей, что значитъ князь, царствовалъ онъ совершенно самовольно; по тамошнимъ обычаямъ и законамъ, бей былъ полнымъ господиномъ надъ жизнію и имуществомъ своихъ подданныхъ; онъ могъ безъ суда и безъ приговора велѣть отрубить голову, кому вздумается, обобрать все имущество, и никто не смѣлъ жаловаться, никто не смѣлъ роптать. Такая власть сдѣлала бея человѣкомъ звѣрскимъ; онъ постоянно держалъ при себѣ палача и какъ только чье либо лицо, или чей нибудь отвѣтъ ему не нравились, покажетъ палачу на того человѣка и только скажетъ: «дѣлай свое дѣло, руби ему голову; онъ мнѣ надоѣлъ!»

Всѣ въ Марокко боялись бея и старались не по-

падаться ему на глаза; при его приближеніи прятались въ сосѣднія улицы, или уходили въ самыя отдаленныя комнаты домовъ.

Рюйтеру извѣстенъ былъ характеръ бея, и ему не разъ случалось быть свидѣтелемъ его расправъ. Онъ считалъ бы себя счастливымъ, еслибы ни онъ, ни его лавка, ни товары никогда не попадались на глаза бею, но не такъ вышло.

Однажды бею вздумалось со всею своею свитой пѣшкомъ обойти всѣ лавки рынка, чтобы выбрать для себя, изъ товаровъ то, что ему придется по вкусу.

Бей сѣлъ на лошадь и вмѣстѣ съ большою свитою также верховыхъ, отправился на рынокъ; купцы издали увидѣли поѣздъ и каждый про себя читалъ себѣ отходную; мусульмане спокойно ждали, опустивши головы, а христіане потихоньку крестились.

Подъѣхавъ къ ряду лавокъ, бей сошелъ съ лошади и пошелъ пѣшкомъ; вся его свита шла за нимъ. Они заходили то въ ту, то въ другую лавку, осматривали товары и ежели бею что нравилось, онъ дѣлалъ знакъ, и куски матерій относили къ нему во дворецъ.

Подошелъ бей наконецъ къ лавкѣ Рюйтера, которому посѣщеніе это было очень непріятно; но онъ ничего не показалъ и очень вѣжливо началъ развертывать и показывать свои товары. Лучше всего бею понравился одинъ кусокъ необыгновенно тонкаго и прекраснаго сукна; онъ осматривалъ его со всѣхъ сторонъ и не могъ на

него налюбоваться; насмотрѣвшись вволю, онъ очень коротко и сурово спросилъ: «что стоитъ?»

Рюйтеръ спокойно сказалъ цѣну, назначенную ему хозяиномъ. Но бей далъ ему ровно въ половину меньше.

«Я не жидъ, отвѣтилъ Рюйтеръ обиженнымъ голосомъ; я не торгуюсь; я не запрашиваю вдвое больше, чтобы потомъ уступать свой товаръ за полцѣны. Я всегда говорю настоящую цѣну и потому ничего уступать не могу. Я не торгуюсь. Къ тому же это не мое добро, и я его продаю по той цѣнѣ, какая назначена хозяиномъ. Я долженъ заботиться о выгодахъ моего хозяина.»

Такой отвѣтъ непоправился марокскому бею; онъ не привыкъ получать отказы. Глаза у него сверкнули злобнымъ блескомъ, кулаки сжались, зубы стиснулись и онъ не сводилъ грознаго взгляда съ Рюйтера, который по прежнему стоялъ тихо, почтительно, но безъ малѣйшаго страха.

— Развѣ ты не знаешь, собака, воскликнулъ бей дрожащимъ отъ злости голосомъ, что жизнь твоя въ моихъ рукахъ, мнѣ стоитъ слово сказать, и твоя безмозглая голова скатится къ моимъ ногамъ? И при этомъ онъ взглянулъ на свою свиту; тамъ, въ послѣднемъ ряду, шелъ человѣкъ, до пояса обнаженный, съ длиннымъ и острымъ мечемъ въ рукахъ: это былъ придворный палачъ марокскаго бея.

Молодой человѣкъ не задрожалъ, не смутился и

спокойно отвѣчалъ: «Знаю, бей, что жизнь моя въ твоихъ рукахъ; но знаю также, что я не запросилъ за сукно ни одной лишней цехины; мнѣ, какъ вѣрному слугѣ моего хозяина, должно заботиться о его выгодахъ до послѣдняго мгновенія моей жизни! Это мое правило и я отъ него не отступлю ни на волосъ. Сукно это стоитъ именно столько, сколько я сказалъ, и вы его отъ меня ни на волосъ дешевле не получите. Дѣлайте со мною и съ моимъ добромъ, что вамъ угодно; мое рѣшеніе неизмѣнно.»

Всѣ окружающіе и купцы, и свита бея, услышавши слова эти подумали: » ну, голубчикъ, видно жизнь тебѣ надоѣла, прощайся съ головою. Не придется тебѣ больше кофе пить, на солнце смотрѣть и бею грубить!»

У бѣднаго Рюйтера сердце невольно дрогнуло въ груди, но онъ не мигнулъ глазомъ, не показалъ, что ему страшно, и стоялъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Бей грозно смотрѣлъ на молодаго, красиваго человѣка; губы его подергивало, онъ молча щипалъ себѣ бороду и вдругъ сказалъ: «Слушай, христіанская собака! Я тебѣ до завтрашняго утра даю срокъ; одумайся! Согласись на мою цѣну! Или твоя голова покатится по улицѣ, твое тѣло пойдетъ на кормъ дикимъ звѣрямъ, а товары, твои-ли, хозяйскіе-ли, мнѣ все равно, пойдутъ въ мои кладовыя! Смотри же, не просчитайся!»

И съ этими словами бей пошелъ дальше, бросивъ

послѣдній грозный, кровожадный взглядъ на Рюйтера. Рюйтеръ, между тѣмъ, спокойно сложилъ развернутое беемъ сукно и, скрестивши руки, сѣлъ за прилавкомъ, въ ожиданіи новыхъ покупщиковъ.

Лишь только послѣдній изъ свиты бея скрылся изъ вида и пыль отъ лошадиныхъ копытъ улеглась, всѣ христіанскіе купцы подбѣжали къ Рюйтеру, и на него со всѣхъ сторонъ посыпались укоризны: «ну какъ тебѣ не стыдно упрямиться, уступи!»

— Пожалѣй свою голову, подари ему сукно!

«Подумай, твой хозяинъ потеряетъ вдесятеро больше, если тебѣ отрубятъ голову, а товары твои растащатъ!

— Пожалѣй, если не себя, то капитана корабля и бѣдныхъ матросовъ!

«Ты не имѣешь права губить ихъ.

— Ихъ возьмутъ въ неволю и заставятъ работать хуже всякаго вьючнаго скота!

«Побойся Бога, не губи невинныхъ!

— Лучше потерять тряпицу сукна, чѣмъ лишать свободы людей, теперь довольныхъ и счастливыхъ.

Рюйтеръ спокойно выслушалъ сыпавшіеся на него упреки и также спокойно, какъ бею, отвѣчалъ:

«Изъ того, что мнѣ довѣрено на честное слово, я ничего не могу раздаривать. Добро не мое, и я имъ распоряжаться не смѣю. Вы знаете, что сказано въ священномъ писаніи: кто въ маломъ невѣренъ, тотъ будетъ и во многомъ невѣренъ. Впрочемъ, жизнь моя въ рукахъ

Божьихъ; угодно Ему, чтобы я умеръ, я готовъ; но ни страхъ смерти, ни выгоды жизни не заставятъ меня на волосъ отступить отъ того, что я считаю своимъ долгомъ.»

Сколько купцы ни толковали послѣ этого, сколько ни совѣтовали ему, но Рюйтеръ оставался непреклоннымъ,

Онъ не разсуждалъ, что умнѣе, что выгоднѣе для хозяина, оставаться ли при своемъ, или уступить бею: онъ только чувствовалъ, что поступаетъ честно, по совѣсти и былъ спокоенъ. Онъ даже думалъ: «лучше мнѣ умереть, чѣмъ потомъ во всю жизнь упрекать себя въ нечестномъ поступкѣ.»

Всѣ эти мысли занимали Рюйтера въ остальную часть дня; съ ними пообѣдалъ онъ и съ ними легъ спать: его твердость не поколебалась ни на одно мгновеніе. Ночь провелъ онъ спокойно; утромъ проснулся бодрый, веселый и чувствовалъ въ себѣ необыкновенную увѣренность и спокойно занялся своимъ дѣломъ, какъ будто для него не было никакой опасности.

Настало время, когда бею слѣдовало пріѣхать. Не долго пришлось дожидаться его; какъ вчера, подъѣхалъ онъ къ рынку, слѣзъ съ лошади и пошелъ по лавкамъ; какъ вчера, въ концѣ свиты шелъ палачъ; но сегодня онъ смотритъ весело, ногтемъ пробуетъ, остеръ ли широкій мечъ, и особенно злобно улыбался, смотря на Рюйтера. Народъ зналъ, что бей сердитѣе обыкновеннаго, и со страхомъ разбѣгался отъ него во всѣ стороны. Бей, мрачный и сердитый, идетъ и не смот-

ритъ по сторанамъ. Вотъ онъ подходитъ къ лавкѣ Рюйтера; у всѣхъ сосѣдей кровь застыла въ жилахъ. Бей грозно спрашиваетъ: «ну, христіанская собака, одумался ли ты?»

— Государь, я и сегодня такой же вѣрный слуга моего хозяина, какъ былъ вчера; что я вчера говорилъ, то принужденъ повторить сегодня. Сукна этого не уступлю ни однимъ грошемъ дешевле вчерашняго. Если вамъ нужна моя жизнь, то возьмите ее, она въ вашихъ рукахъ; но я по крайней мѣрѣ умру съ спокойной совѣстью и до послѣдняго вздоха останусь вѣрнымъ слугою моего небеснаго Отца и Господа!—Слова эти были сказаны громко, твердымъ голосомъ.

У всѣхъ дыханіе сперлось въ груди, никто слова не вымолвилъ; лица у всѣхъ поблѣднѣли и вытянулись; одинъ только палачъ съ удовольствіемъ поглядывалъ на свой блестящій мечъ; онъ ждалъ словъ: «дѣлай свое дѣло!»

Долго стоялъ грозный бей передъ молодымъ человѣкомъ; его страшные глаза не производили въ немъ смущенія и дрожи; бей долго не расправлялъ морщинъ своего строгаго лица; но мало-по-малу, что-то свѣтлое проступило на его лицѣ, морщины понемногу разглаживались, и онъ воскликнулъ:

— Клянусь бородою пророка! христіанинъ, ты глубоко честный человѣкъ! Я во всю жизнь еще не видалъ такого честнаго слугу! Я благодарилъ бы Аллаха и Магомета, его пророка, еслибы онъ мнѣ послалъ

такого же!» Потомъ, обращаясь къ своей свитѣ, прибавилъ: «берите примѣръ съ этого христіанина!» и повернувшись опять къ Рюйтеру, прибавилъ: «Христіанинъ, дай мнѣ руку и будемъ друзьями!» Послѣ этого онъ бросилъ мѣшокъ съ золотомъ на прилавокъ и прибавилъ: «Здѣсь именно столько денегъ, сколько твое сукно стоитъ, можешь положиться, счетъ вѣренъ; отдай сукно моему рабу. Я изъ этого сукна сошью себѣ почетную одежду и всякій разъ, когда буду надѣвать ее, стану разсказывать о твоей честности и твердости!»

Онъ еще разъ пожалъ руку Рюйтера, кивнулъ ему головою и пошелъ.

И христіанскіе и мусульманскіе купцы были въ восторгѣ и хвалили, и превозносили бея до небесъ; но все-таки не удержались отъ совѣта; они говорили Рюйтеру: «ну, на этотъ разъ тебѣ сошло счастливо; смотри, въ другой разъ не дѣлай того же!»

Рюйтеръ улыбался только и ничего не отвѣчалъ; онъ думалъ: «иначе и быть не могло.» Онъ сосчиталъ деньги, заключавшіяся въ кошелькѣ, и увидѣлъ, что бей все до копѣйки заплатилъ.

Дальнѣйшая торговля его въ Марокко была очень счастлива; онъ продалъ всѣ свои товары и съ большими деньгами возвратился въ Голландію. Изъ скромности онъ ни слова никому не говорилъ о томъ, что съ нимъ было въ Марокко; но арматоръ узналъ это отъ другихъ купцовъ и отъ капитана корабля, и съ тѣхъ поръ уваженіе его къ молодому Рюйтеру еще усилилось.

Рюйтеръ постоянно былъ счастливъ; арматоръ уважалъ его и вскорѣ назначилъ его капитаномъ на одинъ изъ своихъ лучшихъ кораблей. Въ этой должности Рюйтеръ пробылъ нѣсколько лѣтъ, до самой смерти арматора.

Тутъ онъ изъ службы на купеческихъ корабляхъ перешелъ въ военную службу; ему поручили начальство надъ незначительнымъ военнымъ кораблемъ, и онъ съ самаго начала умѣлъ показать, что не только хорошо управляетъ кораблемъ, но и умѣлъ нападать на непріятелей и побѣждавъ ихъ.

Тогда между Англіею и Голландіею была война, и имя Рюйтера вскорѣ сдѣлалось страшнымъ для англичанъ.

Онъ быстро повышался по службѣ и сдѣлался наконецъ адмираломъ (это самая высокая должность въ морской службѣ).

Такое возвышеніе человѣка незнатнаго происхожденія пробуждало зависть въ людяхъ, которые не умѣли цѣнить истиннаго достоинства. Особенно завидовали ему нѣкоторые генералы сухопутныхъ войскъ: имъ досадно было, что вездѣ говорили о подвигахъ Рюйтера, и хвалили его, между тѣмъ какъ имъ самимъ не приходилось участвовать въ войнѣ и нельзя было отличиться.

Однажды Рюйтеръ съ своимъ флотомъ былъ въ Амстердамѣ; ему оказывали большія почести; народъ встрѣчалъ его съ восторгомъ. Людямъ завистливымъ это было досадно, и они хотѣли надосадить ему тѣмъ, ежели предъ всѣми знаменитаго адмирала сдѣлаютъ смѣшнымъ.

Одинъ изъ генераловъ сухопутной арміи пригласилъ

адмирала и всѣхъ знатнѣйшихъ лицъ города къ себѣ обѣдать. Обѣдъ былъ веселый и роскошный: кушанья и вина подавались отличныя. Послѣ обѣда обыкновенно подаютъ кофе; но генералъ сказалъ своимъ гостямъ, что кофе у него приготовленъ въ саду загороднаго дома; туда всего было полъ-часа ѣзды и дорога отличная; всѣ согласились. Выходятъ на крыльцо и подаютъ столько верховыхъ лошадей, сколько гостей.

Генералъ зналъ, что Рюйтеръ отъ роду не ѣздилъ верхомъ и лошадью управлять не умѣетъ, и поэтому, чтобы сдѣлать его смѣшнымъ, назначилъ ему самую горячую изъ своихъ лошадей.

Адмиралъ очень неохотно сѣлъ на лошадь: но ему не хотѣлось дѣлать исключенія, а такъ какъ колеснаго экипажа не было, то, чтобы не разстроивать общаго удовольствія, рѣшился сѣсть на лошадь.

Пока по городу ѣхали шагомъ, дѣло шло на ладъ, хотя Рюйтеръ пресмѣшно сидѣлъ на лошади и качался самымъ уморительнымъ образомъ.

Генералъ ѣхалъ рядомъ съ адмираломъ; но вдругъ началъ прибавлять ходу своей лошади и мало-по-малу съ рыси перешелъ на галопъ и наконецъ поскакалъ во всю прыть.

Лошадь Рюйтера не слушалась повода и понеслась вслѣдъ за остальными. Шляпа слетѣла съ адмирала, онъ руками уцѣпился за сѣдло, за гриву, ногами держался, сколько силы было; но все это было такъ смѣшно, что надобно было употреблять большія усилія,

чтобы не расхохотаться: только благодаря общему уваженію къ герою, одержавшему столько побѣдъ на морѣ, не было общаго взрыва хохота, а ограничились улыбками. Скачка тѣмъ не менѣе продолжалась и окончилась паденіемъ адмирала.

Рюйтеръ не ушибся, но лошадь его убѣжала, и ему пришлось пѣшкомъ дойти до загороднаго дома.

По насмѣшливымъ лицамъ адмиралъ догадался, что штука эта съ нимъ сыграна нарочно, чтобы сдѣлать его смѣшнымъ; онъ притворился будто ничего не понимаетъ, и былъ очень веселъ, но рѣшился отплатить тѣмъ же. Адъютантъ его отправился въ городъ и привелъ экипажъ, чтобы Рюйтеру ѣхать домой. Передъ самымъ отъѣздомъ адмиралъ пригласилъ всѣхъ присутствующихъ къ себѣ на адмиральскій корабль на обѣдъ.

Въ назначенный день гости съѣхались на корабль; палуба была превращена въ прелестный садъ; на ней стоялъ накрытый столъ, украшенный цвѣтами; надъ палубой, въ защиту отъ солнца, была растянута палатка изъ шелковой ткани; роскошь удивительная. На всѣхъ реяхъ и канатахъ стояли и сидѣли парадные матросы, которые привѣтствовали гостей громкими криками ура. Во время обѣда играли два оркестра. Этотъ пиръ не только не уступалъ, но еще превосходилъ своею роскошью пиръ генерала.

Когда обѣдъ кончился, адмиралъ всталъ, налилъ свой кубокъ до краевъ и попросилъ гостей сдѣлать

тоже, потомъ поднялъ вино и воскликнулъ: «Я пью за благоденствіе *Генеральныхъ Штатовъ*, за отечество и за побѣдоносную сухопутную армію и флотъ!»

Съ послѣднимъ его словомъ грянулъ залпъ изъ ста двадцати пушекъ адмиральскаго корабля, подъ ногами пирующихъ. Корабль дрогнулъ, какъ отъ электрическаго удара, и непривычные пѣхотинцы и чиновники всѣ до послѣдняго попадали на палубу; на ногахъ остались только моряки, на которыхъ это сотрясеніе не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія.

Паденіе было очень смѣшное, но ни на одномъ изъ суровыхъ лицъ моряковъ не показалось и тѣни улыбки. Когда же всѣ были на ногахъ и еще блѣдные и испуганные садились на стулья, Рюйтеръ очень спокойно обратился къ генералу и сказалъ ему: «это моя лошадь!»

Рюйтеръ всю жизнь провелъ на морѣ и умеръ, какъ истинный морякъ, на кораблѣ; въ 1676 году, во время сраженія при Мессинѣ, близъ острова Сициліи, ядромъ оторвало ему ногу, и онъ умеръ вслѣдствіе этой раны. Вся Голландія оплакивала смерть его, и пока въ Голландіи останется хотя одинъ человѣкъ, который знаетъ исторію своего отечества, тому память о сынѣ бѣднаго рыбака Рюйтера будетъ священна.

Байронъ и его собака.

Байронъ, одинъ изъ величайшихъ поэтовъ Англіи, родился въ Лондонѣ, въ 1788 году; его назвали Георгомъ, Гордономъ Байрономъ. Съ самаго ранняго дѣтства онъ отличался очень добрымъ и ласковымъ характеромъ, но въ тоже время былъ очень вспыльчивъ. Онъ не выносилъ никакихъ замѣчаній и отъ этого часто ссорился съ своей няней, старой шотландкой.

Маленькаго Байрона довольно долго одѣвали въ женское платьице, какъ мальчиковъ часто одѣваютъ, но онъ по своей живости былъ очень небреженъ и пачкалъ и рвалъ свои платья. Однажды онъ возился и разорвалъ платьице, совсѣмъ новое и въ первый разъ надѣтое. Его няня увидѣла прорѣху и печально сказала: «ай, ай, какъ же можно рвать платье? стыдно, стыдно, ты недобрый мальчикъ!

Байронъ вспылилъ, обѣими рученками схватился за воротъ платья и разорвалъ его сверху до низу, до самаго подола.

Но такой поступокъ былъ очень дурной; онъ самъ то понялъ, потупилъ голову и стоялъ посреди комнаты

неподвижно, какъ окаменѣлый, и спокойно вынесъ упреки и брань своей няни, а потомъ и матери.

Байронъ очень любилъ свою няню Май-Грей; онъ иногда по цѣлымъ часамъ сидѣлъ спокойно и слушалъ ея разсказы о старыхъ временахъ. Шотландія, родина Май-Грей, была встарину земля независимая; въ горахъ жили люди воинственные и смѣлые; они постоянно вели войну съ своими сосѣдями и потому въ народныхъ преданіяхъ сохранилось много пѣсенъ и много разсказовъ о походахъ и о битвахъ горныхъ шотландцевъ. Май-Грей, какъ настоящая шотландка, знала много разсказовъ о томъ времени и передавала ихъ своему воспитаннику; онъ иначе не ложился спать, пока она ему не споетъ какой нибудь народной пѣсни, или не разскажетъ былины.

Разсказы эти познакомили малютку съ горами раньше, чѣмъ онъ ихъ увидѣлъ. Мать Байрона была бѣдна, и малюткѣ было всего четыре года, когда она изъ Лондона переселилась въ Шотландію, въ городъ Абердинъ, гдѣ онъ и прожилъ до одиннадцати лѣтъ, т. е. до тѣхъ поръ, пока его не помѣстили въ школу.

Байронъ былъ очень красивый мальчикъ, съ прекрасными умными глазами и съ свѣтлыми вьющимися волосами: его одѣвали въ костюмъ горныхъ шотландцевъ, т. е. въ короткую клѣтчатую юбку, съ обнаженными ногами, коротенькими чулками и сапожками; на головѣ онъ носилъ шотландскую же шапочку съ орлинымъ перомъ; отъ этого костюма лице его казалося ещекрасивѣе: но у него отъ самаго рожденія былъ недо-

статокъ: одна нога у него была повреждена; его долго лечили, онъ носилъ разные бандажи и машинки, но нога его не поправлялась и онъ на всю жизнь остался хромой.

Еще въ то время, когда былъ маленькій, онъ иногда чувствовалъ, какъ непріятенъ такой недостатокъ; онъ не могъ бѣгать столько и такъ быстро, какъ другія дѣти, и что хуже всего, онъ иногда слышалъ, какъ объ немъ говорили: «что за красивый мальчикъ этотъ Байронъ; одна бѣда, что нога у него такая!»

При этомъ онъ краснѣлъ, потуплялъ глаза и нерѣдко сердился. Сознаніе этого недостатка дѣлало его нелюдимымъ; онъ часто игралъ одинъ; по цѣлымъ часамъ и когда сталъ постарше, то уходилъ въ поле, въ лѣсъ и въ горы, и бродилъ тамъ. Онъ полюбилъ горную природуи впослѣдствіи съ восторгомъ говорилъ объ этихъ прогулкахъ. Отъ трудныхъ горныхъ тропинокъ онъ научился ходить много и долго, не смотря на свою слабую ногу, укрѣпился и сдѣлался смѣлъ и предпріимчивъ.

Когда ему исполнилось восемь лѣтъ, прогулки его стали продолжительнѣе и онъ заходилъ дальше отъ своего дома; каждый свободный отъ ученія день, онъ проводилъ въ горахъ. Постояннымъ товарищемъ его была огромная собака—Ральфъ. Ральфъ отличался силою и свирѣпостью, но въ отношеніи Байрона былъ кротокъ, любилъ его и готовъ былъ разорвать каждаго, кто бы осмѣлился тронуть мальчика, или обидѣть его.

И Байронъ любилъ Ральфа; онъ каждый день самъ

кормилъ его; построилъ для него досчатую конуру, въ которую нерѣдко и самъ залѣзалъ и проводилъ съ собакой долгое время. Ральфъ всегда сопровождалъ маленькаго Байрона въ его прогулкахъ по горамъ. По первому знаку онъ выскакивалъ изъ своей конуры и бѣжалъ съ нимъ въ горы.

Однажды маленькій Байронъ задумалъ сдѣлать особенно большую прогулку; лишь только солнце начало всходить, онъ тихонько всталъ, одѣлся, на цыпочкахъ вышелъ на крыльцо, позвалъ Ральфа, и оба, веселые, живые и здоровые пошли. Байрону хотѣлось на этотъ разъ забраться очень далеко въ чрезвычайно живописную мѣстность по рѣкѣ *Ди* (Dee) въ горныя ущелья къ *Джаверкэндлю*; ему хотѣлось добраться къ водопаду *Ди*, извѣстному въ Шотландіи подъ именемъ the inn of Dee; онъ уже однажды былъ тамъ съ матерью, но теперь ему хотѣлось добраться туда одному.

Чтобы дойти до водопада, надобно было взобраться на очень крутыя скалы. Сначала все шло отлично, Байронъ шелъ бодро, Ральфъ за нимъ и они уже дошли почти до самой вершины; но вдругъ сдѣлался ужасный туманъ.

Въ Шотландскихъ горахъ туманы дѣлаются очень часто и они бываютъ такіе густые, что тогда въ двухъ шагахъ ничего нельзя различить; къ тому же они дѣлаются необыкновенно быстро; иногда небо ясно, день хорошій, но вдругъ поднимается туманъ и въ двѣ, три, или четыре минуты становится также темно, какъ ночью и

ничего нельзя различить въ какихъ нибудь двухъ шагахъ передъ собою.

Такой туманъ мгновенно охватилъ Байрона; онъ на минуту остановился, не зная, идти ли ему впередъ, или вернуться назадъ; но вспомнилъ разсказы Май-Грей объ отважныхъ горцахъ и сказалъ: «я не хуже ихъ, и я во всякую погоду могу пробираться по горамъ!» Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, но больная, слабая нога его запутывается въ верескѣ, онъ теряетъ равновѣсіе и падаетъ, испустивъ отчаянный крикъ, онъ чувствуетъ, что летитъ въ пропасть. Ральфъ бросается за нимъ и оба исчезаютъ въ мглѣ тумана.

Мать Байрона проснулась въ обычное время, встала, справилась, гдѣ ея сынъ, и узнала отъ Май-Грей, что его уже давно нѣтъ дома, что сосѣди видѣли, какъ онъ съ Ральфомъ еще до свѣту пошелъ гулять въ горы.

Байронъ часто уходилъ на цѣлый день и потому отсутствіе его не безпокоило матери; она цѣлый день занималась своимъ дѣломъ, уходила въ гости, и возвратилась только подъ вечеръ, но сына ея все еще не было дома. Май-Грей уже перебывала во многихъ мѣстахъ, но не находила его. Безпокойство увеличилось и когда ночь настала, а съ нею мальчикъ не возвращался, мать дошла до отчаянія.

Сосѣди и многіе изъ жителей Абердина приняли участіе въ ея горѣ, зажгли фонари и разсыпались по окрестностямъ отыскивать его. Леди Байронъ и Май-Грей со слугою и съ фонарями пошли въ горы, по-

самымъ любимымъ тропинкамъ Байрона, постоянно звали его и Ральфа по имени, но въ отвѣтъ имъ только отзывалось горное эхо; да вѣтеръ, со стономъ пролетавшій по ущельямъ, точно будто вторилъ ихъ испуганнымъ голосамъ, да еще слышались тамъ и сямъ горные водопады, которыхъ тамъ много на каждомъ шагу.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ безполезныхъ поисковъ, леди Байронъ, измученная душевнымъ страданіемъ и усталостью отъ торопливой ходьбы, возвратилась домой; она надѣялась, что сынъ ея уже пришелъ; но его не было. Возвратились и сосѣди, и знакомые съ печальною вѣстью, что нигдѣ не нашли ни маленькаго Георга, ни его собаки, оба пропали безъ вѣсти. Всю ночь леди Байронъ молилась и плакала.

Утромъ, какъ только стало разсвѣтать, опять всѣ изъ дома отправились въ горы на поиски; одна часть пошла по направленію къ морю: вспомнили, что однажды уже нашли его тамъ. Тогда онъ тоже своевольно, никому не сказавшись, ушелъ изъ дому; его также искали и не нашли; случайно одинъ изъ знакомыхъ Май-Грей, ѣхалъ по окраинѣ одного приморскаго болота; до него долетѣлъ отчаянный дѣтскій крикъ; онъ поспѣшилъ въ болото и посреди его нашелъ маленькаго Георга: онъ завязъ въ грязи по поясъ и никакъ не могъ высвободиться: онъ услышалъ стукъ телѣги и началъ кричать, чтобы дать о себѣ знать, и только этимъ спасся. Это-то происшествіе вспомнили и пошли отыскивать Байрона не

только по горамъ, но и по болотамъ. Въ горахъ и въ болотахъ поминутно слышались голоса, звавшіе Георга, но на нихъ никто не откликался.

Въ домѣ леди Байронъ оставался одинъ только пастушенокъ; онъ стоялъ у воротъ и забавлялся; вдругъ видитъ, что бѣжитъ Ральфъ, совсѣмъ усталый, высунувши языкъ. Пастухъ бросился къ нему навстрѣчу, манитъ его, но собака, не обращая на него вниманія, пробѣжала мимо, прямо въ кухню. Пастухъ за нимъ, и говоритъ: «что, дружище, проголодался, дай-ка, накормлю тебя!» Онъ досталъ порядочную краюху хлѣба и, подавая ее собакѣ, сказалъ: «на, ѣшь на здоровье, скажи только, гдѣ молодой баринъ; погляди-ка, какъ его ищутъ!»

Собака схватила краюшку и вмѣсто того, чтобы ѣсть ее, вильнула только хвостомъ и бросилась бѣжать. Пастухъ нѣсколько времени бѣжалъ за нею, кричалъ, звалъ по имени, но собака не останавливалась, даже не оглядывалась и вскорѣ исчезла у него изъ глазъ.

Леди Байронъ между тѣмъ все еще отыскивала сына, сбила себѣ ноги объ острые камни, утомилась въ высшей степени и, не будучи въ состояніи болѣе держаться на ногахъ, печальная возвратилась домой. Май-Грей совсѣмъ охрипла отъ крика; глаза ея опухли отъ слезъ; но ни та ни другая ничего не нашла. Обѣ возвратились, чтобы отдохнуть немного, собраться съ силами и опять отправиться на поиски.

Маленькій пастушенокъ дожидался у воротъ и раз-

сказалъ ей о появленіи Ральфа и его быстромъ бѣгствѣ съ хлѣбомъ.

— Собака жива, воскликнула леди Байронъ, можетъ быть, мой Георгъ тоже живъ! Господи, дай мнѣ отыскать его!—И она хотѣла тотчасъ же идти на новые поиски; но истощенныя силы измѣнили ей, и она безъ чувствъ упала на землю. Испуганная Май-Грей отнесла ее въ комнату, положила на постель и употребляла всевозможныя усилія, чтобы привести ее въ себя, но это ей долго не удавалось; только появленіе Ральфа, радостный лай его и еще болѣе радостное восклицаніе Май-Грей привели ее въ себя.

Она бросилась къ Ральфу, гладила его, прижимала его голову къ своей груди и восклицала: «Милый Ральфъ, скажи мнѣ, гдѣ Георгъ? Гдѣ онъ?»

Ральфъ не могъ отвѣчать, но умные глаза его смотрѣли весело, и онъ привѣтливо махалъ хвостомъ.

Леди Байронъ приказала принести супу и хлѣба; сама подала супъ Ральфу; онъ локнулъ съ жадностью нѣсколько разъ, но не сталъ ѣсть и опять принялся махать хвостомъ и пристально смотрѣлъ на хлѣбъ.

«Супу, не хочешь? Чтожъ тебѣ, хлѣба, что ли?» Она подала хлѣбъ Ральфу; онъ схватилъ хлѣбъ и побѣжалъ было, но леди Байронъ стала манить его; онъ остановился. «Я пойду за нимъ; онъ, вѣрно, доведетъ меня къ Георгу. Онъ живъ! Онъ живъ!»

Леди Байронъ вскочила и пошла; лишь только Ральфъ замѣтилъ, что она идетъ за нимъ, онъ возвратился къ ней

скачками и ласкался какъ будто благодорилъ за то, что она идетъ. Въ то время, когда онъ прыгалъ и ласкался, леди Байронъ замѣтила, что къ ошейнику привязана записка; она съ сильно бьющимся сердцемъ схватилась за ошейникъ, отвязала записочку и увидѣла, что это письмо ея сына.

«Милая мама! успокойся, я еще живъ! Вчера я шелъ въ горы; сдѣлался туманъ; я пошелъ дальше, ногою запутался въ кустъ и, не знаю какъ, упалъ въ пропасть. Я убился бы, но Ральфъ схватилъ меня за платье, я за что-то еще зацѣпился и повисъ надъ пропастью; я еще схватился руками за что-то, да такъ и остался. Когда туманъ прошелъ, и я могъ видѣть кругомъ, то увидѣлъ, что мы висимъ надъ ужасной глубиной. Я хотѣлъ было взлѣзть вверхъ, но не могъ; тогда цѣпляясь за корни и за камни, я кое-какъ добрался до дна оврага. Теперь я тамъ и выйти не могу. Всю ночь я проплакалъ: я зналъ, что ты обо мнѣ безпокоишься; мнѣ было холодно, но Ральфъ согрѣвалъ меня. Сегодня мнѣ захотѣлось ѣсть, Ральфу тоже вдругъ онъ вскочилъ и выкарабкался изъ пропасти; онъ ловчѣе меня. Я думалъ, что онъ меня покинулъ и горько плакалъ; но черезъ часъ мой милый Ральфъ вернулся и принесъ мнѣ хлѣба. Я по хлѣбу узналъ, что онъ былъ дома; это нашъ хлѣбъ; мы поровну подѣлились; но Ральфу мало, онъ хочетъ опять бѣжать; я думаю, онъ опять будетъ въ Абердинѣ; у меня въ карманѣ нашлась бумага и карандашъ, я пишу тебѣ, чтобы успокоить

тебя. Чтобы привязать письмо къ ошейнику, я разорвалъ носовой платокъ: извини! Если ты получишь письмо, идите за Ральфомъ, онъ приведетъ васъ ко мнѣ.

«Твой непослушный, но раскаявшійся сынъ
«Георгъ Байронъ.

— Май-Грей! Георгъ живъ! Онъ пишетъ мнѣ! Скорѣе, скорѣе друзья, къ нему! Спасемте его!

Леди Байронъ, няня Май-Грей и работникъ пошли за Ральфомъ, который шелъ степенно съ хлѣбомъ во рту; на дорогѣ мать громко прочитала письмо. По дорогѣ къ нимъ еще присоединился одинъ горецъ. Черезъ часъ, или побольше, они дошли до водопада: Ральфъ остановился. Края береговъ тутъ почти сходились, но чѣмъ глубже и дальше, тѣмъ болѣе они расширялись и терялись въ недосягаемой глубинѣ, гдѣ потокъ шумѣлъ и пѣнился. Одинъ видъ этого мѣста наводилъ ужасъ; еслибы мальчикъ свалился съ этого мѣста, смерть его была бы неизбѣжна. Но Ральфъ отошелъ нѣсколько дальше всторону, залаялъ и бросился внизъ по крутизнѣ, непроходимой для человѣческой ноги; только благодаря когтямъ своимъ Ральфъ могъ съ нея скатываться. Тутъ берегъ немного отошелъ отъ водопада и не нависалъ надъ нимъ, какъ тамъ, гдѣ они въ первый разъ остановились.

Когда Ральфъ кинулся въ пропасть, леди Байронъ хотѣла было броситься за нимъ, но горецъ удержалъ ее и сурово сказалъ: «Постойте, куда! Что вамъ, мало одного несчастія что ли? хотите убиться сами и сдѣлать сына сиротою!»

Мать припала къ краю обрыва и начала изо всѣхъ силъ, жалобно звать сына; онъ откликнулся на ея зовъ. Теперь знали, гдѣ онъ; оставалось вытащить его. Горецъ подошелъ къ краю обрыва, легъ и внимательно осматрѣлъ стѣны; послѣ долгаго изслѣдованія онъ сказалъ: «нѣтъ, крутизна слишкомъ велика; сойти съ нея еще можно бы такъ, какъ молодой баринъ сползъ, но взойти назадъ никакимъ способомъ нельзя!»

— Какъ же быть! Неужели онъ тамъ погибнетъ?

«Нѣтъ, зачѣмъ же, отвѣчалъ горецъ; его надобно вытащить; только позвольте мнѣ распоряжаться, какъ я знаю, и я ручаюсь за успѣхъ!

На это требованіе никто не возражалъ. «Дѣлай, ради Бога, что хочешь, воскликнула леди Байронъ, только спаси моего сына!

«Ступай же въ Абердинъ, сказалъ горецъ, обращаясь къ работнику, да принеси толстыхъ веревокъ; чѣмъ больше, тѣмъ лучше; да захвати съ собою и тонкихъ тоже; найди чего нибудь питательнаго хоть мяса, или супу, положи въ чашку, да тоже принеси.» Работникъ почти побѣжалъ; горецъ же сказалъ: «Нашему плѣннику придется поработать самому, его сначала надобно подкрѣпить пищей!»

Потомъ горецъ подошелъ къ краю обрыва, нагнулся надъ нимъ, легъ и началъ переговоры съ мальчикомъ, который могъ его разслышать и отвѣчалъ ему изъ глубины пропасти. «Не ушибся ли ты?

— Нѣтъ.

— Есть ли у тебя сила?

«Кажется есть.

— Можешь ли ты лазять по веревкѣ?

«Могу.

— Теперь отдыхай и собирайся съ силами.

Прошло около часу мучительнаго ожиданія. Наконецъ явился работникъ и съ нимъ еще двое другихъ; они несли довольно толстыя веревки, спутокъ тонкихъ и миску съ супомъ и говядиной.

Ее завязали въ носовой платокъ и на тонкихъ веревкахъ опустили на дно пропасти.

— Поѣшь и подкрѣпись, крикнулъ горецъ, а самъ занялся толстыми веревками; онъ на извѣстныхъ разстояніяхъ дѣлалъ узлы, связывалъ одинъ конецъ веревки съ другимъ и такимъ образомъ удлинилъ ее. Наконецъ все было готово. Онъ къ нижнему концу привязалъ тяжелый камень и осторожно началъ опускать его на дно пропасти, чтобы, какъ нибудь не надрѣзать веревки объ камни и остряки. Вдругъ изъ глубины послышался дѣтскій голосъ: «веревка здѣсь! я сейчасъ полѣзу!»

Она лежала по крутизнѣ и по ней можно было подниматься, немного придерживаясь за стѣну и за выступы, что облегчало подъемъ: но все-таки это было трудно и опасно. Мать кинулась на колѣни, сложила руки и горячо молилась за спасеніе сына. Два работника вбили колъ въ землю, опутали его концомъ веревки, чтобы она оставалась неподвижна, а сами вдво-

емъ еще держали ее. Горецъ съ напряженнымъ вниманіемъ смотрѣлъ въ глубину; вотъ показалась голова мальчика, но онъ поблѣднѣлъ, какъ мертвый, ему сдѣлалось дурно, руки выпустили веревку, и онъ непремѣнно упалъ бы въ пропасть, еслибы горецъ не схватилъ его за платье и не вытащилъ на край обрыва. Мальчикъ вполнѣ лишился чувствъ. Его положили на траву, мать со слезами терла ему виски, цѣловала его, согрѣвала своимъ дыханіемъ, прижимала къ сердцу и всѣми способами старалась оживить его. Ральфъ помогалъ ей чѣмъ могъ, т. е. лизалъ руки Георга и лаялъ. Послѣ довольно долгаго времени Георгъ открылъ глаза, но былъ такъ слабъ, что не могъ говорить. Когда же онъ оправился, онъ со слезами просилъ у матери прощенія, и его понесли домой на рукахъ: до того истощило его чрезмѣрное усиліе, которое онъ употреблялъ для того чтобы подняться по веревкѣ и страхъ, испытанный имъ при этомъ.

Вскорѣ участь Байрона измѣнилась: одинъ изъ его родственниковъ, а именно дядя его, человѣкъ очень знатный и богатый, лордъ Байронъ, умеръ, не оставивъ послѣ себя дѣтей. По англійскимъ законамъ, если нѣтъ сына, то ближайшій родственникъ наслѣдуетъ имѣніе и дворянскій титулъ. Такъ какъ Георгъ Байронъ былъ племянникъ лорду, то и имѣніе, и званіе лорда, досталось ему. Онъ долженъ былъ разстаться съ Абердиномъ, съ милыми горами, съ водопадами, тѣснинамм, и крутизнами; его помѣстили въ училище; онъ уже не

возвращался въ Абердинъ, но во всю жизнь сохранилъ воспоминаніе о горахъ Шотландіи и часто говорилъ о нихъ и описывалъ ихъ.

Ральфъ постоянно оставался при Байронѣ и житье ему было всегда хорошее. Когда онъ наконецъ околѣлъ отъ старости, Байронъ былъ уже взрослый, сталъ перомъ Англіи и былъ уже извѣстенъ своими поэтическими сочиненіями. Но потеря Ральфа огорчила его глубоко и онъ увѣрялъ, что лишился друга, который спасъ ему жизнь.

Журавли.

— Мама, мамуся, кричалъ Вася, посмотри, какую птицу прислалъ намъ Порфирій Андреевичъ; она пребольшая, насилу умѣщается въ корзинкѣ.

Такъ говорилъ маленькій семилѣтній Вася и тащилъ мать свою на крыльцо. Тамъ стоялъ кучеръ съ письмомъ и корзиной, изъ которой выглядывалъ молоденькій журавль. Въ письмѣ стояло: «посылаю вамъ, Серафима Ивановна, журавля для вашихъ дѣтей; вчера мнѣ принесли пару; одного я оставилъ для себя, а втораго посылаю вамъ; эти птицы чрезвычайно легко приручаются и ухода за ними особеннаго не требуется; они ѣдятъ все, что ни попало. Желаю, чтобы этотъ журавль доставилъ вамъ развлеченіе въ непривычной для васъ деревенской жизни.»

Серафима Ивановна взяла журавля, написала отвѣтное письмо и отправила кучера. Всѣ дѣти собрались, и начались толки о томъ, гдѣ помѣстить новое пріобрѣтеніе. Большой деревенскій домъ, въ который

на лѣто переѣхало семейство Чиркиныхъ, состоялъ изъ двухъ этажей: нижняго каменнаго и верхняго деревяннаго; въ нижнемъ этажѣ помѣщались кладовыя, подвалы и зимнія комнаты для прислуги; верхній этажъ деревянный, былъ назначенъ для житья.

Дѣти долго не рѣшались, куда бы имъ помѣстить журавля. «Его надобно запереть куда нибудь,—говорилъ Вася.»

— Взаперти ему будетъ скучно, замѣтилъ Саша, позволь мнѣ взять его къ намъ въ комнату, у насъ мѣста много.

— Нѣтъ, нѣтъ, въ комнаты нельзя, замѣчала Елена, тамъ отъ него безпорядокъ, нечистота, лучше посадимъ его въ чуланъ, подлѣ кладовой,

— И въсамомъ дѣлѣ, это лучше всего: чуланъ—свѣтлый, полъ въ немъ каменный, сказала мать, положимъ немного сѣна въ уголъ, устроимъ гнѣздышко, и пусть нашъ журавль тамъ спитъ, а на день будемъ носить его въ садъ, сдѣлаемъ загородочку, онъ тамъ и будетъ ходить.

Это рѣшеніе было всѣми принято; журавля помѣстили въ чуланъ, накормили бѣлымъ хлѣбомъ, размоченнымъ въ молокѣ, и на ночь прикрыли его кусочкомъ стараго полотна.

На другой день дѣти проснулись раньше обыкновеннаго и тотчасъ отправились посмотрѣть *журеньку*. Онъ пищалъ и бродилъ по чулану. Его вынесли въ садъ и пустили, накормивъ опять размоченной въ мо-

локѣ булкой. Цѣлый день дѣти то и дѣло кормили его, и онъ къ вечеру ужь не боялся ихъ. Вообще журавленокъ былъ еще очень молодъ, весь въ пуху, ростомъ съ большаго пѣтуха, но худенькій, на длинныхъ ногахъ и съ большими пальцами; цвѣта онъ былъ пепельно-сѣраго.

Не прошло и недѣли, какъ журенька совсѣмъ приручился, узнавалъ свое имя и откликался на него. Его на ночь и въ дождь обыкновенно уносили въ чуланъ, и онъ такъ привыкъ къ этому, что вскорѣ по вечерамъ самъ убѣгалъ къ крыльцу, подлѣ котораго былъ его чуланъ. Однажды пошелъ дождь совершенно внезапно, и журеньку не успѣли убрать.

— Бѣдный журенька, восклицали дѣти, мама, позволь намъ сбѣгать въ садъ и принести его домой!

— Нельзя, посмотрите, какой ливень, вы промокнете до костей.

— Мы надѣнемъ кафтаны, сказали Вася и Саша, отыщемъ журеньку и принесемъ домой, а то онъ бѣдный промокнетъ и захвораетъ.

— Промокнуть журавлю не бѣда; но, ужь если вы такъ хотите, то пожалуй, надѣньте кафтаны и поищите его въ саду.

Мальчики обрадовались позволенію, надѣли свои драповые кафтаны и съ крикомъ «журенька, журенька, гдѣ ты?» побѣжали въ садъ. по дорожкѣ къ тому мѣсту, гдѣ журенька особенно любилъ бывать, подлѣ цвѣточныхъ клумбъ.

«Журенька! Журенька!» раздавалось по саду; дождь лилъ потоками и вотъ, изъ-подъ одного густаго сиреневаго куста, выглянула головка журавля и раздался пискъ его; онъ забился отъ дождя подъ кустъ и сидѣлъ. Дѣти его достали и отнесли домой въ чуланъ.

Житье журенькѣ было отличное; о немъ и дѣти, и большіе заботились; для него откладывали вкусные куски хлѣба; каждый за чаемъ удѣлялъ ему частицу своей доли и ему было достаточно ѣды. За то и онъ доставлялъ немало удовольствія: онъ особенно привязался къ Сашѣ, и бѣгалъ за нимъ по саду и, что страннѣе всего, старался подражать прыжкамъ, какіе онъ дѣлалъ. Рѣзвый мальчикъ, бывало, бѣгаетъ и подпрыгиваетъ вокругъ клумбы, а журенька за нимъ; когда Саша подпрыгиваетъ, и онъ тоже. Такое представленіе часто давалъ Саша, и ихъ странный танецъ обыкновенно сопровождался общимъ радостнымъ смѣхомъ.

Журенька не любилъ одиночества, и когда дѣти отправлялись гулять, ему всегда хотѣлось идти за ними; но чтобы не потерять его и чтобы онъ не отставалъ, отъ него обыкновенно уходили тайкомъ и запирали за собою калитку сада. Этого нельзя было дѣлать, когда отправлялись купаться: рѣка Щегринка протекала подлѣ самаго сада и составляла его границу, слѣдовательно не было никакой загородки и отъ журеньки некуда было уйти; онъ этимъ пользовался: лишь только заслышитъ дѣтскіе голоса надъ рѣкою, бѣжитъ туда въ

подпрыжку, помогая себѣ своими маленькими, еще неоперившимися крыльями, и пока дѣти купаются, преважно ходитъ по берегу рѣки, что-нибудь долбитъ своимъ носомъ, копается въ прибрежномъ илѣ и песку и вѣроятно находитъ что нибудь по своему журавлиному вкусу, потому что по временамъ поднимаетъ голову и глотаетъ то, что ему попадается; должно быть червяковъ и лягушатъ.

Смѣшнѣе всего было видѣть, какъ онъ ходилъ рядомъ съ ручною козою *Кетей*, которая не хуже журавля бѣгала за дѣтьми, съ тою только разницею, что она гуляла по полямъ вмѣстѣ съ ними, а журеньку не брали съ собою, чтобы не подвергать его опасности отъ чужихъ собакъ изъ сосѣднихъ деревень: свои же знали его и не трогали. По саду же журенька съ Кетей гуляли рядышкомъ и оба взапуски прибѣгали на зовъ и даже на голосъ дѣтей. Журенька былъ общій любимецъ и ежели бы ему суждено было вырости, онъ вѣроятно не улетѣлъ бы съ перелетными, лѣсными журавлями, а остался бы зимовать въ усадьбѣ; но несчастный случай положилъ конецъ его существованію.

Въ усадьбѣ жилъ слѣпой старый кучеръ, который выросъ во дворѣ, и поэтому каждый кустикъ, каждая тропинка, каждый камешекъ во дворѣ ему были хорошо извѣстны, и онъ повсюду ходилъ одинъ, какъ зрячій, нисколько не затрудняясь своей слѣпотой. Однажды дѣтей не было дома, и журенька оставался въ саду. Слѣпой бродилъ по двору, заходилъ нѣсколько

разъ въ садъ; однажды журенька увязался за нимъ и когда тотъ выходилъ изъ калитки, не успѣлъ проскользнуть за нимъ; слѣпой, не подозрѣвая, что журенька идетъ слѣдомъ за нимъ, захлопнулъ калитку, придавилъ журеньку и сломилъ ему ногу выше колѣна.

Когда дѣти вернулись домой, няня сказала имъ о несчастіи, случившемся съ журенькой. Слезъ было не мало: задумали лѣчить бѣднаго журеньку, положили его на гнѣздышко, сдѣланное изъ сѣна и выложенное ватой, кормили его мягкимъ хлѣбомъ, но онъ почти ничего не могъ ѣсть, ужасно страдалъ и черезъ двое сутокъ его нашли мертвымъ: голову подвернулъ подъ крыло, да такъ и умеръ.

Дѣти положили его въ корзинку, наполненную травою, и закопали подъ сиреневымъ кустомъ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ прятался отъ дождя.

Прошло много лѣтъ; дѣти уже выросли; Елена была большая дѣвица, а Вася и Саша окончили гимназическій курсъ; они уже не жили больше въ Новгородской губерніи, но проводили лѣто въ Псковской губерніи. Ихъ занимали уже другія мысли и обязанности, но въ нихъ все-таки сохранилась любовь къ животнымъ, и они не могли видѣть страданія птицы, особенно лѣсной, чтобы не защитить ея и не помочь ей.

Сосѣдніе крестьяне вскорѣ узнали эту слабость и пользовались ею; поймаютъ бывало живаго утенка, или тетерева, или рябчика, или зайченка и тащатъ

въ усадьбу, знаютъ, что тамъ купятъ и по большей части даже не побранятъ, зачѣмъ ловятъ молодыхъ звѣрьковъ, или птицъ. Сколько разъ семейство Чиркиныхъ рѣшалось прогонять мужицкихъ мальчишекъ, которые дѣлали ремесло изъ того, что подшибали и ловили зайчатъ, чтобы получить пятакъ, или десять копѣекъ; но жалкій видъ полузамученныхъ животныхъ всегда пробуждалъ состраданіе и ихъ покупали поневолѣ, чтобы избавить отъ рукъ неосторожныхъ и очень часто злыхъ мальчишекъ.

Подлѣ дома была темная сосновая и еловая роща, въ нее обыкновенно выпускали всѣхъ вылѣчившихся и оправившихся птицъ и звѣрей, и роща эта называлась *священною*; въ ней никогда не стрѣляли птицъ и не гонялись за зайцами, однимъ словомъ охота въ ней была запрещена. Птицы и звѣри какъ будто чувствовали этотъ запретъ; на вѣтвяхъ постоянно сновались бѣлки, ѣли сосновыя шишки и, перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку, цокали, какъ въ густомъ, непроходимомъ лѣсу. Иногда на вѣткѣ можно было видѣть пару маленькихъ, молоденькихъ бѣлочекъ, а гдѣ нибудь по близости сидитъ старая бѣлка и смотритъ на рѣзвящуюся молодежь. Дятлы постоянно ползали по стволамъ сосенъ и елей и стукали своими крѣпкими носами, отыскивая подъ корою древоѣдовъ, или другихъ насѣкомыхъ: даже рябчики и тетерева, выпущенные на волю, по цѣлымъ недѣлямъ жили въ священной рощѣ.

Въ особомъ помѣщеніи обыкновенно бывало по нѣскольку зайчатъ; иногда число ихъ доходило до семи и до восьми. Ихъ кормили молокомъ, пока они не умѣли ѣсть, потомъ свѣжими и мягкими листочками салата и наконецъ, когда они выростали съ трехмѣсячнаго котенка, или побольше, то имъ давали зеленыхъ листьевъ капусты. Такой роскошный кормъ оправдывали тѣмъ, что необходимо обирать съ капусты зеленый листъ, что отъ этого кочны будутъ лучше завиваться.

Семейство Чиркиныхъ обыкновенно обѣдало и пило чай на одномъ изъ трехъ балконовъ своего дома, всегда въ тѣни. Однажды они по привычкѣ всѣ собрались чай пить, недоставало только Васи, который ушелъ на охоту; всѣ уже давно окончили чай, а его все еще не было; но вотъ послышался выстрѣлъ, другой, значитъ онъ возвращается домой и, не доходя до усадьбы, разряжаетъ ружье, выстрѣливъ его на воздухъ. Охота была удачная; онъ принесъ нѣсколько тетеревовъ, положилъ ихъ съ ягдташемъ на столъ и сказалъ: «Маменька, вотъ вамъ жаркое на завтрашній день, да кромѣ того привелъ съ собою и живую дичину. Я встрѣтился съ двумя крестьянами, которые продаютъ пару живыхъ журавлей».

— Куда намъ съ ними, только хлопотъ много, да къ тому же въ домѣ есть маленькія дѣти, могутъ глаза выклюнуть, съ ними надобно быть очень осторожными.

— Такъ что-же, пойти и сказать мужикамъ, чтобы уносили своихъ журавлей, намъ ихъ некуда дѣвать.

— Хорошо!

— Посиди, Вася, здѣсь и отдохни, ты усталъ сказала Елена, а я пойду и скажу имъ.

Елена пошла, ее за руку схватилъ маленькій четырехлѣтній Миша и сказалъ: «и я съ тобой, тетя».

— Пойдемъ, пойдемъ!

Елена вышла къ мужикамъ: каждый держалъ по молодому, но довольно большому журавлю; длинныя ноги ихъ висѣли внизъ, какъ плети; бѣдныя птицы разинули клювы и еле дышали, ихъ сегодня травили собаками, очень загоняли, замучали и, можетъ быть, изранили. Видъ у нихъ былъ до того печальный и жалкій, что возбуждалъ состраданіе.

— Купи, барышня, журавовъ, сказалъ одинъ изъ крестьянъ, не хочется нести на станцію, дешево отдамъ.

— Да ты и не донесешь своего, посмотри: онъ еле дышетъ, совсѣмъ опустился, какъ мертвый.

— Это онъ изнемогъ, видишь, барышня, какой жаръ на дворѣ, да и гонялись за ними немало, да и собака маленько помяла, говорилъ малый, разсматривая свою птицу.

Не купить этихъ журавлей, дать имъ замучиться до смерти, казалось жестокимъ, и потому Елена спросила: » Чтожь вы хотите за пару журавлей»?

— Для тебя, сударыня, по знакомству, возьму всего только три рублика.

— Что ты? Богъ съ тобою; да кто тебѣ такую цѣну дастъ, вѣдь самъ знаешь: птица эта несъѣдобная, питается она всякою всячиною; ѣстъ червяковъ, лягушекъ, змѣй и всякихъ гадовъ; мы хоть и ѣдимъ журавлей, но мясо у нихъ жесткое, темное, невкусное, а вы его и въ ротъ не возьмете.

— Вѣстимо такъ, сударыни, не можемъ ѣсть такую птицу, которая питается всякою нечистью и гадами всякими. Да, мы ихъ ѣсть не будемъ, продадимъ господамъ для забавы; отнесемъ на станцію, тамъ купятъ.

— Несите, пожалуй, но предупреждаю васъ, вы ихъ не донесете, они чуть живы; вотъ, хоть для примѣра. поставьте одного изъ журавлей на ноги и посмотрите, можетъ ли онъ ходить. Ежели хотите, я за пару дамъ одинъ рубль, и то ежели у нихъ ноги не переломаны.

Журавлей поставили на ноги, но оба повалились, какъ будто у нихъ вмѣсто ногъ тряпки. Этотъ опытъ доказалъ, въ какомъ жалкомъ положеніи птицы, и въ Еленѣ и Мишѣ еще сильнѣе стало желаніе спасти несчастныхъ; она набавила пятьдесятъ копѣекъ, и крестьяне, посовѣтовавшись между собою и опасаясь, что не донесутъ журавлей до станціи, уступили ихъ за эту цѣну.

Журавли были измучены, испуганы, въ жалкомъ положеніи, но когда Елена къ нимъ наклонилась, чтобы взять одного изъ нихъ на руки, онъ долбнулъ ее клю-

вомъ въ голову и исщипалъ ей руки. Такой же сердитый былъ и второй. Для нихъ отгородили частицу сада, постлали соломы и на нее положили журавлей; стоять ни тотъ, ни другой не могъ.

— Имъ вѣрно пить и ѣсть хочется, сказала Серафима Ивановна, ихъ надобно покормить чѣмъ нибудь питательнымъ и въ тоже время такимъ, чего для насыщенія требуется малое количество.

— Лучше всего нарѣзать нѣсколько длинныхъ кусочковъ мяса, замѣтилъ Вася.

— А я принесу корыто, сказалъ Саша, нальемъ въ него воды, приподнимемъ его, поставимъ косо, такъ чтобы съ одного края стояла вода; а на другой на сухой насыплемъ овса и гречневыхъ крупъ.

Елена принесла сыраго мяса, вошла въ загородку и насильно положила по куску говядины въ клювъ журавлямъ; они сначала щипали пальцы и руки и выбрасывали мясо, но послѣ нѣсколькихъ опытовъ проглотили по куску, потомъ еще по нѣскольку кусковъ, и ихъ оставили въ покоѣ. Оба были до того замучены, такъ слабы, что не могли подняться на ноги и лежали, распустивъ полуоперившіяся крылья. Воды они пили въ этотъ день очень много и глотали ее съ жадностью. Она немного освѣжила и ободрила ихъ. Ночь провели они въ томъ же положеніи, какъ ихъ оставили съ вечера; утромъ Елена опять вошла къ нимъ и насильно покормила мясомъ; оба смотрѣли бодрѣе своими красивыми черными глазами и еще больнѣе вчерашняго

щипались; особенно золъ былъ самый слабый и больной; онъ при приближеніи человѣка шипѣлъ, какъ гуси шипятъ, когда у нихъ есть гусенята, и пребольно клевалъ своимъ большимъ, крѣпкимъ клювомъ. Его нѣсколько разъ поднимали и ставили на ноги, но онъ не могъ держаться на нихъ и падалъ. Второй былъ немного меньше и не такъ сердитъ, хотя тоже дрался клювомъ, но никогда не шипѣлъ, а только пищалъ похоже на то, какъ пищатъ цыплята. У обоихъ журавлей были небольшія головы, покрытыя рыжимъ пухомъ, глаза черные, очень красивые, раекъ темно-сѣрый, окружавшій очень узкимъ кольцомъ большой черный зрачекъ. Цвѣтъ перьевъ на спинѣ былъ рыже-бурый, очень красивый и чистый; когда они подросли и стали старше, то кирпичный цвѣтъ частію смѣнился, частію оттѣнился темно-сѣрымъ и болѣе свѣтло-рыжимъ цвѣтомъ. Начало крыла было сѣрое съ рыжимъ отливомъ, а маховыя перья и надкрылье блестящаго чернаго цвѣта. Ноги у одного журавля были черныя, именно у шипящаго, а у втораго темносѣрыя и нѣсколько тоньше чѣмъ предъидущаго.

Только на третій день оба на столько поправились, что могли стоять на ногахъ, и тутъ только у нихъ появилось желаніе ѣсть; они съ шипѣніемъ и пискомъ встрѣчали Елену, вырывали у нея изъ рукъ, что она приносила, клевали ей руки; хватали за платье, особенно злой все это дѣлалъ съ какою-то досадой, злостью и шипѣньемъ.

Настала дождливая погода; имъ въ одномъ углу загородки сдѣлали навѣсъ изъ досокъ, прутьевъ и соломы, чтобы они могли прятаться, но они не прятались и въ сильнѣйшій дождь оставались надъ корытомъ, съ поднятою почти вертикально шеей и съ опущенными крыльями.

Хотя журавли поправились, однакожь ноги у нихъ все еще оставались слабы, постоянно тряслись и по временамъ подгибались; они иногда расправляли свои огромныя крылья и помахивали ими, но еще были не въ силахъ отдѣлиться отъ земли. Такъ прошли три недѣли; нравы журавлей смягчались постепенно, они приручались, подходили на зовъ къ загородкѣ и брали изъ рукъ кормъ; все чаще и чаще расправляли крылья и размахивали ими и при этомъ даже подпрыгивали. Очевидно *жури*, какъ ихъ назвали, оправились и подросли. Они сдѣлались очень красивы; однообразный свѣтло-кирпичный цвѣтъ перьевъ у нихъ оттѣнился свѣтло-сѣрымъ и темнымъ цвѣтомъ; перья окрѣпли и бронею туго одѣли имъ спину и грудь; на хвостахъ пучками стали отростать пушистыя темныя перья, не такія длинныя, какъ у пѣтуха, но гораздо шире и пушистѣе пѣтушьихъ. Движенія стали важныя, медленныя и спокойныя.

Кромѣ Елены всѣ поочередно, по нѣскольку разъ въ сутки, ходили къ загородкѣ посмотрѣть й полюбоваться на журекъ.

— Знаете ли, дѣти, сказала Серафима Ивановна,

журеньки ваши выздоровѣли, окрѣпли, поотъѣлись, пора бы ихъ выпустить.

— Хорошо, я согласна, сказала Елена, но мнѣ жаль съ ними разставаться; я къ нимъ очень привыкла.

— Но ты сама знаешь, мы на зиму уѣдемъ въ Петербургъ, домъ нашъ запрутъ, въ немъ никто не будетъ жить: что же безъ насъ станется съ журавлями, ежели они не улетятъ вмѣстѣ съ другими перелетными журавлями; пусть лучше теперь уйдутъ въ лѣсъ и пристанутъ къ какой нибудь стаѣ.

Серафима Ивановна была права; Елена это понимала; въ тотъ день и за вечернимъ чаемъ, въ семейномъ совѣтѣ было положено на слѣдующее же утро выпустить ихъ просто въ садъ и предоставить имъ полную свободу. Ежели они захотятъ, пусть улетаютъ, ежели—нѣтъ, ну, дѣлать нечего, пусть живутъ, хоть цѣлую зиму, какъ нибудь придется пристроить ихъ.

На утро, послѣ чаю всѣ пошли къ загородкѣ, разгородили ее и выпустили журавлей. Они вышли, расправили крылья и побѣжали вдоль аллеи, размахивая крыльями и подлетая понемногу.

— Ну, прощайте журеньки, воскликнули дѣти. «Прощайте, жури», крикнула имъ вслѣдъ Елена. Журавли изъ воротъ сада вышли въ поле и сбѣжали съ горы, но тамъ пошли шагомъ и вскорѣ исчезли въ кустахъ, окамляющихъ рѣчку. Всѣмъ было жаль птицъ; поэтому всѣ молча возвратились домой и каждый принялся за свое дѣло.

Прошло часа три, подходило обѣденное время и то, когда ежедневно кормили журавлей. Еленѣ не сидѣлось въ комнатѣ; она машинально взяла ломоть бѣлаго хлѣба и пошла по аллеѣ по тому направленію, по которому журавли убѣжали, и что же? Навстрѣчу ей съ поля возвращаются домой знакомыя птицы и когда она ихъ позвала обычнымъ крикомъ: «жури, жури, жури!» они прибѣжали подлетывая и подпрыгивая. Елена тотчасъ раскрошила своимъ питомцамъ принесенный хлѣбъ и вернулась въ домъ за ежедневнымъ количествомъ сырой говядины, изрѣзанной длинными кусочками, за гречневой крупой, смѣшанной съ овсомъ и рожью, и накормила своихъ любимцевъ до-сыта. Первую ночь журавли провели въ саду, на берегу пруда, вошли въ воду по колѣно и простояли такъ до самаго утра.

Съ этихъ поръ журавли на садъ и на дворъ смотрѣли, какъ на свою собственность: постоянно повсюду разгуливали и когда имъ хотѣлось ѣсть, то неотступно требовали: не давали прохода, ловили за платье, вырывали хлѣбъ изъ рукъ, прибѣгали на первый зовъ и даже всходили на балконъ, входили въ сѣни, въ переднюю, и ежели бы ихъ не выгонять, то не отказались бы и отъ того, чтобы за человѣкомъ входить въ комнаты.

Журавли быстро выросли на свободѣ и пухъ у нихъ замѣнился перомъ; по мѣрѣ возраста, сѣрый, стальной цвѣтъ у нихъ дѣлался преобладающимъ. Крылья становились больше и размашистѣе: ростомъ

журавли отъ поднятой головы до ногъ полтора аршина; самое туловище равняется туловищу большаго гуся, или лебедя; только оно тоньше и всѣ линіи вообще граціознѣе. Походка у нихъ медленная, обдуманная; выступаютъ, поднимая высоко свои длинныя голенастыя ноги и при этомъ сжимаютъ пальцы; когда же ставятъ ногу, то широко раздвигаютъ свои три пальца; голова, соразмѣрно съ тѣломъ, осталась такая-же маленькая, какъ была сначала, но шея длинная, гибкая и тонкая, покрытая буровато-рыжими перышками; клювъ крѣпкій, четырехгранный, здоровенный съ пролетными ноздрями, такъ что на свѣтъ въ ноздри есть пролетъ, какъ скважина, или отверстіе въ носу. Сила въ клювѣ большая: такъ, напримѣръ, имъ ничего ни стоитъ клювомъ, какъ долбнею подкапываться подъ корень растенія и выворачивать его изъ земли, или они расщепливаютъ гнилое дерево, какъ ни въ чемъ не бывало. Они глотаютъ довольно большіе камешки, или черепки; горло у нихъ довольно растяжимое; ежели попадется большая змѣя, они однимъ ударомъ клюва въ голову убиваютъ ее, потомъ хватаютъ за голову и проглатываютъ цѣликомъ, и глазами можно прослѣдить, какъ она идетъ по горлу въ зобъ. Случается, что журавль поймаетъ молоденькаго воробья, да такъ съ перьями цѣликомъ и проглатываетъ его Что касается до мяса, которымъ ихъ кормятъ, то они очень разборчивы и ежели оно чуть-чуть, слегка только завѣтрилось и испортилось, они его и въ клювъ не возьмутъ.

Въ саду, какъ мы уже знаемъ, былъ большой прудъ, почти озеро; журавли иногда въ немъ купались, при этомъ отлично плавали, хлопали по водѣ крыльями и барахтались такъ, что всѣ перья у нихъ при этомъ намокали и они долгое время не могли обсохнуть.

Однажды у дѣтей было большое горе: Елена вбѣжала въ комнату и, обращаясь къ матери, говорила: «Маменька, выйди поскорѣе въ садъ, посмотри, мои жури захворали, совсѣмъ раскрылетились; грудь у нихъ растрепана и исщипана».

Всѣ поспѣшили въ садъ, чтобы посмотрѣть, что сдѣлалось съ общими любимцами; пискунья и шипунъ были въ самомъ жалкомъ положеніи; грудь вся въ сосулькахъ, перья слиплись и образовали комки; большія черныя крылья ихъ висѣли, точно полы плаща; головы были взъерошены; вообще у нихъ былъ видъ совершенно больныхъ птицъ.

— Не потрепалъ ли ихъ ястребъ, или лисица, или не подрались ли они между собою? сказалъ Вася.

— Нѣтъ, не похожи на избитыхъ, или раненыхъ, нигдѣ крови не видно.

— Я скорѣе думаю, что они намокли, не упали ли они въ прудъ? принесите имъ хлѣба, ежели станутъ ѣсть, значитъ не больны.

Сбѣгали за бѣлымъ хлѣбомъ, любимою ихъ пищею, и журеньки преисправно, съ большимъ аппетитомъ принялись глотать кусокъ за кускомъ, не давали

даже времени наламывать ихъ и подавать имъ, сами вырывали изъ рукъ. Такое очевидное доказательство здоровья всѣхъ успокоило и журавлей оставили въ покоѣ. Черезъ нѣсколько времени они обсохли и опять были такіе-же красивые, подобранные, какъ прежде, и все безпокойство о нихъ оказалось напраснымъ.

По вечерамъ около семи, или восьми часовъ журавли улетали; но передъ тѣмъ особенно пищали, лѣзли въ сѣни и требовали себѣ пищи. какъ скоро получали свою вечернюю порцію, то приготовлялись къ отлету; они очень внимательно охорашивались, очищали и расправляли свои перья и наконецъ затѣвали, какъ дѣти говорили, свою вечернюю пляску: распускали свои огромныя крылья, становились другъ передъ другомъ и вальсировали, т. е. прыгали и кружились одинъ передъ другимъ, точно такъ, какъ бы вальсировали, не прикасаясь другъ къ другу; потомъ становились прямо, поднимали головы и, склонивъ ихъ на одну сторону, зорко смотрѣли въ небо, потомъ, какъ бы по взаимному согласію, которое выражали какимъ-то звукомъ, похожимъ на звонъ натянутой струны, пробѣгали нѣсколько шаговъ, махая крыльями, чтобы захватить побольше воздуху и легко взлетали. При этомъ они вытягивали шею и голову впередъ, а длинныя ноги назадъ. Летаютъ журавли очень высоко, и наши журеньки поднимаясь подъ самыя облака, казались маленькими черными точками; они описывали боль-

шой кругъ вокругъ усадьбы и на ночь спускались гдѣ-то въ лѣсу, въ поляхъ, въ болотѣ, или на берегу рѣки.

За-то утромъ, въ семь часовъ, они опять появлялись на дворѣ, пищали и требовали ѣды, бѣгали за всѣми домашними, дергали за платье и клевали за руки, ежели на нихъ не обращали вниманія, и всѣми силами старались выпрашивать, какъ можно чаще и какъ можно больше ѣды.

Оставалось рѣшить, что съ журеньками будетъ зимою: улетятъ ли они съ своими товарищами, или останутся зимовать въ усадьбѣ, гдѣ кромѣ сторожа, да работниковъ никто не оставался.

Семейство Чиркиныхъ, какъ большинство нашихъ помѣщиковъ, на зиму уѣзжало въ Петербургъ, но только поздпею осенью, когда всѣ сельскія работы были окончены, все вымолочено, все убрано и поля подготовлены къ весенней пашнѣ, т. е. пропаханы по одному разу.

Пока еще не было слова объ отъѣздѣ; журеньки по прежнему день проводили въ усадьбѣ, а на ночь улетали куда-то въ поля. Листья уже пожелтѣли и обсыпались, ночные заморозки одѣвали землю бѣлымъ покровомъ; лужицы покрывались легкою ледяною корою; ночи стали безконечно длинныя и солнце уже слабо грѣло, даже въ полдень; дожди все чаще и чаще перепадали, однимъ словомъ осень, поздняя осень уже стояла на дворѣ. Птицы уже давно стадами перелетали съ мѣста на мѣсто и ежедневно

стаи перелетныхъ птицъ уже тянулись къ югу, въ теплые края. Вотъ, въ поднебесьи уже появляются остроугольникомъ гуси и лебеди, которые съ дальняго сѣвѣра тоже спѣшатъ куда-то въ благословенный край.

Наши знакомые журиньки уже чувствуютъ неодолимое влеченіе перелета; они все выше и выше взлетаютъ и съ каждымъ днемъ они дѣлаютъ большіе круги. Они уже познакомились съ лѣсными, дикими журавлями и вмѣстѣ съ ними совершаютъ большія путешествія, но еще каждый день возвращаются въ знакомую усадьбу и по прежнему смѣло требуютъ своей доли крупъ, овса и мяса. Они до того ручны, что ихъ можно гладить, поднимать на руки, и они не вырываются.

Въ одинъ яркій, солнечный, день, послѣ сытнаго обѣда, журавли лежали на пескѣ и грѣлись на осеннемъ солнцѣ; все семейство Чиркиныхъ, одѣвшись потеплѣе, тоже сидѣло на балконѣ и подобно журямъ, пользовалось осеннимъ тепломъ.

Вдругъ пискунъ чутко поднялъ голову, вскочилъ и, наклонивъ голову, по обыкновенію однимъ глазамъ смотрѣлъ вверхъ; но вскорѣ успокоился, поджалъ подъ себя одну ногу и продолжалъ стоять на одной ногѣ, какъ журавли особенно любятъ отдыхать. Минуту спустя шипунъ тоже вскочилъ и тоже внимательно къ чему-то прислушивался и приглядывался; вотъ и намъ послышался отдаленный крикъ журавлиный и вскорѣ по небу показалась черная нить кинутая острымъ угломъ.

Наши журавли встрепенулись, въ послѣдній разъ совершили свой отлетный танецъ, провальсировали, звонко крикнули, нѣсколько шаговъ пробѣжали по двору и поднялись. Они описали два, или три круга надъ усадьбой и, поднимаясь постепенно все выше и выше, наконецъ присоединились къ стаѣ отлетавшихъ журавлей, нить всколыхнулась, когда наши знакомцы къ нимъ подлетѣли, разступилась, дала имъ мѣсто въ самой серединѣ, и опять выравнялась, такъ что издали нельзя было отличить, которые журавли наши, и полетѣли.

Семейство Чиркиныхъ долго не спускало глазъ съ нити, постепенно тускнѣвшей; они проводили своихъ друзей прощальнымъ взглядомъ и только тогда вернулись въ комнаты, когда ихъ вовсе не стало видно.

— Скучно мнѣ будетъ безъ моихъ журей, сказала Елена:—теперь и намъ бы пора въ городъ, и мы перелетныя птицы и для насъ деревня только лѣтнее жилье; но мы весною возвратимся сюда, вспомнятъ ли насъ журавли, прилетятъ ли они къ намъ.

— Почему знать, замѣтилъ Вася:—можетъ быть, они тоже вернутся, еще раньше насъ, совьютъ у насъ гдѣ нибудь гнѣздо и выведутъ птенцовъ. То-то будетъ славно! Приведутъ къ намъ своихъ птенцовъ маленькихъ журинекъ, въ пуху, хорошенькихъ, кругленькихъ, миленькихъ.

— Я имъ буду давать хлѣба, крупъ; буду кормить булкой и сахаромъ, сказалъ маленькій пятилѣтній

Миша:—я маленькихъ журинекъ люблю, къ большимъ тетя Лена не пускала меня, все говорила, что дѣтямъ ходить къ журавлямъ опасно, могутъ глазъ выклюнуть, потому что любятъ все блестящее, а глаза у меня блестятъ,—говоритъ тетя. Маленькихъ я не боюсь, а большіе выше меня ростомъ и крылья у нихъ такія большія, что могли бы всего меня закутать, ежели бы меня охватили своими крыльями.

— Ну, Миша, я очень радъ, что ты все лѣто слушался меня и къ журькамъ близко не подходилъ, сказала Елена: — бросалъ имъ хлѣба все издали, за то они тебѣ не сдѣлали вреда, не клюнули ни въ глазъ, ни въ голову; за это подарю тебѣ журавля, сдѣланнаго изъ картона: это не опасно и ты можешь играть имъ, какъ хочешь.

— Нѣтъ, тетя, ты ммѣ лучше дай тѣхъ маленькихъ журинекъ, которыхъ весною выведутъ наши журавли, какъ сказалъ Вася: вѣдь они вернутся, не правда-ли?

— Ну, дружокъ, еще неизвѣстно, воротятся ли они къ намъ, можетъ быть, вольная жизнь имъ такъ понравится, что они не захотятъ нашего корма. Этотъ вопросъ не рѣшится до весны и только тогда я могу отвѣчать тебѣ на него.

Нелюдимъ.

По горамъ Финляндіи ѣхала тѣлѣга, запряженная здоровою, кругленькою бурою шведкою; она весело шла, потряхивая своими бубенчиками, привѣшанными къ уздѣ на самыхъ вискахъ; въ тѣлѣгѣ сидѣлъ человѣкъ среднихъ лѣтъ, высокаго роста, худой, блѣдный; онъ угрюмо смотрѣлъ на окружающія горы, озера, пески и сосонникъ.

Отчего бы ему смотрѣть такъ угрюмо? Видъ передъ нимъ развертывался очаровательный: длинный кряжъ горъ, по которымъ онъ ѣхалъ, тянулся между озерами; съ правой стороны дороги видны были три озера; изъ нихъ два лежали въ тѣни въ котловинѣ; они выглядывали изъ темной зелени окружающихъ горъ своею темною, какъ бы чернедью покрытою водою, которая тѣмъ ярче блестѣла тамъ, гдѣ на нее падалъ солнечный свѣтъ. Третье—большое озеро было очень красиво: ближайшій берегъ втѣснялся своими горными возвышенностями въ свѣтлыя водныя массы озера, вытѣснялъ ихъ и отъ этого образовались красивые, извилистые заливы и проливы, надъ которыми возвыша-

лись лѣсистые, крутые берега; далѣе—лѣвый берегъ, плоскій, болотистый, уходилъ вдаль; мелкій кустарникъ и ивнякъ, которымъ онъ покрытъ, придаетъ ему издали пушистый кудрявый видъ и вполнѣ скрываютъ его болотистое свойство. Противоположный берегъ опять высокъ, и опять изрѣзанъ заливами и полуостровами. Тамъ на разныхъ мѣстахъ виднѣются отдѣльныя чухонскія хижины, и изъ густой зелени выглядываетъ остроконечная колокольня кирки. Вокругъ озеръ, на всѣхъ возвышенностяхъ видны или, деревеньки, или отдѣльные домики. Чухонцы, или финны не живутъ въ такихъ большихъ, сплошныхъ деревняхъ, какъ наши русскіе мужики. Тамъ каждый домъ окруженъ полями, такъ что у каждаго финна все его полевое хозяйство подъ руками и онъ всегда работаетъ въ виду своей усадьбы.

И такъ, виды были привлекательные, но проѣзжій на нихъ мало обращалъ вниманія; онъ о чемъ-то думалъ и не правилъ даже лошадью. Подлѣ тѣлѣги степенно шла огромная, черная собака, изъ породы водолазовъ. Ея черная, густая шерсть такъ и лоснилась на солнцѣ; ей было жарко, она опустила голову, высунула языкъ и съ какою-то завистью посматривала на сверкающую вдали гладь озера, но не покидала своего хозяина и не бѣжала купаться. Она только изрѣдка, вопросительно взглядывала на хозяина, какъ бы желая сказать: пора бы остановиться и отдохнуть.

Проѣзжій замѣтилъ одинъ изъ такихъ взглядовъ и

ласково: сказалъ собакѣ «что, Негръ, пора бы отдохнуть, пора остановиться; хорошо! мнѣ некуда спѣшить; мы одни на землѣ, никто насъ не дожидается и гдѣ бы мы ни поселились—все равно: кому, какое до этого дѣла.

Собака въ отвѣтъ ласково махала хвостомъ и, поднявъ голову, тихонько лаяла. Путникъ тутъ только осмотрѣлся и тутъ только увидѣлъ красивую мѣстность; онъ остановилъ лошадь. Негръ положилъ переднія лапы на сидѣнье тѣлѣги и ласкался къ своему угрюмому хозяину. Онъ между тѣмъ рукою гладилъ по большой косматой головѣ собаки, а самъ осматривалъ; мѣстность, красивыя горы и озера очевидно понравились ему; издали увидѣлъ онъ крышу и направилъ лошадь къ ней, проговоривъ: «Право, тутъ можно бы поселиться и пожить нѣсколько времени!»

Онъ подъѣхалъ къ дому; это была грязная финская изба; старый чухонецъ сидѣлъ на крылечкѣ и дѣлалъ себѣ обувь изъ невыдѣланной коровьей кожи, шерстью внутрь. Увидѣвъ пріѣзжаго, онъ не поклонился и не пересталъ работать. «Здравствуй,» сказалъ по-русски путникъ.

— Не понимаю, отвѣчалъ финнъ по чухонски:— я по-русски не говорю. Тогда пріѣзжій ломаннымъ чухонскимъ языкомъ повторилъ свое привѣтствіе и спросилъ: «Нѣтъ-ли у тебя тутъ коморки, чтобы мнѣ жить.»

Финнъ долгое время вопросительно смотрѣлъ на него и ничего не отвѣчалъ; очевидно, онъ обдумывалъ

слышанное и соображалъ, не будучи въ состояніи съ перваго раза понять, чего отъ него хотятъ, и только черезъ нѣсколько минутъ отвѣчалъ: «нѣтъ, у меня и безъ того въ избѣ тѣсно. У меня свое семья большая».

— Нѣтъ-ли клѣти отдѣльной? спросилъ пріѣзжій.

Опять прошло нѣсколько мгновеній прежде, чѣмъ финнъ собрался отвѣчать: «У меня только двѣ клѣти; въ одной спитъ старшій сынъ, въ другой я самъ.»

— Нельзя-ли одну уступить мнѣ, а въ другой вамъ съ сыномъ спать?

— Нельзя; куда же пойдетъ моя старуха, и куда жена сына.

— Ну, такъ нѣтъ-ли у твоихъ сосѣдей какой-нибудь избенки?

На этотъ разъ отвѣта пришлось дожидаться вдвое долѣе; вопросъ былъ очень затруднительный и въ головѣ финна отвѣтъ не скоро нашелся; но и то хорошо, что нашелся. «У Якова есть изба, поди къ нему; онъ пуститъ.»

— Гдѣ живетъ Яковъ?

— Тамъ, по дорогѣ дальше, увидишь красную крышу.

— Негръ, поѣдемъ дальше, сказалъ незнакомецъ, поищемъ красной крыши и Якова, можетъ быть, найдемъ у него пристанище.

Поѣхали; спустились съ одной горы, поднялись на другую, а все красной крыши нѣтъ, только сверкаютъ озера и шелестятъ листья лѣса. Но вотъ потянулись

изгороди, должно быть скоро жилье; изгороди, окружающія засѣянныя поля всегда предвѣщаютъ близость крестьянской усадьбы. Вотъ, что-то бурое мелькнуло между зеленью; путешественникъ вглядѣлся и увидѣлъ одинокій маленькій домикъ съ садикомъ, потомъ еще поле и крестьянское жилье. «Ну-ка, *Воробей*, поскорѣе!» сказалъ путешественникъ и натянулъ возжи; лошадь этого только и дожидалась и побѣжала крупною рысью, такъ что Негръ съ трудомъ поспѣвалъ за нею.

Тѣлѣга остановилась у крестьянскаго дома, на которомъ на бѣлой дощечкѣ стояла надпись «Яковъ Хайконе.» Тутъ и есть, подумалъ путникъ и пошелъ отыскивать хозяина. Молодой финнъ только что возвратился съ поля и откладывалъ лошадь отъ таратайки, на которой лежала соха. Путешественникъ на этотъ разъ и не пробовалъ заговорить по-русски, а прямо по фински обратился къ хозяину и спросилъ, чей это домъ съ красной крышей?

—Домъ не мой, но все-таки я хозяинъ.

—Какъ это, я не понимаю?

—Построилъ его господинъ изъ Петербурга, да и подарилъ мнѣ—прежде былъ не мой, а теперь мой.

—Ну, понимаю; живетъ ли въ немъ кто нибудь, или онъ пустой? Видно, путешественникъ плохо выражался, потому что финнъ понималъ его не вполнѣ, иногда вкривь и вкось и потому отвѣчалъ: «нѣтъ, домъ не пустой, тамъ есть столы, стулья, кровать, все есть.»

— Ты меня не понимаешь. Живетъ ли тамъ кто нибудь?

— Какъ же, люди живутъ; прошлый годъ господинъ изъ Петербурга жилъ.

— Теперь живетъ ли тутъ кто нибудь?

— Нѣтъ, теперь никто тутъ не живетъ; нынче никто не нанималъ. Развѣ вы, баринъ, хотите нанять красный домъ.

— Хочу, покажи мнѣ его, ежели годится, найму.

— Пойдемте, заторопился финнъ и у него отъ удовольствія загорѣлись глаза. Онъ пошелъ шагать по дорогѣ къ домику такъ скоро, что Воробью пришлось бѣжать рысцею, чтобы поспѣвать за нимъ.

Красный домикъ стоялъ совсѣмъ уединенно, всторонѣ отъ всякаго жилья, на довольно значительномъ возвышеніи, которое съ одной стороны спускалось отлого; тутъ-то и пролегала дорога; съ другой—скалистый уступъ горы составлялъ обрывъ, подъ которымъ ручеекъ по песчаному дну бѣжалъ въ сосѣднее озеро.

На маковкѣ возвышенія была довольно большая площадка; на ней-то помѣщался домикъ, съ конюшней, сараемъ, маленькимъ дворомъ и садомъ, совершенно запустѣлымъ и заросшимъ густыми кустами и травою. Самъ домикъ состоялъ изъ двухъ комнатъ, сѣней и кухни внизу и изъ двухъ маленькихъ комнатушекъ вверху.

Въ конюшнѣ было два стойла, ящикъ для овса и отдѣленіе для сѣна; очевидно, все это было построено

человѣкомъ порядочнымъ, который любилъ, чтобы не только людямъ, но и животнымъ было хорошо. Сарай помѣстительный, для дровъ закутка. Домикъ понравился пріѣзжему и онъ спросилъ: «Скажи мнѣ, Яковъ, сколько ты съ меня наймы возьмешь помѣсячно.»

— Я никогда по мѣсяцамъ не отдавалъ, а всегда на цѣлое лѣто; такъ господа нанимали.

— Ну, хорошо—за лѣто; но, съ какого до какого мѣсяца у тебя жили?

— Жили всегда съ мая мѣсяца до половины, а иной разъ и до конца сентября.

— Что же тебѣ платили за лѣто? Послѣдніе господа, что жили, заплатили мнѣ тридцать рублей.

— Значитъ: по шести рублей въ мѣсяцъ.

— Не знаю, по сколько придется, но я получилъ тридцать рублей.

— Отдай мнѣ свой домъ на круглый годъ, и я тебѣ за годъ дамъ сто рублей; это тебѣ гораздо выгоднѣе.

— Какъ-же невыгоднѣе? У насъ зимою домъ всегда пустуетъ, только для васъ будетъ обидно, очень ужъ много сто рублей.

— Ты обо мнѣ не хлопочи; я сто рублей въ годъ могу платить; кромѣ того ты мнѣ доставь сѣна столько, сколько можетъ съѣсть одна лошадь и одна корова. Корову я себѣ куплю; ежели у тебя есть лишняя, то у тебя, ежели нѣтъ, то отыщи мнѣ; только надобно, чтобы корова была хорошая. Кромѣ ста рублей, я еще буду платить по пяти рублей въ мѣсяцъ, но съ тѣмъ, что

бы ты и жена твоя ежедневно по утрамъ приходили; ты будешь чистить мою лошадь и конюшню, давать кормъ коровѣ, а жена твоя подоитъ корову и сдѣлаетъ мнѣ въ домѣ, что нужно. Ежели согласенъ на всѣ условія, тогда по рукамъ, отпрягай моего Воробья и пришли жену, чтобы она мнѣ пока очистила одну изъ нижнихъ комнатъ; вездѣ пыль и паутина.

— Согласенъ, баринъ, согласенъ, а у меня отличнаго сѣна напасено, хотѣлъ было везти продавать; теперь слава Богу, и дома продамъ; Богъ милостивъ: посылаетъ мнѣ помощь.

Обрадованный чухонецъ засуетился началъ хлопотать, все убирать; натащилъ соломы и сѣна, убралъ тѣлѣжку, развѣсилъ сбрую и поставилъ Воробья въ конюшню. Негръ вслѣдъ за своимъ господиномъ вошелъ въ комнаты и находясь въ чужомъ мѣстѣ, легъ подлѣ принесеннаго чемодана и подозрительно слѣдилъ за женою чухонца, которая все чистила, вытирала, убирала, затопила плиту и поставила самоваръ. Въ домикѣ все оказалось: и кухонная, и столовая, и чайная посуда. Незнакомецъ отдалъ половину всей условленной за годъ платы за квартиру и за прислугу впередъ и на вопросъ хозяина, какъ называть его, сказалъ: «я человѣкъ простой, не важный, фамилія моя Скворцевъ, а имя Иванъ Петровичъ; у меня нѣтъ ни родныхъ, ни друзей, писемъ мнѣ ни откуда не будетъ, поэтому вамъ ничего больше обо мнѣ знать не нужно. Все, что я имѣю, со мною; лошадь моя называется

Воробей, собака —Негръ—вотъ все, что тебѣ обо мнѣ знать нужно, и я тебя прошу никакихъ вопросовъ никогда мнѣ не дѣлать; я до разговоровъ не охотникъ и никакой болтовни не люблю. Что мнѣ нужно, самъ спрошу. Прощай!

Съ этими словами онъ вошелъ въ домъ и никакихъ больше разговоровъ не было съ нимъ. Яковъ съ женою являлись каждое утро, чистили и убирали все въ домѣ, приносили и покупали на чистыя деньги хлѣба и всего, что нужно для дневнаго пропитанія, и уходили къ себѣ.

Иванъ Петровичъ велъ совершенно уединенную жизнь; никто не слыхалъ, чтобы онъ съ кѣмъ нибудь разговаривалъ. Сначала онъ занялся устройствомъ своего быта: привелъ домикъ въ порядокъ, потомъ принялся за садъ, очистилъ дорожки, подрѣзалъ и подвязалъ разросшіеся кусты и деревья; на клумбахъ посѣялъ цвѣты.

Не прошло двухъ недѣль съ тѣхъ поръ, какъ Иванъ Петровичъ поселился въ красномъ домикѣ, какъ его уже узнать нельзя было; окна чистыя и свѣтлыя, были завѣшаны бѣлыми кисейными занавѣсками; подлѣ дома на лужайкѣ паслась прекрасная холмогорская корова; и бродила шведка Воробей; тутъ же лежалъ Негръ и смотрѣлъ, чтобы корова, или лошадь не заходила за предѣлы, имъ назначенныя. Передъ домомъ на скамейкѣ очень часто сидѣлъ самъ Иванъ Петровичъ и читалъ что-то. Но чаще всего корова, и лошадь, и домъ

предоставлялись самимъ себѣ, а Иванъ Петровичъ отправлялся съ Негромъ бродить по горамъ, или они ѣздили на лодкѣ, какъ будто для того, чтобы ловить рыбу, но удочка оставалась неразвернутая, Негръ купался съ лодки, бросался въ воду и опять вскарабкивался въ лодку, но хозяинъ только улыбался, глядя на его занятіе, не развертывалъ забытой удочки и задумчиво смотрѣлъ на глубокую воду озера, на далекіе берега и на горы, уходившія вдаль и постепенно терявшіяся на горизонтѣ.

Такая уединенная жизнь Ивана Петровича не понравилась крестьянамъ деревни Вирулайна: они начали подозрѣвать, не скрытый ли это преступникъ какой нибудь, и говорили между собою: «это не добрый человѣкъ, ни съ кѣмъ не знается, ходитъ только съ собакой, ни съ кѣмъ слова не скажетъ, съ нею одною разговариваетъ.»

Сначала толки шли только между сосѣдями, съ трактирщикомъ и съ лавочникомъ; но мало-по-малу, по мѣрѣ того, какъ время шло, а Иванъ Петровичъ уже два года велъ такую уединенную жизнь, толки дошли даже до высшихъ властей: трактирщикъ и лавочникъ подѣлились своими предположеніями съ кистеромъ (дьячкомъ) и съ пасторомъ (священникъ лютеранскій).

Пасторъ сначала не хотѣлъ слушать толковъ, но когда его со всѣхъ сторонъ начали осаждать и когда ему отвсюду говорили, что онъ по своей обязанно-

эти долженъ смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ его приходѣ все жили люди порядочные, а такой, какъ Иванъ Петровичъ, очень подозрителенъ; никому порядкомъ неизвѣстно, откуда онъ взялся; по всѣмъ вѣроятностямъ онъ человѣкъ ненадежный, потому что ни съ кѣмъ не знакомится, живетъ одинъ. Богъ знаетъ, что дѣлаетъ, — не приходитъ ли къ нему кто нибудь тайкомъ?..

Такого рода разсужденія не могли обезпокоить пастора, но надоѣли ему, и онъ рѣшился побывать у незнакомца и поговорить съ нимъ. Для этого онъ выбралъ свободное время, надѣлъ свой длинный сюртукъ, взялъ шляпу, зонтикъ и пошелъ къ нелюдиму. Привѣтливый, свѣтлый видъ домика, Воробей на свободѣ бродящій у крылечка, Негръ, спокойно грѣющійся на солнцѣ, произвели пріятное впечатлѣніе на пастора; онъ хотѣлъ взойти на крыльцо, но Негръ ощетинился и заступилъ ему дорогу. «Позволь мнѣ пройти, ты хорошій часовой, но мнѣ все—таки слѣдуетъ повидаться съ твоимъ хозяиномъ» Негръ грознымъ рычаніемъ и сдержаннымъ лаемъ отвѣчалъ на слова пастора и, какъ бы понимая ихъ, отступилъ еще къ дверямъ и совершенно заслонилъ ихъ.

Но ихъ кто-то отворилъ изнутри и на порогѣ показался Иванъ Петровичъ, въ домашнемъ полукрестьянскомъ костюмѣ. Онъ вѣжливо поклонился пастору и сказалъ Негру: «пропусти, видишь, это гость! Пожалуйте въ мою комнату, онъ васъ не тронетъ, про-

должалъ онъ, обращаясь къ пастору. Негръ посторонился и пасторъ вошелъ въ чистую, свѣтлую, сухую комнату. На столахъ были книги, на стѣнахъ висѣло оружіе, на полкахъ стояли чучела птицъ и разныхъ звѣрей и звѣрковъ, точно кабинетъ естественной исторіи. Въ комнатѣ вся мебель была завалена, или книгами, или охотничьими принадлежностями; свободнымъ былъ только одинъ стулъ, на которомъ Иванъ Петровичъ только-что сидѣлъ передъ писменнымъ столомъ; указавъ его пастору, онъ просилъ его садиться, а для себя очистилъ другой стулъ и тоже сѣлъ противъ него; Негръ подозрительно улегся у порога и не спускалъ глазъ съ собесѣдниковъ.

Иванъ Петровичъ дожидался, чтобы пасторъ заговорилъ и объяснилъ зачѣмъ онъ пришелъ; пасторъ чувствовалъ неловкость своего положенія и не зналъ съ чего начать разговоръ; оба молчали; наконецъ, собравшись съ силами, заговорилъ: «Вы уже два года въ нашей деревнѣ, и я еще не имѣлъ удовольствія видѣть васъ.»

Иванъ Петровичъ видѣлъ, что въ этомъ неожиданномъ посѣщеніи что-то скрывается, поэтому поклонился и отвѣчалъ: «Не приходилось бывать въ вашихъ мѣстахъ, я больше хожу по лѣсамъ и горамъ, чѣмъ по деревнѣ.»

«Не понимаю, какъ вамъ не скучно быть одному; какъ у васъ нѣтъ желанія видѣться съ людьми?»

Мнѣ не скучно, потому что я окруженъ обществомъ самымъ отборнымъ: мнѣ книги замѣняютъ лю-

дей, а ежели хочу видѣть живыя существа, то у меня есть собака, лошадь и корова.

«Но эти существа неразумныя, это—животныя; что въ нихъ толку?»

— Вы ошибаетесь, пасторъ; собака отлично понимаетъ человѣка и на ея привязанность и вѣрность можно положиться; она не обманетъ, не выдастъ въ минуту опасности: она защититъ меня и отъ другой собаки, и отъ звѣря, и отъ недобраго человѣка. Мнѣ мой Негръ замѣняетъ и друзей, и прислугу; мы съ нимъ уже сжились и отлично понимаемъ другъ друга.

— «Это по вашему такъ, но помоему нѣтъ. Человѣкъ долженъ жить между людьми, человѣкъ созданъ такъ, что онъ долженъ жить въ обществѣ; оно даетъ ему много выгодъ, но за то налагаетъ и обязанности. Одна изъ такихъ обязанностей лежитъ на мнѣ; я долженъ слѣдить за тѣмъ, кто живетъ у меня въ приходѣ, я долженъ удостовѣряться въ личности и въ званіи каждаго изъ моихъ прихожанъ и слѣдовательно, отъ времени до времени, освѣдомляться о паспортахъ тѣхъ, которые не родились въ моемъ приходѣ, а поселились тутъ со стороны. Къ числу такихъ пришельцевъ и вы принадлежите, извините, что попрошу васъ показать мнѣ, или вашъ паспортъ, или другое удостовѣреніе въ вашей личности.»

Иванъ Петровичъ улыбнулся и отвѣчалъ: «Понимаю, за мою любовь къ уединенію и за мою отшельническую жизнь меня въ здѣшней деревнѣ принимаютъ за бро-

дягу. Могу васъ успокоить на этотъ счетъ, мои бумаги въ порядкѣ. «Съ этими словами онъ всталъ, подошелъ къ шкатулкѣ и досталъ изъ нея нѣсколько большихъ листовъ, вчетверо сложенныхъ и подалъ ихъ пастору.

Онъ развернулъ: это былъ указъ объ отставкѣ; оказывалось по этому, что Иванъ Петровичъ служилъ полковникомъ въ драгунскомъ полку, былъ въ сраженіяхъ, много разъ раненъ и по собственному желанію вышелъ въ отставку. Пасторъ прочиталъ, сконфузился и, отдавая бумаги, извинился, что пришелъ не во время и обезпокоилъ *господина полковника.*

—Сдѣлайте одолженіе, безъ чиновъ, сказалъ Иванъ Петровичъ, я здѣсь не полковникъ, а простой крестьянинъ, который ходитъ за своимъ садомъ, охотится и ловитъ рыбу для своего пропитанія, больше ничего.

Визитъ пастора кончился; онъ пошелъ домой, и хотя узналъ званіе Ивана Петровича, но ни на волосъ не познакомился, не сблизился съ нимъ; онъ для всѣхъ остался такимъ же загадочнымъ, какимъ былъ прежде.

Объ немъ все-таки ходили темные слухи и хотя никто не могъ сказать о немъ что нибудь дурное, но его боялись, потому что онъ всегда ходилъ такой угрюмый и молчаливый и всегда съ собакой, такой большой, косматой, страшной; къ тому же онъ самъ не любилъ и какъ бы боялся людей, сторонился отъ встрѣчныхъ и ежели никакъ нельзя было при встрѣчѣ пройти по другой дорогѣ, то отходилъ, по крайней

мѣрѣ, всторону и отворачивался, дѣлая видъ, будто что-то разсматриваетъ.

Такое нелюдимое расположеніе не нравилось жителямъ, и Ивана Петровича всѣ почитали человѣкомъ недобрымъ, злымъ.

Однажды на берегу озера собралась толпа мальчиковъ; они рѣзвились, бѣгали и начали раздѣваться, чтобы купаться. На горѣ въ кустахъ сидѣлъ Иванъ Петровичъ; раскрытая книга лежала у него на колѣняхъ, но онъ не читалъ и задумчиво смотрѣлъ на игры мальчиковъ; по временамъ гладилъ Негра по головѣ, который лежалъ подлѣ него и положилъ ему голову на колѣни.

Мальчики повскакали въ воду, барахтались, прыгали и плавали. «Яшка, ну-ка поплывемъ на ту сторону озера!»

— Нѣтъ, не могу, я нехорошо плаваю, потону.

«Я плаваю не лучше тебя, а все-таки поплыву; ты трусъ, вотъ что; озеро въ этомъ мѣстѣ не широко, отчего бы не переплыть.»

— Не поплыву, да и тебѣ не совѣтую пробовать, утонешь ни за что, ни про что.

«Толкуй, трусишка. сиди на берегу и смотри, какъ порядочные люди купаются. Прощай!»

—Эй, Іоганъ, останься, вернись: не выплывешь, кричалъ ему Яшка, но Іоганъ не слушался и наотмашь плылъ все дальше и дальше отъ берега. Безразсудный мальчикъ отважно плылъ; вотъ онъ уже на серединѣ

озерка, но еще не чувствуетъ усталости и бойко подвигается впередъ. Онъ счастливо добрался до тростниковъ противуположнаго берега и чтобы отдохнуть, хотѣлъ стать на ноги: но тинистое дно такъ и засасывало и тянуло его въ глубину; онъ проплылъ еще ближе къ берегу, увидѣлъ торчащій надъ водою старый пень дерева, ухватился за него и такъ немного отдохнулъ; выйти на берегъ въ этомъ мѣстѣ нельзя было, потому что тамъ была не только топь, но трясина, ступить на которую было опаснѣе, чѣмъ оставаться въ водѣ. Гансъ это зналъ и поэтому отдыхалъ, уцѣпившись за пень. Когда ему показалось, что онъ довольно отдохнулъ, онъ опять опустился въ воду и поплылъ обратно, но еще не доплывъ до половины разстоянія, почувствовалъ усталость и съ трудомъ держался надъ водою, Товарищи по его неровнымъ и торопливымъ движеніямъ догадались въ чемъ дѣло и ободряли его громкими криками: «Молодецъ, Гансъ! плыви, плыви, ужъ недалеко, сильнѣй, сильнѣй захватывай воду!»

Ободрительные крики на одно мгновеніе подѣйствовали; Гансъ справился и поплылъ ровнѣе, но не прошло и нѣсколькихъ секундъ, какъ онъ опять началъ опускаться и совсѣмъ тонуть; онъ крикнулъ отчаяннымъ голосомъ и пошелъ ко дну. Мальчики на берегу громко вторили ему криками, но ни одинъ не бросился въ воду, никто изъ нихъ на столько не плавалъ, чтобы спасать товарища. Самые отважные вошли по горло въ водѣ и только кричали: «выбивайся, Гансъ, выбивайся!

протягивали жерди въ его сторону и кричали, хватайся за палку, вытащимъ! другіе неодѣтые, какъ были, бѣжали за помощью въ деревню.»

Иванъ Петровичъ услышалъ отчаянный крикъ Ганса, взглянулъ, понялъ въ чемъ дѣло, вскочилъ и стремглавъ бросился бѣжать къ озеру; Негръ за нимъ большими скачками; когда Гансъ вынырнулъ въ послѣдній разъ и окончательно пошелъ ко дну, Иванъ Петровичъ былъ уже недалеко отъ берега; онъ показалъ Негру утопающаго и сказалъ: «Добрый Негръ, скорѣе, скорѣе, спасай!... пиль!... аппортъ!»

Негръ со всего размаха прыгнулъ въ воду, поплылъ и около того мѣста, гдѣ Гансъ пошелъ ко дну, нырнулъ, остался недолго подъ водою, но тотчасъ опять вынырнулъ, отфыркнулся, отдохнулъ и по приказанію Ивана Петровича еще разъ нырнулъ, опять не нашелъ Ганса и опять вынырнулъ; онъ всплылъ и тревожно водилъ головою во всѣ стороны; въ это мгновеніе утонувшій еще разъ приподнялся, но не высунулся изъ воды, а только волосы его всплыли. Негръ воспользовался этимъ, нырнулъ вслѣдъ за нимъ и сильно поплылъ къ берегу, разсѣкая грудью воду.

«Сюда, Негръ, сюда! ободрялъ его Иванъ Петровичъ, аппортъ! Сюда, дружище, сюда!»

Собакѣ тяжело было тащить обезпамятѣвшаго и опустившагося Ганса; но онъ плылъ, не выпуская его изъ зубовъ, вынесъ на берегъ и тутъ только оставилъ. Иванъ Петровичъ и не убѣжавшіе еще въ деревню

мальчики бросились къ Гансу; Иванъ Петровичъ началъ употреблять всѣ средства, чтобы поскорѣе привести его въ сознаніе, положилъ на бокъ, оттиралъ, щекоталъ у него въ носу, заставлялъ дышать, производя искусственное движеніе легкихъ. Усилія эти остались не безъ послѣдствій: вскорѣ Гансъ очнулся и выбросилъ всю воду, которой наглотался, вмѣстѣ съ большимъ количествомъ крови и желчи. Когда Гансъ уже оправился, приподнялся, тогда только прибѣжали изъ деревни мужики, которыхъ мальчики призвали.

Иванъ Петровичъ обратился къ нимъ и сказалъ: «Отнесите его домой, положите въ теплую избу, хоть на печку, напойте его чѣмъ нибудь теплымъ и пусть выспится, все пройдетъ: онъ теперь спасенъ. Спасибо тебѣ, мой милый Негръ,» прибавилъ онъ, погладивъ собаку.

— Спасибо, спасибо ему и тебѣ, господинъ! Дай Богъ вамъ здоровья!

Прибѣжалъ отецъ Ганса и хотѣлъ поцѣловать руку Ивану Петровичу, но онъ отдернулъ ее и сказавъ: «Позаботься лучше о сынѣ!» пошелъ своей дорогой.

Этотъ случай немного поколебалъ дурные толки объ Иванѣ Петровичѣ; но самые озлобленные говорили: «Что-жъ и у самаго дурнаго человѣка могутъ быть хорошія минуты, въ которыя онъ готовъ дѣлать добро. Къ тому-же тутъ заслуга больше принадлежитъ собакѣ, чѣмъ ему; не будь собаки, не спасъ бы онъ Іогана; собаку надобно благодарить, а не его.»

Прошло нѣсколько времени. Иванъ Петровичъ попрежнему жилъ уединенно; иногда уѣзжалъ дня на два, какъ онъ говорилъ, на охоту, но возвращался всегда безъ дичи и много-много, ежели привозилъ съ собою пачку книгъ, бумаги, или еще сверточки чего-то, такъ что хозяинъ его по секрету говорилъ сосѣдямъ: «когда мой господинъ ѣдетъ на охоту, то совсѣмъ не на охоту ѣздимъ, а вѣрно въ Петербургъ, или въ Выборгъ и покупаетъ тамъ книги что ему еще понадобится.»

— Какъ можно въ Петербургъ! замѣчали сосѣди, до Петербурга шестьдесятъ верстъ, не можетъ онъ въ два дня съѣздить туда и назадъ.

«Отчего-жъ не можетъ? У него Воробей бѣгаетъ такъ скоро, какъ птица, и шестьдесатъ верстъ пробѣжитъ безъ отдыха; ему и восемдесятъ ни по чемъ, это отличная лошадь; она усталости не знаетъ, это не чета нашимъ лошадямъ.

— Беретъ ли онъ собаку съ собою?

«Какъ не брать? Негръ не оставляетъ его ни одной минуты.»

— А какъ же его домъ?

«Что жъ?.. домъ и корова остаются на нашихъ рукахъ, мы за ними и смотримъ; домъ топимъ и чистимъ, а корову кормимъ и жена доитъ ее.

«Нѣтъ ли чего особеннаго въ домѣ. чего нибудь подозрительнаго?» продолжали допрашивать любопытные.

— У него ничего особеннаго нѣтъ: платья всякаго

много, бѣлья, книгъ, бумагъ; всякихъ столярныхъ, токарныхъ и другихъ инструментовъ, какихъ-то рисунковъ много, а подозрительнаго ничего не замѣчалъ. Знаю одно: мой баринъ, славный баринъ, платитъ мнѣ акуратно, всегда за полъгода впередъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ у меня живетъ, и мнѣ стало лучше; поля у меня во время засѣяны, во время убраны, никакихъ недоимковъ за мною нѣтъ, слава Богу, и я сдѣлался человѣкомъ, и какимъ еще исправнымъ. Дай Богъ, чтобъ Иванъ Петровичъ подолѣе пожилъ у меня, тогда совсѣмъ поправлюсь.

«Тебѣ хорошо, ты за него стоишь, тебѣ бы только деньги получать, ты съ нимъ за одно: мы знаемъ! замѣчали любопытные и прекращали разговоръ. Неизвѣстно, зналъ ли Иванъ Петровичъ, какіе толки объ немъ идутъ, но когда раздосадованный Яковъ иногда заводилъ рѣчь объ нихъ, онъ тотчасъ прекращалъ разговоръ и говорилъ, что ему все равно, что объ немъ говорятъ, и онъ ничего знать не хочетъ.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ; наступила зима; холода стояли большіе, въ домахъ и избахъ морозъ пронималъ; вездѣ сильно топили. Всякій сидѣлъ у себя дома; Иванъ Петровичъ устроилъ свой домъ такъ, что несмотря на сильные морозы у него было тепло. Однажды вечеромъ онъ засидѣлся позже обыкновеннаго; онъ дѣлалъ какой-то чертежъ предполагаемой усовершенствованной бумаго-прядильной машины и дѣлалъ вычисленія; было уже за полночь, работа его

шла успѣшно, но онъ засидѣлся, всталъ, чтобы походить по комнатѣ и подошелъ къ окну, чтобы посмотрѣть, каковая погода. Его поразилъ яркій свѣтъ: гдѣ-то горѣло. Иванъ Петровичъ наскоро надѣлъ тулупъ, нахлобучилъ мѣховую шапку и вышелъ на крыльцо, чтобы посмотрѣть, гдѣ это горитъ. Все небо было залито яркимъ отблескомъ огня, на снѣгу виднѣлся розовый отливъ; горѣло гдѣ-то далеко, за двѣ, или за три версты. Первымъ движеніемъ Ивана Петровича было броситься въ конюшню, взнуздать Воробья и вывести его; вскочивъ на него, онъ понесся во весъ духъ по направленію, гдѣ горѣло. Онъ оставилъ Негра дома, стеречь, передъ отъѣздомъ потушилъ огонь и поскакалъ. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ уже былъ въ виду горѣвшей чухонской усадьбы; вдали послышались тревожные удары церковнаго колокола: пожаръ видѣли съ колокольни и били въ набатъ, чтобы созвать народъ.

Ивану Петровичу представилась ужасная картина; изба пылала; огонь клубами вырывался изъ оконъ; крыша уже горѣла и длинные огненные языки вырывались изъ слуховаго окна; крытый дворъ и хлѣва еще не горѣли, но изъ нихъ слышалось тревожное мычанье скота и блеянье овецъ; чухонецъ настежь отворилъ ворота и пытался выгнать коровъ и вытащить лошадей, но скотъ упирался въ безумномъ страхѣ и не шелъ. Чухонка съ маленькой дочерью помогали ему.

Иванъ Петровичъ привязалъ Воробья къ дереву и первое бросился въ хлѣвъ; онъ носовымъ платкомъ за-

вязалъ глаза быку и вывелъ его, за нимъ по выскакали коровы; онъ велѣлъ чухонцу сдѣлать тоже съ овцами и съ лошадьми и самъ хотѣлъ помогать ему; для этого сорвалъ уже галстукъ съ шеи. Но въ это мгновеніе чухонка вдругъ закричала дикимъ, безумнымъ голосомъ: «Мой сынъ, тамъ въ домѣ горитъ! Кричитъ! Спасите, спасите! Сынъ!...»

Она до сихъ поръ забыла о немъ и въ безуміи только дѣлала то, что велѣлъ мужъ, а онъ спасалъ скотъ и о сынѣ тоже забылъ. Иванъ Петровичъ, слѣдуя первому влеченію, бросился къ дому, но онъ былъ объятъ пламенемъ; казалось, въ него не было доступу. Иванъ Петровичъ побѣжалъ посмотрѣть, нельзя ли забраться въ него съ другой стороны: изъ-подъ навѣса еще можно было бы войти, теченіемъ воздуха относило пламя въ противоположную сторону; но все таки было бы очень опасно; направо отъ входа слышался отчаянный крикъ дитяти.

Мать вторила ему: «Онъ еще живъ, спасите, спасите!» и вслѣдъ за Иваномъ Петровичемъ вбѣжала въ горящій домъ. Зная мѣстность, она изъ сѣней бросилась въ коморку, наполненную дымомъ, въ другую, и прямо къ кровати, на которой въ ужасѣ съежился пятилѣтній мальчикъ и теперь не кричалъ, а только махалъ руками, потому что задыхался. Иванъ Петровичъ схватилъ его на руки, завернулъ тулупомъ и опрометью выскочилъ, чуть не задохнувшись отъ дыма; вслѣдъ за нимъ бѣжала чухонка, но горячимъ дымомъ

и паромъ обдало ее и она у самаго порога сѣней упала. Иванъ Петровичъ вынесъ изъ крытаго двора мальчика, сунулъ его въ руки дѣвочькѣ, старшей дочери чухонца, и опять побѣжалъ назадъ; онъ видѣлъ, что чухонка упала и зналъ, что ее надобно поскорѣе спасать. Огонь между тѣмъ взялъ обратное направленіе и повернулъ къ нему навстрѣчу: но къ счастію шелъ по верху, такъ что Иванъ Петровичъ надвинулъ мѣховую шапку на лицо до рта, пригнулся къ самой землѣ, ринулся въ пламя, у самыхъ дверей нашелъ сильно обожженную, чуть живую чухонку и вытащилъ ее: но при этомъ благородномъ самопожертвованіи и самъ не мало пострадалъ: руки и лицо, вездѣ гдѣ было открыто, шея и затылокъ были въ пузыряхъ, или припеклись. Несчастная чухонка была въ самомъ жалкомъ видѣ; она пострадала несравненно больше.

Отъ звуковъ набата, народъ сбѣжался. Скотный дворъ растащили; такъ что отъ него даже бревна уцѣлѣли также и холодныя клѣти, стоявшія по близости; скотъ былъ спасенъ.« Изъ людей никого не погибло, слава Богу и за это, сказалъ Иванъ Петровичъ, все прочее нажить можно, только жизни человѣческой не воротить, когда разъ улетитъ. Онъ далъ погорѣлымъ немного денегъ на первый случай, потомъ присовѣтовалъ какъ лечить, что прикладывать къ ранамъ, сѣлъ на своего Воробья и ускакалъ раньше чѣмъ неповоротливый чухонецъ собрался съ духомъ, чтобы поблагодарить его.

Ивану Петровичу самому надобно было позабо-

титься о себѣ; онъ чувствовалъ сильную боль въ обгорѣлыхъ мѣстахъ. Дома Негръ встрѣтилъ его очень ласково, проводилъ съ нимъ Воробья до конюшни, но когда Иванъ Петровичъ остался въ обгорѣломъ полушубкѣ, онъ внимательно обнюхивалъ его, и когда хозяинъ его, измученный усталостію бросился на кровать, добрый Негръ еще внимательнѣе осмотрѣлъ и обнюхалъ его, нашелъ обожженыя мѣста на рукахъ, шеѣ, лицѣ, и принялся лизать больныя мѣста, но такъ нѣжно, такъ осторожно, что не только не причинялъ никакой боли, но напротивъ, отъ нѣжнаго прикосновенія языкомъ, еще смягчался жаръ, и чувствовалось какъ будто облегченіе.

Бѣдный Иванъ Петровичъ захворалъ не на шутку; Яковъ по нѣсколько разъ въ день спрашивалъ, не послать ли за докторомъ, но больной всегда отказывался отъ этого и говорилъ, что все само собою пройдетъ. Онъ не хотѣлъ также, чтобы хозяева хлопотали изъ-за него, оставались долѣе, чѣмъ было условлено, и долгіе дни проводилъ одинъ съ своей собакой. Она смотрѣла ему въ глаза, лежала подлѣ постели и слѣдила за каждымъ его движеніемъ. Но удивительнѣе всего было слѣдующее: когда она видѣла, что господинъ ея нуждается не въ ней, а въ помощи Якова, она бѣжала къ нему въ домъ, отыскивала, гдѣ бы онъ ни былъ, и схвативъ за полу рубашки или кафтана, теребила, волокла за собой и приводила къ постели больнаго.

Когда это случилось въ первый разъ, Яковъ испугался не на шутку; онъ все еще чувствовалъ особен-

ное уваженіе и страхъ къ огромному псу, и былъ ни живъ, ни мертвъ, когда онъ зубами уцѣпился ему за кафтанъ и потащилъ; онъ было вздумалъ отмахиваться отъ Негра, но тотъ шутокъ не понималъ и требовалъ, чтобы исполняли то, чего онъ хотѣлъ: глаза у него засверкали, губы грозно подобрались, зубы оскалились и онъ такъ сердито зарычалъ, что Яковъ поскорѣе уступилъ ему и пошелъ, куда тотъ его велъ.

Послѣ перваго раза, Яковъ уже понималъ, и когда Негръ прибѣгалъ, охотно шелъ за нимъ и не дожидался даже, чтобы тотъ хваталъ его за полу, тѣмъ болѣе, что зубы у него были здоровенные и всякій разъ на платьѣ оставались слѣды отъ нихъ.

Болѣзнь длилась довольно долго, но въ теченіи ея Иванъ Петровичъ не разъ справлялся о томъ, въ какомъ состояніи бѣдная чухонка; онъ посылалъ ей примочки и внутреннія лекарства; по финны даже больше русскихъ предпочитаютъ лѣчиться у своихъ знахарей и рѣдко употребляютъ то, что имъ совѣтуетъ кто нибудь другой.

Такъ и въ этомъ случаѣ; вмѣсто того, чтобы прикладывать тѣ средства, которыя видимо помогали Ивану Петровичу, знахарка заговаривала раны, мазала ихъ Богъ вѣсть чѣмъ, присыпала и давела бѣдную больную до того, что когда Иванъ Петровичъ уже поправился, она совсѣмъ ослабѣла и ей было такъ плохо, что ожидали съ часу на часъ ея смерти.

Ему это сказали; онъ закутался въ шубу, сѣлъ въ санки и поѣхалъ къ больной. Она его узнала, протянула ему слабую, израненную руку и сказала: «Добрый господинъ, благодарю васъ, вы спасли моего сына и меня; хотя я и умру, но все таки пожила столько, что видѣла въ живыхъ мужа и сына; по милости вашей и скотъ нашъ уцѣлѣлъ; не будь васъ, мы бы совсѣмъ сдѣлались нищими. Спасибо вамъ!»

—Благодарить не зачѣмъ, отвѣчалъ Иванъ Петровичъ, не за благодарностью я и пріѣхалъ; изъ за этого не сталъ бы выѣзжать, я самъ еще не поправился, но хочу посмотрѣть, не могу ли тебѣ помочь. Зачѣмъ ты не дѣлала того, что я приказывалъ твоему мужу; вы все съ знахарями и съ знахарками возитесь, а они только портятъ—такъ, что и поправить нельзя.—Говоря это, Иванъ Петровичъ осматривалъ больныя мѣста, видѣлъ до какой степени болѣзнь запущена, соображалъ свои средства и придумывалъ, что бы сдѣлать для несчастной. Онъ видѣлъ, что надежды на выздоровленіе мало; но не хотѣлъ отказаться отъ того, чтобы не испытать всѣхъ средствъ; онъ велѣлъ мужу больной сѣсть съ нимъ въ сани, привезъ его къ себѣ, нашелъ какихъ-то спадобій, далъ чистыхъ тряпокъ, корпіи, научилъ, какъ употреблять ихъ, еще далъ бутылку крѣпкаго хорошаго вина, обѣщался навѣдаться завтра и отправилъ чухонца.

Съ этого дня Иванъ Петровичъ вступилъ какъ бы въ должность доктора и ежедневно ѣздилъ къ больной.

Постоянное наблюденіе, чистота, лучшій столъ, о которомъ онъ тоже самъ заботился: ежедневно возилъ супу, говядины, крѣпкаго вина; наконецъ умное примѣненіе тѣхъ лѣкарствъ, какія у него были подъ рукою, произвели отличное дѣйствіе: чухонка окрѣпла, раны ея начали затягиваться и надежда на жизнь и на выздоровленіе опять ободрили и обрадовали ее.

Иванъ Петровичъ принималъ въ ней живое участіе; онъ даже иногда вопреки своему обыкновенію, оставался у нея даже послѣ того, какъ осмотритъ ея раны и дастъ лѣкарство. Онъ разговаривалъ съ малюткой, котораго спасъ, училъ его по русски и такъ какъ ему уже исполнилось пять лѣтъ, то шутя началъ учить его азбукѣ, само собою разумѣется, русской.

Здоровье чухонки видимо поправлялось, вскорѣ и Ивану Петровичу не за чѣмъ было къ ней ѣздить каждый день, но его занималъ мальчикъ, который всею своею дѣтскою любовью привязался къ нему. Мальчикъ встрѣчалъ его на порогѣ и хлопалъ въ ладоши, когда издали замѣчалъ его. У него всегда за пазухой въ рубашенкѣ былъ кусокъ хлѣба, и лишь только Иванъ Петровичъ останавливался у избы, Мартынъ, такъ звали мальчика, подбѣгалъ къ Воробью, гладилъ его по мордѣ, бралъ за возжи, отводилъ подъ навѣсъи мимоходомъ давалъ ему хлѣба. Дружба между Мартыномъ и Воробьемъ была большая; лошадь всегда радовалась, когда мальчикъ подходилъ къ ней, и осторожно умѣряла свой большой шагъ, по его дѣтскому шагу.

чтобы не наступить ему на голую ножку, или не задѣть его подковой.

Негръ тоже полюбилъ красиваго, бѣлокураго, кудряваго мальчика: когда лошадь была подъ навѣсомъ, Мартынъ бѣжалъ въ избу и тамъ игралъ, валялся и барахтался съ Негромъ. Онъ не бралъ у него хлѣба, потому-что ѣлъ только то, что давалъ ему Иванъ Петровичъ.

Наконецъ чухонка поправилась совсѣмъ, и однажды къ уединенному домику подъѣхали сани; изъ нихъ вышла чухонка, ея мужъ, Мартынъ и его сестра; они робко вошли въ сѣни, потому что пришли въ первый разъ и чистый полъ внушалъ имъ уваженіе; они боялись сдѣлать шагъ, чтобы не надѣлать слѣдовъ, оттого и остановились у дверей. Негръ встрѣтилъ ихъ, но не заворчалъ, не загородилъ имъ дороги въ комнату, какъ это всегда дѣлалъ, а только громко залаялъ.

Изъ комнаты послышался голосъ Ивана Петровича, Кто тамъ? должно быть знакомый, Негръ лаетъ радостно, войдите!

Чухонцы потихоньку полою кафтановъ и полушубковъ вытерли свои толстыя подошвы и осторожно вошли въ комнату; за писменнымъ столомъ сидѣлъ Иванъ Петровичъ и что-то писалъ. Чухонка, а за нею дѣти и мужъ выдвинулись впередъ и каждый поставилъ передъ Иваномъ Петровичемъ какой нибудь подарокъ: масла, яицъ, сметаны и кадушечку творогу. Чухонка поклонилась въ поясъ, а за нею и вся семья. «Мы пришли поблагодарить тебя, добрый баринъ: ты нашъ

благодѣтель, ты намъ все далъ и, жизнь, и здоровье, и все, что мы имѣемъ. Ты намъ построилъ домъ; ежели бы ты не нанялъ работниковъ и не заплатилъ имъ, некому было бы нарубить бревенъ, привезти ихъ и сложить избу нашу. Мы не знаемъ, чѣмъ благодарить тебя, ты намъ больше, чѣмъ отецъ и мать,—говорила чухонка, и, слезы у нея бѣжали по лицу ручьями.

— Добрый баринъ, прими отъ насъ эти вещи, онѣ и безъ того все равно, что твои, но мы принесли тебѣ ихъ, чтобы показать, что не безчувственные мы люди, что благодаримъ тебя и готовы за тебя въ огонь и въ воду.

Иванъ Петровичъ принялъ подарки; его тронули не слова чухонцевъ, но выраженіе лица, съ которымъ они говорили; слезы, которыя струились у нихъ по лицамъ, и дрожащій голосъ, и дрожащіе отъ волненія колѣна и руки, все показывало, какъ велико и глубоко было чувство благодарности спасенныхъ имъ.

Но трогательнѣе всего было выраженіе привязанности Мартына; онъ прикорнулъ у ногъ Ивана Петровича, обнялъ ихъ своими руками, припалъ къ нимъ головою и такъ прижалъ лицо, что видны были одни только бѣлокурые волосики.

Иванъ Петровичъ принялъ подарки, поблагодарилъ за нихъ, разспросилъ о здоровьѣ, о хозяйствѣ, угостилъ чухонцевъ стоящимъ на столѣ пирогомъ и, посовѣтовавъ еще кое-что, отпустилъ ихъ; но, когда отецъ и мать стали прощаться, Мартынъ подбѣжалъ къ Ивану

Петровичу, схватилъ его за руку и, прижимая ее къ губамъ, просилъ: «добрый баринъ, оставьте меня у себя, я не хочу домой ѣхать, я вамъ буду служить, буду все дѣлать, не прогоняйте меня. Эмо, (по чухонски—мать) позволь мнѣ остаться съ бариномъ, я буду учиться, буду работать; баринъ, позвольте мнѣ пожить у васъ, я домой не хочу.»

Мать колебалась, но отецъ сказалъ: «Что-жъ, пусть Мартынъ остается, ежели господину угодно, я радъ, хоть чѣмъ нибудь показать ему свою благодарность.»

— Пусть остается, пусть день и ночь служитъ вамъ, прибавила чухонка; здѣсь недалеко, всегда могу провѣдать его и привезти бѣлья и что понадобится изъ одежи. Оставьте его, баринъ, у себя, ежели хотите!

«Хорошо, пусть остается пока, ежели захочетъ домой, я отвезу. Только слушай, Мартынъ, тебѣ у меня будетъ скучно, я цѣлый день занятъ и разговаривать не люблю.

— Нѣтъ, не будетъ скучно, здѣсь такъ хорошо: я все буду съ Негромъ и къ Воробью пойду. Позвольте, пожалуйста, остаться; я не уйду, я не хочу домой, *эмо* позволила остаться, (*эза*—отецъ) тоже.

«Оставайся, такъ и быть, съ улыбкою сказалъ Иванъ Петровичъ. Онъ самъ любилъ мальчика и хотя ему непріятно было брать кого бы то ни было въ домъ, и отказываться отъ своего уединенія, но мальчикъ такъ просилъ, такимъ умоляющимъ взглядомъ смотрѣлъ на него, что у него сердце не налегало отказать ему.

Мартынъ остался; надобно было найти ему помѣщеніе. «Пойдемъ же, посмотримъ, гдѣ тебя спать положить?»

— Позвольте спать съ Негромъ, мнѣ будетъ теплѣе.

«Нѣтъ, нѣтъ, съ собакой спать ни человѣку, ни ребенку не годится; вотъ тутъ подлѣ моей спальни есть каморочка, тутъ тебѣ поставлю кроватку, тутъ ты и спи, а Негръ спитъ, вотъ на подушкѣ у дверей, онъ насъ обоихъ будетъ сторожить.»

Такъ они и устроились, и зажили. Мартыну первое время точно бывало скучно, цѣлый день онъ оставался одинъ, только и было товарищей, что Негръ и Воробей, но они не говорятъ и не играютъ. Иванъ Петровичъ, по большей части, молчитъ и занятъ чѣмъ нибудь, разговариваетъ только за обѣдомъ, чаемъ, ужиномъ и тогда, когда учитъ читать.

Но Мартынъ нашелъ себѣ дѣло; Иванъ Петровичъ ему далъ тоненькихъ дощечекъ и ножикъ, и научилъ стругать и рѣзать ножемъ; вотъ, онъ и стругалъ, и рѣзалъ, сколько ему хотѣлось, и достругался до того, что началъ дѣлать очень красивыя лопаточки, и веселочки. Читать выучился онъ мѣсяца въ три и у него на колѣняхъ всегда лежала книга; самъ стругаетъ, а книга на колѣняхъ; когда устанетъ, почитаетъ, поиграетъ съ Негромъ, сходитъ въ конюшню дастъ корму лошади и коровѣ, или лѣтомъ и весною покопается въ саду и въ огородѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Мартынъ поселился у Ивана

Петровича, и онъ пересталъ такъ хмуриться, какъ бывало; ему сперва непріятно было, что мальчикъ, какъ бы силой ворвался въ его уединеніе, но послушный, смирный и добрый Мартынъ умѣлъ сдѣлать такъ, что Иванъ Петровичъ привязался къ нему, какъ къ сыну; онъ не мѣшалъ ему ни въ досужее, ни въ занятое время; его дѣтская деликатная любовь указывала ему, что можно было дѣлать, когда приходить, разговаривать, когда оставлять въ покоѣ.

Такъ прошло два года, Мартыну ужь было около восьми лѣтъ; онъ хотя и не перемѣнялъ своего крестьянскаго бѣлаго кафтана на курточку, и бѣлая холщевая вышитая краснымъ рубашка, по прежнему ничѣмъ не отдѣляла его отъ общекрестьянскаго костюма: но по лицу, по вѣжливымъ манерамъ и по разговору видно было, что это мальчикъ образованный.

Иванъ Петровичъ не разлучался съ нимъ, и отъ того, что третьему всегда было съ кѣмъ перемолвить слово, потерялъ свою нелюдимость и началъ смотрѣть веселѣе. Дома у него все было по прежнему хорошо, чисто, опрятно, тихо, уютно; когда Иванъ Петровичъ читалъ, или писалъ, Мартынъ тоже занимался: или ножемъ вырѣзывалъ онъ очень красивыя вещицы: дѣлалъ ложки, ножи и вилки изъ яблочнаго дерева, по образцу швейцарскихъ. Онъ дѣлалъ ихъ такъ хорошо, что отдавалъ отцу, а тотъ отвозилъ въ Петербургъ, продавалъ ихъ и вырученныя деньги, хоть небольшія, привозилъ Ивану

Петровичу, который клалъ ихъ въ копилку, *на обзаведеніе*, какъ онъ говорилъ, когда Мартынъ выростетъ.

Хотя мальчикъ былъ еще не великъ годами; но былъ уже рослый и сильный, такъ что могъ поднимать топоръ и довольно порядочно рубить имъ. Иванъ Петровичъ купилъ ему топоръ на длинной рукояткѣ, не съ широкимъ лезвеемъ но съ толстымъ обухомъ, что дѣлало его тяжелѣе, ногораздо способнѣе рубить, и ударъ былъ сильнѣе. Онъпоказалъ ему, какъ рубить деревья, какъ колоть дрова, и каждый день упражнялъ его въ этомъ.

«Ты будешь жить въ своей избѣ, своимъ хозяйствомъ, тебѣ надобно умѣть обращаться съ топоромъ!

Онъ училъ его точить и говорилъ: «токарное—искусство хорошее, токарь всегда найдетъ работу, чѣмъ больше будешь умѣть дѣлать, тѣмъ лучше, тѣмъ независимѣе будешь, тѣмъ скорѣе и лучше будешь пріобрѣтать деньги и можешь помогать отцу и матери. Работай пока на моемъ станкѣ, пріобрѣтай деньги, заведешь свой собственный, когда выростешь.»

Мартынъ учился всему очень охотно и время летѣло незамѣтно; ему было уже десять лѣтъ, онъ отлично читалъ, писалъ, зналъ четыре дѣйствія надъ простыми, именнованными и дробными числами, отлично чертилъ и рисовалъ; точилъ хорошо и отецъ продавалъ его шахматы, шашки, рѣзные ножи, вилки и ложки очень выгодно. У Мартына было много рисунковъ звѣрей и птицъ, и онъ очень часто на ложкахъ и вилкахъ для салата вырѣзывалъ краси-

выхъ звѣрковъ, или птицъ, которыя выглядывали изъ листьевъ смородины, хмѣля, или винограда. Иванъ Петровичъ любовался успѣхами своего ученика и со дня на день больше привязывался къ нему; у нихъ все стало общимъ, и отдыхъ, и занятія.

Такъ какъ Иванъ Петровичъ прежде любилъ бродить одинъ, такъ не любилъ этого теперь,

Окрестные жители перестали заниматься имъ и съ тѣхъ поръ, какъ онъ сдѣлалъ столько добра, полюбили его и перестали осуждать его за любовь къ уединенію, за то, что онъ ни съ кѣмъ не разговариваетъ; они ужь не предполагали больше, что онъ поселился тутъ потому, что скрывался отъ правосудія, и нелюдимъ оттого, что боится людей. Однимъ словомъ, къ Ивану Петровичу привыкли и перестали его судить и пересуживать его поступки. Съ тѣхъ же поръ, какъ Мартынъ у него воспитывался, и особенно, когда увидѣли, какой онъ сдѣлался ловкій, какъ чисто и акуратно одѣвается, и наконецъ когда увидѣли его работы и узнали, какъ выгодно отецъ продаетъ ихъ въ городѣ, многіе завидовали ему и говорили:

«Экой счастливецъ этотъ Мартынъ, и чѣмъ только заслужилъ онъ такое счастье? Я бы желала, чтобы домъ у меня сгорѣлъ, я сама и сынъ обгорѣли, чтобы потомъ мнѣ построили такую обширную, свѣтлую и теплую избу, какую построили Аннѣ, и взяли моего сына, одѣвали, кормили, учили всякой всячинѣ и сдѣлали изъ него богатаго человѣка. Увидите, Мартынъ бу-

детъ богатъ, ужь у него и теперь есть деньги; говорилъ отецъ, что Иванъ Петровичъ прячетъ всѣ деньги, какія получаетъ за его работу, и ничего не позволяетъ тратить.

— Да, счастливъ Мартынъ, счастлива Анна,—желала бы я быть на ихъ мѣстѣ, толковали чухонки; а ни одна изъ нихъ не подумала, что ежели не все, то покрайней мѣрѣ кое-что могла перенять отъ Ивана Петровича, хоть одѣвать своихъ дѣтей почище и заставлять ихъ побольше работать, учить ихъ и смотрѣть за тѣмъ, чтобы они не привыкали къ бездѣйственности и къ другимъ дурнымъ поступкамъ, были со всякимъ вѣжливы и предупредительны.

Къ Ивану Петровичу очень часто приходили больные и онъ всегда охотно помогалъ имъ: перевязывалъ раны и давалъ лекарство. Однажды приходитъ чухонецъ, или правильнѣе его привозятъ, самъ онъ ходить не могъ.

«Что у тебя болитъ?

— Нога, звѣрь изорвалъ лапами и укусилъ.

— «Покажи!» Ивану Петровичу представились раны отъ такихъ огромныхъ когтей и зубовъ, какихъ онъ до сихъ поръ не видывалъ.

— Какой это звѣрь тебя изуродовалъ? это не медвѣдь и не волкъ.

— «Нѣтъ, баринъ, какой-то *чудный* звѣрь, какого я еще не видывалъ, больше волка, больше собаки; голова круглая, какъ у кошки, полосатая, да такъ прыгаетъ,

деретъ лапами и зубами, что заѣлъ бы меня, ежели бы не отбился топоромъ. У насъ въ деревнѣ ужь троихъ заѣлъ.

— Издалека ли ты?

— «Верстъ за двадцать отсюда; мнѣ сказали, что ты тутъ живешь, что многимъ помогаешь, вотъ я и пріѣхалъ.

— Иванъ Петровичъ перевязалъ его и далъ лѣкарство, но самъ задумался надъ ранами: неужели тигръ? Когти огромныя, не похожія на волчьи. Неужели вырвался изъ какого нибудь звѣринца? Тогда надобно опасаться, что много бѣды надѣлаетъ, надобно быть на сторожѣ.

Къ несчастію, опасенія Ивана Петровича вскорѣ оправдались; ужасный звѣрь началъ появляться то тутъ, то тамъ и преимущественно нападалъ на людей. Бросался на дѣтей, уносилъ, или загрызалъ ихъ и обгладывалъ кости. Ужь пять, или шесть человѣкъ сдѣлались его жертвой. Всѣ были напуганы и никто въ одиночку не хотѣлъ идти въ лѣсъ, или въ дальніе луга; всегда собиралось человѣкъ по пяти, брали съ собою топоры и отправлялись. Двумъ такимъ ватагамъ удалось отбиться отъ ужаснаго звѣря; двое, или трое были только слегка ранены; и это еще болѣе утвердило ихъ въ рѣшимости не отправляться однимъ на дальніе сѣнокосы, потому что сѣнокосы деревни Сиволайнъ находились верстъ за тринадцать.

Однажды ввечеру Иванъ Петровичъ занимался вмѣстѣ

съ Мартыномъ; они по новому рисунку точили изъ кости особенно красивые шахматы, и Мартынъ только что испортилъ королеву и просилъ помощи у Ивана Петровича. Онъ осмотрѣлъ и сказалъ: «тутъ помощь одна: сдѣлай новую, а чтобы остатокъ кости не пропадалъ, изъ нея выточки маленькую пѣшку, на это достанетъ кости.»

Мартынъ принялся за работу, въ это время дверь отворилась и вошелъ Яковъ, хозяинъ краснаго домика; по его нерѣшительному виду можно было заключить, что ему что-то нужно; такимъ онъ обыкновенно бывалъ, когда приходилъ просить денегъ на какую нибудь надобность.»

Иванъ Петровичъ посмотрѣлъ на него и спросилъ»: чего жмешься, говори: что тебѣ нужно?

— Я за очень важнымъ дѣломъ. Пришелъ просить васъ, будьте такъ милостивы, поѣдемте съ нами на сѣнокосъ, возьмите ружье съ собою и обороните насъ, когда нападетъ ужасный звѣрь: мы одни боимся ѣхать.

— Отчегожъ ты не пристанешь къ какой нибудь артели?

— Никто не принимаетъ, говорятъ, проси Ивана Петровича, онъ тебя защититъ, твой участокъ всторонѣ, крайній и намъ не по дорогѣ оберегать тебя. Я съ сыномъ и работникомъ, втроемъ не сладимъ съ звѣремъ, когда нападетъ: такъ къ вашей милости пришелъ, помогите, ради Бога!

— Когда-жь ты ѣдешь на сѣнокосъ?

— Завтра, чѣмъ свѣтъ, ежели вы поѣдете, а ежели нѣтъ, то пойду еще попрошусь въ какую ни на есть артель.

— Я готовъ, поѣду, пусть жена твоя придетъ пораньше и приготовитъ мнѣ чаю, да припасетъ чего нибудь съѣстнаго; ты, вѣроятно, не на одинъ и не на два дня поѣдешь?

— На цѣлую недѣлю, добрый баринъ!

— Хорошо, ступай!

— Иванъ Петровичъ досталъ свое ружье, почистилъ и осмотрѣлъ его, приготовилъ патроновъ и, завернувъ чаю, сахару, муки, крупъ, большой кусокъ ветчины, уложилъ все это въ ящикъ, наконецъ положилъ въ корзиночку самоваръ, чайникъ, одинъ стаканъ и двѣ тарелки. Мартынъ помогалъ ему и спросилъ, отчего вы, Иванъ Петровичъ, берете такъ мало стакановъ, развѣ вы мнѣ чаю не хотите давать?

— «Не хочу, потому что не беру тебя съ собою.

— Отчего же не берете?

— «Опасно; звѣрь можетъ тебя задрать, ты самъ знаешь: это, или особенно большая рысь, или тигръ, откуда нибудь вырвавшійся.

— А развѣ для васъ нѣтъ опасности? спросилъ Мартынъ.

— «Есть, точно такая же; но я старше и сильнѣе тебя, и жизни моей уже больше ушло, чѣмъ твоей, поэтому не бѣда, ежели ей и конецъ придетъ; я много видѣлъ и много вытерпѣлъ на своемъ вѣку; пора

на покой, отъ звѣриныхъ ли зубовъ, или отъ болѣзни: не все ли равно?

— Нѣтъ, для меня не все равно; я отъ васъ ни на шагъ не отстану: ежели вы погибнете, тогда и я жить не хочу; мнѣ безъ васъ не житье, и я отъ васъ не отстану, куда вы, туда и я.

Иванъ Петровичъ еще постарался отклонить Мартына отъ его намѣренія; но мальчикъ оставался твердъ и нѣсколько разъ повторялъ: «Жизнь моя вамъ принадлежитъ; вы ее отняли отъ огня, и я охотно отдамъ ее за васъ; она ваша.» Пришлось уступить ему; но на бѣду Мартынъ не умѣлъ стрѣлять, поэтому ружье было для него безполезно и оставалось вооружить его хорошо наточеннымъ топоромъ, которымъ онъ отлично владѣлъ.

На слѣдующее утро жена Якова пришла до свѣта; приготовила чай, завтракъ, уложила въ кабріолетъ хлѣба, мяса, чугунокъ, крупъ, приготовленную наканунѣ корзиночку и разбудила Ивана Петровича и Мартына. Они позавтракали и отправились. На лугахъ тамъ и сямъ уже кипѣла работа и вездѣ привѣтствовали Ивана Петровича; его ужъ больше не дичились, а любили; ежели у кого и была зависть къ Якову и нѣкоторое неудовольствіе на Ивана Петровича, то это было за глаза и она исчезала при видѣ его.

Два дня прошли очень спокойно и весело, о страшномъ звѣрѣ не было помину. Иванъ Петровичъ и Мартынъ помогали воротишь сѣно и складывать его въ ку-

чи. Ввечеру третьяго дня, однако распространился общій ужасъ, звѣрь напалъ на мальчика, который пошелъ было за водою, и заѣлъ его. Начали толковать о томъ, что слѣдуетъ отправиться домой и работу оставить, потому что звѣрь теперь знаетъ, гдѣ есть скопленіе народа. Потолковали и рѣшились все таки оставаться: только быть на сторожѣ и никому вразбродъ никуда не отправляться. Работали по крайней мѣрѣ на разстояніи пятнадцати верстъ и все артелями; человѣкъ по10 или 12. У одного только Якова было мало народу: онъ, два работника, двѣ женщины и Иванъ Петровичъ съ Мартыномъ.

Всѣ вообще были взволнованы и дожидались не покажется-ли звѣрь; всѣ работали съ оглядкою; но еще день прошелъ и ничего особеннаго не случилось. Подъ вечеръ Иванъ Петровичъ пересматривалъ свои заряды и перемѣнялъ пистоны; вдругъ Негръ вскочилъ, навострилъ уши и внимательно смотрѣлъ въ одну сторону, тамъ работала одна изъ женщинъ; Иванъ Петровичъ погладилъ Негра и сказалъ: «развѣ ты не видишь, вѣдь это Катерина,» но Негръ глухо зарычалъ, ощетинился и сдѣлалъ шагъ впередъ; въ тоже самое мгновеніе Мартынъ шепнулъ задыхающимся голосомъ: «Смотрите, смотрите, въ кусту звѣрь!»

Иванъ Петровичъ крѣпче взялся за ружье и сдѣлалъ шагъ впередъ: передъ нимъ, въ тридцати шагахъ, изъ куста виднѣлась голова леопарда. «Мартынъ назадъ, Негръ, прочь!» глухо сказалъ Иванъ Петровичъ, «ни съ мѣста, пока я не выстрѣлю.» Чухонцы издали

видѣли звѣря, да такъ и замерли, какъ были. Смѣлый Иванъ Петровичъ приготовилъ ружье и медленно пошелъ впередъ. Сверкающій взглядъ леопарда слѣдилъ за его движеніями; но отъ пристальнаго взгляда человѣка, звѣрь жмурился и съеживался, приготовляясь къ прыжку. Дойдя до него на 20 шаговъ, Иванъ Петровичъ поторопился, выстрѣлилъ, но попалъ только въ лапу и перебилъ ее. Леопардъ сдѣлалъ ужасный скачекъ, другой, третій быстрѣе молніи вышибъ ружье изъ рукъ Ивана Петровича и кинулся ему прямо на грудь. Онъ успѣлъ только вытянуть руки и схватить его за горло; тутъ началась отчаянная борьба человѣка съ звѣремъ; леопардъ рвалъ ему грудь и ноги своими кошачьими когтями, но самъ, истекая кровью, не могъ высвободиться изъ рукъ Ивана Петровича, который такъ и впился ему въ горло руками, какъ желѣзными клещами и душилъ его. Негръ, видя отчаянное положеніе своего господина, зубами впился въ бокъ леопарда и все глубже и глубже въѣдался въ него и рвалъ его. Мартынъ схватилъ топоръ и изо всѣхъ силъ полоснулъ его по спинѣ и только кричалъ: «пусти его, пусти, я убью топоромъ»! но Иванъ Петровичъ, разгоряченный боемъ, продолжалъ душить его, повторяя: «не бойся, бей его на мнѣ, не пущу, бей, бей!»

Мартынъ уловчился и хватилъ его по головѣ такъ, что она раскололась, и звѣрь еще разъ судорожно царапнулъ израненнаго Ивана Петровича и безъ жизни рухнулъ на землю, но вмѣстѣ съ нимъ упалъ и его

противникъ. Чухонцы прибѣжали, стащили звѣря съ обезпамятѣвшаго Ивана Петровича, сняли съ него платье обмыли ему глубокія раны, сдѣлали ему удобное мѣсто на тѣлегѣ, положили и шагомъ повезли домой. Всѣ артели побросали свои работы и шли за раненнымъ до самаго краснаго домика. Негръ шелъ подлѣ тѣлеги и печально вылъ; Мартынъ былъ неутѣшенъ, онъ рыдалъ, рвалъ на себѣ волосы и всякаго спрашивалъ: «неужели *онъ* умретъ? Неужели раны не заживутъ.»

Пастору дали знать о случившемся; онъ уже дожидался великодушнаго спасителя всего околодка; онъ уже послалъ верховаго за докторомъ и самъ помогалъ переносить больнаго въ домъ. Его уложили на постель; докторъ пріѣхалъ, осмотрѣлъ раны и далъ надежду, что больной выздоровѣетъ, ежели за нимъ будетъ хорошій присмотръ.

Присмотръ былъ хорошъ, раны начали заживать; но лѣта взяли свое; Иванъ Петровичъ скончался не отъ ранъ, но отъ изнуренія, отъ того что въ немъ не было достаточно силъ вынести страданіе.

Больше всѣхъ убивался и плакалъ Мартынъ; онъ самъ заболѣлъ и чуть было не умеръ отъ горя.

Иванъ Петровичъ оставилъ завѣщаніе, въ которомъ всѣ свои деньги и все свое имущество отдавалъ Мартыну, потому что никакихъ ни дальнихъ, ни близкихъ родственниковъ у него не было. Только требовалъ, чтобы онъ поступилъ въ гимназію, а потомъ въ уни-

верситетъ, потомъ занялся тѣмъ, что ему придется по душѣ.

Средствъ, оставленныхъ ему благодѣтелемъ, было достаточно; Мартынъ исполнилъ завѣщаніе и потомъ купилъ красный домикъ, гдѣ до сихъ поръ живетъ и занимается сельскимъ хозяйствомъ. Негръ еще живъ, но до того старъ, что почти не можетъ ходить и все лежитъ у печки, на подушкѣ. На Воробьѣ, со смерти Ивана Петровича, никто не работалъ; на немъ Мартынъ только изрѣдка ѣздилъ верхомъ, и Воробей посѣдѣлъ, состарился и дожидается своего конца; Негру и ему теперь уже за двадцать лѣтъ. Конецъ ихъ, вѣроятно, скоро придетъ.

Пропавшая корова.

Большая русская деревня тянулась по взгорью. Высокія бревенчатыя избы, съ подпольями, небольшими окнами, крашенными ставнями и съ задворками, крытыми соломой, или тесинами тянулись съ обѣихъ сторонъ улицы. Тамъ и сямъ во дворахъ торчали журавли, т. е. колодцы, у которыхъ на двухъ низенькихъ бревнахъ утверждалась высокая жердь. Съ одной стороны длиннымъ тонкимъ концомъ она торчитъ вверхъ и къ нему привязана другая жердь, еще тоньше, съ крючкомъ; къ короткому же, толстому концу придѣлана тяжесть, которая постоянно притягиваетъ короткій конецъ къ землѣ; ежели надобно достать воды, то прицѣпляютъ ведро на крюкъ, тянутъ за тонкую, висящую жердь: она опускается прямо надъ колодцемъ, ведро наполняется водою и тогда только помаленьку отпускаютъ тонкую жердь; она поднимается, какъ шлагбаумъ, и вытаскиваетъ ведро съ водою. За длинную тонкую жердь, торчащую вверхъ и немного напоминающую журавлиную шею, такіе колодцы называются жура-

влями. Давно уже запрещено ихъ строить, но не смотря на это, русскіе крестьяне не перестаютъ употреблять ихъ, потому что поднимать такимъ образомъ воду легче и удобнѣе, чѣмъ прямо тащить ведро багромъ, а колеса съ воротомъ не хотятъ дѣлать—дорого, говорятъ.

Такихъ колодцевъ и журавлей въ деревнѣ было три: два въ серединѣ и одинъ у крайней избы. Она была бѣдная, крытая соломой, но чистая; дворъ подлѣ избы прибранъ, устланъ соломой и хотя стояли первые весенніе дни, но все-таки въ закутѣ еще виднѣлось много соломы для подстилки; въ избѣ тоже была поразительная и почти небывалая въ крестьянскихъ избахъ чистота; посуда—горшки, сковороды, чугуны, миски и даже четыре тарелки стояли рядышкомъ; тутъ же крошечный самоварчикъ, покрытый, отъ пыли, бѣлымъ полотенцемъ. Въ маленькомъ поставцѣ, на лѣво отъ входа, стояли три пары чашекъ, чайникъ, молочникъ и сахарница, а въ полочку врѣзаны были мѣста для ложекъ и въ нихъ висѣли двѣ чайныя и двѣ столовыя ложки, но были ли онѣ серебряныя, или польскаго серебра,—мельхіоровыя еще не проникали въ деревню,—трудно было бы рѣшить.

Въ переднемъ углу стоялъ столъ, бѣлый, какъ будто только-что выструганный, и такія же скамейки; въ углу образъ въ серебряномъ окладѣ и передъ нимъ фарфоровая лампадка; надъ образомъ—цвѣты, верба и навѣсъ

изъ чистаго, бѣлаго, по краямъ вышитаго полотенца съ кружевами.

Направо отъ передняго угла, подъ окномъ кожаный стулъ; передъ нимъ столикъ, а на столѣ швейникъ съ булавками, иголками, наперсткомъ и нитками, а подлѣ недоконченный чулокъ со спицами. Такое внутреннее убранство избы показывало, что живутъ тутъ люди не совсѣмъ привыкшіе къ крестьянскому быту.

Здѣсь жила одна только женщина-бобылка; она долгое время прожила въ городѣ въ нянькахъ и, вернувшись, послѣ смерти отца и матери, въ свой родовой домъ, принесла съ собою въ городѣ пріобрѣтенныя вещи и привычки не чисто-деревенскія. Вотъ почему изба ея не походила на всѣ избы, корова содержалась лучше и давала больше молока; она была хорошей породы, почти чисто—холмогорская: головка маленькая, рога крутые, сама длинная, чистаго рыже-бураго цвѣта съ большими умными глазами. Она, какъ всѣ деревенскія коровы, ходила въ стадо, но дома получала пойло съ мукою и солью, и потому была сытѣе всѣхъ остальныхъ деревенскихъ коровъ и давала молока больше и устой на немъ былъ гуще.

У бобылки, или какъ ее всѣ въ деревнѣ величали, Татьяны Сидоровны, не было лошади, но она условилась съ сосѣдомъ, чтобы онъ пахалъ, убиралъ ея хлѣбъ, косилъ и сушилъ для нея сѣно изъ—полу, т. е. половину сѣна и половину хлѣба бралъ себѣ, а другую половину отдавалъ ей. Земли у Сидоровны было мно-

го и по надѣлу и она сама еще прикупила, когда вернулась изъ города, и у нея было припасено порядочное количество денегъ.

Казалось бы, ей жить одной скучно, но совсѣмъ нѣтъ: ее часто навѣщали сосѣдки; она сама копалась въ огородѣ, садила морковь, огурцы, капусту, рѣпу, лукъ и рѣдьку и все у нея выростало отлично; ежели бывало по деревнѣ ни у кого не уродится капусты и огурцевъ, у нея всегда всего вдоволь. У кого лучшій мучнистый, разсыпчатый картофель? Всякій скажетъ, что у Сидоровны, и не мудрено, прибавятъ, сѣмянной картофель у нея привезенъ издалека, изъ города.

Корова давала за одинъ удой по ведру молока: изъ такого небывалаго въ деревняхъ количества молока Сидоровна дѣлала масло, сметану, творогъ и даже сыръ; но сыръ былъ плохой, онъ неудавался и она перестала его дѣлать. Само собою разумѣется, что Сидоровна не могла съѣдать всего того, что получала отъ коровы, даже и не ѣла, когда бывало и хотѣлось, все приготовляла на продажу.

У нея былъ ледникъ, единственный въ цѣлой деревнѣ, и надъ нею не мало смѣялись, когда она его выстроила, говорили: «вишь, прожила въ городѣ, набралась барскихъ затѣй и причудъ, ну, гдѣ видано, чтобъ въ крестьянской избѣ былъ ледникъ?»

Но такіе толки не смущали Сидоровны, она ледникъ выстроила и такъ какъ почва была песчаная, то и ледникъ вышелъ отличный; она его каждый годъ

исправно набивала льдомъ и снѣгомъ; поэтому лѣтомъ масло, творогъ и сметана въ немъ отлично сохранялись.

Своихъ молочныхъ скоповъ Сидоровна не возила продавать въ городъ; по два раза въ годъ, осенью и весною, покупщики разъѣзжаютъ обыкновенно по деревнямъ и скупаютъ масло, яйца и т. д. Вотъ такимъ-то торговцамъ Сидоровна продавала масло, творогъ и сметану и продавала очень выгодно для себя. Ея масло славилось своею чистотою и хорошимъ вкусомъ, поэтому и отбою не было отъ покупателей. Сосѣдки это видѣли и очень часто просили ее брать у нихъ масло и продавать вмѣстѣ со своимъ, но Сидоровна не соглашалась, или требовала, чтобы его сбивали при ней, изъ самой свѣжей сметаны. «Не хочу портить своей славы, говаривала она, а ежели хоть разъ продамъ плохаго масла, кто же станетъ мнѣ вѣрить.»

Она корову свою очень любила, называла ее кормилицей своей и круглый годъ заботилась о томъ, чтобы у нея всего было вдоволь.

Кромѣ коровы, у Сидоровны были еще куры, пѣтухъ и собака, все привезенное изъ города. И куры были не простыя, а кохинхинскія, большія, желтыя съ косматыми ногами; пѣтухъ такой же, но огромный, больше индѣйки, безхвостый, съ ярко-краснымъ гребнемъ и такой сердитый, что отъ него сосѣднимъ, простымъ пѣтухамъ и житья не было. Яйца у куръ были тоже отличныя, большія, розовато-жел-

таго цвѣта, цыплята—крупные, на продажу выгодные; и за нихъ и за яйца Сидоровнѣ платили дороже обыкновеннаго и въ деревнѣ толковали, ей уже такое счастье, все, что она продаетъ, все кажется лучше и за все ей перепадаетъ лишнее. Напрасно Сидоровна имъ предлагала на заводъ своихъ яицъ, чтобы положили подъ курицу, а также держать не однѣхъ только простыхъ куръ. Яйца брали, цыплятъ выводили, но они пропадали: или ястребъ унесетъ, или лошадь задавитъ, или кошка съѣстъ, или ежели доживали до осени, то зимою пропадали отъ холода, или ихъ лисица уносила. «Не водъ у насъ этимъ курамъ, говаривали сосѣдки, счастья нѣтъ на нихъ, вотъ мы и въ той же деревнѣ, что Сидоровна, и кормъ такой же, а птица у насъ пропадаетъ, не водится.» Куры дѣйствительно не велись, но никому и на умъ не приходило, что онѣ не велись оттого, что никто о нихъ не заботился, никто не ходилъ за ними.

Собака у Сидоровны была большая, косматая дворняшка, очень сердитая, но очень умная и привязанная къ ней, къ дому и больше всего къ коровѣ. Куда бы корова ни пошла, *Бѣлякъ* за нею. Въ стадо ходила она вмѣстѣ съ нею и помогала пастуху загонять коровъ и стеречь ихъ, за это получала отъ него краюшку, или корку хлѣба и хотя помогала ему стеречь стадо, но преимущественно смотрѣла за Бровкой, такъ звали корову, и куда бы она ни пошла, тотчасъ пригоняла ее назадъ къ стаду.

Сидоровна была спокойна на счетъ своей коровы; она знала, что ее стережетъ не столько пастухъ, сколько Бѣлякъ. Онъ былъ очень силенъ и великъ; его большая голова съ умными желтыми глазами вселяла уваженіе; онъ нѣсколько разъ прогонялъ волка, когда тотъ подкрадывался къ стаду.

Вотъ, подробный отчетъ обо всѣхъ жильцахъ крайней избы и довольно ясное описаніе способа существованія Сидоровны. Въ деревнѣ всѣ любили ее и очень часто приходили къ ней за совѣтами, или просто за тѣмъ, чтобы потолковать о томъ, о семъ. Для этого выбирали всегда время подъ вечеръ, когда всѣ работы по дому и внѣ дома были кончены; у Сидоровны на столѣ всегда горѣла свѣчка; она вязала чулокъ и для гостей всегда находилась миска молока, творогу и хлѣба. Угощеніе не изысканное, но чисто—деревенское и сытное.

Однажды къ Сидоровнѣ, подъ вечеръ, пришли двѣ сосѣдки; по ихъ встревоженнымъ лицамъ видно было, что приключилось что-то необыкновенное: «Здравствуй, сосѣдка,» сказали онѣ.

— Здравствуйте, милости просимъ, отвѣчала Сидоровна, садитесь!

— Некогда, матушка, я забѣжала только за тѣмъ, чтобы потолковать съ тобою и посовѣтоваться.

«И я за тѣмъ же, Сидоровна, бѣда стряслась надъ нами; никого, пожалуй, не минуетъ; ты съ людьми много жила, въ городѣ всего наглядѣлась, помоги, матушка.

— Ничего не понимаю изъ словъ вашихъ, скажите, въ чемъ дѣло?

«Да вотъ, у Анисима, корова вчера захворала, а сегодня ужъ издохла,

— У Терентья, говорятъ, коровка тоже не весела, онъ такъ дрожкой дрожитъ, чтобы у него не пала; сама знаешь, у него пятеро дѣтей, а корова одна.

«Что же дѣлается съ коровами, чѣмъ онѣ заболѣваютъ?»

— А Богъ вѣдаетъ чѣмъ, я не знаю, у меня обѣ здоровы, Богъ миловалъ.

«Мнѣ говорили, что ѣсть перестала, жвачку потеряла и на тѣлѣ сдѣлался страшный волдырь; онъ не прорвался и корова такъ съ нимъ и пала.

— Господи, ужъ не сибирская ли язва, воскликнула Сидоровна: откуда это она зашла къ намъ, такъ, сама собою она не приходитъ, должно быть ее занесли. Я слыхала про эту болѣзнь, господа въ городѣ толковали и читали объ ней. Упаси, Боже, ежели это,—она, го, пожалуй, весь скотъ перемретъ!

«Да не только у насъ въ деревнѣ скотъ падаетъ, вотъ у сосѣдей, въ Сермягинѣ десять коровъ и пять лошадей въ двѣ недѣли пали, и у всѣхъ понадѣлались нарывы, али раны.

— Ну, такъ и ѣсть, вѣрно, сибирская язва; вотъ, не даромъ говорила я старостѣ, не позволяй гуртовщикамъ ночевать на деревенскомъ выгонѣ; это всегда они

заносятъ болѣзни по всѣмъ мѣстамъ; много я объ этомъ наслышалась.

«Такъ, такъ, матушка Сидоровна, первая-то корова заболѣла и пала на четвертый день послѣ того, какъ гуртъ останавливался подлѣ Сермягины: должно быть, твоя правда; а вотъ, намедни и у насъ на выгонѣ ночевали прогонные быки.

— Посовѣтуй, сосѣдушка, что намъ дѣлать.

«Я слыхала надобно въ городѣ купить какой-то хлорной воды, али хлорной извести и разсыпать ее по хлѣву и натирать ею голову и спину, давать коровамъ соли, селедку; или еще даютъ какую-то соль, только я не знаю какую. Но ежели ея нѣтъ, то давайте простую; надобно обходиться тѣмъ, что есть. Давайте, вывеземъ изъ дворовъ и хлѣвовъ весь поземъ, намажемъ дегтемъ коровкамъ головы и спины и будемте давать имъ побольше соли, да и селедокъможко давать.

— Будемте, будемте, отвѣчали сосѣдки.

«Теперь закусимъ, чѣмъ Богъ послалъ, сказала Сидоровна; покрыла столъ скатертью, очень грубою, но чистою, достала краюху хлѣба, изъ печи вытащила горшокъ съ теплыми щами, налила полную чашку и, положивъ на столъ деревянныя ложки, сказала: «милости просимъ, хлѣба соли—отвѣдать, не побрезгайте моей стряпней, садитесь и кушайте на здоровье!»

Сосѣдки помолились Богу, сѣли, взялись за ложки и всѣ трое начали ужинать, а разговоръ о наступающей бѣдѣ не прекращался и каждая давала свой совѣтъ.

«Надобно зажечь хворосту у входа въ деревню; пусть дымомъ обдуваетъ деревню и уноситъ всю хворобу.

— А по моему, сказала одна сосѣдка, лучше бы всего запрячь бабу—да дѣвку въ соху и опахать всю деревню.

Нѣтъ, гораздо лучше опахать деревню на черной и на бѣлой коровѣ, а чтобъ баба и дѣвка вели ихъ за рога, а маленькая девятилѣтняя дѣвчоночка шла за сохою.

— Или можно позвать изъ села священника и съ образами обойти вокругъ деревни, толковали сосѣдки. Дѣло бывалое; употребляютъ и то, и другое, и третье средство, а все какое нибудь, да поможетъ.

Сидоровна сидѣла, молча угощала словоохотливыхъ сосѣдокъ и въ ихъ тревожную болтовню не вмѣшивалась. У нея щемило сердце не меньше ихъ, она думала о своей Бровкѣ и опасалась за нее; ежели она пропадетъ, то съ нею и ей придется плохо; она, въ самомъ дѣлѣ, была ея кормилицей и безъ будетъ нея плохое житье. Новой коровы не начто заводить, для этого надобно около ста рублей, а у Сидоровны уже давно такой суммы не бывало въ рукахъ. Иногда у нея въ мысляхъ мелькало: «Богъ милостивъ, бѣда минуетъ меня: зачѣмъ же моей Бровкѣ пропадать, сдѣлаю все, что знаю, можетъ быть и сохраню ее, мою кормилицу. Не надобно терять надежды!

Сосѣдки ушли, но несчастная вѣсть, ими прине-

сенная, продолжала тревожить Сидоровну. Она пошла въ хлѣвъ, накормила ее селедкой, помазала дегтемъ голову, всю спину и крестецъ. Въ хлѣву поставила баклажку съ дегтемъ, перекрестила свою Бровку и поздно вечеромъ легла спать; но сонъ бѣжалъ отъ нея: ей все думалось о наступающей бѣдѣ.

Такъ прошло съ недѣлю, а бѣда все ближе и ближе подходила; въ деревнѣ уже пять коровъ пало и еще три заболѣли. Сидоровна каждый день ходила въ лѣсъ и приносила по охабкѣ валежнику, который вмѣстѣ съ поземомъ складывала у себя подъ окномъ, передъ воротами и вокругъ дома и зажигала. Куренье шло сильнѣйшее, ѣло глаза и щекотало въ носу. Бровку не пускала она больше въ поле, и держала ее во дворѣ, или въ огородѣ. Наконецъ падежъ увеличился еще и Сидоровна уже боялась выводить Бровку изъ хлѣва; ей казалось, что ея корова непремѣнно заразится, какъ только подышетъ воздухомъ, въ которомъ живутъ и дышутъ другія и особенно больныя коровы.

Но такое строгое заключеніе не нравилось Бровкѣ, и она постоянно выискивала средство уйти со двора; вмѣстѣ съ нею и Бѣлякъ; онъ тоже не привыкъ сидѣть дома и возмущался противъ заключенія, а одинъ, безъ Бровки, не хотѣлъ уходить. Сидоровна напрасно кормила корову и собаку особенно хорошо, но толку было мало; обѣ смотрѣли въ лѣсъ. Впрочемъ вороты и калитка всегда были заперты и тѣмъ отнимали всякую возможность бѣжать.

Но и Бровка не оставалась безъ дѣла, она упрямо преслѣдовала свою мысль и однажды утромъ, когда Сидоровна встала, нашла заднюю калитку въ садъ растворенную и ни Бровки, ни Бѣляка не было дома. Сидоровна въ испугѣ воскликнула: «ахъ, Боже мой, вѣдь, ушли и вѣрно въ поле къ другой скотинѣ; ахъ, заразится моя милая, ни за-что пропадетъ.»

Сидоровна, не разсуждая долго, пошла поскорѣе на выгонъ, нашла тамъ Бровку, а съ нею Бѣляка и привела ихъ домой. Дня черезъ три тоже самое повторилось; потомъ Бровка, еще разъ ушла но всякій разъ Сидоровна только крѣпче запирала ее даже продержала ее дома цѣлыхъ двѣ недѣли, послѣ послѣдняго побѣга. Сидоровна успокоилась, она думала: Бровка теперь привыкла и не уйдетъ больше, и перестала ее привязывать, что до сихъ поръ дѣлала. Пусть, по крайней мѣрѣ, ходитъ по двору и по огороду, все-жъ ей будетъ повеселѣе», думала Сидоровна, и цѣлый день не привязывала Бровки; она бродила по огороду, ѣла; но все посматривала вдаль и по временамъ глядѣла сквозь щели плетня и жалобно мычала. Бѣлякъ суетился вокругъ нея и своими прыжками и лаемъ выражалъ ей свое сочувствіе, или можетъ быть, приглашалъ на новый побѣгъ; языка животныхъ человѣкъ не понимаетъ, поэтому переговоры Бровки съ Бѣлякомъ остались неразгаданными, хотя, однакожъ, они, такъ оказалось, дѣйствовали заодно.

На ночь Сидоровна загнала Бровку въ хлѣвъ, а

на утро ея опять не нашла; хлѣвъ былъ отпертъ, калитка въ садъ тоже; но ея тамъ не было, за то одно мѣсто въ плетнѣ повалено и разломано тутъ-то корова ушла, это видно было по оставшимся на пескѣ слѣдамъ. Встревоженная Сидоровна бросилась искать ее; сначала на знакомомый выгонъ; тутъ паслась маленькая кучка, уцѣлѣвшая отъ большаго стада, да и между уцѣлѣвшими, двѣ коровы стояли понурыя, печальныя, очевидно больныя. Сидоровна быстрымъ взглядомъ окинула мѣстность, но Бровки и Бѣляка тутъ не было. Она отыскала пастуха и спросила:» не видалъ ли ты моей коровушки?

— Твоей-то, нѣтъ, не видалъ; она со стадомъ не выходила изъ деревни, я коровъ счетомъ принимаю, а твоей, тетушка, не принималъ.

«Я знаю, что ты не принималъ, потому что не я ее выпускала, она сама вышла, но не видалъ ли ты ея?»

— Гдѣжъ мнѣ видѣть; она къ стаду не приходила, а я отъ стада не отлучался, знать, видѣть не могъ.

Сидоровна посмотрѣла на стадечко, на больныхъ коровъ, вздохнула и сказала: «Поуменьшилось наше деревенское стадо, и вотъ еще кажется двѣ больныя коровы.»

— Да, стада на половину убыло; я говорилъ ужъ Антипу и Прохору, что ихъ коровы второй день, какъ не ѣдятъ, да они не хотятъ запирать ихъ; а другимъ-то отъ нихъ вредъ, да, что будешь дѣлать, плетью обуха не перешибешь.

— Пожалуйста, отгони мою корову, коли она къ стаду придетъ, не давай ей сходиться съ коровами; я ее нарочно ото всѣхъ отдѣляю, дома держу, чтобъ она не заразилась болѣзнію отъ другихъ, а она, какъ на зло сама ушла изъ дому либо утромъ, либо ночью, и я ее ищу, бѣгаю по полямъ. Пожалуйста, отгони ее.

«Пожалуй, отгоню, мнѣ ея не нужно, хоть какую-хочешь корову хвачу бичемъ такъ, что своихъ не узнаетъ и на вѣрное отъ стада со всѣхъ ногъ кинется. Глянь-ка, какой у меня бичъ, полторы сажени— вона—что.

— Хорошъ, хорошъ, прощай же, смотри же не позабудь, отгони!

— Ладно, ладно, отгоню!

Сидоровна опять побѣжала дальше, искала, искала и въ кустахъ, и въ яровомъ, и въ озимовомъ полѣ, и въ паровомъ, но нигдѣ не нашла Бровки; она кликала то ее, то Бѣляка, но ни собака, ни корова не откликались и нигдѣ не показывались. Солнце стояло высоко, когда она возвратилась въ деревню и поспѣшила домой, у нея мелькнула мысль: «она, вѣроятно, ужъ дома и, пожалуй, дожидается меня»! Но Бровки дома не было и она не дожидалась Сидоровны: о Бѣлякѣ тожене было ни слуху, ни духу, какъ въ сказкахъ говорится.

Сидоровна пошла по деревнѣ, изъ дома въ домъ и повсюду спрашивала о коровѣ, но никто, нигдѣ ея не видалъ; послѣ безполезнаго обхода, Сидоровна опять

принялась за свои поиски въ поляхъ и лугахъ, и вернулась домой только позднею ночью.

Она провела ее въ мучительной тревогѣ, въ слезахъ и глубокомъ горѣ; для нея потеря коровы равнялась потерѣ всѣхъ средствъ къ существованію. Особенно жаль было терять ее теперь, когда надобно было ожидать отъ нея теленка и слѣдовательно гораздо большаго количества молока. Бѣдная женщина во всю ночь не смыкала глазъ и все думала, думала, гдѣ бы искать. Лишь только день насталъ, она пошла къ сосѣдямъ, кланяясь имъ въ лѣсу, болотѣ и во всей округѣ.

Сидоровну любили, ея горю сочувствовали и потому человѣкъ десять мужиковъ и женщинъ разсыпались по лѣсу, аукали, звали, кричали, перекликались и шумѣли на десять верстъ въ округѣ и все таки не докричались не дозвались Бровки; она какъ въ воду канула. Трое сутокъ стонъ стоялъ надъ лѣсомъ и надъ полемъ: все искали корову и не отыскали ея. Несчастная Сидоровна не ѣла, не пила, вся пожелтѣла, осунулась, глаза раскраснѣлись отъ слезъ и она все-таки ничего не выплакала, ничего не выиграла. Только еще должна была израсходоваться: надобно было отблагодарить за помощь, послѣ трехъ дней неутомимыхъ и шумныхъ поисковъ; Сидоровна напекла пироговъ, наварила кеселя съ сытой, позвала всѣхъ закусить, поставила на столъ кушанье и нѣсколько бутылокъ пива принесла большой кусокъ масла и со сле-

зами положила его по срединѣ стола и сказала: на-те маслица, ужъ больше не буду я, видно, угощать молокомъ, и масломъ: покинула меня моя кормилица, осиротѣла я, горемышная.

— Удивительное дѣло, куда это она пропала? замѣтила сосѣдка.

— Кто знаетъ, можетъ быть волки съѣли, сказалъ одинъ мужикъ.

— Когда бы волки съѣли, мы нашли бы объѣдки, или кровь, или какой ни на есть другой знакъ; по моему скорѣе ее украли.

— Можетъ быть и украли, значитъ вмѣстѣ съ Бѣлякомъ украли, а поди—кто осмѣлится дотронуться до Бѣляка? у того должны быть двѣ кожи на тѣлѣ, потому что одну-то навѣрное онъ попортитъ, а можетъ быть и совсѣмъ загрызетъ. Я знаю, каковъ онъ.

— Что, видно, отвѣдалъ зубовъ Бѣляка?

— Да, всякое бываетъ, но не въ томъ дѣло: лучше посудите сами, братцы, куда дѣвалась корова? Сгинула, точно въ воду провалилась.

— Непонятное дѣло, обшарили мы всѣ углы и отъ нея и слѣдочка не отыскали.

— Что дѣлать, видно пропала, сказалъ самый пожилой изъ крестьянъ, видно Господь Богъ тебѣ такое горе послалъ, ну, ты и неси его, противъ Него не пойдешь: ты, Сидоровна, смотри, наши всѣ почти коровушки подохли отъ злого падежа скотскаго, ну, а ты свою берегла, она у тебя осталась здорова, да этого, видно,

не угодно было Богу; ну—такъ Онъ и сдѣлалъ, что она другимъ манеромъ пропала. Такъ и смотри на свое несчастье, что оно на тебя пришло по волѣ Божіей, не ропщи и покорись ей. Вотъ мой совѣтъ: неси свое горе, какъ мы несемъ свое, и ищи средствъ, какъ бы выйти изъ бѣды.

«Теперь же за твое угощенье, спасибо, пойдемте, братцы, домой; а ты, Сидоровна, не печалься, Богъ тебѣ поможетъ, ты добрая, ты заслуживаешь Его *помощи*.

Гости разошлись, а Сидоровна осталась съ своею печалью; она принималась за работу, но работа у нея съ рукъ не шла; ходила каждое утро по лугамъ и полямъ, отыскивая коровы, и нигдѣ не находила ея. Съ недѣлю продолжались поиски, одинаково безполезные. Сидоровна совсѣмъ упала духомъ; забота ѣла ее; грусть ея отразилась на всемъ окружающемъ; въ избѣ, какъ будто стало темнѣе; блистательная чистота померкла, посуда покрылась пылью, полотенце на образѣ не такъ часто перемѣнялось, какъ прежде. Во дворѣ было, правда, еще чище прежняго, но хлѣвъ стоялъ отворенный, тишина повсюду мертвенная, ни мычанья, ни лая, только постоянно голодныя и неотвязныя куры съ клоктаньемъ встрѣчаютъ хозяйку и бѣгутъ за нею, куда бы она ни пошла. Огородъ стоялъ въ полной своей прелести, но не радовалъ болѣе. Сидоровна, глядя на полныя гряды, печально шептала: «хороши вы, капуста, морковь, свекла и рѣпа, но что мнѣ въ вашей красотѣ, не придется мнѣ попользо-

ваться вами, не могу я остаться въ родномъ гнѣздѣ, придется мнѣ, на старости лѣтъ, опять идти въ чужіе люди и работать изъ-за куска хлѣба, а теперь, пожалуй, еще скажутъ — стара и не дадутъ мѣстечка. Господи Боже мой, а какъ хорошо, какъ привольно, какъ счастливо жила я здѣсь; всего у меня было въ волю и для себя, и для гостей. Вотъ, придетъ зима, пріѣдетъ покупщикъ за масломъ, въ послѣдній разъ отдамъ ему, что припасла отъ Бровки и скажу, чтобъ больше не навѣдывался ко мнѣ: нѣтъ у меня больше коровы, не откуда брать сметаны и масла!»

Такъ Сидоровна поминутно перебирала свое прошлое житье и тосковала. При такомъ настроеніи, работа у нея шла плохо, руки опускались, и она съ неохотой дѣлала даже то, безъ чего въ домѣ нельзя обойтись. Время шло и не только не приносило утѣшенія, но даже становилось тяжелѣе. Сидоровна исхудала, пожелтѣла и даже одѣваться стала не съ такою изысканною чистотою, какъ прежде. Когда знакомыя встрѣчались съ нею, ихъ обыкновенный вопросъ: «не нашлась ли Бровка?» еще болѣе раздражалъ ее и всякій разъ, ее какъ ножемъ полоснетъ при этомъ по сердцу.

Однажды, уже позднею осенью, когда всѣ сельскія работы были кончены и къ Сидоровнѣ во дворъ было всего, всего привезено, что ей приходилось получить, она особенно грустно сидѣла и смотрѣла на свои полные закромы, къ ней пришла одна изъ деревенскихъ знакомыхъ.

«Здравствуй, Сидоровна, какъ живешь и можешь? Я тебя ужь цѣлую недѣлю не видала и пришла провѣдать».

— Садись, Панкратьевна, что мое житье, сама знаешь тоска лютая сердце гложетъ.

— А что, неужто никакихъ вѣстей нѣтъ о Бровкѣ?

— Никакихъ, писемъ она мнѣ не пишетъ, откуда же быть вѣстямъ.

— Странное дѣло, какъ это она такъ пропала, вотъ уже полтора мѣсяца нѣтъ ея. Колесовскій Степанъ на дняхъ былъ у меня, мы разговорились о тебѣ; онъ сказывалъ, что подлѣ нихъ въ лѣсу волки какую-то корову заѣли, его сосѣдъ и кости, и рога, и копыта видѣлъ, ужь не Бровку ли заѣли?

— Можетъ быть, мнѣ-то отъ этого не легче, отвѣчала Сидоровна.

— Надо бы тебѣ сходить туда, мать моя, и посмотрѣть, не признаешь ли ее по рогамъ, или по копытамъ, тогда по крайней мѣрѣ сомнѣнія у тебя не будетъ.

— Оно такъ, сходить-то надобно: вотъ, дней пять тому назадъ щегринскіе мужики сказывали, что тоже видѣли въ лѣсу заѣденную корову; я пошла, посмотрѣла, но не моя, и хозяинъ ей нашелся. Косой Дмитрій два дня не находилъ своей коровы, а эта его и была. Мнѣ скорѣе сдается, что лихіе люди свели Бровку со двора. Тогда по всей округѣ скотъ падалъ и лишняя корова въ домѣ не потеря; можетъ быть ее, мою

голубушку, загнали верстъ за сто отсюда и больше, и продали. Лиходѣи чего-то не сдѣлаютъ.

— Правда, Сидоровна, правда, вотъ, помнишь какъ весною у Авдѣя увели лошадь, такъ ее нашли за полтораста верстъ; во вѣкъ бы не найти ея, ежели бы сынъ Авдѣя случайно не увидалъ ея и не призналъ. Можетъ быть, и съ твоей Бровкой то-же самое случится.

— Кто знаетъ? А я-то не знаю, какъ мнѣ теперь быть? что дѣлать?

— Что дѣлать, вѣстимо что: мой совѣтъ, купить какую ни на есть коровенку и жить, какъ жила.

— Вотъ въ томъ-то и бѣда, что не можно будетъ жить, какъ жила. Ты сама, Панкратьевна, разсуди. Я отъ Бровки продавала масло и сметану, и это мнѣ давало столько, что покупала и мяса, и платья, и всего, что у меня по хозяйству понадобится; а теперь, ежели и я бы скопила какихъ нибудь тридцать рублей, а это не легко, я бы корову-то имѣла, но ты знаешь, что отъ такой коровенки не только на продажу въ годъ не добудешь и десяти фунтовъ масла, но и для себя-то не достанешь молока; такая плохая коровенка плохо доится, въ день дастъ бутылку молока, а моя Бровка давала по цѣлому ведру. Сама понимаешь, разница какая.

— Что и говорить; но вѣдь мы-то живемъ и съ плохими коровами, а теперь особенно, когда почти весь скотъ палъ и изъ трехъ коровъ въ дому осталось по

одной, а въ иныхъ и ни одной, тогда еще хуже. А будемъ же мы, какъ нибудь перебиваться.

Задумалась Сидоровна: «Въ самомъ дѣлѣ, отчего жъ бы и мнѣ не попробовать и не перебиваться, какъ нибудь? Ежели люди живутъ, отчего же и мнѣ не жить?»

— Да, вы не то, сказала она: у васъ и мужья, и братья, и сыновья, все-таки скорѣе помогутъ, скорѣе чего нибудь добудутъ, а я одна, какъ перстъ, кто за меня похлопочетъ?

— Сосѣди не оставятъ. Намъ-то всѣмъ тоже не красная зима готовится, скота почти вовсе нѣтъ, и мы останемся одни. Вотъ мой мужъ, и сынъ, и сосѣди, всѣ собираются идти на заработки, а что толку въ заработкахъ; только что хлѣба не станутъ ѣсть за зиму, а ужъ чтобы денегъ какихъ прислали, или принесли домой, ужъ этого и не дожидайся!

— Ну, Панкратьевна, это ужъ неправда, ты выдумываешь. Я сама десять, аль пятнадцать лѣтъ прожила въ Петербургѣ и много насмотрѣлась и знаю, что каменьщикамъ, али плотникамъ, или другимъ какимъ рабочимъ хорошо платятъ и у нихъ всегда деньги водятся.

— Можетъ быть, они въ самомъ дѣлѣ много выработываютъ, но домой-то ничего не приносятъ, а все тамъ и оставляютъ по трактирамъ и по распивочнымъ лавкамъ. Хвалятся наши мужики, слыхала я не разъ, какъ разсказываютъ о томъ, какъ пируютъ, да

веселятся и деньги тратятъ. Не только мужчины, но и дѣвушки, которыя въ городъ идутъ въ работницы, и отъ нихъ толку мало. Эти, правда, не пьютъ, по трактирамъ не ходятъ, за то все тратятъ на наряды, на платья да на всякое тряпье, а домой тоже ничего не посылаютъ.

— Ну, ты, Панкратьевна, что-то взъѣлась на городскую жизнь, а я вотъ подумываю о томъ, чтобы распродать свои запасы, собрать платьишки и бѣлье, да и пойти въ Петербургъ и служить, и работать тамъ до тѣхъ поръ, пока опять накоплю столько, чтобы купить себѣ вторую Бровку, и тогда опять вернусь и буду жить по старому.

— А домъ-то какъ, а хозяйство?

— Домъ запру, заколочу досками, ворота тоже, а хозяйство свое—ложки, плошки, ведра, кадки и кадушки перенесу, хоть къ тебѣ, Панкратьевна, али къ кому другому изъ сосѣдей, поклонюсь низенько и попрошу поберечь до поры, до времени, до моего возвращенья.

— Какъ знаешь, Сидоровна, ты въ своемъ дѣлѣ лучше всякаго разсудишь, а я бы попытала пожить съ плохой коровенкой. Вотъ, Потапъ продаетъ свою, двадцать рублей всего проситъ, сколько нибудь молока все-таки дастъ, хоть самой поѣсть, ужъ продавать отъ нея нечего, я знаю. А когда ты уѣдешь, вещи раздашь, то неизвѣстно, что найдешь когда вернешься; безъ своего глаза, вѣстимо, растащатъ, не найдешь ни стеколъ въ окнахъ, ни дверей на петляхъ, до всего найдутся охотники, а изба безъ хо-

зяйскаго глаза все равно, что возъ безъ призора на большой дорогѣ: кто мимо идетъ, тотъ и стащитъ, что нибудь; по одному лыку, по одному полѣнцу можно не вѣсть сколько растаскать.

— Это я знаю; вотъ, поэтому-то меня раздумье и беретъ, да участь-то моя горькая—не знаю, какъ быть. Спасать себя надобно тогда, когда еще не совсѣмъ опустился человѣкъ, а я чувствую, безъ коровы я опущусь, обѣднѣю и тогда ужъ не помогу себѣ больше; дороже всего время: ежели пропустить его, тогда и все пропадетъ. Съ тѣхъ поръ, какъ Бровка пропала, я о многомъ думала и передумала и пришла къ тому, что мнѣ надобно опять идти на службу и работать годъ—другой, чтобы скопить денегъ на новую коровушку-кормилицу и тогда вернуться сюда и доживать свой вѣкъ.

— Пожалуй, такъ лучше, отвѣчала Панкратьевна, я приберегу тебѣ твой скарбъ хозяйственный; у меня есть пустой чуланъ, сложимъ все туда и пусть останется лежать, пока ты не вернешься сюда

— Хорошо, спасибо.

Съ этого дня Сидоровна начала приготовляться къ тому, чтобы поступить опять кухаркой, или нянькой куда нибудь въ городское семейство, лучше бы всего къ знакомымъ; и она написала уже письмо къ господамъ, у которыхъ она служила десять лѣтъ, и просила пріискать ей мѣсто. Сама же, между тѣмъ, оцѣнивала свое имущество, но не находила покупщиковъ;

въ деревнѣ у крестьянъ никогда почти нѣтъ наличныхъ денегъ, поэтому-то на зимніе запасы Сидоровны и не находилось покупщиковъ. Она ходила къ самому зажиточному изъ всѣхъ и тотъ сказалъ ей: «Матушка Сидоровна, знаю, ты ведешь хозяйство хорошо на удивленье всякому и твои запасы хороши и слова нѣтъ, но купить ихъ не могу: у меня до зимняго Николы денегъ не будетъ, а я для тебя вотъ что могу сдѣлать: все что ты продаешь, мы взвѣсимъ, смѣряемъ, сосчитаемъ и запишемъ на бумагу и въ волости заявимъ, а я тебѣ, когда ты вернешься домой, все отдамъ сполна такое же хорошее и тѣмъ же вѣсомъ и мѣрою. Согласна ли? Такъ по рукамъ.»

— Я подумаю и приду къ тебѣ, Архипъ Петровичъ, съ отвѣтомъ.

Сидоровна въ душѣ была согласна, но ей ужасно трудно было рѣшиться уѣхать и покинуть свой домъ; она съ намѣреніемъ оттягивала время; ей трудно было оторваться отъ своей счастливой жизни и вновь сдѣлаться бездомовной работницей.

Возвратившись отъ нереговоровъ съ Архипомъ Петровичемъ, она, какъ потерянная, ходила по дому изъ угла въ уголъ, поднимала каждую кадочку, осматривала каждую чашку, горшокъ, сковороду и какъ бы прощалась съ нею; съ каждою вещью у нея связывалось воспоминаніе, частица ея существованія, и потому отрываться отъ всего окружающаго, равнялось болѣзненной операціи, отъ которой сердце ея облива-

лось кровью и слезами. Въ такой пыткѣ прошелъ цѣлый день. Стало вечерѣть. Сидоровна не зажгла свѣчки и сидѣла на своемъ кожаномъ креслѣ, облокотившись руками на столъ и уткнувъ голову въ ладони. Вдругъ ей вдали почудился знакомый лай Бѣляка и еще болѣе знакомое мычанье Бровки; она вздрогнула, подняла голову, прислушалась: нѣтъ, все тихо, и Господи Боже мой, оттого, что я все думаю и печалюсь, сказала она, у меня начинаютъ мысли мутиться и начинаетъ на яву мерещиться то, о чемъ думаю. Спаси меня, Боже, отъ помѣшательства!» и Сидоровна опять сѣла на свое мѣсто и облокотилась на столъ. Опять лай и опять мычанье, но гораздо ближе прежняго. Сидоровна вскочила, задрожавъ всѣми членами. «Съ нами крестная сила, что это?» воскликнула она.

Вотъ опять лай, веселый, продолжительный, радостный и вслѣдъ за нимъ мычанье—точь-въ-точь Бровкино, какъ она мычала, когда возвращалась съ поля; вотъ, будто рогами ударилась въ калитку.

Сидоровна стояла и тряслась: она не знала, что это на яву, или во снѣ, или ужъ не начинается-ли сумашествіе? Лай повторялся отъ времени до времени, какъ послѣ тщетнаго выжиданья, и корова мычала и рогами продолжала толкаться въ ворота.

Сидоровна собрала всѣ свои силы и поплелась къ воротамъ; у нея шумѣло въ ушахъ, стучало въ головѣ, сердце замирало; ноги тряслись до того, что она едва могла идти. Бѣлякъ, почуявъ прибли-

женіе хозяйки, изо всѣхъ силъ скребся въ калитку и визжалъ, и лаялъ, и задыхался отъ песьяго восторга.

«Вѣдь, это не мерещится мнѣ, это Бѣлякъ, я узнаю его лай и визгъ. Неужели съ нимъ моя Бровка, моя радость, моя кормилица!» Восклицая такъ, Сидоровна дрожащими руками, никакъ не могла отворить засова у калитки; наконецъ догадалась, вытащила закладку изъ воротной скобы и распахнула ворота. Къ ней кинулся Бѣлякъ, съ такою неистовою ласкою, что сшибъ ее съ ногъ и вылизалъ ей лицо, руки, глаза, носъ, уши. Въ потемкахъ, Сидоровна ничего не могла хорошенько разглядѣть, чувствовала только, что корова ткнула ей въ лицо своею холодною, мокрою мордой и лизнула своимъ шаршавымъ языкомъ.

Сидоровна стояла какъ опьянѣлая, она видѣла, что ея Бровка тутъ; правда, не видала, потому что въ крытомъ дворѣ было темно, какъ ночью, но чувствовала присутствіе милой коровы, слышала, какъ она пошла прямо къ своему давно-знакомому хлѣву.

Бѣлякъ все еще не успокоился и старался лаемъ, визгомъ и неистовыми скачками, выразить свою радость; и этого Сидоровна не видала, а чувствовала, потому что онъ опять чуть-чуть не уронилъ ее.

Сидоровна вошла къ себѣ въ комнату, достала фонарь, поставила свѣчку и зажгла ее. Ей хотѣлось поскорѣе посмотрѣть на свою Бровку. Бѣлякъ бѣжитъ вмѣстѣ съ нею въ хлѣвъ, какъ будто хозяинъ, который показываетъ свою корову. Сидоровна съ пер-

ваго взгляда признала свою Бровку—сытую, здоровую, лоснящуюся и веселую, подлѣ нея телочка, какъ двѣ капли воды, похожая на мать. Это неожиданное зрѣлище привело Сидоровну въ неописанный восторгъ — Она то цѣловала Бровку, то обнимала телочку, при этомъ не забывала также и Бѣляка, который суетился и теръ свою огромную голову объ ея колѣни, или подпрыгивалъ своими неуклюжими лапищами. Бровка и телочка видно сжилися съ Бѣлякомъ и нисколько не пугались, когда онъ ихъ лизалъ въ морды и въ глаза.

Сидоровна всю ночь не могла глазъ сомкнуть, поминутно ходила въ хлѣвъ, чтобы удостовѣриться, тутъ-ли Бровка?

Утромъ, она еще разъ пошла къ ней, отнесла ей самаго лучшаго сѣна и пойла, захватила съ собою краюху хлѣба, чтобы показать Бровкѣ, какъ ей дома рады. Сидоровна подумала, не пропало ли у нея молоко, надобно попробовать: взяла съ собою подойникъ, покормила корову, дала ей обычнаго вкуснаго пойла и хлѣба, но когда хотѣла доить ее, она съ какимъ-то изумленіемъ смотрѣла на Сидоровну; очевидно было, что уже давно никто не доилъ ея, и молока было меньше обыкновеннаго. «Ну, это понятно, сказала Сидоровна себѣ, молоко выпивалъ теленокъ, да и этого молока не возьму, на, голубушка пей, сказала она, выливая надоенное молоко въ чашку, я твоей доли не хочу, пей сама!» Телочка боялась

чашки, не подходила къ ней и пугливо сторонилась отъ нея; но ласками, послѣ долгихъ хлопотъ, удалось заставить ее пить. Сидоровна не могла насмотрѣться на свою корову и на телочку, ей казалось, что лучше ихъ нѣтъ на свѣтѣ; и въ самомъ дѣлѣ, телочка была поразительно красива: надъ крутымъ лбомъ торчали уже маленькіе рожки; цвѣтъ шерсти былъ такой же рыжекрасный, какъ у матери, ноги бѣлыя, копыта черныя маленькія, какъ точеныя, такія, какія бываютъ только у горныхъ породъ, или у такихъ, корыя выросли на твердой, каменистой, даже не песчаной почвѣ. Глаза свѣтлые, умные съ длинными темными рѣсницами; однимъ словомъ, телочка, по красотѣ своей, походила на мать. Сидоровна тотчасъ устроила загородку подлѣ Бровки, въ которую посадила *Дорогую*, какъ она назвала телочку; чтобы отучить ее постоянно быть при матери и пріучить ѣсть по извѣстнымъ срокамъ, что было крайне нужно для того, чтобы опять пользоваться молокомъ отъ Бровки.

Хлопотъ съ телочкой и съ Бровкой было очень много, такъ что въ первый день, Сидоровна не обѣдала и почти не выходила изъ хлѣва, только отлучалась за кормомъ *скотинкѣ* и Бѣляку. Вечеромъ, когда она могла успокоиться, то пошла въ свою избу, зажгла лампадку передъ образомъ, какъ въ большой праздникъ, бросилась на колѣни и долго, и жарко молилась Богу, и благодарила Его за оказанную ей милость. Она не произносила словъ какой нибудь осо

бенной молитвы, а читала свои обычныя ежедневныя, но произносила слова съ глубокимъ чувствомъ, со слезами, и послѣ каждой оконченной молитвы, только прибавляла: «Благодарю Тебя, милосердый Боже, благодарю Тебя!»

Ночь провела она спокойно; на слѣдующее утро, покончивъ свои обычныя занятія по дому, пошла къ Архипу Петровичу и сказала ему:

— Пришла тебя благодарить, Архипъ Петровичъ, за твое участіе ко мнѣ; мнѣ ужъ больше, слава Тебѣ, Господи, не нужно продавать запасовъ, не нужно покидать своего роднаго, милаго угла.

— Отчего же это, Сидоровна? Развѣ ты нечаянно разбогатѣла? Развѣ кладъ нашла?

— Я не разбогатѣла, Архипъ Петровичъ, но ежели милость Божія будетъ, то кладъ нашла. Моя Бровка домой вернулась и привела съ собою свою телушечку, такую же красивую какъ сама, и ежели Богъ дастъ выростить ее, то у меня будутъ двѣ коровушки, двѣ кормилицы, и я тогда, по истиннѣ могу сказать, что кладъ нашла.

— Гдѣ жъ была твоя корова?

— Не знаю, гдѣ, только вернулась вчера вечеромъ и собака моя Бѣлякъ съ ними прибѣжала. Ужь я думала, думала и не придумаю, откуда это онѣ явилися? Иногда мнѣ сдается, что когда у насъ былъ скотской падежъ, и я такъ строго смотрѣла за своей коровой, не выпускала ея, когда же она уходила, то

опять приводила домой и еще крѣпче запирала то это все ей надоѣло, она у меня всегда была корова нравная (капризная) и привередливая, вотъ она сама и ушла. Чтобъ я ея опять не запирала, она не пошла въ стадо, откуда я ее домой приводила, а пошла въ лѣсъ куданибудь, да и запряталась тамъ.

— Можетъ быть и такъ, отвѣчалъ Архипъ, скотина куда какъ умна и догадлива; значитъ тамъ она и отелилась?

— Вѣрно что такъ; самъ знаешь, лѣса у насъ большіе такіе, что и человѣческая нога въ нихъ не бывала. Я слыхивалъ отъ отца своего, который разъ въ нашемъ лѣсу заплутался и цѣлую недѣлю пробродилъ и выйти не могъ, что въ лѣсу отличныя поляны съ травою и ручьями, и живыми ключами. Кто знаетъ, можетъ быть корова твоя и была на этихъ полянахъ и прожила тамъ цѣлое лѣто, а теперь, какъ холодная осень настала, когда травы стало меньше и она хуже, вспомнила о своемъ тепломъ хлѣвѣ, о пойлѣ и кормѣ, и пришла домой. Ну, дай тебѣ Богъ счастье, очень радъ, что тебѣ нѣтъ надобности продавать своихъ запасовъ; я радъ, что не потеряю доброй сосѣдки, у которой могу провести зимній вечеръ.

Сидоровна пошла домой и по дорогѣ сообщила свою радость двумъ-тремъ сосѣдкамъ, онѣ въ свою очередь подивились, порадовались, и пустились распространять это извѣстіе изъ дома въ домъ. Вскорѣ вся деревня уже знала о чудесномъ возвращеніи

Бровки, и всякій дѣлалъ свои предположенія и высказывалъ свои догадки.

Въ избѣ у Садоровны былъ—точно толкучій рынокъ, калитка поминутно отворялась и затворялась предъ посѣтительницами, а Бѣлякъ цѣлый день не переставалъ встрѣчать приходящихъ своимъ грознымъ ворчаньемъ и глухимъ сердитымъ лаемъ.

Каждая изъ сосѣдокъ, знакомыхъ и пріятельницъ Сидоровны, шла съ нею въ хлѣвъ, смотрѣла, осматривала Бровку и телочку со всѣхъ сторонъ, дивилась и говорила: «думаю, ее кто-нибудь увелъ къ себѣ, подержалъ, подержалъ, да и выпустилъ.

— А я думаю, прибавляла другая, лѣшій, или русалка какая завела ее въ лѣсъ, закружила, закружила да и держала тамъ цѣлое лѣто; тамъ у нея и теленочекъ явился, а къ осени ее и отпустили.

— Что вздоръ-то толковать о лѣшихъ и русалкахъ, прерывала третья, развѣ ты не помнишь, отецъ Гавріилъ говорилъ, что никакихъ лѣшихъ и русалокъ нѣтъ, а я думаю, ее увелъ какой-нибудь мужикъ, пасечникъ, продержалъ цѣлое лѣто, попользовался молокомъ, да и отпустилъ ее осенью, зимою-то, вишь ты, кормить нечемъ.

— Ежели бы такъ, то онъ съѣлъ бы, или продалъ и корову, и теленка.

— Нѣтъ, тетушка, воровствомъ пасечникъ никакой заниматься не станетъ. Развѣ ты не слыхивала, ежели пасечникъ, что ни-на-есть худое сдѣлаетъ, у него

пчелы станутъ помирать, а ежели не перемрутъ, то его заѣдятъ. Нѣтъ, пасечникъ долженъ быть человѣкъ честный и порядочный, онъ чужой коровы не заведетъ къ себѣ.

Такъ всякая толковала по своему непонятный случай съ коровой. Сидоровна меньше всѣхъ старалась объяснить себѣ то, чего не могла съ достовѣрностію узнать, но она отъ всей души радовалась возвращенію своей любимицы и старалась своею любовію и заботливымъ уходомъ за ней, привязать ее къ себѣ и къ дому такъ, чтобы ей впередъ не приходило на умъ оставлять человѣческаго жилья и въ лѣсу искать себѣ пріюта и пропитанія.

Божіе внушеніе.

СЦЕНА ИЗЪ ПОЖАРА ВЪ ОРЛѢ.

Орелъ—одинъ изъ нашихъ богатыхъ и красивыхъ губернскихъ городовъ; жители его ведутъ большую торговлю хлѣбомъ, а потому очень богаты. Въ городѣ много большихъ каменныхъ домовъ; улицы прямыя; съ обѣихъ сторонъ стоятъ зданія, которыя по своей красотѣ могли бы занять не послѣднее мѣсто и на петербургскихъ улицахъ.

Но не весь городъ каменный, не всѣ улицы красивы и прямы: есть много построекъ деревянныхъ и не рѣдко рядомъ съ красивымъ каменнымъ, или деревяннымъ домомъ стоитъ такая лачужка, какой нельзя увидѣть даже на Петербургской, или на Выборгской сторонѣ и которой даже на Охтѣ не было бы мѣста.

Въ 1848 году въ Орлѣ такихъ лачужекъ было много особенно послѣ ужаснаго пожара, отъ котораго сгорѣло болѣе 700 домовъ, и богатыхъ каменныхъ и бѣдныхъ деревянныхъ; городъ долгое время не отстраивался, и въ теченіе многихъ лѣтъ, виднѣлись слѣды ужаснаго несчас-

тія: повсюду торчали обгорѣлыя трубы и стояли каменныя стѣны безъ крышъ, оконъ и дверей, закоптѣвшія и прогорѣвшія такъ, что даже и кирпичи не годились.

Но теперь, Орелъ опять отстроился и сталъ красивѣе прежняго, а желѣзная дорога еще усилила его торговлю. Нашъ разсказъ происходитъ въ Орлѣ до пожара. Тамъ, въ одномъ изъ узенькихъ переулочковъ, стоялъ чистенькій, небольшой деревянный домъ, въ три окошка на улицу, окрашенный въ сѣрую краску; его красная крыша, бѣлая труба и весь привѣтливый видъ вообще показывали порядокъ и довольство. Передъ домомъ былъ палисадникъ и въ немъ кусты сирени, грядка съ настурціями, капуцинами и ноготками. Чистыя оконныя стекла до половины закрывались чистыми же кисейными занавѣсками.

Снаружи пріятно было взглянуть на домикъ; казалось, что жить въ немъ уютно, тепло и мирно. И чувство это еще усилилось бы, ежели бы посмотрѣть въ домъ и познакомиться съ его жителями. Тутъ жило семейство небогатаго, но очень порядочнаго ремесленника. Мужъ и жена работали и добывали столько, что могли прокормить себя, двухъ дѣтей и старую бабушку, полуслѣпую и полуглухую, да сверхъ того исправно вносить городскія повинности, какія приходились на ихъ долю, и поддерживать свой домъ,

Мужъ, Петръ Ильичъ, былъ хорошій столяръ-краснодеревщикъ, но работалъ дома только по праздникамъ, а въ будни ходилъ въ большую мастерскую

къ нѣмцу—столяру и получалъ отъ него хорошую плату, потому что былъ лучшій работникъ въ городѣ; его даже не называли какимъ-нибудь уменьшительнымъ именемъ Петей, или Петрушкой, какъ это всегда бываетъ между мастеровыми, но всѣ работники и даже самъ хозяинъ величали его Петромъ Ильичемъ.

По воскресеньямъ и праздникамъ, онъ не ходилъ по трактирамъ, или питейнымъ домамъ, а все что-нибудь мастерилъ, или на продажу, или для дома; поэтому, не смотря на пословицу, по которой—сапожникъ—безъ сапоговъ,—а столяръ безъ стула и стола, у него мебель была отличная не изъ дорогаго дерева, а просто березовая, но сдѣланная изящно, по самымъ новымъ рисункамъ, обитая простымъ ситцемъ, но очень чистая и акуратная.

Въ домѣ все было, какъ съ иголочки, все размѣщено удобно и красиво: весь домъ, какъ мы уже говорили, былъ маленькій, всего три окна на улицу; онъ раздѣлялся на четыре комнаты и сѣни посерединѣ; входъ со двора. Отъ крылечка до калитки настланъ былъ очень чистый помостъ и отдѣлявшійся перильцами отъ двора. Изъ сѣней трое дверей вели: на лѣво въ большую, чистую горницу съ двумя окнами на улицу. Тутъ стоялъ диванъ съ круглымъ столомъ, шесть креселъ и столько же стульевъ; между окнами маленькое продолговатое зеркальце, а подъ нимъ столикъ: въ углу комодъ, и противъ него, въ другомъ углу—шкафъ со стеклами, за которыми виднѣлись

фарфоровыя чашки, чайники, солонки, масляница и лоточекъ для сухарей и хлѣба. На полкѣ висѣли шесть серебряныхъ чайныхъ ложекъ и ситечко и шесть столовыхъ ложекъ, съ суповою мельхіоровою ложкою. Стаканы, рюмки, графины и т. п. стеклянная посуда стояла на нижней полкѣ.

Прямо дверь вела во вторую комнату, это была и спальная и дѣтская. Кромѣ большой кровати тутъ стояла маленькая, для старшей пятилѣтней дочери и колыбель для маленькаго шести-мѣсячнаго сына. Въ третьей комнатѣ была мастерская Петра Ильича; тутъ стоялъ верстакъ и висѣли его инструменты, а въ углу стояла кровать съ ситцевымъ пологомъ; здѣсь спала старуха бабушка. Четвертая комната была настоящею жилою комнатою для семьи; тутъ была русская печка, съ плитою, стоялъ бѣлый, чистый обѣденный столъ и стулья.

Здѣсь семейство преимущественно собиралось; въ горницу — т. е. въ чистую гостиную, ходили только за тѣмъ, чтобы убирать ее и въ ней принимали гостей, особенно почетныхъ, но ежели кто приходилъ запросто, то шелъ прямо въ кухню.

Жена Петра Ильича занималась шитьемъ, брала на домъ тонкую работу, а иногда ходила работать къ богатымъ на домъ, особенно, когда приходилось шить такія вещи, которыхъ брать домой опасно; можно сдѣлать пятно и все испортить, но Марья, такъ звали жену, неохотно ходила работать изъ дому,

дѣтей не хотѣлось оставлять и лучше брала за работу подешевле, лишь бы не уходить изъ дому.

Она страстно любила своихъ дѣтей; и дочь ея составляла для нея не только забаву, но истинную радость и утѣшеніе; пятилѣтняя Таня была умна не по годамъ; она сама, глядя только на мать, выучилась премило шить, и по цѣлымъ часамъ сидѣла у матери на скамѣечкѣ и шила платье куклѣ. У матери всегда бывали лоскутки и обрѣзки; она ихъ отдавала Танѣ и та изъ нихъ мастерила, хотя нѣсколько пестрыя и не совсѣмъ красивыя платья, однакожъ шила ихъ акуратно и пригоняла такъ, какъ мать, бывало, пригоняетъ на тѣхъ, кому шьетъ.

Таня очень любила своего маленькаго братишку Ѳедю, таскала его по комнатѣ, убаюкивала, или играла съ нимъ такъ мило, что бабушкѣ иногда можно было уходить на цѣлый день и знать навѣрное, что дѣти не будутъ мѣшать матери.

Надобно замѣтить, что глухая бабушка до страсти любила ходить по загороднымъ монастырямъ, и иногда не возвращалась по недѣлямъ и больше. Она была очень слаба ногами, но не могла побѣдить въ себѣ страсти къ странствіямъ, и иногда по недѣлѣ употребляла на то, на что молодой и здоровый человѣкъ употребитъ не болѣе двухъ дней.

Эта страсть иногда бывала очень неудобна для Марьи, особенно, когда ей надобно было уходить ра-

ботать въ чужой домъ, гдѣ бывала какая нибудь очень спѣшная работа и гдѣ за нее дорого платили.

Лѣто стояло очень жаркое; солнце палило такъ, что по улицамъ, особенно мощенымъ камнемъ, и между рядами каменныхъ домовъ ходить было душно. Даже по вечерамъ не было прохлады; весь воздухъ до того раскалился, что и по ночамъ не остывалъ; рѣка Орликъ до того обмелѣла, что въ любомъ мѣстѣ черезъ нее можно было перейти въ бродъ не только людямъ, но и курамъ.

Петръ Ильичъ возвратился домой поздно вечеромъ, усталый и истомленный работой; Марья дожидалась его, ей надобно было посовѣтоваться съ мужемъ.

Самоваръ кипѣлъ; чай былъ уже готовъ. Петръ Ильичъ поцѣловалъ Таню, которая еще не спала, посадилъ ее къ себѣ на колѣни и спросилъ: «что, моя маленькая хозяюшка, какъ ты себя сегодня вела, помогала ли матери, няньчила ли братишку? Гдѣ бабушка, пѣла ли ты ей свои пѣсенки?»

Таня прижала свою миленькую темнокудрую головку къ отцу и отвѣчала только на послѣдній вопросъ: «баба пошла Богу молиться и придетъ черезъ недѣлю.»

На остальные вопросы отвѣчала мать: «я Таней довольна; она мнѣ помогала, она все равно, что моя правая рука; сегодня маленькій Саша цѣлый день безпокоился и мѣшалъ бы работать, ежели бы Таня не успокоивала, не занимала и не убаюкивала его; долж-

но быть, у него зубы идутъ, оттого онъ и блажитъ. На тебѣ чаю, Таня, пей и ступай себѣ спать; ты, я думаю, устала за день, видишь, какая ты стала блѣдненькая: или ты не здорова, не болитъ что-нибудь — головка, или еще что-нибудь?»

— Ничего у меня не болитъ, мама, а только спать хочется.

— Ну, милая, ты кончила свой чай, поцѣлуй насъ, помолись Богу и ступай спать, вотъ, я тебя раздѣну.—сказала мать, пошла, уложила дочь, перекрестила ее и вернулась къ мужу.

— Да, Господь благословилъ насъ Таней, славная дѣвочка: не будь ея, я иногда просто не знала бы, какъ быть съ Сашей, работать надобно, а онъ то и дѣло плачетъ; Таня отлично возится съ нимъ. Въ послѣднее время матушка, какъ нарочно, вовсе дома не сидитъ, все ходитъ по окрестнымъ монастырямъ и помощи отъ нея по дому совсѣмъ нѣтъ никакой.

— Чтожъ дѣлать, она на своемъ вѣку поработала; насъ было у нея шесть человѣкъ, когда отецъ померъ, и всѣхъ насъ она подняла на ноги, выкормила, выростила, научила добру, въ люди вывела; чего жъ отъ нея еще требовать, теперь ей можно отдохнуть и пожить въ свое удовольствіе; гдѣ жъ ей еще съ внуками возиться, отъ нея нельзя и требовать, и мы должны ее уважать, покоить и не заставлять работать; вотъ, что!

— Это такъ, Петръ Ильичъ, я только такъ сказа-

ла къ слову, потому что мнѣ теперь-то именно и есть нужда въ ея помощи... У богатаго—разбогатаго купца Севастьянова, на прошлой недѣлѣ помолвили дочь; вотъ, меня и зовутъ туда приданое шить, даютъ по рублю въ день. Цѣна, какъ самъ видишь, знатная; не хотѣлось бы упустить, а между тѣмъ не знаю, какъ мнѣ дѣтей оставить дома безъ призора; будь матушка дома, я бы и *охъ* не молвила, а теперь дожидалась тебя, чтобы посовѣтоваться, приказали завтра придти съ отвѣтомъ.

— Нельзя ли работу взять на домъ, пусть бы платили поштучно!

— То-то и есть, что не соглашаются; у нихъ шьютъ бѣлье, все тонкое, голландское и батистовое, каждая штука стоитъ большихъ денегъ, поэтому и сказали, что никому на домъ отдавать не будутъ, потому что ежели одной дать и другая захочетъ, а обидѣть никого не захотятъ; а это обидно, ежели къ одной будетъ довѣріе, а къ другой—нѣтъ.

— Такъ, такъ, сказалъ подумавъ Петръ Ильичъ, хоть для насъ можно бы сдѣлать исключеніе, но требовать его мы не имѣемъ права.

То-то и есть; и я такъ разсуждала: но, посовѣтуй мнѣ, какъ же намъ быть? Не хотѣлось бы потерять лишній рубль, особенно дѣло идетъ къ осени всякаго запасу и всякой зимней одежды нужно. Тамъ плакать не будутъ, ежели я откажусь, на мое мѣсто найдутся десятки, а мнѣ такой выгодной работы поискать.

— Знаешь ли, попросимъ сосѣдку Ефимовну, присматривать за нашими ребятишками; она и печку истопитъ и кушанье изготовитъ, пока матушки не будетъ. Положимъ Ефимовнѣ копѣекъ по пятнадцати въ день, она между дѣломъ и будетъ присматривать за дѣтьми; то повозится съ Сашей, то дастъ ему рожекъ съ молокомъ, когда плакать начнетъ, а ты можешь выговорить себѣ позволеніе, по разу въ день, въ полдень приходить домой, чтобы покормить дѣтей и поглядѣть на нихъ; тутъ не слишкомъ далеко.

— Надобно посмотрѣть, согласится ли Ефимовна.

— Какъ не согласиться? вѣдь деньги будетъ получать почти что ни зачто, она же никакой работой не занимается, ходитъ за своими коровами и копается въ огородѣ. Ну, отъ этой работы всегда можно урвать часокъ времени и подѣлать, что у насъ нужно, а днемъ дѣти могутъ быть и при ней, на огородѣ.

Такъ мужъ и жена порѣшили насчетъ того, что бы ходить работать изъ дому. На слѣдующій день увидѣлись съ Ефимовной и уговорились съ нею; она очень охотно взялась смотрѣть за дѣтьми и за хозяйствомъ Петра Ильича и Марьи Ивановны.

Дней пять все шло отлично, благодаря Танѣ; Ефимовна, правда, топила печку, варила, и жарила, и пекла, что ей приказывали; но этимъ и ограничивалась ея заботливость о дѣтяхъ. Она не приходила посмотрѣть, что они дѣлаютъ, и даже тогда, когда Таня съ своимъ братомъ приходила къ ней на огородъ она

мало обращала на нихъ вниманія и только, когда Саша очень расплачется, возьметъ его на руки, покачаетъ, убаюкаетъ и лишь заснетъ, отдастъ Танѣ со словами: «неси домой и положи въ колыбельку, да покачай.»

Въ одинъ день мать и отецъ встали раньше обыкновеннаго; была такая духота, что спать нельзя было: но дѣти не чувствовали жара, и спали разметавшись.

— Ну, сегодня жутко будетъ работать, сказалъ Петръ Ильичъ, на дворѣ кажется, будетъ еще душнѣе вчерашняго, а у насъ работать ужасно трудно, рабочихъ много, воздухъ спертой, пропитанный испареніями; къ тому же, главный подмастерье нѣмецъ боится простуды, нельзя сдѣлать сквознаго вѣтра, пищитъ, точно будто онъ изъ пуха, и разлетится отъ сквознаго вѣтра.

— Да, сегодня, трудно будетъ работать и мнѣ, особенно голову мою что-то ломитъ и у меня въ ней такъ и трещитъ, должно быть отъ жару.

— Вѣроятно отъ жару; мой совѣтъ тебѣ, сегодня остаться дома и отдохнуть, работа не уйдетъ.

— То-то и есть, что уйдетъ, намъ двоимъ только и платятъ по рублю въ день, а всѣмъ остальнымъ по полтиннику, но и работу намъ даютъ все ровную, такъ что мы шьемъ взапуски одна передъ другой, кто лучше и скорѣе: значитъ мнѣ дома оставаться не приходится, а не-то она меня обгонитъ. И еще

оставаться изъ-за того только, что устала, вишь невидаль какая, нѣтъ, хоть голова болитъ и жарко, а я все-таки пойду деньгу зашибать.

— Ну, какъ хочешь и какъ знаешь. Теперь, давай завтракать, хлебнемъ чаю да и пойдемъ за нашими дѣлами.

Мать и отецъ подняли дѣтей, накормили ихъ, попрощались съ ними и пошли каждый въ свое мѣсто. Ефимовна пришла и занялась уборкой и стряпней, а Таня сидѣла подъ окномъ, ногой качала колыбель, а въ рукахъ держала куклу и примѣривала ей платье и только-что сдѣланную ей шляпку. Ефимовна состряпала обѣдъ, закрыла печку, поставила въ нее горшокъ съ кашей и чугунъ со щами: «пусть попрѣютъ, сказала она Танѣ, а теперь пойду-ка я къ себѣ, мнѣ надобно убраться въ огородѣ, огурцы перезрѣли. Когда тебѣ что ни-на-есть понадобится, приходи ко мнѣ, все сдѣлаю; да когда твой братишка проснется, тащи его ко мнѣ въ огородъ, пусть тамъ посидитъ въ травѣ, мы дадимъ ему морковку онъ и будетъ смирно сидѣть; а для тебя у меня припасена отличная рѣпа, пребольшенная такая, сочная, сладкая какъ сахаръ. Богъ благословилъ нынче огородъ; все на немъ уродилось такое хорошее: горохъ, огурцы и капуста на заглядѣнье. Смотри же приходи, а мнѣ сегодня нѣкогда навѣдаться къ вамъ и своего дѣла много.

Сидоровна ушла. Саша спалъ, Таня играла своими тряпочками, но и еескоро сморилъ сонъ; она положила

головку на подоконникъ, да такъ и задремала. Долго ли она проспала неизвѣстно, но во снѣ ей стало жарко, какъ еще не бывало, и дышать трудно. Она открыла глаза, но ничего разобрать не можетъ: всю комнату наполняетъ густой ѣдкій дымъ; онъ идетъ не изъ дома, а рвется въ него снаружи, и въ окно сквозь густые клубы дыма видятся огненные языки и клубы; напротивъ горитъ домъ и пылаетъ какъ дрова въ жарко растопившейся печкѣ; на улицѣ народъ мечется туда и сюда и слышенъ крикъ: «пожаръ, горитъ! горитъ! спасайтесь!...» и посреди этихъ криковъ слышится отчаянный вопль женщинъ, плачъ дѣтей и какой-то неслыханный гулъ, трескъ и стонъ. Поднялся вѣтеръ, крутилъ пламя, перебрасывалъ егосъ дома на домъ, черезъ улицу; высушенныя лѣтнимъ зноемъ крыши мгновенно занимались и пылали; головни какъ ракеты летали черезъ улицу и черезъ значительныя пространства и зажигали тамъ, гдѣ еще не горѣло. Надъ улицами стояли огненные навѣсы и народъ съ безумнымъ ужасомъ забывалъ дѣтей и родныхъ, метался, погибалъ подъ развалинами или съ отчаянною торопливостью бѣжалъ куда глаза глядятъ, или куда бѣжали болѣе спокойные, хладнокровные, за городъ въ зарѣчье, или куда нибудь въ безопасное мѣсто,

И все это запылало въ самое короткое время, въ какой нибудь часъ времени, не больше. Многіе, спасая свое имущество, мѣшкали въ домахъ, не успѣвали выскочить и гибли въ пламени. Кто успѣвалъ выхва-

тить что нибудь, тащилъ свои пожитки за городъ или на лодкахъ переправлялъ черезъ Оку или Орликъ, и на противоположномъ берегу устроивался временной складъ всего спасеннаго имущества; но и тамъ надобно было быть насторожѣ. Поминутно перекидывало искры, и вещи загорались въ кучахъ; къ тому же отъ солнца, отъ огня и пламени было такъ жарко, что дышать нельзя было, рѣзало и жало легкія, и птицы, опаленныя пламеннымъ вихремъ, падали мертвыя.

Кто не видалъ этого ужаснаго пламенѣющаго города, тотъ не можетъ себѣ представить ни волнъ колеблющагося пламени, то поднимающагося столбами до самыхъ облаковъ, то раздуваемаго вѣтромъ и скрывающагося въ клубахъ дыма; такого ужаса не дай Богъ видѣть два раза въ жизни и не дай Богъ на себѣ испытать даже одинъ разъ!

Таня проснулась и на нее хлынулъ ужасъ пожара; она видѣла, что на противоположной сторонѣ улицы домъ пылаетъ, видѣла, что народъ бѣжитъ въ страхѣ и кричитъ; она вдыхала гарь и чувствовала жаръ, но ей и въ умъ не приходило, чтобы ей грозила какая нибудь опасность; она инстиктивно, съ дѣтскимъ недоумѣлымъ страхомъ стояла посреди комнаты и хоть ужасно боялась и ноженки ея тряслись, но она не могла глазъ отвести отъ окна.

Но съ каждымъ мгновеніемъ отчего-то ей дышать становилось труднѣе и дѣлалось все жарче и жарче; вдругъ огненный языкъ лизнулъ изъ гостиной въ спаль-

ню, гдѣ Таня все еще стояла; появленіе пламени показало ей близость опасности, она сама не понимала что дѣлаетъ, сперва метнулась къ постели, уткнула голову въ подушку, но пологъ шевельнулся и слегка затрещалъ изъ него поднялось пламя; Танѣ стало нестерпимо жарко, и въ то же мгновеніе братъ ея заплакалъ и закашлялся. Таня подскочила къ колыбели, схватила брата вмѣстѣ съ одѣяльцемъ; и такъ какъ окно на улицу было открыто, она было къ нему, но дымъ и огонь за нею тоже потянулся къ окну. Волосы на головѣ Тани затрещали; бѣжать въ гостиную нельзя, оттуда пламя и взялось; она выскочила въ мастерскую и вмѣстѣ съ братомъ черезъ кухню и крыльцо по обычному ходу въ калитку и на улицу.

Бѣдная дѣвочка совсѣмъ потерялась отъ страху и съ крикомъ побѣжала по улицѣ вслѣдъ за другими; раза два споткнулась, упала, но опять вскакивала, подбирала кричащаго и можетъ быть паденіемъ ушибеннаго брата и опять таки бѣжала. Каждый въ эту минуту общаго ужаса и общаго несчастія, такъ былъ занятъ собою, что и не обратилъ вниманія на крошечную дѣвочку съ ея ношей. По крайней мѣрѣ, никто не толкнулъ дѣтей, никто не мѣшалъ ей бѣжать, и это слава Богу.

Таня слышитъ кругомъ себя отчаянные вопли, видитъ отчаянныя лица и инстинктивно чувствуетъ опасность; ея дѣтское сердце тоже все болѣе и болѣе переполняется ужасомъ, она напрягаетъ всѣ свои си-

ленки и бѣжитъ, бѣжитъ безъ оглядки все дальше и дальше; ноженки ея спотыкаются, она падаетъ, но это только минутная остановка; страхъ гонитъ ее.

Вотъ толпа вокругъ нея рѣдѣетъ, но она этого не замѣчаетъ, ей все кажется, что за нею гонятся огненные языки; ей все слышится отчаянный вопль и стонъ толпы; ей кажется будто за нею обваливаются съ трескомъ и потоками искръ крыши, стѣны и потолки. Нѣсколько разъ Таня останавливалась, ноги ея отказывались идти, но ужасъ не давалъ ей покою. Мимо нея все еще мелькали бѣгущіе и также объятые ужасомъ спѣшащіе все дальше и дальше. Она уже за городомъ, она бѣжитъ по столбовой дорогѣ, братъ ев плачетъ; она говоритъ: «тише, молчи, огонь услышитъ, съѣстъ насъ; ай, ай гонится, гонится, скорѣе молчи, не кричи!» и пускалась бѣжать съ новой силой.

Разъ она упала и не хотѣла даже вставать, такъ ей понравилось спокойное лежачее положеніе и даже плачъ брата не трогалъ ея, но она нечаянно повернула голову къ городу и увидѣла опять тоже страшное, неумолимое клубящееся пламя, до нея доносился запахъ гари, и оттуда изъ этого пламенѣющаго ада, пылало жаромъ.

Видъ этотъ придалъ новыя силы дѣвочкѣ; она вскочила на ноженки и побѣжала опять прочь отъ города, прочь отъ этого страшнаго мѣста, и на этотъ разъ съ подновленнымъ впечатлѣніемъ ужаса и страха; малютка бѣжала около получасу; ея усталыя рученки до

того вцѣпились въ брата, что совсѣмъ занѣмѣли и замерли: она ужь не бѣжала, а брела, но не останавливалась и не оглядывалась; ей все казалось, что какъ только оглянется, то огонь схватитъ ее и она сгоритъ, какъ сгорѣло одно дитя тамъ, напротивъ, она это видѣла изъ своего окна, какъ бѣдняжка подбѣжалъ къ окну, высунулся въ окно и тотчасъ повалился назадъ и съ того мѣста, гдѣ онъ упалъ поднялся столбъ еще болѣе яркаго пламени.

Вотъ Таня совершенно одна, никто болѣе этой дорогой не шелъ и не бѣжалъ; прошло уже много времени съ тѣхъ поръ, какъ она вырвалась изъ своего пылающаго дома; усталость ея все увеличивалась; солнца не видно было за потемнѣвшимъ отъ дыма воздухомъ, но тѣмъ не менѣе было ужасно жарко и въ горлѣ у нея совсѣмъ пересохло, а братъ даже охрипъ отъ крика и какъ-то жалобно стоналъ. Танѣ и въ умъ не приходило остановиться поискать воды и утолить свою жажду и промочить запекшіяся губы брата, у нея была только одна мысль: дальше, дальше, прочь отъ города, дальше отъ огня!

Такимъ образомъ, эта бѣдная дѣвочка отошла или отбѣжала отъ города цѣлыхъ три версты: незамѣтно направилась по боковой дорогѣ, съ обѣихъ сторонъ обсаженной липами, и, Богъ вѣсть какъ, очутилась передъ воротами какого-то каменнаго зданія; она вошла въ отворенную калитку и прямо добрела

до широкихъ каменныхъ ступеней и почти безъ памяти опустилась на первую.

Она подняла головку и взглянула; зарево на небѣ большое; дымъ и пламя все еще видны. Таня задрожала, вскочила и, схвативъ брата, хотѣла было опять бѣжать. Но ее замѣтила одна монахиня и подошла къ ней; Таня въ испугѣ отбѣжала отъ города почти на четыре версты, и теперь находилась за городомъ въ дѣвичьемъ монастырѣ.

Обгорѣлые волоса, испуганное, блѣдное лицо, вообще видъ маленькой дѣвочки съ шестимѣсячнымъ ребенкомъ на рукахъ—ношей слишкомъ для нея тяжелой, удивилъ монахиню; она до шопота почти смягчила свой голосъ и, ласково погладивъ Таню по головѣ, спросила: «откуда ты, дѣвочка, и что это у тебя зя дитя?»

Таня потерянно смотрѣла на монахиню и не отвѣчала, можетъ быть, даже не понимала, о чемъ ее спрашиваютъ; она только вся дрожала и еще крѣпче прижимала къ себѣ плачущаго брата.

— Милая моя, откуда ты? Чего ты такъ трясешься, что съ тобою?

«Боюсь!

— Чего боишься?

«Огня, огня, тамъ много,.. у насъ домъ... огонь... вонъ на небѣ красно... боюсь! спрячьте меня... спрячьте Сашу...

— Пойдемъ, пойдемъ, спрячу. Тебѣ тяжело, давай сюда Сашу, я понесу...

Таня отдала брата, хотѣла встать, но не могла, у нея ноги подкосились, и она вся клубочкомъ склонилась на паперть; пока она держала на рукахъ брата, до тѣхъ поръ еще могла поддерживать себя, но съ того мгновенія, какъ у нея пропала забота и сила оставила ее; она, какъ полумертвая, упала и вся съежилась.

Монахиня увидѣла, въ какомъ положеніи дитя и по обгорѣлымъ волосамъ и закопченому платью догадывалась, что она ушла отъ пожара, но чтобы ушла изъ горящаго города, этого повѣрить не могла. Неужели дѣти могли одни, безъ посторонней помощи пройти такое огромное разстояніе — для пятилѣтней дѣвочки четыре версты — огромное разстояніе.

Пока эти мысли проходили черезъ голову сестры Анны, она баюкала плачущаго младенца и посматривала по сторонамъ нейдетъ ли кто, чтобы перенести Таню къ себѣ въ келью.

Привратникъ показалея у воротъ, монахиня подозвала его и попросила отнести за нею Таню въ келью. Тутъ сестра Анна положила ее на свою жесткую постель, сама отыскала ломтикъ бѣлаго хлѣба, размочила его въ теплой водѣ съ кусочкомъ сахара и ложечкой кормила младенца; лишь только онъ поѣлъ, тотчасъ уснулъ; тогда сестра Анна подошла къ кровати посмотрѣть, что дѣлается съ Таней, и нашла что и она спитъ мертвымъ сномъ. Природа, какъ благодѣтельная мать, исправляетъ тѣ потери, какія чело-

вѣческая природа потерпѣла; сонъ лучше всего успокоиваетъ и возвращаетъ силы; на Таню, послѣ смертельнаго страха и утомленія нашелъ сонъ, похожій на обморокъ.

На время о дѣтяхъ нечего было заботиться, ихъ можно было оставить, пользуясь ихъ сномъ сестра Анна пошла къ настоятельницѣ, чтобы извѣстить ее о случившемся. Она отправилась въ главное монастырское зданіе, подошла къ дверямъ, постучалась и сказала обычное привѣтствіе: «во имя Отца и Сына и Святаго Духа!» изъ-за дверей отвѣчалъ старческій, дребезжащій голосъ: «и нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь!» это равнялось словамъ: «войдите!»

Сестра Анна вошла и разсказала, какъ нашла дѣтей на паперти.

«Какъ же ты думаешь, она изъ пожарнаго города?

— Должно быть что такъ, потому что волоса у дѣвочки спалены и все платье прокопчено дымомъ и въ двухъ трехъ мѣстахъ сотлѣло.

«Кто же привелъ ихъ?

— Не знаю, должно быть сама дѣвочка пришла и пожалуй, даже братишку притащила, ужь очень она устала. Какъ я у нея взяла дитя, такъ она снопикомъ и свалилась, совсѣмъ обезсилѣла.

«Господи Боже мой, дѣла Твои чудны! Неужели Ты этихъ дѣтей вывелъ изъ пламени и привелъ сюда въ домъ Твой!

— Должно быть, что такъ. Великъ Господь! повторила Анна!

«Теперь надобно позаботиться о томъ, чтобы отыскать родителей этихъ дѣтей и разузнать, откуда они пришли, изъ города, или изъ какого другаго ста; зарево-то страшное, можетъ быть горитъ въ городѣ или гдѣ нибудь еще по близости, какая ни-на-есть деревня. На содержаніе дѣтей, пусть мать-казначейша отпускаетъ по три бутылки молока въ день, по три яйца и манной крупы, а ужь ты, сестра Анна, позаботься о томъ, чтобы варить на нихъ, простирнуть что надо, и пусть дѣти остаются въ твоей кельѣ. Богъ не оставитъ тебя за труды твои и за твое доброе сердце. Теперь съ Богомъ, иди къ себѣ.

Сестра Анна пошла домой и приготовила кушанье для себя и для дѣтей; на душѣ у нея было свѣтло и радостно; уединенная, одинокая келья ея, освятилась присутствіемъ живыхъ существъ, милыхъ дѣтей, милыхъ, потому что она уже полюбила ихъ, готова была заботиться о нихъ и хлопотать, какъ о собственныхъ. Таня проспала до вечера; сестра Анна успѣла нѣсколько разъ напоить молокомъ маленькаго Сашу и опять усыпить, прежде чѣмъ усталая дѣвочка открыла глаза.

Когда она пошевельнулась, сестра Анна подошла къ ней и сказала: «ты проснулась, голубушка, вставай, покушай чего нибудь.»

— Я ѣсть не хочу, у меня голова болитъ и ноги ломитъ.

«Ничего, дружекъ, это отъ усталости, не хочешь ли выпить горячаго молока, лучше будетъ.

«Хорошо, ежели отъ этого лучше будетъ, тогда выпью; голова очень болитъ.

Сестра Анна достала изъ печки горячаго топленаго молока и напоила Таню, дѣвочка пила нехотя, безсознательно, глотала, какъ лекарство, а большіе черные глаза ея, съ испугомъ бродили по комнатѣ, точно искали чего-то, или боязливо оглядывали незнакомое мѣсто. Сестра Анна замѣтила это и спроила: «чего ты ищешь, дѣвочка?»

— Гдѣ братишка Саша?

«Онъ спитъ вонъ тамъ на лавкѣ въ корзинкѣ, я ему устроила мягкую постельку.

— А гдѣ же мама и папа? сказала она со слезами въ голосѣ.

«Не знаю, дружечекъ, мама и папа остались тамъ, откуда ты пришла.

— Нѣтъ, нѣтъ, тамъ нельзя оставаться, тамъ огонь, тамъ все горитъ, и горница сгорѣла, и постель, и потолокъ, и у сосѣдей, и напротивъ, все горитъ, и мальчикъ упалъ въ огонь, вездѣ горитъ! Вездѣ огонь, ой страшно, спрячьте меня и сюда придетъ огонь!.. воскликнула она съ ужасомъ, бросилась на руки къ сестрѣ Аннѣ и прижала свое испуганное личико къ ея груди.

Анна нѣжно гладила рукою по ея опаленнымъ волосамъ, успокоивающимъ нѣжнымъ готосомъ говорила: «дружечекъ, огонь сюда не придетъ, я не пущу, я тебя спрячу отъ него и твоего братишку тоже спрячу. Успокойся и кушай молоко.»

— Не хочу, голова не перестала болѣть; а гдѣ же папа и мама?

«Папа и мама твои придутъ сюда, я пошлю имъ сказать, чтобы они пришли, скажи мнѣ только, гдѣ они.

— Мама пошла шить къ господамъ, а папа пошелъ въ мастерскую.

«Въ какую мастерскую?

— Къ нѣмцу—столяру, онъ туда каждый день ходитъ.

«Скажи мнѣ, гдѣ ты жила, въ городѣ, или въ деревнѣ?

— Я въ деревнѣ не жила; папа и мама говорили, что въ деревнѣ землю пашутъ, въ деревнѣ рожь ростетъ и гречневая крупа тоже ростетъ, я деревни не видала, только у сосѣдки Ефимовны былъ огородъ, а ржи не было.

«Значитъ, ты жила въ городѣ.

— Нѣтъ, не въ городѣ, тамъ лавки, тамъ все покупаютъ и продаютъ, а мы жили просто въ своей улицѣ.

«Что же улицу вашу называли, какъ нибудь?

— Нѣтъ, не знаю, только тамъ на улицѣ много домовъ: нашъ домъ, сосѣдки Ефимовны и напротивъ

Севрюгиныхъ; все, все сгорѣло, и сынокъ Севрюгиныхъ упалъ въ огонь. Охъ, какъ страшно!

«Какъ зовутъ отца твоего? продолжала сестра Анна, желая заговорить дѣвочку и отвлечь ея воображеніе отъ ужасовъ пожара.

— Сосѣди зовутъ его Петръ Ильичъ, а я говорю папа.

«Хорошо, а прозвище, фамилія его какая?

— Не знаю.

«Какъ зовутъ твою маму?

— Марья Ивановна.

«Чѣмъ занимается твой отецъ?

— Онъ дѣлаетъ стулья, полки, столы, шкафы и всякія вещи, онъ ходитъ къ нѣмцу краснодеревщику; онъ теперь тамъ, позовите его.

«Когда у васъ загорѣлось, неужели никого не было дома?

— Мама и папа ушли, Ефимовна сготовила обѣдъ и тоже ушла, я осталась одна съ Сашей.

«Скажи мнѣ, голубушка, кто же тебя вынесъ изъ пожара?

— Никто не выносилъ, я сама выбѣжала; огонь за мною гнался и дымомъ слѣпило глаза.... охъ, какъ страшно!... боюсь огня!

«Кто же спасъ твоего братца?

— Никто не спасалъ, я сама его унесла, когда огонь погнался за мною.

«Кто же вывелъ васъ изъ города, кто тебя привелъ сюда, кто принесъ твоего брата?

— Никто Я сама пришла и не выпускала братца изъ рукъ; онъ все плакалъ и я плакала; огня страшно! Отъ огня и голова болитъ, мнѣ жарко, дайте воды, охъ, тошно мнѣ, голова болитъ. И Таня металась по кровати, горѣла, съ жадностью пила воду и только тогда успокоилась, когда уснула.

Сестра Анна поспѣшила къ настоятельницѣ и передала ей все, что узнала отъ Тани. «Удивительно, Самъ Богъ вывелъ этихъ дѣтей изъ огня. Онъ чудесно сохранилъ ихъ! Онъ вложилъ разумъ въ дитя малолѣтнее; Онъ своею силою укрѣпилъ и научилъ дѣвочку. Будемъ молиться Милосердому и съ уваженіемъ преклонимся передъ Его мудростію и благостію! Но теперь надобно посмотрѣть, уцѣлѣли ли родители этихъ малютокъ. Хотя фамиліи не знаемъ, но имя отца и матери извѣстно, завтра я напишу повѣстку и пошлемъ въ Орловскую полицію, да кстати, пусть отецъ Трофимъ поразспроситъ въ городѣ, великъ ли былъ пожаръ, зарево что-то не потухаетъ, должно быть горитъ много домовъ, поди-ка съ десятокъ, пожалуй, что-то долго горитъ »

На другой день объявленіе было отправлено въ полицію, но въ городѣ пожаръ еще длился, сгорѣло, дымилось и догорало больше 700 домовъ; вездѣ было ужасное смятеніе, некому бумагъ принять, никого въ присутствіи, всѣ на пожарѣ; вездѣ вопли и плачъ, вездѣ несчастіе, увѣчье, разореніе; такого ужаса, такого бѣдствія орловскіе жители не запомнятъ. Отецъ

Трофимъ возвратился въ монастырь, разсказалъ, что тамъ за ужасъ въ городѣ; рѣшились подождать, день другой и вторично подать объявленіе о дѣтяхъ. Начиная съ втораго дня, въ монастырь начали стекаться погорѣлые и разсказами своими дополняли картину, начертанную Трофимомъ.

Посмотримъ теперь, что было съ Петромъ Ильичемъ и съ Марьей Ивановной. Каждый изъ нихъ отправился на работу, ничего не предчувствуя и спокойно оставивъ дѣтей подъ надзоромъ Ефимовны. Петру Ильичу было въ этотъ день спѣшное дѣло; онъ работалъ уже часа два, когда одинъ изъ столяровъ подошелъ къ окну и сказалъ: гдѣ-то пожаръ, вишь, поѣхала команда. У Петра Ильича такъ и кольнуло въ сердцѣ: ужь не въ нашихъ ли странахъ? Онъ выбѣжалъ на улицу и спросилъ одного изъ отставшихъ пожарныхъ: онъ назвалъ улицу довольно отдаленную отъ его дома, и Петръ Ильичъ спокойно продолжалъ свое дѣло; только прислушивался къ свисту вѣтра и къ тревожному звону набата; не прошло и часу времени послѣ разговора съ пожарнымъ, какъ вбѣжалъ испуганный хозяинъ, который кричалъ: «братцы, весь городъ горитъ, спасайте инструменты, спасайте готовую мебель, я велѣлъ заложить всѣ роспуски, тащите все, что получше изъ дому; каждому работнику дамъ по 85 р., кто мнѣ поможетъ.»

Петръ Ильичъ стоялъ, какъ ошеломленный, какъ поднялъ долото, такъ съ нимъ и замеръ. У него въ

воображеніи мелькнули знакомыя, милыя дѣтскія головки посреди дома, объятаго пламенемъ.

«Мои дѣти!» воскликнулъ онъ и стремглавъ побѣжалъ къ лѣстницы, изъ улицы въ улицу, къ своему дому. Но съ каждымъ шагомъ впередъ сумятица, крики, плачъ и тѣснота увеличивались, надобно было перескакивать черезъ валяющіеся тюки съ имуществомъ, обходить нагруженные воза, и чѣмъ ближе къ пожару, тѣмъ увеличивались препятствія; начали попадаться горящіе дома, съ каждымъ шагомъ впередъ увеличивался ужасъ.

Петръ Ильичъ не обращалъ вниманія на падающія головни и когда, наконецъ, пламя сплошною стѣною загородило ему дорогу, онъ вбѣжалъ въ ворота одного дома, уже объятаго пламенемъ; зная отлично мѣстность, онъ изъ огорода въ огородъ, изъ сада въ садъ, весь опаленный и засыпанный искрами, добрался до своего собственнаго огорода; отсюда глазамъ его представился домъ—весь въ пламени: крыша провалилась; огонь огромнымъ столбомъ стоялъ надъ нею, изъ оконъ и дверей подымались длинныя, пламеныя полосы. О томъ, чтобы попасть въ домъ, не могло быть и мысли; ежели дѣти остались тамъ, то ихъ кости уже сотлѣли. Петръ Ильичъ въ нѣмомъ отчаяніи смотрѣлъ на пламя, его твердое сердце дрогнуло, сжалось, изъ глазъ медленно потекли двѣ крупныя слезы и упали на землю: ему казалось, что онъ стоитъ надъ зіяющею могилой своихъ дѣтей и всего своего состо-

янія. О послѣднемъ онъ ни минуты не пожалѣлъ и ежели бы зналъ, что дѣти его спасены, считалъ бы себя счастливѣе многихъ.

Къ мысли о дѣтяхъ присоединилась мысль о женѣ: гдѣ она, не была ли дома, не погибла ли вмѣстѣ съ дѣтьми, пытаясь спасти ихъ, или не сгорѣла ли тамъ, гдѣ работала, вѣдь цѣлый городъ въ огнѣ.

Вѣтеръ реветъ, разметываетъ головни, переноситъ ихъ съ дома на домъ, изъ одной улицы въ другую.

«Все погибло, я одинъ на свѣтѣ,» думаетъ Петръ Ильичъ, въ головѣ у него шумитъ, въ глазахъ мутится и отъ волненія, и отъ жара; смутно мелькаетъ у него мысль: «дѣти погибли, домъ сгорѣлъ; надобно узнать уцѣлѣла-ли жена!» и онъ шатаясь, по огородамъ, вдыхая раскаленный воздухъ и задыхаясь отъ дыма побрелъ назадъ по тѣмъ же огородамъ, по которымъ пришелъ шатаясь и еле поддерживая себя палкою, которую безсознательно схватилъ.

Марья Ивановна между тѣмъ еще спокойно сидѣла за своимъ шитьемъ. Хозяйка дома знала уже, что горитъ цѣлая часть города, но это было такъ далеко отъ нея и въ такой сторонѣ, что нельзя было предвидѣть какой бы то ни было опасности. Чтобы не отвлекать швей отъ работы, она нашла самымъ благоразумнымъ не сказывать имъ о пожарѣ.

Но такого бѣдствія долго скрывать нельзя было. Безпрерывный громъ отъ проѣзжающихъ экипажей, телегъ и пожарныхъ инструментовъ былъ слышенъ

даже въ той отдаленной надворной части дома, гдѣ работали швеи. «Ужъ не пожаръ ли, первая замѣтила Марья Ивановна, какъ бы узнать, Вѣрочка, сходи-ка поразузнай», прибавила она, обращаясь къ двѣнадцатилѣтней дѣвочкѣ, бывшей на посылкахъ у швей. Та побѣжала и черезъ мгновеніе воротилась совсѣмъ блѣдная, испуганная и вскричала: «Ахти, матушка, бѣда какая, весь городъ горитъ, разомъ загорѣлся съ десяти концовъ и до насъ, пожалуй, огонь доберется, ужъ совсѣмъ недалечко, пропадемъ мы, сгоримъ!»

На слова эти послышался только стукъ опрокинутыхъ стульевъ, столовъ; многія изъ работницъ побросали работу, другія съ полотнищами холста въ рукахъ вскочили и побѣжали на лѣстницу и на улицу, чтобы узнать, въ чемъ дѣло; у всѣхъ этихъ дѣвушекъ и женщинъ были въ городѣ радные и близкіе и каждая хотѣла узнать, гдѣ горитъ?

Марья Ивановна была первая на улицѣ; вслѣдъ за швеями вышла и хозяйка дома и уговаривала швей: «чего это вы вздурились, чего выбѣжали, пожаръ къ намъ не придетъ, цѣлы будемъ, кругомъ моего дома все казенные, присутственныя мѣста и учебныя заведенія, хоть весь городъ сгори, но нашу площадь и нашъ кварталъ непремѣнно отстоятъ, не бойтесь, опасности никакой нѣтъ!

— Но у насъ тамъ есть родные, у меня дѣти, у Матрены мать, у Лукерьи сестра, у Ѳедосьи тоже мать и сестра, въ нашей сторонѣ горитъ, мы

побѣжимъ, поглядимъ, и ежели есть опасность, то будемъ спасать.

— Ахъ, Боже мой, дѣти мои, воскликнула Марья Ивановна, и бросивъ полотнище, которое держала, сказала: на-те вамъ работу, я побѣгу къ дѣтямъ.

Она побѣжала, вслѣдъ за нею и всѣ остальныя швеи; вскорѣ всѣ разсыпались въ разныя стороны. Марьѣ Ивановнѣ пришлось бороться съ тѣми же препятствіями, какія встрѣчались ея мужу и она подвигалась впередъ медленнѣе его, потому что суматоха сдѣлалась больше и пробираться впередъ было труднѣе.

Вотъ она уже посреди горящихъ домовъ, ее вдругъ ударило падающимъ горящимъ осколкомъ и она упала на колѣни; кровь потекла у нея по лицу, но приближеніе къ дому придало ей новую силу; она не обратила вниманія на свой ушибъ и стремительно побѣжала дальше. При поворотѣ въ одну улицу, ее кто-то остановилъ за руку: она подняла голову, передъ нею стоялъ мужъ ея. Одинъ взглядъ на его блѣдное, искаженное печалью и отчаяніемъ лицо, сказалъ ей все: «Боже мой, у насъ горитъ!» воскликнула она.

«Да, коротко отвѣчалъ онъ.

— И дѣти сгорѣли!

«Не знаю, я ихъ не видалъ: когда я пришелъ, ужь крыша провалилась и войти некуда было — все куча углей.

Марья Ивановна схватилась за голову и вскричала

дикимъ, отчаяннымъ голосомъ: «Дѣти, дѣти, гдѣ вы?» Она хотѣла броситься впередъ по улицѣ, походившей на жарко топившуюся печку; пламя клубами поднималось, крутилось и стояло столбомъ. Броситься туда было бы все равно, что броситься въ горящую печку. Петръ Ильичъ успѣлъ схватить жену за руку и не смотря на усилія ея не выпускалъ и оттащилъ говоря: «куда ты? ежели они остались вь домѣ, то уже давно сгорѣли. Туда, гдѣ нашъ домъ былъ, теперь никакимъ манеромъ не проберешься и отъ него остались одни уголья; я самъ видѣлъ, какъ повалилась послѣдняя стѣна. Кто знаетъ, можетъ быть дѣти живы, можетъ быть кто нибудь изъ сосѣдей спасъ ихъ, надобно розыскать, куда ушли и куда спаслись сосѣди; отчаяваться нечего. Уйдемъ отсюда, а не то задавитъ, смотри бревна то и дѣло летаютъ, камни падаютъ, желѣзные листы и доски валятся съ крышъ.

Петръ Ильичъ говорилъ это вседля успокоенія жены, говорилъ о возможности, что дѣти спаслись, но самъ не вѣрилъ этому; жена его не переставала ломать руки и дико вскрикивала: «дѣти, дѣти, гдѣ вы!»

Глядя на отчаяніе жены, Петръ Ильичъ самъ терялся и не находилъ словъ для ея утѣшенія. Они до самаго вечера бродили около горящихъ зданій, или по огородамъ, пытаясь проникнуть нъ тотъ кварталъ, гдѣ находился ихъ домъ; Марьѣ Ивановнѣ хотѣлось хоть взглянуть на то мѣсто, гдѣ они такъ долго жили, ей все казалось, что тутъ она найдетъ какой ни-

будь слѣдъ отъ дѣтей, даже, можетъ быть, тамъ догадается, живы ли они, или похоронены подъ развалинами дома.

Только на слѣдующій день, когда пожаръ уже унимался, а въ тѣхъ частяхъ, гдѣ начался, уже только дымились и тлѣли оставшіяся бревна и уголья. Петру Ильичу съ женою опять таки по огородамъ, удалось дойти до своего бывшаго дома; но его трудно было отличить отъ сосѣднихъ; ни одно деревцо, ни одна грядка, ни одинъ заборъ не уцѣлѣлъ; рѣшительно не осталось признаковъ, по которымъ одну кучу можно было бы отличить отъ другой; на мѣстахъ домовъ даже трубы не торчали, отъ необыкновенной силы огня всѣ прогорѣли и рухнули.

Петръ Ильичъ, показалъ женѣ пожарище и доказалъ, что въ раскаленной почвѣ и въ тлѣющихъ горячихъ грудахъ золы и кирпичей нечего отыскивать остатковъ дѣтей, тѣмъ болѣе, что къ нимъ безопасно приступиться еще нельзя было. Марья Ивановна молча отошла и сложивши руки сѣла на землю. Ея сердце ныло и болѣло, но въ немъ не потухала надежда. «Пойдемъ, поищемъ дѣтей тамъ, куда ушли всѣ жители», сказала она. Петръ Ильичъ согласился и они цѣлыхъ трое сутокъ ходили отъ одного становища раскинутаго на лугу за рѣкою, до другаго, изъ одного уцѣлѣвшаго дома въ другой и вездѣ слышали одно и тоже: «дѣтей спасено много, много отстали отъ родителей, пойдите, посмотрите сами, вотъ они

гдѣ. Походили бѣдные отъ одной толпы дѣтей къ другой, но нигдѣ не находили своихъ и вездѣ видѣли несчастныхъ малютокъ испуганныхъ и опечаленныхъ; жаль имъ было бѣдныхъ, тѣмъ болѣе, что воображали своихъ такими же покинутыми и запуганными, какъ тѣ, которыхъ видѣли.

Сердце у Марьи Ивановны, все тоскливѣе и болѣзненнѣе билось по мѣрѣ того, какъ число выселившихся становищемъ, погорѣлыхъ уменьшалось и когда домовъ неопрошенныхъ уже вовсе не оставалось. Когда послѣднія надежды угасли, когда не кого было еще спрашивать, тогда Петръ Ильичъ печально спросилъ: «ну, что скажешь: гдѣ намъ еще искать?»—«Не знаю,» былъ короткій отвѣтъ ея.

— Я еще одно придумалъ, сказалъ онъ, пойдемъ въ полицію и подадимъ объявленіе въ газеты, не прибралъ ли кто нашихъ дѣтей; когда прочтетъ, такъ отдастъ ихъ намъ.

— Извѣстно, что отдастъ, но въ такую пору, когда всякій заботится только о собственномъ спасеніи, кто будетъ спасать чужихъ дѣтей? Пожалуй, однако, попытаемся, можетъ быть и удастся. Пойдемъ.

Пошли въ полицію, но тамъ народу было биткомъ набито; у каждаго дѣло спѣшное, котораго откладывать нельзя. Пришлось ждать часовъ пять, пока очередь не дошла до Петра Ильича. Онъ подошелъ къ столу и сказалъ: «Я пришелъ подать объявленіе, о томъ, что въ пожаръ у меня пропало двое дѣтей, дѣвочка пяти

лѣтъ и мальчикъ шести мѣсяцевъ. Они остались дома, когда мы съ женою на работу ушли. Будьте милостивы, пропечатайте въ газетахъ, можетъ быть, кто нибудь ихъ призрѣлъ и они уцѣлѣли.

Петръ Ильичъ хотѣлъ было отойти отъ стола и уступить свое мѣсто другимъ, тутъ дожидавшимся, потому что почиталъ свое дѣло конченнымъ; но полицейскій сказалъ: «погоди-ка, у меня есть ужъ одно объявленіе о найденныхъ дѣтяхъ, ужь не твои ли это. Постой, сейчасъ отыщу; его ужъ вчера принесли».

Полицейскій порылся между бумагами, сперва въ одномъ, потомъ въ другомъ ящикѣ; но пока онъ рылся, сердце Петра Ильича болѣзненно билось; когда же онъ прочиталъ объявленіе отъ настоятельницы дѣвичьяго монастыря и по описанію не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія, что спасенныя дѣти—его дѣти, у него слезы полились изъ глазъ ручьями и онъ и жена его тутъ же бросились на колѣни и трижды поклонились передъ образомъ въ землю.

Кто опишетъ радостное свиданіе родителей съ дѣтьми и благодарственный порывъ къ Богу, въ то время, когда Петръ Ильичъ, на свой послѣдній рубль отслужилъ молебенъ въ монастырѣ, гдѣ дѣти нашли пріютъ и помощь.

Подарокъ.

Въ Калужской губерніи, на берегу рѣчки Болты стоитъ помѣщицья усадьба; густой садъ изъ столѣтнихъ липъ, дубовъ, кудрявыхъ березъ и кленовъ своею густою и разнообразною зеленью, ярко выдѣляется отъ примыкающаго къ нему мрачнаго густаго бора.

У насъ въ Россіи боромъ называются густые, чистые и сухіе сосновые лѣса; удивительно стройные и чистыя снизу безъ сучьевъ, сосны, почва усѣянная иглами, совершенно безъ кустарниковъ и подростковъ—могутъ служить характеристическою чертою бора.

Даже трава не ростетъ въ хорошемъ бору, она является клочками; тамъ и сямъ виднѣются кустики кислицы, вереска и земляники, но она всегда тощая, приземистая и не отличается ни ягодами, ни зеленью листьевъ. Гдѣ есть углубленіе, гдѣ посырѣе, гдѣ уже ростетъ зеленый мохъ и подъ его поверхностью собирается и держится сырость, тамъ ростетъ

черника и кустики синики, или пьяники, а далѣе красуются красныя ягодки и темная зелень брусники.

Такой сосновый боръ прилегалъ къ усадьбѣ Свенцовыхъ и составлялъ какъ, бы продолженіе ихъ сада. Старинный домъ съ большими окнами, балкономъ, увитымъ англійскимъ хмѣлемъ, и обширными хозяйственными строеніями, показывалъ довольство и изящный вкусъ хозяевъ, которые любятъ зелень и растенія. Передъ домомъ въ саду разбиты клумбы цвѣтовъ самыхъ разнообразныхъ, лѣтнихъ и зимующихъ въ грунтѣ; дорожки сада усыпаны пескомъ и укатаны, спускъ къ красивой и игривой Болтѣ удобный и выложенъ твердымъ щебнемъ, чтобы не смывало дождемъ, или тающимъ снѣгомъ весною; на рѣкѣ пристань и лодочка.

Однимъ словомъ, усадьба Свенцовыхъ могла понравиться самому прихотливому и разборчивому человѣку. Ежели усадьба могла привлекать вниманіе проѣзжаго, то самое семейство могло бы возбудить самую живую дружбу въ знакомыхъ. Оно состояло изъ отца, матери и двухъ прекрасныхъ дѣтей: Веньямина и Вѣры. Веньямину было 12 лѣтъ, а Вѣрочкѣ девять. Братъ и сестра очень были дружны между собою; ихъ красивая наружность, доброе, мягкое и любящее сердце, ихъ умные вопросы, вниманіе, съ какимъ слушали, что говорили родители, ихъ послушаніе — составляли истинное наслажденіе для родителей и оправдывали любовь ихъ.

Однажды все семейство пошло за грибами по окраинѣ бора и съ полными корзинами боровиковъ возвращалось домой.

— Мама, посмотри, кто это тамъ по дорогѣ ѣдетъ, сказалъ Веньяминъ: должно быть гости.

— Ахъ, это Дубровскіе, воскликнула Вѣрочка, какъ я рада: Соня пріѣдетъ, мы будемъ играть въ куклы.

Веньяминъ ни слова не сказалъ. «Ты развѣ не радъ Митѣ? Его, вѣрно, тоже привезутъ», спросилъ отецъ.

— Нѣтъ, папа, не радъ; мы съ нимъ не ладимъ; ему ничѣмъ не угодишь, онъ готовъ за все ссориться; мнѣ непріятно, что онъ ѣдетъ.

— Знаю, знаю, у Мити есть много дурныхъ привычекъ; но что же дѣлать? По чувству гостепріимства надобно съ нимъ ласково обходиться, какъ съ гостемъ, уступать ему, не ссориться съ нимъ и всѣми силами стараться сдѣлать ему пребываніе въ домѣ отца твоего сноснымъ и даже пріятнымъ.

— Но ты не знаешь, папа, какъ трудно съ нимъ, я всегда готовъ подпрыгнуть отъ удовольствія, когда онъ уѣзжаетъ.

— Въ этомъ-то и состоитъ обязанность хозяина, какъ можно лучше принимать гостей и не показывать неудовольствія, ежели бы даже тебѣ что нибудь въ гостѣ не нравилось.

Веньяминъ понурилъ голову и печально сказалъ: «знаю это все, папа, но вѣдь это трудно!»

— Что жъ дѣлать, другъ мой, жизнь такъ идетъ: нельзя, чтобы все было легко и пріятно; многое приходится выносить отъ окружающихъ: тебѣ непріятно присутствіе Мити, а мнѣ непріятно присутствіе кого нибудь другаго: но я побѣждаю себя и бываю ласковъ и радушенъ съ гостемъ, все равно, пріятенъ ли онъ мнѣ, или нѣтъ. Будь и ты такимъ же, учись жить. Теперь пойдемъ встрѣчать гостей, кстати они уже близко и мы не успѣемъ даже рукъ вымыть.

Всѣ поспѣшно прошли садъ, и дѣти побѣжали въ дѣтскую, а большіе къ себѣ, чтобы вымыть руки и оправить платье и прическу, помятую ходьбою по лѣсу.

Коляска подъѣхала, изъ нея вышли гости; Вѣрочка бросилась къ Сонѣ, обняла ее и поцѣловала, а Веньяминъ, хотя серьезно, но ласково протянулъ руку Митѣ и сказалъ: «здравствуй, Митя! Пойдемъ въ дѣтскую, ты такъ усталъ и посмотри, какъ разгорѣлся отъ дороги, пойдемъ!

— Хорошо, пойдемъ! ужасно жарко; намъ бы выкупаться, славно бы.

— Спросимся, ежели папа позволитъ, то пойдемъ купаться.—Отецъ Дубровскаго услышалъ это и, обращаясь къ мальчикамъ, сказалъ: «Нѣтъ, друзья, купаться теперь нельзя: Митя слишкомъ разгорѣлся отъ дороги, да и вода холодна; отложите купанье до завтрашняго дня; тогда, послѣ сна, отлично выкупаться.»

Митя надулся и проворчалъ: «стариковскія выдумки и стариковскія опасенія»; но на этотъ разъ послушался отца и пошелъ въ комнату къ Веньямину.

— Что это у тебя на столѣ за альбомъ, я его еще не видалъ, спросилъ онъ, хватаясь за красивый малахитовый альбомъ.

— Поосторожнѣй, Митя, не испорть его: это не мой альбомъ, онъ принадлежитъ мамашѣ; я его положилъ сюда, потому что хотѣлъ срисовать его застежки, онѣ мнѣ нравятся.

— Да, не дурны; очень тонко сдѣланы, видишь— львиныя головы зубами уцѣпились за веревку, а она обматывается за колышекъ. Что, это золотыя застежки?

— Нѣтъ, серебряныя, и оправа серебряная вызолоченная; это папа подарилъ маменькѣ.

Митя то и дѣло открывалъ и закрывалъ застежки, щелкалъ ими, и это ему нравилось; но дѣлалъ это крайне небрежно. Веньяминъ боялся, какъ бы онъ не сломалъ застежекъ, или не уронилъ альбомъ, и поэтому съ замирающимъ сердцемъ не спускалъ съ него глазъ, и когда альбомъ однажды чуть не упалъ, онъ сказалъ ему: «Митя, положи, пожалуйста, альбомъ на мѣсто, чтобы онъ какъ нибудь не испортился; маменька его очень любитъ и ей было-бы это непріятно.»

— Фу, какой ты жадный и скупой мальчишка! воскликнулъ Митя, и швырнулъ альбомъ съ такою силой, что онъ опрокинулъ чернильницу, чернила брызнули и запачкали рисунокъ Веньямина, а самъ

альбомъ полетѣлъ на полъ и верхняя, малахитовая доска раскололась оттого, что ударилась объ уголъ скамеечки.

Веньяминъ бросился къ упавшему альбому, поднялъ его, чуть не со слезами подобралъ разбитые куски и, взглянувъ съ негодованіемъ на Митю, воскликнулъ: «Какой ты дурной, негодный мальчишка! говорилъ тебѣ: не тронь! Что я теперь буду дѣлать, ахъ, Боже мой, какое горе!»

Въ первую минуту Митя сконфузился, но тотчасъ-же оправился и захохоталъ: «ну, разрюмился, нюня ты этакой, я пошлю въ Петербургъ къ дядѣ Алексѣю мѣрку и онъ мнѣ вышлетъ такую же малахитовую крышку; вотъ, вздоръ какой, есть о чемъ горевать, пустое дѣло!»

— Нѣтъ, Митя, тебѣ хорошо говорить, тебѣ все равно, та, или другая доска, но маменькѣ не все равно: эта малахитовая доска привезена самимъ папой съ Урала, а твоя будетъ изъ магазина, да и не возьму я отъ тебя доски, на что она мнѣ?

— Какъ на что? Вмѣсто этой.

— Нѣтъ, не надо.

— А я говорю надо: я сломалъ, я и плачу; моя вина, мнѣ и отвѣчать; у папы много денегъ, могу купить.

— Напрасно, Митя, ты думаешь, что деньгами ото всего можно откупиться; ты ошибаешься; береги свои деньги про себя и про свои прихоти, а намъ

до нихъ нѣтъ дѣла, и я не позволю тебѣ больше дотронуться до этого альбома.

— Какъ-же не такъ, подай его сюда, я пошлю въ Петербургъ.

— Нѣтъ, не дамъ!

— Подай, говорятъ! крикнулъ Митя и бросился къ Веньямину, чтобы отнять; этотъ не давалъ и между мальчиками началась борьба. Митя разгорячился и началъ сердиться; Веньяминъ удерживался и отступилъ въ уголъ, запрятавъ руки съ альбомомъ за спину. Митя схватилъ его за плечи и воскликнулъ: «подавай сюда, или я тебя такъ тисну, что поневолѣ отдашь.» Онъ былъ старше Веньямина, выше его ростомъ и сильнѣе, такъ что легко могъ привести свою угрозу въ исполненіе: но Веньяминъ уступать не хотѣлъ.

Досада у Мити разгорѣлась отъ борьбы, онъ вцѣпился въ плечи Веньямина; тому было ужасно больно, но онъ не поддавался; наконецъ Митя приперъ его къ стѣнѣ и такъ натиснулъ, что онъ и шевельнуться не могъ. Въ это мгновеніе дверь отворилась, и Андрей Петровичъ Свенцовъ вошелъ; его поразило зрѣлище, открывшееся передъ нимъ; блѣдный Веньяминъ, съ оцарапаной щекой и тяжело дышащій; а раскраснѣвшійся противникъ уперъ его колѣномъ и обѣими руками въ уголъ. «Дѣти, что это такое? воскликнулъ Андрей Петровичъ. Веня, ты, кажется, ссорился съ гостемъ, а ты, Митя, чуть не задушилъ хозяина: какъ вамъ не стыдно, гдѣ это видано, чтобы порядочные мальчики

ссорились между собою! Говорите, что вы не подѣлили. Митя, ты гость, тебѣ первому говорить.»

Митя стоялъ, опустивъ голову и сжавъ кулаки; ему было и непріятно, и стыдно, что его застали въ въ такомъ невыгодномъ положеніи; между тѣмъ какъ онъ до страсти любилъ казаться и добрымъ, и благородным, и несварливымъ.

«Во всемъ Веня виноватъ, сказалъ онъ наконецъ, я хотѣлъ у него взять альбомъ, онъ не давалъ; я сначала просилъ, потомъ хотѣлъ взять силой; изъ-за этого мы немного поссорилися и я приперъ его къ стѣнѣ, въ то время, какъ онъ барахтался, вырывался у меня изъ рукъ, я ему оцарапалъ щеку, вотъ и все.»

— Отчего же, Веня, ты не давалъ ему альбома?

Веня потупилъ глаза; ему не хотѣлось обвинять своего гостя и жаловаться на него и поэтому лучше молчалъ. «Что же ты не отвѣчаешь, Веня, и все еще держишь руки за спиною?»

— Не могу отвѣчать, папа, спроси лучше у Мити, онъ мой гость, а ты велѣлъ уважать гостя, пусть же онъ самъ и говоритъ.

— Хорошо уваженіе! воскликнулъ Митя, Веня, правила у тебя хороши, но ты ихъ плохо исполняешь; я у тебя прошу альбома на дѣло, а ты не даешь.

— Ты самъ знаешь, отчего я не даю.

— Все это вздоръ, говорю я тебѣ, вотъ сами разсудите, Андрей Петровичъ, я нечаянно уронилъ альбомъ и доска его разбилась, я хотѣлъ взять аль

бомъ, отослать въ Петербургъ и положить новую доску, а Веня не даетъ, говоритъ, что вы сами привезли малахитъ съ Урала; пусть себѣ: чѣмъ же онъ лучше другаго малахита, который тоже не здѣшній, тоже привезенъ оттуда же, откуда и вашъ. Вотъ, вамъ и вся причина нашей ссоры.

— Папа, я говорилъ только, что всѣ малахиты равны, но этотъ для маменьки особенно дорогъ тѣмъ, что ты его самъ привезъ съ Урала, что онъ напоминаетъ и тебѣ, и мамѣ о твоемъ путешествіи и что *ты* его нарочно привезъ для маменьки и подарилъ ей.

— Очень жаль, Митя, сказалъ Андрей Петровичъ, что въ этомъ случаѣ принужденъ принять сторону Вени и сказать тебѣ, что его образъ мыслей и взглядъ на вещи правильнѣе твоего; хоть ты и гость, но въ этомъ случаѣ прошу тебя уступить Вени и оставить альбомъ такимъ, какъ онъ есть; онъ даже изломанный не потерялъ цѣны.

— По моему это пустой предразсудокъ, замѣтилъ Митя, надувъ губы.

— Оставимъ это! Давайте лучше, посмотримъ, нельзя ли какъ нибудь помочь горю, мнѣ хотѣлось бы, чтобы жена не видала изломанной доски.

Андрей Петровичъ сѣлъ къ столу и тутъ только увидѣлъ опрокинутую чернилицу и залитый рисунокъ. «Это что такое? Вотъ, вы какъ возились! Ты испортилъ рисунокъ, за которымъ просидѣлъ три дня; худо, худо вы начинаете сегодняшній день встрѣчи вашей!...

Веня смотрѣлъ на смущеннаго Митю, ожидая, что онъ скажетъ, но и тотъ молчалъ; Андрей Петровичъ внимательно посмотрѣлъ на мальчиковъ, догадался, въ чемъ дѣло, укоризненно поглядѣлъ на Митю и покачалъ головою. Онъ не сказалъ ни слова, взялъ альбомъ и сталъ внимательно складывать разбитые куски доски; къ счастію они отлично приходились другъ къ другу, и можно было склеить всѣ куски такъ, что не замѣтно будетъ. При помощи брильянтоваго клея это ему вполнѣ удалось, и альбомъ осторожно спрятали въ столъ, чтобы онъ не подвергался новой опасности.

Мальчики переодѣлись, умылись, и хотя не очень дружески, но вмѣстѣ сошли къ обѣду.

Соня и Вѣра между тѣмъ гораздо лучше провели свое время; онѣ играли въ куклы, въ саду нарвали по большому букету цвѣтовъ, разставили ихъ на каминѣ въ двухъ вазахъ и радовались своей выдумкѣ, съ которою придали новую прелесть и безъ того изящной гостиной.

Во время обѣда Дубровскій обратился къ Сиверцову и сказалъ: «дорогой другъ и пріятель, знаешь ли ты, вѣдь, я къ тебѣ пріѣхалъ просителемъ.»

— Чѣмъ могу служить тебѣ? Ты самъ знаешь, что я всегда готовъ исполнить твое желаніе; мы, слава Богу, со школьной доски пріятелями, и я былъ бы радъ, чтобы дѣти наши наслѣдовали нашу дружбу. Но, что

я заговорился, прервалъ тебя и не далъ сказать, чѣмъ могу служить тебѣ.

— Видишь ли, братецъ ты мой, мнѣ по дѣламъ необходимо на двѣ недѣли уѣхать въ Петербургъ, жена моя больна, и ей не худо было бы посовѣтоваться съ докторами, поэтому возьму ее съ собою. Дѣтей намъ дома не на кого оставить, вотъ я разсчитывалъ на твою дружбу и на добрую Марью Ивановну; я увѣренъ, вы не откажетесь имъ замѣнить отца и мать, позволите имъ около мѣсяца прожить у васъ, а чтобы не затруднять васъ надзоромъ, напишу домой, чтобы ихъ гувернантка пріѣхала. Ну что, братъ, согласенъ ли ты, могу ли я на тебя разсчитывать?

Андрею Петровичу предложеніе это очень было непріятно, но онъ видѣлъ въ какомъ затрудненіи другъ его, и потому согласился, безъ дальнѣйшихъ разговоровъ.

Пока шли переговоры, у Вени сердце болѣзненно сжалось и слезы навернулись на глазахъ. «Господи Боже мой, думалъ мальчикъ, а онъ все будетъ у меня портить, вещи ломать и обижать меня на каждомъ шагу; нѣтъ, ужъ лучше бы не соглашался папа; они богаты, пусть себѣ ѣдутъ въ Петербургъ и веселятся тамъ».

Но въ это самое время Андрей Петровичъ сказалъ своему другу слова, отъ которыхъ у Вени стало полегче на сердце: «Хорошо, пусть твои дѣти останутся у меня, но я у тебя прошу и требую, чтобы ты предоставилъ мнѣ полную власть надъ ними; чтобы

я могъ обращаться съ ними, какъ съ моими собственными, по моему крайнему разумѣнію вести ихъ такъ, какъ веду своихъ; въ случаѣ необходимости буду и наказывать и награждать, какъ я съ своими дѣлаю, потому что я не могу съ ними обращаться какъ съ чужими: между ними и моими дѣтьми должно быть во всѣхъ отношеніяхъ полное равенство.

— Отъ души признаю за тобою эту власть и отдаю тебѣ Митю и Соню въ полную и неоспоримую собственность, до нашего возвращенія; я увѣренъ, что твое наблюденіе за ними принесетъ имъ большую пользу. Я буду радъ, ежели они будутъ походить на твоихъ дѣтей.

— А я увѣрена, что ни Соня, ни Митя въ особенности не подадутъ повода не только къ наказанію, но даже къ легкому выговору, замѣтила мать, которая до того была ослѣплена достоинствами своихъ дѣтей, что не могла представить ихъ способными на какую бы то ни было шалость.

Дѣло было рѣшено. Дубровскіе уѣхали, оставивъ дѣтей въ усадьбѣ Свенцовыхъ. Разлука съ родителями подѣйствовала на Митю, и онъ въ теченіе первыхъ, трехъ-четырехъ дней былъ скроменъ, не надоѣдалъ Вени и не ссорился съ нимъ; о дѣвочкахъ говорить нечего: онѣ были дружны и обѣ кроткаго, уступчиваго характера, поэтому у нихъ все было тихо и и спокойно.

Подъ вечеръ, всѣ четверо дѣтей играли на лужай-

кѣ передъ домомъ; никто не вмѣшивался въ ихъ игры; никто не понукалъ и не подзадоривалъ ихъ при удачѣ, или неудачѣ, но Марья Васильевна и Андрей Петровичъ поочередно, или оба вмѣстѣ сидѣли на балконѣ, не сводили съ нихъ глазъ и наблюдали только, чтобы игра не вырождалась въ ссору.

Въ этотъ день на лужайкѣ разостлано было сѣно, скошенное въ саду, и тутъ досыхало; дѣти скучивали его, играли, прыгали, барахтались въ немъ и иногда зарывались въ него съ головою; иногда подумаешь что передъ тобой просто куча. а тутъ вдругъ мнимая куча зашевелится и изъ нея выглядываетъ веселое дѣтское личико Вѣры, или кудрявая головка Сони: она отдувается, очищаетъ себя и опять принимается за то, чтобы уйти въ свою норку...

Около часу возились дѣти на сѣнѣ, наконецъ устали, стащили большую кучу и усѣлись на ней; нѣсколько минутъ прошло въ полномъ молчаніи. Дѣти молча отдыхали.

— Знаешь ли, Вѣра, сказалъ Веня, имянины маменьки будутъ черезъ двѣ недѣли, что бы намъ такое придумать къ этому дню?

— Не знаю, давайте посовѣтуемся, отвѣчала Вѣра, ты знаешь, маменька любитъ, чтобы мы въ этомъ случаѣ сами распоряжались: мы думывали обыкновенно вдвоемъ; теперь насъ четверо, придумаемте что нибудь вчетверомъ. Пусть всякій скажетъ, что знаетъ.

— Ты всѣхъ старше, Митя, тебѣ говорить! нѣтъ.

надобно начать съ младшихъ: Соня, ты самая маленькая, что скажешь.

— Я сдѣлаю хорошій букетъ, выучу стихотвореніе и скажу его тетенькѣ.

— Хорошо, ну, а ты что, Вѣра, твой чередъ.

— Я давно уже начала работу, которую дѣлаю урывками, когда мамы нѣтъ дома, я ее окончу, хоть для этого по ночамъ буду работать, но кончу и подарю мамѣ.

— Ну, и это хорошо; теперь, Веня, тебѣ говорить, а я, какъ самый старшій послѣдній скажу.

— Я выпилю изъ орѣховой доски полочку для маменькинаго письменнаго стола, у меня много рисунковъ, очень красивыхъ, и досокъ, и пилокъ много.

— Развѣ ты умѣешь пилить? спросилъ Митя.

— Нѣтъ, не умѣю, но папа подарилъ мнѣ дерево и пилы, да обѣщался поучить; я думаю, это не трудно: я къ тому же довольно ловокъ на всякія работы. И такъ, я сдѣлаю полочки и подарю ихъ маменькѣ.

— Отлично; я тоже не умѣю пилить: но могу научиться и сдѣлаю ей рабочій ящикъ, или бюваръ; узоровъ, вѣроятно, найдется довольно и на мою долю. Но это не все. Мы устроимъ сельскую картину, или сельскій праздникъ, нарядимся въ крестьянскіе костюмы и поднесемъ наши подарки, какимъ нибудь особеннымъ образомъ, съ воза сѣна, или сноповъ, или чего нибудь подобнаго, и намъ и тетѣ будетъ весело. Только, чуръ, господа, никому не заглядывать въ работу

другаго и не помогать; пусть каждый сдѣлаетъ, что можетъ и какъ можетъ.

— Хорошо, хорошо, воскликнули дѣти; только Соня тихо прибавила, наклонившись къ Вѣрѣ: выучить стихотвореніе я могу и одна, тоже и букетъ свяжу, но ты мнѣ выбери, что учить; этого я сама не могу, или покажи мнѣ въ книгѣ, или напиши.

— Охотно бы сдѣлала это, Соня, но я сама знаю очень мало стихотвореній; пусть лучше Веня тебѣ отыщетъ, онъ много читалъ и много что знаетъ наизустъ. Я его попрошу, онъ не откажетъ.

Веня услышалъ слова сестры и обѣщался выбрать хорошенькое, подходящее къ дѣлу стихотвореніе.

Дѣти еще нѣсколько времени помечтали о томъ, какой у нихъ красивый будетъ праздникъ, какіе подарки у нихъ будутъ, и весело собрались къ чаю.

На слѣдующій день Веня и Митя приступили къ Андрею Петровичу съ просьбою научить ихъ пилить. Онъ досталъ тотчасъ двѣ ручки для пилокъ, множество маленькихъ пилокъ всевозможной толщины, дриль, чтобы продѣлывать дырочки, въ которыя потомъ вкладываютъ лезвее пилки, вытащилъ папку съ рисунками, и ученіе началось. Митя былъ нетерпѣливъ и оттого безпрестанно, или портилъ, ломалъ пилу, или заходилъ не въ ту сторону куда шелъ рисунокъ, однимъ словомъ, дѣло у него не клеилось не отъ недостатка ловкости, но отъ недостатка усидчивости и терпѣнья. У Вени совсѣмъ другое: онъ неторопливо и спокойно

водилъ пилою, отъ этого она не ломалась и линія рисунка выходила чистая и не ломанная, какъ у Мити; такая разница не нравилась самолюбивому Митѣ, и онъ съ досадою смотрѣлъ на работу своего терпѣливаго товарища и про себя ворчалъ: «ну, такое пиликанье годится только для тѣхъ, у кого въ жилахъ течетъ холодная вода, а не кровь; я лучше совсѣмъ брошу, чѣмъ такъ медленно, какъ червякъ, подвигаться впередъ.»

Андрей Петровичъ старался ободрять Митю, указывалъ ему легчайшіе и удобнѣйшіе пріемы, чтобы облегчить трудъ для неусидчиваго мальчика. Онъ догадывался, что оба вѣроятно съ какою нибудь особенною цѣлью вздумали учиться пилить, но чтобы не вынуждать у нихъ признанія, онъ не спрашивалъ, хотя догадывался, что они, должно быть, затѣяли сдѣлать какую нибудь вещицу для Марьи Васильевны, имянины которой приближались.

Хотя работа, или вѣрнѣе, ученье шло не съ одинаковымъ успѣхомъ, однакожъ оба внимательно разсмотрѣли рисунки и каждый выбралъ себѣ, что ему приходилось по вкусу. Веня задумалъ пилить очень красивую, замысловатую, изъ арабесковъ и завитковъ полочку; двѣ боковыя доски и двѣ полочки; работы за этимъ было очень много, но ежели пилить съ терпѣніемъ, то могла выйти замѣчательно красивая вещь, которую можно бы поставить на письменный столъ въ самомъ богатомъ и роскошномъ будуарѣ.

Митѣ все не нравилось: то было слишкомъ просто,

другое грубо, третье хорошо, но дѣла много, и такимъ образомъ время проходило, а онъ не зналъ за что ему взяться. Наконецъ, выбралъ два очень красивыхъи замысловатыхъ рисунка для досокъ бювара, нарисовалъ ихъ на тонкой восковой бумагѣ, перевелъ на дерево и приготовился пилить. «Напрасно ты затѣялъ такую большую вещь, ты никогда ея не кончишь, сказалъ онъ Венѣ, къ тому же рисунокъ аляповатъ, совѣтую тебѣ выбрать что нибудь другое, получше и поизящнѣе; посмотри на мой бюваръ: онъ будетъ получше твоихъ полокъ.»

— Не удивительно: твой бюваръ будетъ состоять изъ двухъ небольшихъ досокъ, а у меня ихъ четыре и каждая вдвое больше твоей. Но знаешь ли, возьмемся каждый за свое дѣло и тогда увидимъ, кто скорѣе и лучше кончитъ—это главное.

Послѣ этого начался разборъ и выборъ досокъ; Митѣ ни одна не нравилась, то рисунокъ дерева крупенъ, то слишкомъ мелокъ, то сама дощечка слишкомъ толста и трудно будетъ пилить, то она не вмѣру тонка, можетъ расколоться, или готовая будетъ гнуться. Когда Веня отобралъ себѣ четыре доски, подготовилъ ихъ, т. е. выстругалъ, сгладилъ стекломъ, выскоблилъ и выровнялъ, тогда онѣ понравились Митѣ, и онъ сказалъ:

— Веня, твои доски лучше моихъ, видишь, какія онѣ красивыя, гладкія.

— Оттого, что я ихъ выстругалъ и подготовилъ; дай мнѣ свои, я тебѣ тоже сдѣлаю.

— Нѣтъ, на моихъ рисунокъ дуренъ; отдай мнѣ двѣ изъ твоихъ.

— Нѣтъ, не хочу, я нарочно выбралъ себѣ поровнѣе и тѣ, какія мнѣ пришлись по вкусу. Ты первый выбиралъ, отчего же ты не взялъ ихъ.

— Не досмотрѣлъ, а ты схитрилъ, не указалъ мнѣ, вотъ, отчего я и остался ни причемъ.

— Ты не правъ, Митя; я не хитрилъ, всѣ доски были передъ тобою; себя вини, а не меня, ежели находишь, что мой выборъ удачнѣй.

— Нечего болтать, подавай свои доски, я тебѣ не уступлю, я не привыкъ исполнять прихоти; ты капризничаешь, ну и капризничай; не даешь добромъ, то я возьму силой. И съ этими словами Митя быстро подскочилъ къ Венѣ, оттолкнулъ его и взялъ двѣ лучшія доски. Веня попытался было отнять ихъ, но не могъ: Митя былъ сильнѣе и къ тому же въ борьбѣ сильно толкнулъ его, отъ чего онъ повалился на полъ.

Веня заплакалъ, а Митя насмѣхался надъ нимъ. Наконецъ обиженный мальчикъ скрѣпился, взялъ оставшіяся ему двѣ доски и подобралъ къ нимъ двѣ другія, нисколько не уступавшія первымъ; очистилъ, сгладилъ ихъ, нарисовалъ узоры и рѣшился выпиливать такъ, чтобы Митя не видалъ его работы. Для этого онъ взялъ ключъ отъ пустаго амбара и подъ маленькимъ окошечкомъ устроилъ себѣ мастерскую, предоставивъ Митѣ свою комнату.

— Это что значитъ, зачѣмъ ты ушелъ работать

въ другое мѣсто, мнѣ одному здѣсь скучно, сказалъ Митя.

— Я ушелъ за тѣмъ, чтобы тебѣ свободнѣе было и чтобы не подавать тебѣ повода къ спорамъ и ссорамъ; я тебя туда не пущу, намъ лучше быть почаще врозь.

— Я пожалуюсь твоему папѣ.

— Пожалуй, какъ хочешь, жалуйся, но я тебя предупреждаю, что, когда ты станешь жаловаться, я не стану скрывать причины, по которой ушелъ отъ тебя. Ты самъ знаешь, кто виноватъ, кто правъ...

Митя надулся и сѣлъ за свою работу, проговоривъ: «Смотри же, не подходи ко мнѣ, не мѣшай мнѣ и никогда не смотри на мое пиленье».

— Согласенъ, отъ тебя требую того-же!

Съ этого дня мальчики каждый день расходились часа на три: одинъ шелъ въ амбаръ и работалъ тамъ, другой оставался въ комнатахъ и также пилилъ.

Нетерпѣливый Митя не хорошо выполнялъ рисунокъ, проломалъ линіи въ нѣсколькихъ мѣстахъ и когда окончилъ одну сторону бювара, то поневолѣ долженъ былъ признаться, что она никуда не годится. Онъ съ досадою бросилъ ее на землю и окончательно раскололъ на двѣ половинки.

Веня засталъ его въ ту минуту, когда онъ стоялъ надъ своей окончательно испорченной работой; лицо его было печально и сердито; губы судорожно сжаты, брови насупленныя. Венѣ жаль стало товарища, и

онъ сказалъ ему: «не печалься, Митя, еще успѣешь окончить работу, давай я тебѣ помогу.»

— Хорошо! Я ужъ хотѣлъ отказаться отъ своего бювара, у меня дѣло нейдетъ.

— Напрасно, давай, я тебѣ помогу. И Веня тотчасъ взялъ пилу и началъ выпиливать рисунокъ на другой доскѣ. Митя стоялъ и смотрѣлъ, какъ ловко дѣло подвигается у Вени; онъ подумалъ: «наловчился онъ, вѣрно, его полка хорошо выйдетъ: куда же мнѣ съ нимъ тягаться; онъ мастеровой, ему лучше руками работать; мнѣ нельзя съ нимъ равняться, къ другому назначенъ; мнѣ папа говорилъ, что я буду чиновникомъ, профессоромъ, или офицеромъ; у папы много денегъ, передо мною весь свѣтъ открытъ, я не то, что Веня, у него отецъ не богатъ и ему надобно всему учиться, все умѣть дѣлать самому».

Утѣшая себя такимъ образомъ, Митя спокойно и даже съ какимъ-то пренебреженіемъ смотрѣлъ на работу своего товарища. Время шло, а день имянинъ Марьи Васильевны приближался; наканунѣ все было готово; Андрею Петровичу сказали о затѣянномъ сельскомъ праздникѣ и о томъ, что дѣти приготовили свои подарки. Соня выучила стихотвореніе и хотѣла встать пораньше, чтобы самой нарвать цвѣтовъ: она хотѣла связать ихъ своимъ лучшимъ розовымъ кушакомъ. Вѣрочка сидѣла до 10 часовъ вечера, оканчивая свое вышиванье; мальчики тоже окончили свои вещи; Веня былъ веселъ и говорилъ, что полочка его хороша. Митя

слушалъ его и сердито посматривалъ, потому что бюваръ его вышелъ небрежный, неудачный и некрасивый; не смотря на помощь Вени, работа не могла вполнѣ быть отчетливою; тѣ мѣста, которыя вырѣзывалъ Веня, были гладки и хороши, но то, что дѣлалъ Митя, было неровно, неакуратно, сбивчиво и отличалось своею нестарательностію и небрежностію.

— Покажи мнѣ свою полку, сказалъ Митя.

— Хорошо, отвѣчалъ Веня, такъ-какъ она готова, то могу показать. Пойдемъ со мною!

Они пошли въ амбаръ и тамъ на столѣ стояла совсѣмъ готовая рѣзная, чрезвычайно красивая, покрытая лакомъ полка. Затѣйливыя арабески шли не только по ея стѣнкамъ, но и вдоль самыхъ полочекъ; это была въ высшей степени изящная и красивая вещь и Веня показывалъ ее съ сознаніемъ того, что трудъ его не пропалъ и вполнѣ удался. Митя глядѣлъ и не могъ скрыть своей досады, онъ видѣлъ, что нѣтъ сравненія съ его неудачнымъ небрежнымъ бюваромъ! Онъ ни слова не сказалъ, не похвалилъ работы и сердито вышелъ изъ амбара. Весь день онъ былъ не въ духѣ, не отвѣчалъ, ежели съ нимъ кто нибудь заговаривалъ, и когда ему принесли крестьянскій костюмъ—совершенно новую рубашку изъ александрійки и новый бѣлый армякъ изъ самодѣльнаго деревенскаго сукна, который ему надобно было надѣть на сельскій праздникъ, онъ его оттолкнулъ, швырнулъ на диванъ и даже не взглянулъ на Веню, который при-

мѣрялъ точно такой же костюмъ и весело ходилъ въ немъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

Митя просидѣлъ цѣлый день недовольный и сердитый; ему досадно было, что Веня такъ хорошо кончилъ свою работу; онъ готовъ былъ прибить его, готовъ былъ испортить сдѣланную вещь. У него мелькнуло въ головѣ: «а что, не испортить-ли ее въ самомъ дѣлѣ, можно поколотить по доскамъ, онѣ расклеятся, полки развалятся и тогда, хоть на завтрашній день, его подарокъ будетъ хуже моего. Я не совсѣмъ испорчу и сломаю доски, а только немного расклею, это ничего и особеннаго зла не будетъ. Вотъ, ежели бы я совсѣмъ уничтожилъ ихъ, то это нехорошо, а такъ я никому особеннаго вреда не сдѣлаю, маленькую же непріятность готовъ причинить этому несносному хвастливому Венѣ. Да, онъ хвастливъ: съ какимъ удовольствіемъ показываетъ свою работу, будто не вѣсть что.—Рѣшено, я непремѣнно расклею его полочку, ему нечего будетъ подарить, развѣ однѣ доски, и мой подарокъ будетъ лучше.»

Такъ разсуждалъ самъ съ собою Митя; у него, правда, раза два мелькнула мысль: какъ Венѣ это будетъ непріятно, какъ онъ будетъ печаленъ, какъ ему жаль будетъ своей работы и всѣ будутъ упрекать его, Митю, за горе, причиненное товарищу. Но и эти тихія возраженія совѣсти, онъ успокоивалъ тѣмъ, что говорилъ себѣ: «Печаль эта непродолжительная, бѣду можно поправить и полочка отъ этого впослѣдствіи не ста-

нетъ хуже. Упрекать же меня за то, что я съ умысломъ испортилъ подарокъ Вени, никто не будетъ по очень простой причинѣ: никто этого не узнаетъ. Я постараюсь сдѣлать это тихонько, ночью, когда всѣ спать будутъ, унесу ключъ отъ Вени, я знаю, куда онъ его кладетъ, а завтра подумаютъ, что онъ худо склеилъ и полочка развалилась сама; это бываетъ, ежели клей плохой, или сдѣлаешь неакуратно, у меня это много разъ случалось. Рѣшено, сегодня ночью расклею полку!»

Пока Митя такъ думалъ, лицо его то вспыхивало и глаза свѣтлѣлись, то блѣднѣло; ежели бы кто нибудь наблюдалъ за нимъ, тотъ видѣлъ бы, что онъ обдумываетъ что-то, что у него есть какой-то нехорошій умыселъ, но за нимъ никто не наблюдалъ; всѣ были заняты приготовленіями къ предстоящему семейному празднику, а потому никому волненіе его не бросилось въ глаза.

Наступила ночь; Андрей Петровичъ, по обыкновенію, проводилъ мальчиковъ въ ихъ комнату, смотрѣлъ, какъ они раздѣваются, умываются и молятся Богу передъ сномъ. Митя, по обыкновенію, сталъ передъ иконою на молитву, но произносилъ священныя слова, не придавая имъ смысла и не вдумываясь въ нихъ; онъ весь былъ поглощенъ своимъ дурнымъ намѣреніемъ. Небрежный и невнимательный тонъ, какимъ онъ говорилъ молитвы, поразилъ Андрея Петровича, и когда онъ подошелъ къ нему прощаться,

онъ ему это замѣтилъ и прибавилъ: «помни, Митя, что утренняя и вечерняя молитва не есть пустая формальность; ее мы должны говорить сознательно и въ сердцѣ нашемъ при моленіи должна проснуться совѣсть, которая мысленно должна пробѣжать все, что мы дѣлали и думали въ теченіе дня; потомъ должны просить у Бога прощенія въ своихъ проступкахъ и умолять Его, чтобы Онъ послалъ намъ силу исправиться. Ты же сегодня молитвы говорилъ такъ, что въ голосѣ твоемъ слышалось: скорѣе бы сказать ихъ и отдѣлаться отъ нихъ.»

Митя покраснѣлъ: онъ именно это думалъ. Когда же Андрей Петровичъ ушелъ, у него даже мелькнула мысль: «а вѣдь дѣло-то я затѣялъ дурное, оттого и молиться не могъ, ужъ не отказаться ли отъ него? Пусть Венинъ подарокъ будетъ лучше моего. Богъ съ нимъ, мнѣ что до этого за дѣло!»

Такое хорошее намѣреніе у него было вызвано словами Андрея Петровича и ежели бы Митя тотчасъ уснулъ, ничего дальнѣйшаго не произошло бы. Но Митя весь день сердился и волновался и потому не могъ уснуть; голова горѣла и воображеніе у него работало. Ему представился завтрашній день: наѣхало много гостей; въ тележкѣ, запряженной маленькимъ пони, дѣти привезли возъ сноповъ, всѣ въ крестьянскихъ одеждахъ; Соня подаетъ большой, красивый букетъ и отлично говоритъ свое стихотвореніе; за нею Вѣра подаетъ свое прекрасное вышиванье и тоже говоритъ стихотвореніе; Веня подноситъ красивую полочку и гово-

ритъ по англійски поздравленіе имъ самимъ сочиненное; наконецъ, видитъ себя, какъ онъ подноситъ свой некрасивый бюваръ и не умѣетъ рта разинуть, слова сказать. Всѣхъ обнимаютъ, цѣлуютъ, хвалятъ, а ему только снисходительно замѣчаютъ, что онъ очень хорошо выпилилъ, что отъ его живаго характера и столькаго ожидать нельзя было и т. д., и онъ развивалъ картину своего будущаго смущенія и стыда; впечатлѣніе, произведенное на него словами проницательнаго Андрея Петровича, сгладилось, и опять мелькнула рѣшимость попортить подарокъ Вени.

На бѣду же Веня спалъ уже крѣпкимъ сномъ; Митя прислушивался, никто въ домѣ не шевельнется, всѣ опятъ; онъ тихонько приподнялся на кровати и спустилъ ноги — все тихо; онъ надѣлъ сапоги и въ ночномъ бѣльѣ, какъ былъ, шагъ за шагомъ, тихонько, чтобы полъ не скрипнулъ, добрался до письменнаго стола Вени, тихонько выдвинулъ ящикъ, взялъ знакомый ключъ, захватилъ со стола спичечницу и свѣчку и также тихо прокрадывался къ двери.

Сердце у него тревожно билось, въ головѣ стучало, онъ смутно чувствовалъ, что поступаетъ, какъ воръ, но не далъ себѣ времени одуматься и остановиться во время; неотразимая сила зла влекла и толкала его впередъ. Съ лѣстницы сошелъ онъ, тоже крадучись, и вздрагивалъ, когда ступеньки скрипѣли. Вотъ онъ уже въ саду; темно, хоть глазъ коли; Митѣ страшно идти по темной аллеѣ; клены какъ-то зло-

вѣще шепчутся и листья шелестятъ, какъ-то непріятно и страшно. Лучше бы вернуться, но нѣтъ, злая страсть отуманила его. Онъ дошелъ до амбара, тихонько отперъ дверь и она, какъ нарочно, жалобно завизжала, когда онъ началъ отворять ее.

Въ амбарѣ еще темнѣе, чѣмъ на дворѣ. Митя взялъ спичку, шаркнулъ ею объ стѣну, она загорѣлась и онъ зажегъ свѣчку, а спичку бросилъ. Передъ нимъ на столѣ стояла красивая полочка. Неужели ему не жаль испортить ее? Нисколько. Надобно только найти, чѣмъ бы поколотить. Нигдѣ не видно молотка. Хоть бы камень какой найти, подумалъ Митя и пошелъ ходить по амбару изъ угла въ уголъ; шарилъ, искалъ, наконецъ, видитъ въ углу изъ-подъ-кучи сложенной кудели выглядываетъ желѣзный лемехъ отъ сохи. Онъ радостно кинулся туда со свѣчкой, но по своей обыкновенной неосторожности, не обращая вниманія на то, что кругомъ него дѣлается; онъ вытащилъ лемехъ и побѣжалъ къ столу, не замѣтивъ, что поджегъ кудель. Онъ утвердилъ огарокъ свѣчки къ столу, взялся за полку и однажды ударилъ по ней; доска треснула и отскочила отъ удара тяжелымъ желѣзнымъ лемехомъ: Митя еще и еще разъ ударилъ, но въ это мгновеніе обратилъ наконецъ вниманіе на зловѣщій трескъ за собою, на смрадъ, наполнявшій амбаръ, и на жаръ уже распространявшійся отъ горѣвшаго льна.

Страшное зрѣлище поразило Митю: онъ остолбенѣлъ и совсѣмъ растерялся; позабылъ гдѣ дверь и

началъ метаться по амбару и кричать. Огонь все увеличивался, балки занялись, на Митѣ тлѣла и дымилась рубашка, волоса ему спалило, дышать было невозможно, такъ и рѣзало въ горлѣ и груди; онъ, какъ безумный наконецъ нечаянно попалъ въ дверь; она отворилась отъ толчка, и онъ въ безпамятствѣ вмѣстѣ съ пылающими языками пламени вырвался на дворъ, но тутъ же упалъ.

Онъ сгорѣлъ бы, ежели бы въ это самое мгновеніе Андрей Петровичъ не вытащилъ его изъ огня. Но его въ совершенномъ безпамятствѣ, съ сильнѣйшими обжогами отнесли въ комнату Вени и поручили Марьѣ Васильевнѣ.

Дворня сбѣжалась, притащили ручныя трубы, но потушить пламени не могли. Амбаръ предоставили горѣть, и отстаивали только сосѣднія зданія; всѣ деревенскіе жители сбѣжались и такъ какъ Свенцовыхъ всѣ любили, то крестьяне и работали, не жалѣя себя. Черезъ два часа отъ амбара осталась груда пылающихъ углей и полуобгорѣлыя, но потушенныя бревна.

Митя все еще не приходилъ въ себя; его обложили ватой и самые сильные обжоги поливали масломъ и яичными бѣлками; это обыкновенныя средства, какія употребляются въ деревнѣ при обжогѣ. Черезъ нѣсколько часовъ онъ пришелъ въ себя, но только стоналъ и жаловался на ужасныя страданія. Послали въ городъ за докторомъ; онъ сдѣлалъ ванну и положилъ Митю въ ванну съ тепловатой, постоянно

возобновляющеюся водою и сказалъ: «перемѣняйте воду почаще, такъ, чтобы онъ ни минуты не оставался внѣ воды», устроилъ тесьмы, для поддерживанья его и, оставивъ лекарство, которое велѣлъ исправно давать черезъ часъ, уѣхалъ. Марья Васильевна и Веня не отходили отъ больнаго, ни о чемъ не разспрашивали его и только исполняли всѣ его желанія.

О сельскомъ праздникѣ и о празднованіи имянинъ, само собою разумѣется, не было и помину. Андрей Петровичъ догадывался въ чемъ дѣло; ему въ ту ночь не спалось; онъ лежалъ въ постели и слышалъ, какъ лѣстница раза два скрипнула подъ ногами Мити, потомъ ему послышалось что кто-то вышелъ изъ дверей, ведущихъ на балконъ, и поэтому поспѣшилъ къ окну, видѣлъ какъ что-то бѣлое мелькнуло по саду къ амбару, потомъ кто-то отворилъ и затворилъ дверь. Андрей Петровичъ не понималъ, кому это понадобилось ночью идти въ амбаръ; онъ наскоро одѣлся и пошелъ въ садъ, побѣжалъ на крикъ и поспѣлъ именно во время, чтобы выхватить Митю изъ огня. Онъ разспросилъ Веню, что было въ амбарѣ и что Митѣ была за надобность ночью ходить туда со свѣчею, или со спичками.

— У Мити ничего въ амбарѣ не было и ему тамъ нечего было дѣлать; въ амбарѣ стояла только моя готовая полочка, которую я вырѣзывалъ и выпиливалъ въ амбарѣ, чтобы Митя мнѣ не мѣшалъ. Я

ему въ тотъ самый день показывалъ свою полочку и онъ ночью пошелъ вѣрно за тѣмъ, чтобы посмотрѣть ее, или можетъ быть ему вздумалось принести ее домой.

— Хорошо, ступай къ больному, смѣни маму, пусть она отдохнетъ, но ты ничего не говори ему о пожарѣ и о полочкѣ, однимъ словомъ оставь его въ покоѣ, пусть поправляется. Отъ души желаю, чтобы онъ выздоровѣлъ и чтобы урокъ этотъ пошелъ ему впрокъ.

Около шести недѣль длилась болѣзнь Мити; онъ поправлялся медленно, но, покрайней мѣрѣ, всѣ раны заживали гладко, нигдѣ не оставалось безобразныхъ рубцовъ. Его отецъ и мать пріѣхали, когда онъ въ первый разъ одѣлся и вышелъ въ гостинную. Свиданіе было трогательное и болѣзненное. Блѣдный, худой и слабый мальчикъ бросился къ отцу на шею и горько зарыдалъ.

— Бѣдный, несчастный мой Митя, къ какомъ печальномъ положеніи видимъ мы тебя. Господи, Господи, за что Ты его такъ наказалъ; сердце ноетъ и упадаетъ, глядя на тебя! Безвинный мой страдалецъ! Голубчикъ ты мой ненаглядный! восклицала мать.

— Боже мой, Боже мой, какъ это съ тобою случилось такое ужасное несчастіе!

Митя ни слова не отвѣчалъ, а только горько плакалъ. Андрей Петровичъ старался успокоить его и напоминалъ, что при состояніи его здоровья, всякое волненіе и всякій плачъ могутъ быть вредными.

Митя сдѣлалъ надъ собою усиліе, пересталъ плакать и нѣсколько минутъ просидѣлъ молча, очевидно о чемъ-то думая и собираясь съ силами. Онъ поочередно посмотрѣлъ на отца, на мать, на Андрея Петровича и Марью Васильевну и наконецъ сказалъ:

— Вы всѣ здѣсь и ты, Веня, тоже; я очень радъ, что могу теперь снять съ своего сердца тяжесть, которая все это время мнѣ не давала покою. Маменька, вы меня называете *безвиннымъ страдальцемъ*: нѣтъ, я виноватъ, очень виноватъ, и Богъ наказалъ меня за мое недоброе сердце; я не ропщу, я заслужилъ то, что со мною случилось по моей собственной винѣ.

«Благодарю васъ, что вы меня до сихъ поръ не разспрашивали ни о чемъ, вы мнѣ дали время хорошенько обдумать мой поступокъ и раскаяться въ немъ; теперь я знаю, какъ я виноватъ, и во всемъ откровенно признаюсь, прошу у васъ прощенія и постараюсь исправиться.

«Когда Веня показывалъ мнѣ полочку, я ее мысленно сравнилъ съ моею плохою работой; сталъ завидовать ему и чтобы лишить его возможности подарить ее вамъ, Марья Васильевна, я выждалъ, когда всѣ уснутъ, когда все въ домѣ будетъ тихо; и пошелъ въ амбаръ, зажегъ тамъ свѣчку и хотѣлъ изломать полочку: но я не могъ найти молотка. Я не хотѣлъ совсѣмъ разломать и разбить ее, а только расклеить. Молотка не было, я искалъ по амбару и наконецъ увидѣлъ желѣзный лемехъ подъ путкомъ льна.

досталъ его, но при этомъ, вѣрно, поджегъ ленъ. Я раза два ударилъ желѣзомъ по полкѣ; она еще не совсѣмъ разломалась, какъ огонь охватилъ меня; я растерялся, метался во всѣ стороны, какъ-то попалъ въ дверь, выскочилъ, повалился, дальше ничего не помню и очутился уже въ постели.

«Вы видите, я совсѣмъ виноватъ, простите меня; и я во всю жизнь не перестану вспоминать этого случая.»

Андрей Петровичъ, Марья Васильевна и Веня чувствовали, что Митя сожалѣетъ о своемъ поступкѣ и раскаявается въ немъ; они обнимали, цѣловали его и старались успокоить.

О родителяхъ Мити говорить нечего; они были счастливы, что Господь сохранилъ имъ сына.

Урокъ, дѣйствительно, послужилъ мальчику въ пользу, онъ пересталъ завидовать другимъ, не былъ такимъ придирчивымъ и сварливымъ, какъ прежде, и его вечернія и утреннія молитвы не были больше такими разсѣянными и незначащими, какъ въ день пожара.

Прошелъ годъ, опять наступилъ день имянинъ Марьи Васильевны. Митя не жилъ у нихъ, но пріѣхалъ въ этотъ день нарочно въ усадьбу Свенцовыхъ и привезъ съ собою полочку, выпиленную имъ изъ орѣховаго дерева, по тому же рисунку, точь въ точь такую, какую Веня дѣлалъ въ прошломъ году. Онъ подарилъ эту полочку Венѣ и просилъ его отдать ее

Марьѣ Васильевнѣ. «Прошу тебя, прими ее и какъ свою подари своей маменькѣ; пусть она напомнитъ ей съ какою любовью и заботливостью она ходила за мною и никогда, ни однимъ взглядомъ не дала мнѣ почувствовать моей вины. Меня особенно тронула и исправила ея ласка и твое доброе, благородное, немстительное сердце. Знаешь ли, Веня. пока я пилилъ полку, я все объ этомъ думалъ и еще о многомъ другомъ и теперь не буду такимъ дурнымъ, какимъ былъ прежде.»

Митя сдержалъ слово; дружба между нимъ и Веней съ каждымъ годомъ укрѣплялась; они вмѣстѣ поступили въ одно заведеніе и вмѣстѣ начали служить.

Наша ласточка.

Лѣто въ 1868 году было нестерпимо жаркое и сухое. Постоянно свѣтло-голубое небо было залито солнечнымъ свѣтомъ. Нигдѣ не виднѣлось ни облачка; въ теченіе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, іюня и іюля, не было ни одной капли дождя.

Мы жили въ Псковской губерніи; почва въ нашихъ мѣстахъ—или глинистая, или песчаная, или болотистая. Такой зной, какъ этотъ годъ, высушилъ всѣ болота; гдѣ прежде ѣздили на лодкахъ, или уходили по колѣно въ тину, тамъ было до того сухо, что земля растрескалась—и только болотистыя травы показывали, что здѣсь, въ прежніе годы, было сыро.

Въ лѣсахъ, обыкновенно сырыхъ и влажныхъ, можно было свободно ходить. трава и сухіе, прошлогодніе листья шуршали подъ ногою. Долго стояли лѣсныя деревья во всей прелести своей лѣтней, густой зелени; но солнце жгло и сушило землю—и мало-по-малу, отъ недостатка влажности, листья желтѣли, какъ осенью и облетали; даже

сосны и ели завядали; только въ низменныхъ мѣстахъ, куда собирается вся влажность, еще уцѣлѣла трава и кусты зеленѣли.

На взгорьяхъ все пожелтѣло и почернѣло; поля, засѣянныя овсомъ и гречихой, стояли пустыя; изрѣдка, далеко одинъ отъ другаго, поднимались колосики, почти всѣ пустые, и стояли отъ земли не выше четверти. Одна только рожь удалась; она за зиму и весною запаслась силами, и хотя поднялась не высоко отъ земли, но все-таки на ней образовался тощій колосъ и хоть сколько нибудь уродилось зерна. Луга и покосы были покрыты низкою, рѣдкою и жесткою травою, такъ что въ ней вовсе не было соку; утромъ скошенная трава была уже совершенно суха къ вечеру.

Мы каждое утро съ тревогой смотрѣли на небо, нѣтъ ли гдѣ облака; но всегдашній, безотрадно-свѣтлый горизонтъ наводилъ тоску. Раза два-три набѣгали тучи; казалось, вотъ-вотъ налетитъ гроза; сверкали даже отдаленныя молніи,—но вѣтеръ уносилъ тучи, и опять наступалъ сухой, томительный жаръ.

Приближалось время сѣнокоса; мужики печально ходили по лугамъ и жалѣли объ ихъ безплодіи; но зима впереди: какая бы тамъ ни была трава, а косить ее надобно.

У насъ отворили сѣнной сарай настежь, чтобы вычистить убрать его и приготовить для свѣжаго сѣна; оказалось, что надобно поправить нѣсколько стропилъ; они погнулись отъ зимнихъ непогодъ и отъ снѣга. Призвали

плотника. Онъ началъ стучать, чинить и тесать топоромъ.

Съ давнихъ поръ, въ сѣнной сарай ежегодно прилетали ласточки, послѣ своего зимняго странствія на югъ, и строили гнѣзда подъ самымъ соединеніемъ стропилъ. И въ это лѣто, какъ всегда, пара ласточекъ починила свое прошлогоднее гнѣздо, выложила его новымъ пухомъ, задѣлала всѣ трещины, и сдѣлала его годнымъ для житья. Самка уже положила въ гнѣздо четыре маленькихъ, бѣлыхъ яичка съ коричневатыми крапинками. Недѣли двѣ, или немного побольше, она просидѣла въ гнѣздѣ, согрѣвая яички своею грудкою и крылышками, и изъ яичекъ выглянули четыре голенькія, безобразно-большія головки, и тотчасъ, открывъ большіе клювы, съ пискомъ запросили пищи. Старыя ласточки рѣяли по воздуху, на лету хватали какое нибудь насѣкомое (муху, комара, или маленькую бабочку), приносили ихъ въ родное гнѣздо, и поочереди клали пищу то въ тотъ, то въ другой открытый клювъ. Погода стояла знойная; насѣкомыхъ въ воздухѣ было видимо-невидимо, и веселымъ ласточкамъ не трудно было добывать пищу для своихъ птенцовъ.

Но родительскимъ заботамъ и радостямъ не долго суждено было продолжаться; плотникъ стучалъ топоромъ, стропила тряслись,—гнѣздо долго держалось, но стѣнки его, слѣпленныя изъ глины, смоченной ласточками, отстали отъ деревянной балки—и гнѣздо вмѣстѣ съ бѣдными малютками упало на полъ сарая. Никто

и не замѣтилъ, что онѣ тамъ лежатъ; плотникъ по прежнему работалъ; старыя ласточки съ криками отчаянія сновали туда и назадъ по сараю, а помочь своимъ несчастнымъ птенцамъ не могли; малютки пролежали такъ до полудня; зной палилъ ихъ, недостатокъ пищи изнурилъ бѣдняжекъ — и онѣ, въ полномъ изнеможеніи, съ раскрытыми клювами лежали, какъ мертвыя.

Около этого времени помѣщикъ обходилъ поля, смотрѣлъ на нихъ съ грустью, взглядывая на безоблачное небо, и приказалъ косить рѣдкую и сухую траву, а самъ пошелъ посмотрѣть, какоко идетъ работа въ сѣнномъ сараѣ.

— Здравствуй, Кузьма, сказалъ онъ плотнику: — можно ли поправить стропила? видишь, какъ выпятились; того и смотри свалятся.

— Какъ не поправить, сударь! можно, только надобно подвести подъ крышу подъемъ. Вотъ я уже и началъ.

— Пойдемъ, посмотримъ внутри сарая: можетъ быть, что нибудь и придумаемъ!

Онъ, вмѣстѣ съ плотникомъ, вошелъ въ сарай и чуть не наступилъ на лежавшее на полу гнѣздо, но во-время замѣтилъ его и поднялъ.

— Смотри, Кузьма, что ты сдѣлалъ: ты сронилъ гнѣздо — и всѣ птенцы убились; ихъ было четверо; бѣдняжки ужъ не живы.

— Ахъ, какъ жаль! сказалъ Кузьма: — я и самъ

люблю ласточку, птицу-Божію; вѣстимо, я уронилъ гнѣздо, но не нарочно, а совсѣмъ нечаянно. Дайте мнѣ бѣдныхъ пташекъ: погляжу, неужели всѣ такъ-таки и убились.

— На, возьми; всѣ! Падать не низко! Видишь, тамъ наверху, гдѣ сидѣло гнѣздо, отъ него остался кружокъ на стропилахъ.

Кузьма между тѣмъ внимательно осматривалъ птенчиковъ.

— Баринъ, сказалъ онъ, — трое-то и въ самомъ дѣлѣ, ужь мертвы, а четвертый еще живъ: какъ я его перстомъ тронулъ, онъ и открылъ глаза, но потомъ опять закрылъ.

— Подай-ка сюда, я посмотрю! Въ немъ еще есть искра жизни, но что толку; минутъ черезъ десять и онъ умретъ.

— Снесли бы вы птичку домой къ господамъ: они жалостливые такіе къ звѣрямъ и птицамъ—авось и выкормятъ ласточку: а то мнѣ жаль, что по моей винѣ гнѣздо свалилось.

Хозяинъ усадьбы положилъ птенчика назадъ въ опустѣлое гнѣздо и понесъ его домой, хотя для этого надобно было сойти съ горы, перейти черезъ мостъ и опять взобраться на гору, что въ зной было дѣломъ не совсѣмъ-то легкимъ; но желаніе спасти птичку и доставить новое развлеченіе городскимъ жительницамъ, переселившимся только на лѣто въ деревню, заставило его идти по солнцу вдвое больше того, чѣмъ намѣревался,

потому что потомъ надобно было опять возвратиться на работы.

Мы всѣ сидѣли въ гостиной; каждый и каждая что нибудь дѣлали: малютка Миша валялся на полу, играя съ собакой; хозяинъ, Иванъ Степановичъ, вошелъ, въ комнату, и, подавая женѣ гнѣздо, сказалъ: «вотъ вамъ воспитанникъ-сирота, выкормите его и постарайтесь возвратить ему жизнь, потому что пока я его несъ по солнцу, онъ совсѣмъ пересталъ шевелиться.»

— Зачѣмъ это ты его принесъ, вѣдь онъ совсѣмъ мертвый. Что это за птица? спросила его жена.

— Это ласточка, по гнѣзду видно.

— Давайте воды. надобно смочить клювъ, а то онъ у бѣдной совсѣмъ слипся!

Принесли воды—и кончикомъ пальца, обмакнувъ въ стаканъ, пустили капельку на клювъ; ласточка сдѣлала судорожное движеніе и открыла на одно мгновеніе глаза.

— Она очень ослабѣла и истомилась отъ жара, сказалъ кто-то;—попробуемте смочить ей головку виномъ, чтобы освѣжить и подкрѣпить ее!

Тотчасъ принесли хересу, и опять капнули на клювъ и спрыснули ласточку. На этотъ разъ она очнулась совсѣмъ.

— Ну, теперь надобно покормить ее, воскликнули дѣти.—Чѣмъ ее кормить?

— Попробуемъ дать комара или муху, сказала А. М.

Отыскали комара, принесли, но ласточка не беретъ,

не открываетъ клюва. Держали комара подъ самымъ клювомъ, такъ чтобы онъ жужжалъ, но птенчикъ этого не понималъ; наконецъ догадались тихонько соломенкой разжать клювъ и положили въ него комара: за первымъ—втораго, потомъ и муху; птичка вскорѣ уже разѣвала клювъ при приближеніи мухи, однако дѣлала это невпопадъ. Послѣ долгихъ хлопотъ накормили ласточку и прикрыли ее клочкомъ ваты, потому что она, не смотря на тридцать градусовъ тепла, дрожала отъ холода.

Никогда не удавалось намъ видѣть существа, болѣе безобразнаго: у нашей ласточки все тѣло было вполнѣ голое; голова большая, плоская; глаза на выкатѣ, точно снаружи приставленные и почти постоянно закрытые плевою, такъ что птица казалась слѣпою. Большая безобразная голова прикрѣплялась къ туловищу тонкою, худою шеей; спинка и плечи—однѣ только кости, покрытыя нѣжною, сѣровато-красною кожицей, ноги и крылья—худыя и тоненькія какъ спички; ласточка была такъ дурна собою, что ее непріятно было въ руки взять, точно новорожденная крыса—такая же голая и непріятная.

Въ теченіе дня мы кормили ласточку, или какъ мы по просту ее называли, *нашу ласточку*, каждые полчаса; къ вечеру она уже сама брала мухъ, которыхъ ей подносили ко рту.

Рождался вопросъ, что съ нею ночью дѣлать? Очевидно, она не могла оставаться безъ пищи до нашего

вставанья. А. М. предложила взять ее къ себѣ въ спальню и кормить ее, когда она запищитъ.

Гнѣздо положили въ коробочку, и сверху прикрыли птичку ватой, поставили на столъ и сверху еще прикрыли платкомъ. Ночью *птичка* поминутно просыпалась, и ее приходилось кормить, или согрѣвать дыханіемъ.

Первые дни прошли очень однообразно, и, казалось, *птичка* не только не крѣпнетъ и не развивается, но какъ-то хирѣетъ: лежитъ бывало неподвижная, вытянувъ голову; мы перекладываемъ ее то такъ, то иначе, но все не поправляется; давали комаровъ и мухъ — она съѣдаетъ, но такая же безсильная. Мы внимательно осмотрѣли ласточку и замѣтили, что на ней кишатъ насѣкомыя — тѣ самыя, которыя иногда почти заѣдаютъ нашихъ канареекъ. Это открылось особенно тогда, когда ласточку положили на чистый носовой платокъ: онъ тотчасъ весь былъ усѣянъ красными точечками, которыя при ближайшемъ осмотрѣ оказались едва замѣтными, ползающими насѣкомыми.

Гнѣздо тотчасъ выбросили, а *птичку* переложили на вату, которую потомъ очень часто перемѣняли, и каждый разъ вата бывала наполнена тѣми же чужеядными насѣкомыми.

Около недѣли прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы приняли ласточку подъ свое покровительство; въ птичкѣ произошли значительныя перемѣны: она окрѣпла, становилась на ножки и ползала по своему искусствен-

ному гнѣзду изъ ваты; насѣкомыхъ больше не стало; на головѣ и на спинкѣ, прежде гладкая и мягкая кожица сдѣлалась жесткою и шершавой, точно будто покрылась струпомъ, очень непріятнымъ на осязаніе и очевидно болѣзненнымъ для самой птички, потому что она отъ самаго легкаго прикосновенія съеживалась. По ночамъ она оставалась безпокойною, часто пищала, и ее приходилось кормить по нѣскольку разъ. Но она подростала и требовала гораздо больше пищи; мухъ и комаровъ нельзя было наготовиться—и потому наша *птичка* цѣлый день пищала. Мы придумали кормить ее слѣпнями.

Въ нашихъ лѣсистыхъ странахъ вообще несмѣтное число слѣпней, особенно въ жаркое время; такъ, напримѣръ, въ полдень нельзя ѣздить на лошадяхъ; нельзя оставлять скота въ полѣ, нельзя работать,—слѣпни одолѣваютъ. Они набиваются роями въ избы и въ комнаты.

Мы ловили слѣпней и давали ихъ нашей ласточкѣ, помочивъ сперва въ воду; вскорѣ оказалось, что пища эта птичкѣ идетъ впрокъ и добывается легко; стоило только обирать слѣпней съ оконныхъ стеколъ, на которыхъ они сидѣли въ огромномъ количествѣ.

Ласточка стала видимо поправляться; изъ коробразной шероховатости на ея спинѣ и головѣ стали показываться комли перышекъ; тоже и окраины крыльевъ покрылись комлями, въ которыхъ перья прятались, какъ въ футлярахъ. Птичка стала открывать глаза и нача-

ла узнавать людей. Сидитъ, бывало, въ гнѣздѣ и смотритъ, не пройдетъ ли кто, — и лишь только завидитъ человѣка, тотчасъ поднимаетъ пискъ, и успокоивается не раньше, какъ послѣ того, когда ей въ разинутый клювъ положатъ одного, двухъ, или трехъ слѣпней. Ночью, чтобы она до утра спала спокойно, ея корзинку покрывали чѣмъ нибудь, но на разсвѣтѣ опять поднимался пискъ и приходилось вставать и кормить ненасытную.

Къ концу третьей недѣли наша ласточка ужь стала походить на птичку; ея головка и спинка покрылись блестящими черными перышками, только крылья и хвостъ еще не обростали; чтобы перья поскорѣе очищались, мы тихонько гладили ее по головкѣ и по спинкѣ пальцемъ, и оттого шелуха комлей сваливалась — и каждое перышко, освободившись изъ своей роговидной оболочки, распрямлялось и ложилось ровно на другія перья. Глазки поумнѣли, и бойко и весело глядѣли кругомъ; лишь ласточка издали завидитъ человѣка, тотчасъ карабкается на вату, на край гнѣзда и, махая крылышками, проситъ пищи.

Чтобы слѣпней во всякую пору дня было достаточно, мы отъ 10 часовъ утра до двухъ ловили ихъ и сажали въ нарочно для того устроенное мѣсто. Такъ какъ ихъ особенно много бываетъ только въ самую жаркую пору дня, то намъ и приходилось дѣлать запасы на вечеръ и на ночь. Когда мы забывали брать

эту предосторожность. ласточка надоѣдала намъ своимъ неотвязнымъ, неумолчнымъ пискомъ

Днемъ за то доставляла она намъ всѣмъ очень большое удовольствіе. Крылья ея уже опушились. и ей никакъ не хотѣлось сидѣть въ гнѣздѣ; она оставалась въ немъ только, пока спитъ, а это случалось тотчасъ послѣ ѣды: но бывало только раскроетъ свои умные, черные глазки,—лѣзетъ на край коробки. пищитъ и махаетъ крыльями. Тогда кто нибудь изъ насъ подходилъ къ ней, протягивалъ ей палецъ, она взбиралась на него, садилась, какъ всѣ птицы садятся, будто на жерди. — и тогда мы ее пріучали. чтобъ она сама добывала себѣ пищу, ловила насѣкомыхъ. На окнахъ всегда бывали мухи, или комары. иногда и слѣпни— мы подносили ласточку такъ, чтобы ей удобно было хватать ихъ: сначала это шло очень неудачно, наша крошка все промахивалась: но впослѣдствіи очень ловко ловила мухъ, комаровъ, а лучше всего—слѣпней.

Она очень скоро поняла зачѣмъ ей протягиваютъ палецъ и зачѣмъ ее подносятъ къ стеклу. При этомъ она крѣпко держалась за палецъ, и никогда не падала. Но кромѣ этого мы все еще продолжали кормить ее изъ рукъ — и она удивительно хорошо понимала значеніе пальцевъ: при малѣйшемъ приближеніи человѣка, и особенно руки. она уже разѣвала клювъ.

Она очень похорошѣла. косицы на хвостѣ стали длинныя. крылья уже совсѣмъ оперились. головка сдѣлалась очень соразмѣрною. глазки бойкими и умными.

Мы нашли, что ее пора учить летать, но не знали какъ за это приняться. Наконецъ выдумали.

По нѣскольку разъ въ день сажали ласточку къ себѣ на палецъ, и довольно быстро поднимали и опускали руку; при этомъ птичка, — всякій разъ, когда опускали руку, — опасаясь упасть, распускала крылья и махала ими. Такъ какъ семейство у насъ многолюдное, то мы всѣ—то тотъ, то другая—подходили къ нашему птенцу, и учили его летать. Уроки пошли впрокъ, однажды ласточка полетѣла, но пролетѣла очень небольшое пространство, съ однѣхъ рукъ на другія.

Съ каждымъ днемъ кругъ опытовъ расширялся; наша ласточка перелетала съ каминной полки на столъ, со стола на швейную машину, на спинку стула, но охотнѣе и чаще всего кому нибудь на плечо, или на голову. Вскорѣ она стала за людьми летать изъ одной комнаты въ другую — и особенно, когда ѣсть хотѣла, отъ нея не было проходу.

Всѣ у насъ очень любили ласточку;—и когда мы отправлялись гулять, то дѣти обыкновенно поручали ее нянѣ, говоря: «няня, ужь вы, пожалуйста, покормите *птичку*, положите ее спать и покройте платкомъ!» И няня безъ насъ ходила съ ласточкой по комнатамъ, кормила и ласкала ее, и дѣйствительно укладывала спать, т. е. сажала ее въ гнѣздышко и прикрывши ставила его на полку съ книгами.

Съ каждымъ днемъ наша ласточка мужала и становилась красивѣе; она очень проворно и ловко лета-

ла по комнатамъ; на ночь садилась спать — сначала на книжную полку, потомъ на карнизъ драпировки, раздѣлявшей нашу спальню на двѣ половины, а наконецъ находила удобнѣе всего ночевать въ столовой на часахъ.

Мы попробовали ее вынести въ садъ; она сначала не слетала съ пальца, съ любопытствомъ смотрѣла во всѣ стороны, потомъ перепорхнула съ руки на кустъ сирени, и опять прилетѣла назадъ. Прошло нѣсколько дней; она все еще не отваживалась отлетать далеко отъ человѣка, и охотнѣе всего сидѣла на плечѣ, или на рукѣ. Мы иногда по цѣлымъ часамъ оставались въ саду; она полетаетъ, полетаетъ да и опять прилетитъ и садится — или прямо на руки, или на спинку садовой скамейки, или на головку маленькаго трехлѣтняго мальчика. Прелестная бывала картина, когда малютка съ ласточкой на пальцѣ, или на головѣ, смирно сидѣлъ въ травѣ, или въ цвѣтахъ, и былъ въ восторгѣ, что *птичка* его любитъ и не боится его. Надобно замѣтить, что она до того привыкла не только къ намъ, но даже къ нашимъ собакамъ, что очень часто садилась на голову нашего сеттера — и тотъ, какъ умный и благовоспитанный песъ, позабывалъ свои инстинкты и не дѣлалъ попытокъ схватить ее.

У насъ окна бывали постоянно открыты, и наша ласточка свободно влетала въ комнату и вылетала изъ нея; но оставалась на дворѣ не долѣе часу, и лишь только проголодается — опять возвращается къ намъ.

Она очень любила стукъ швейной машины, садилась на крышу, сидѣла очень долго и часто тутъ же и засыпала. Она уже выросла, окрѣпла, летала отлично, но насъ по прежнему любила и требовала отъ насъ корму; иногда она намъ надоѣдала — и мы хотѣли, чтобы она сама отыскивала себѣ пищу; для этого на пальцѣ подносили ее къ открытому окну и выбрасывали ее, но она всегда возвращалась въ балконную дверь, или въ другое окно.

Ночью она спала очень спокойно, но утромъ рано пѣла—и такъ пріятно, такъ гармонически, что мы съ величайшимъ удовольствіемъ прислушивались къ ея пѣснѣ; мы и прежде слыхали пѣсни ласточекъ, но такъ какъ это бывало на дворѣ, то и не могли порядочно разобрать ихъ напѣва; а теперь это бывало въ комнатѣ, и ея нѣжный щебетъ былъ исполненъ гармоническихъ звуковъ.

Иногда намъ хотѣлось призвать нашу ласточку, когда она летала, или сидѣла на крышѣ; тогда мы громко дѣлали губами такъ, какъ у насъ дѣлаютъ кучера, чтобы заставить лошадь идти, — и птичка тотчасъ появлялась и садилась прямо на руки.

Былъ уже конецъ іюля мѣсяца; жары по прежнему стояли невыносимые, все сохло и желтѣло; однажды, мы собрались идти гулять далѣе обыкновеннаго; подходимъ къ полотну желѣзной дороги и видимъ, что нашъ лѣсъ горитъ. Поѣздъ проѣзжалъ, искра упала на сухую траву, и отъ нея загорѣлось; мы тот-

часъ сдѣлали необходимыя распоряженія, чтобы тушить, заставили работниковъ дѣлать просѣки, копать канаву и употребляли т. п. средства для уничтоженія пожара. Наша прогулка такимъ образомъ не удалась, и мы вернулись домой.

Но участь лѣса насъ очень занимала; на слѣдующій день, всѣ мы пошли на пожарище, которое было отъ нашей усадьбы въ двухъ верстахъ. На этотъ разъ мы позабыли поручить ласточку нянѣ; стоимъ мы тамъ на возвышеніи, по которому идутъ рельсы, совѣтуемъ, приказываемъ — и не замѣчаемъ, что вокругъ насъ постоянно снуется ласточка. Но наконецъ кто-то изъ дѣтей сказалъ: «да ужь не наша ли ласточка за нами сюда прилетѣла?» и при этомъ позвалъ ее обыкновеннымъ звукомъ. Въ ту же минуту она сѣла на грудь позвавшему — и такъ и прильнула къ ней.

Милая пташка прилетѣла за нами въ лѣсъ. Мы ее тихонько гладили по головкѣ и по спинкѣ, въ награду поймали ей бабочку и потомъ отнесли домой. Съ этихъ поръ, ласточка нѣсколько разъ отыскивала насъ на улицѣ, на полѣ и довольно далеко отъ дому.

Только отсутствія ея становились чаще и дѣлались продолжительнѣе; она познакомилась съ другими ласточками и очень часто сидѣла на крышѣ вмѣстѣ съ ними, и чирикала — видно она научилась понимать языкъ своихъ родственниковъ.

Однажды, она съ собою привела другую ласточку въ комнаты, но та со страхомъ металась изъ угла въ

уголъ, отыскивая выхода, — между тѣмъ какъ наша ласточка спокойно сѣла на часахъ, потомъ перелетѣла на швейную машину, и сѣла на протянутый къ ней палецъ.

Ночи попрежнему проводила она на часахъ въ столовой и поутру садилась на чайный столъ—и тогда ей давали бѣлаго хлѣба, смоченнаго кипяткомъ: ее надобно было еще кормить—она все еще сама не кормилась и просила махая крылышками.

Но хлѣбъ она ѣла неохотно; а такъ какъ слѣпней больше не было, мухъ также, то и трудно было отыскивать для нея насѣкомыхъ. Впрочемъ, мы ей еще давали муравьиныхъ яицъ, и она ѣла ихъ очень охотно.

Наступило время обыкновеннаго осенняго отлета ласточекъ; мы съ любопытствомъ слѣдили за нашей: останется ли она у насъ на зиму, или улетитъ съ остальными? Вопросъ этотъ насъ сильно занималъ, и мы уже придумывали средства кормить ее въ теченіе зимы; мы рѣшились везти ее съ собою въ Петербургъ.

Въ образѣ жизни нашей ласточки большихъ перемѣнъ не было, только она чаще прежняго принимала участіе въ совѣщаніяхъ другихъ ласточекъ; на крышѣ мы ее всегда отличали отъ другихъ: тѣ, по большей части, сидѣли смирно, а наша очень ловко и много ходила — этому она научилась у насъ.

Наконецъ время отлета приблизилось. Однажды наша ласточка по обыкновенію сидѣла ночью на часахъ, утромъ слетѣла на чайный столъ, получила

крошечку хлѣба, которую не съѣла, и продолжала пищать; но насѣкомыхъ не было, дать ей нечего было; мы посадили ее на палецъ, погладили другимъ по головѣ, вынесли на балконъ и стряхнули съ пальца. Она сдѣлала большой кругъ по саду и вернулась въ открытое окно; опять пищала и махала крыльями; мы ее опять вынесли въ садъ и прогнали.

Цѣлая стая ласточекъ сидѣла на крышѣ амбара и щебетала—наша ласточка спустилась къ нимъ и приняла участіе въ ихъ совѣщаніи; она должно быть рѣшилась улетѣть вмѣстѣ съ ними.—Больше она къ намъ не возвращалась.

Намъ стало жаль ея. Мы ее отыскивали и нѣсколько разъ принимались звать ее; но ни ея, ни ея подругъ больше не было.

Въ нынѣшнемъ году мы пріѣхали въ деревню позже обыкновеннаго; ласточки давно уже вернулись изъ своего странствія на югъ. Прилетѣла ли наша ласточка, вмѣстѣ съ другими — этого мы не знаемъ.

Если и прилетѣла, то не нашла своего знакомаго пріюта: окна и двери нашего дома были заперты; никто не встрѣтилъ ея радушно, никто не приласкалъ ея послѣ чужбины,—и она можетъ быть, подъ чужою крышей свила себѣ гнѣздо.

Какъ бы то ни было, но въ теченіи лѣта одна ласточка очень часто пролетала по нашему балкону, иногда влетала въ одно окно и вылетала въ другое;

но сколько разъ мы ни протягивали ей руки, сколько ни звали ея, она не садилась,—и потому неизвѣстно, была ли то наша ласточка, позабывшая насъ, или какая нибудь чужая, намъ незнакомая.

Двѣ вдовы и незнакомецъ.

(волшебная сказка).

Посреди дикихъ, угрюмыхъ горъ, въ узкой долинѣ, всей заросшей густымъ лѣсомъ, жили двѣ вдовы—старушки. Ихъ бѣдныя, полуразвалившіяся избы, такъ лѣпились одна къ другой, что казалось стояли подъ одной крышей; онѣ часто, не выходя изъ своихъ избъ, разговаривали другъ съ другомъ, только отворяя для этого свои крошечныя окна. Но не смотря на такое тѣсное и близкое помѣщеніе, сосѣдки не вмѣшивались въ хозяйство другъ друга; каждая дѣлала что хотѣла у себя въ избѣ, и распоряжалась своимъ добромъ по своему. Одна изъ нихъ была скупая, и рѣдко кому помогала; другая же напротивъ, щедрая и сострадательная, отдавала бѣднымъ послѣдній грошъ, хотя и у самой на столѣ часто бывалъ одинъ лишь черствый кусокъ хлѣба.

Невдалекѣ отъ нихъ, на выступѣ утесистой горы, стоялъ монастырь. Монахи этого монастыря проводили время въ постѣ и въ молитвѣ; дѣлали много добра

въ окрестностяхъ, и кромѣ того, работали постоянно на поляхъ, на огородахъ, или въ лѣсу. Они-то, вмѣстѣ съ сердобольными людьми, помогали бѣднымъ женщинамъ, такъ что тѣ, не смотря на свою крайнюю бѣдность, топили печи, когда наступалъ зимній холодъ, и имѣли хлѣбъ и кружку молока каждый день.

Однажды въ лѣсу разбушевалась сильная буря; деревья въ лѣсу жалобно стонали, пригибаясь къ землѣ. Съ горъ струились тысячи ручьевъ и съ шумомъ и грохотомъ уносили камни въ долину. Громъ грохоталъ безпрерывно, и молнія огненными зигзагами освѣщала темную бурную ночь. Потоки дождя стучали по деревяннымъ крышамъ бѣдныхъ лачужекъ и въ маленькія волоковыя окна. Старушки со страхомъ прислушивались къ завыванью бури. Вотъ, слышитъ скупая старушка, что къ ней въ дверь кто-то стучится. «Ахъ ты, Боже мой, и ужинать-то не поспѣла», сказала она съ досадой, убирая въ шкафъ свой недоконченный ужинъ; и слыша, что стукъ все продолжается, пошла отворять ветхую дверь.

«Ишь, ночь-то какая ненастная, бурная, ну, выйдетъ ли кто, кромѣ бродяги, въ такую ночь? ворчала она... эдакій, нетерпѣливый, стучитъ безъ умолку! того и смотри, что дверь выломитъ!» Съ этими словами дверь отворилась и въ комнату вошелъ монахъ; темный плащъ окутывалъ его всего, такъ что лицо почти нельзя было видѣть. Старушка, ожидая увидѣть какого-нибудь бродягу въ разодранномъ рубищѣ, испу-

галась и смѣшалась при видѣ монаха, и своею предупредительностью и ласкою старалась загладить свои дурныя мысли; она ему предлагала садиться на стулъ, старалась почти насильно снять съ него плащъ, приговаривая жалобнымъ голосомъ: «ахъ-ты, голубчикъ мой, да какъ же ты промокъ, весь до послѣдней нитки, ни одного сухаго мѣстечка нѣтъ на твоемъ платьѣ, все-хоть выжми!...

— Ну, полно жалѣть-то меня, я-то не вымокъ, это мой верхній плащъ только отсырѣлъ отъ дождя! прервалъ монахъ ея сожалѣнія. А я, кажется, помѣшалъ тебѣ, ты и поужинать-то не успѣла!

«Ахти! подумала вдова, да какъ же онъ узналъ что я только-что ужинала! Ну, дѣлать нечего, надо ему дать краюху хлѣба! Да, продолжала она громко, доставая трехдневную корку, вотъ что я ѣла, возьми ее себѣ, съѣшь, можетъ быть ты издалека пришелъ и чего добраго, цѣлый день ничего въ ротъ не бралъ!» Ей было жаль отдавать и эту черствую корку бѣдному, почти нищему монаху, который ничемъ не могъ ее отдарить за оказанное ему добро.

Монахъ отгадалъ ея нехорошія мысли, и не взялъ даже черстваго хлѣба; онъ сбросилъ свой плащъ на спинку стула, и сѣлъ на него, ожидая, что хозяйка затопитъ хотя печь, чтобъ обсушить его плащъ, и отогрѣть его коченѣвшія руки. А она въ это время оглядывала его съ ногъ до головы, чрезъ свои круглыя очки, думая что вотъ, вотъ увидитъ, какъ изъ-подъ

плаща онъ достанетъ бутылку пива, или вина. Но сколько она ни смотрѣла на него, не увидала ничего, ни подъ плащемъ, ни въ рукахъ. Тутъ только она замѣтила, что этотъ монахъ нисколько не походилъ на прежнихъ ея благодѣтелей; ни у одного монаха, изъ нагорнаго монастыря, не замѣчала она такого строгаго и вмѣстѣ съ тѣмъ добраго лица; его блестящіе, черные глаза, казалось ей, заглядываютъ къ ней въ душу, и видятъ всѣ ея тайныя мысли. Она съ трудомъ разглядѣла его красивыя, благородныя черты, при слабомъ мерцаніи сальнаго огарка.

Вдругъ его лицо освѣтилось яркимъ свѣтомъ, и сдѣлалось почти совершенно прозрачнымъ, и старушкѣ показалось, будто онъ съ сожалѣніемъ смотритъ на нее.

«Да зачѣмъ же это онъ пришелъ? что ему надо отъ меня?» думала она, безпокоясь все больше и больше.

— Что за ненастная ночь! сказалъ тихимъ голосомъ монахъ. Каково-то тѣмъ теперь, у кого нѣтъ ни избы, чтобъ защититься отъ непогоды, ни куска хлѣба, чтобъ утолить свой голодъ; каково-то тѣмъ бѣднякамъ, которымъ некуда головы своей приклонить, и они измученные долгой ходьбой и пронизанные до костей дождемъ, дожидаются разсвѣта, гдѣ-нибудь въ лѣсу подъ сосною; что-то съ ними бѣдными теперь?»

— Да, бѣда! Истинное несчастье быть теперь въ лѣсу! пробормотала старушка, рѣшаясь прямо взглянуть

на монаха. «Что было бы съ бѣдными людьми въ такую ненастную ночь, еслибъ добрые люди не помогали имъ?»

— Да, плохо тому, кто остается теперь въ лѣсу безпріютный! сказалъ онъ, и его глаза заблестѣли такъ добро, и голосъ сталъ еще мягче и нѣжнѣе. «Знаешь-ли ты? къ намъ въ монастырь пришли такіе несчастные, помоги имъ, дай одѣяло, или хоть платокъ: они за тебя будутъ Богу молиться, чтобы и онъ не оставилъ тебя въ несчастіи. Постарайся и ты имъ помочь.

«Да благословитъ васъ Господь за доброе намѣреніе!» сказала съ жаромъ старушка.

— Господь-Богъ всегда награждаетъ и благословляетъ людей сострадательныхъ и великодушныхъ! отвѣчалъ монахъ. Вспомни священное писаніе, и ты тамъ найдешь множество примѣровъ; помнишь, что тамъ говорится. Кто пожалѣетъ бѣднаго крестьянина, пріютитъ его и обласкаетъ, тому за все воздасться сторицею!

— Что за счастливцы тѣ, которые могутъ дѣлать добро своимъ ближнимъ! сказала вздыхая вдова; что это за счастіе!

— Послушай, дочь моя, и ты можешь быть также счастлива, какъ и другія. Я пришелъ просить тебя помочь несчастнымъ, которые въ десять разъ бѣднѣе тебя, помоги имъ, чѣмъ можешь. И онъ сталъ разсказывать, какъ въ монастырь пришли двое несчастныхъ. Молнія ударила въ ихъ избы, разрушила и сожгла ихъ до основанія; спасти изъ своихъ вещей,

они не успѣли рѣшительно ничего. «Къ несчастію, продолжалъ монахъ, въ нашъ монастырь сегодня столько набралось народу, что мы не находимъ ни одного свободнаго угла, гдѣ бы бѣднымъ можно было провести ночь, и они теперь стоятъ у монастырской ограды, полуобгорѣлые и безпріютные. Позволь, дочь моя, придти имъ къ тебѣ, и провести здѣсь ночь; они вѣкъ тебя благодарили бы за это, а къ утру, можетъ быть, многіе изъ странниковъ пойдутъ дальше, и мы возьмемъ ихъ къ себѣ въ монастырь!»

Вдова чуть не разсердилась съ досады.

— Какъ, пустить теперь! помилосердуй, отецъ! почти со слезами вскрикнула она, зачѣмъ же ты ко мнѣ пришелъ? развѣ богаче меня не найдется никого въ сосѣдней деревнѣ; я старая, бѣдная вдова, и сама-то не знаю, какъ справиться съ хозяйствомъ...не-то-что отдаватьдругимъ.

— Ну, полно, будто у тебя не найдется одѣяла, дай его намъ, послѣ возвратимъ тебѣ, упрашивалъ ее монахъ. Вѣдь, тебѣ кто-то еще такъ недавно принесъ толстое шерстяное одѣяло въ подарокъ: дай его, оно вѣрно лежитъ у тебя безъ дѣла?

«Кто бы могъ сказать ему, что мнѣ подарили новое одѣяло». Но нечего дѣлать, надо было достать, хоть что нибудь для несчастныхъ. Незнакомецъ такъ строго и сердито смотрѣлъ на нее; ослушаться его она боялась, сама не знала отчего. «Ну, новое-то я не отдамъ ему, думала она, перебирая въ своемъ чуланѣ всякое тряпье. Не могу же я отдать хорошее,

теплое одѣяло, чѣмъ же я-то прикрою свои бѣдныя старыя кости. Да, жаль и стараго одѣяла оно еще не совсѣмъ плохо. Оно мнѣ до конца жизни могло бы послужить, если я стану его беречь, а кто знаетъ, что это за люди, эти незнакомцы, и правда ли, что они издалека пришли въ монастырь. Богъ знаетъ, можетъ быть, это какіе-нибудь бродяги, разсказали сказку сострадательнымъ монахамъ. Пожалуй, и одѣяла никогда не видали, а спятъ обыкновенно подъ простой грязной рогожкой». И чѣмъ больше раздумывала вдова, тѣмъ естественнее казалось ей, что не слѣдуетъ отдавать даже стараго одѣяла, Богъ знаетъ кому; эти люди можетъ быть въ лихорадкѣ, или пожалуй еще въ какой нибудь заразительной болѣзни, въ тифозной горячкѣ! и какъ потомъ жаль будетъ сжечь такое хорошее одѣяло. Такъ думала она, глядя на старое одѣяло.

«Одѣяло-то не дорого, да вѣдь его мнѣ купилъ еще мой добрый, покойный мужъ, на второй годъ послѣ нашей свадьбы, и еслибъ что случилось съ нимъ, я себѣ этого никогда бы не простила. Отдамъ этимъ бѣднякамъ свой старый платокъ, онъ еще довольно хорошъ, особенно для нихъ. «Такъ разговаривая сама съ собой, она разсматривала платокъ свой со всѣхъ сторонъ. «Все-жъ бы онъ могъ служить мнѣ, онъ довольно крѣпокъ и хорошъ для холодныхъ осеннихъ дней; ну, да ужь отдамъ его монаху, можетъ-быть, онъ мнѣ за это и самъ чѣмъ-нибудь отплатитъ.

— Вотъ, возьми этотъ платокъ, сказала она, под-

ходя къ монаху; хотя онъ довольно изношенъ, но все-же можетъ согрѣть иззябшее тѣло.»

— Такъ это все, что ты можешь отдать бѣднякамъ, больше у тебя нѣтъ ничего? спрашивалъ ее монахъ.

— Да, конечно, у меня больше нѣтъ ничего, святой отецъ!» отвѣчала она, и вѣрно, безъ этого платка у меня отъ простуды и въ рукахъ и въ ногахъ сдѣлается ревматизмъ; я вѣдь старуха и въ мои годы дорого обходится спать безъ теплаго платка въ холодную ночь.

— А эти-то бѣдняки, у нихъ никакого платка не осталось, нѣтъ такой кофты какъ на тебѣ, которая такъ тепло тебя грѣетъ. У нихъ все, все сгорѣло; они пришли въ монастырь въ томъ, въ чемъ заснули!»

Но что ни говорилъ монахъ, ничто не трогало черстваго сердца вдовы, и она кромѣ платка ему ничего не дала. Съ досадой ушелъ онъ отъ нея и постучался въ дверь ея сосѣдки.

Эта его встрѣтила очень ласково; тотчасъ же развела огонь, поставила на столъ кружку молока, и достала все что у нея оставалось въ чуланѣ. Онъ и ей разсказалъ тоже самое, что и первой старушкѣ, но тутъ его слушали совершенно иначе.

— Ахъ ты, Боже мой, говорила добрая старушка, да какъ же ты раньше ко мнѣ не пришелъ? вѣдь они бѣдные ждутъ, не ждутся тебя? Она хлопотливо бѣгала изъ чулана, приносила ему то старое одѣяло, то подушку, то снимала съ себя послѣднюю кацавейку; «На, на, возьми ее, авось и она пригодится имъ; все

же лучше, теплѣе имъ будетъ!... Ахъ, да чуть не забыла, кстати, возьми ужь и эту холстину, все же лучше спать, чѣмъ на голомъ полу.

Такъ принося ему, то то, то другое, она набрала порядочный узелъ, связала его крѣпкой веревкой, и почти вытолкнула монаха изъ дверей, говоря: «Ступай, ступай скорѣй къ бѣднякамъ, вѣдь они на дождѣ ждутъ тебя—не дождутся! Да если надо, приведи ихъ обоихъ ко мнѣ.» Онъ ушелъ, благословляя ее.

Послѣ ухода монаха, буря заревѣла еще сильнѣе прежняго, удары грома раздавались все чаще и чаще, и вдругъ молнія съ оглушительнымъ трескомъ ударила въ крыши бѣдныхъ лѣсныхъ лачушекъ. Соломенныя крыши вспыхнули, и черезъ минуту обѣ избушки были въ огнѣ. Обѣ вдовы со страхомъ выбѣжали изъ своихъ избъ, не успѣвъ ничего захватить съ собою; въ лѣсу они встрѣтили того-же монаха. Онъ ихъ взялъ обѣихъ за руки и повелъ къ монастырю, какъ маленькихъ дѣтей.

Въ стѣнѣ монастырской ограды было углубленіе, и въ ней-то и были сложены всѣ вещи сострадательной вдовы и къ нимъ еще прибавилось много новыхъ вещей.

— Вотъ тебѣ, возьми все это, добрая дочь моя», сказалъ ей монахъ: ты сама себя наградила своимъ великодушіемъ »

«Зачѣмъ же ты мнѣ отдаешь все это? что же ты отдашь несчастнымъ, про которыхъ разсказывалъ? спрашивала съ удивленіемъ вдова.

— Вы сами эти несчастныя и есть! отвѣчалъ монахъ, и оборачиваясь къ другой вдовѣ, онъ продолжалъ говорить, вынимая изъ-подъ плаща старый платокъ. «Я съ радостію отдаю тебѣ то, что успѣлъ изъ твоего добра, спасти отъ огня. Платокъ хотя и очень выношенъ, но все можетъ согрѣть твои продрогшія плечи!» Скупая старушка совершенно растерялась и надѣла свой платокъ, бормоча про себя. «Ахъ, если бы я только знала, что это онъ про насъ самихъ разсказывалъ.» Монахъ улыбнулся.

— «О, я не сомнѣваюсь, что ты поступила бы иначе, сказалъ онъ: это тебѣ урокъ, моя дочь; впередъ ты будешь думать, что и ты можешь нуждаться.»

Въ то время, какъ онъ говорилъ, молнія освѣтила его всего съ ногъ до головы, такъ-что казалось. онъ стоялъ въ свѣтломъ сіяніи. Въ яркихъ лучахъ, онъ казался грознымъ въ своей чудесной красотѣ, и когда старушки опомнились, монаха передъ ними больше не было. Обѣ старушки вошли въ монастырь, гдѣ ихъ добрые монахи пріютили, обогрѣли и стали разспрашивать о монахѣ. Но никто изъ нихъ никуда ночью не выходилъ, и никто нигдѣ не видалъ никакого монаха.

Доброе дитя.

Былъ чудесный весенній день; солнце весело свѣтило на свѣжую зелень полей и луговъ. Вся природа, казалось, радоваалсь теплымъ солнечнымъ лучамъ; птицы щебетали, перелетая съ куста на кустъ; вдали раздавались колокольчики пасущихся стадъ, или пѣсни крестьянъ съ поля. Въ Германіи, по тѣнистой дорогѣ, обсаженной съ обѣихъ сторонъ плодовыми деревьями, шелъ мальчикъ. подлѣ него навьюченный оселъ а на ослѣ сидѣло дитя; впереди бѣжалъ черный ньюфаундлендъ, безпрестанно оглядываясь назадъ, на дѣтей. Младшее дитя своимъ веселымъ щебетаньемъ ободряло усталаго брата: «Саша! говорилъ ребенокъ;» видишь, тамъ, вдали, вѣдь это усадьба; смотри, какой хорошенькій домикъ, и садъ весь въ цвѣтахъ! Боже, сколько тамъ цвѣтовъ! Ежели бы цѣлый день считать, и то не сосчитаешь! Подъѣдемъ, посмотримъ на него поближе! »—Да, подъѣдемъ къ нему, и хотя отдохнемъ. Да можетъ быть, кто нибудь и купитъ что у насъ. Такъ разго-

варивая, они подъѣхали къ домику, окруженному прелестнымъ садикомъ, и остановились; оселъ обрадовался отдыху и громко закричалъ. Въ туже минуту въ домикѣ что-то падая зазвенѣло и послышался дѣйскій голосокъ, полный отчаянія: «Ахъ, Боже мой! бѣдная я; нѣтъ больше у меня моего прелестнаго чайника, ни голубенькихъ чашечекъ; ахъ, Боже мой! Боже мой, какое горе!» Изъ окна выглянула дѣвочка, вся въ слезахъ; на полу передъ нею валялись дребезги фарфороваго сервиза. Братья и сестры сбѣжались къ ней съ разныхъ сторонъ, и стали утѣшать сестру. Въ это время оселъ закричалъ еще сильнѣе и свѣжій дѣтскій голосокъ запѣлъ и закричалъ подъ самымъ окномъ: «Стеклянныя глиняныя чашки, кружки и другія вещи!» — Дѣти подбѣжали къ окну, дѣвочка Тони, вытерла глазки, и сквозь слезы стала смотрѣть на осла. «Ахъ! сколько тамъ вещицъ, и все такія красивенькія; побѣжимте къ нимъ, спросимъ, нѣтъ-ли у нихъ хорошенькихъ чашечекъ?»

Въ одну минуту, веселая уже, дѣтская ватага, была подлѣ мальчиковъ, и съ любопытствомъ разсматривала осла, украшеннаго цвѣтами и свѣжими вѣтками. Тутъ было много красивыхъ глиняныхъ вещицъ и темножелтыя кошки, псобаки и маленькія глиняныя обезьяны, и зайчики, которые прималѣйшемъ движеніи осла качали головками. Дѣти прыгали вокругъ осла, ласкали его, и сами со смѣхомъ кланялись качающимся зайчикамъ. Тони сквозь слезы улыбалась и смотрѣла на все. «Ахъ, вдругъ

радостно вскрикнула она; смотри, смотри, Митя, какія прелестныя чашечки, чудо—что такое! «Она подбѣжала ближе.

— Какъ тебя зовутъ, милый мальчикъ? спросила она.

— Меня Сашей, а маленькаго брата Колей, отвѣчалъ мальчикъ, а тебя, какъ дѣвочка?

— Я Тони, отвѣчала дѣвочка.

— Тони, не хочешь ли купить у меня что-нибудь? посмотри сколько у меня хорошенькихъ вещицъ!

Тони вопросительно взглянула на мать, которая пришла также сюда, и стала разсматривать все, что было у мальчиковъ. Они ловко вынимали и показывали глиняныя и каменныя вещицы и скоро Тони увидѣла передъ собою прехорошенькій фарфоровый сервизъ, такой же красивый, какой былъ у нея прежде. Всѣ дѣти вмѣстѣ составляли премилую группу. Они стояли всѣ подъ тѣнью липы. Изъ всей деревни сбѣжалась цѣлая толпа мальчиковъ и дѣвочекъ съ своими родителями, такъ что походило на лучшую сельскую ярмарку. Каждому что-нибудь да понадобилось, тому кружку, тому горшокъ для каши, тому чайникъ; товаровъ становилось все меньше и меньше; мальчики радовались, поглядывая на пеструю толпу, и оселъ радовался, онъ чувствовалъ какъ ноша его съ каждымъ мгновеніемъ становилась все легче. Въ этой мирной суетѣ никто незамѣтилъ черной тучи, которая все грознѣе и грознѣе надвигалась. Но, вотъ, издали послышался громъ, и перекатился въ го-

рухъ. «Вишь, какая туча! темно-то какъ стало! Побѣжимъ скорѣе домой, а то насъ гроза тутъ застанетъ», говорили крестьяне, торопясь домой. Вотъ, сверкнула яркая молнія, вотъ она чаще и чаще, громъ все сильнѣе и сильнѣе, и рѣдкія, крупныя капли дождя стали падать на землю. Вся толпа съ крикомъ и смѣхомъ разбѣжалась въ разныя стороны; одни бѣдные путники не знали куда бѣжать отъ грозы. «Папа, позови мальчиковъ къ намъ; имъ некуда скрыться отъ дождя!» сказала умоляющимъ голосомъ Тони.

Вмѣсто всякаго отвѣта, отецъ взялъ подъ уздцы осла и ввелъ его въ конюшню; тамъ Саша съ маленькимъ братомъ сняли корзинки и сѣдло съ осла и дали ему сѣна. Большая мохнатая собака вошла въ стойло за осломъ и улеглась у его ногъ, и какъ хорошій сторожъ, никого близко не подпускала.

— Какъ-бы намъ хотѣлось помочь Сашѣ, говорили жалобно дѣти, а собака ворчитъ и хочетъ укусить того, кто подойдетъ!

Въ это время, Тони приготовила кофе и горячаго молока, и позвала дѣтей въ комнаты, гдѣ все уже стояло на столѣ. «Ахъ! Какъ весело! Какъ весело!» говорили дѣти и прыгали отъ радости, стряхивая съ волосъ крупныя капли дождя, и мальчики такъ скоро побѣжали домой, что дѣвочки не могли за ними поспѣвать. Тони была особенно смѣшна и весела, она совершенно забыла о своемъ разбитомъ сервизѣ. Ей такъ понравились мальчики, что она, накрывая столъ, поставила

подлѣ каждой большой чашки, по маленькой. Вскорѣ все семейство сидѣло за столомъ, и Тони не переставала разспрашивать мальчиковъ, откуда они, кто ихъ родители и чѣмъ они живутъ?

— Боже мой! папенька нашъ очень, очень боленъ, онъ не можетъ самъ торговать, оттого и послалъ насъ бродить на чужой сторонѣ. Маменька такъ измучилась работой, что того и смотри сама заболѣетъ! Но Боже мой, дождь все не перестаетъ, а намъ надо сегодня же ѣхать дальше!

— Полноте, сказалъ отецъ, куда теперь ѣхать въ такую слякоть; пожалѣйте себя и вашего бѣднаго осла!

— Намъ что, не бѣда! а оселъ нашъ, правда, очень утомился, пора ему отдохнуть.

— Неужели вы бережете его больше себя? спросила улыбаясь Тони.

— Почти также какъ себя, онъ вѣдь намъ дорого стоитъ, отвѣчалъ Саша.

— Оставайтесь же ночевать у насъ, а завтра, чѣмъ свѣтъ вы отправитесь въ путь.

— Останьтесь! останьтесь! какъ намъ будетъ весело сегодня, говорили дѣти, прыгая вокругъ нашихъ путешественниковъ.

Саша и Коля остались ночевать; веселью не было конца. Нѣсколько угомонившись, дѣти сѣли вокругъ стола, и тутъ начались у нихъ разсказы.

— Скажи мнѣ, Саша, у кого ты научился пѣть такую

хорошенькую пѣсню, которую ты пѣлъ подъ нашимъ окномъ.

— Пѣсни и стихи самъ Саша сочиняетъ, сказалъ Коля за брата, и еще сколько онъ ихъ знаетъ.

— Такъ это ты сочиняешь стихи? кто же научилъ тебя этому? спрашивала Тони.

— Я самъ не знаю кто! я думаю Господь Богъ! когда меня что-нибудь обрадуетъ, или опечалитъ, я невольно начинаю пѣть, все что мнѣ приходитъ въ голову, и стихи слагаются сами собою. Оттого-то я и думаю, что это Богъ научилъ меня сочинять стихи, чтобы утѣшать бѣдныхъ родителей! какъ они любятъ мои пѣсни! Бѣдная маменька иногда не можетъ слышать безъ слезъ!

Тони стала разспрашивать объ ихъ житьѣ-бытьѣ и объ ихъ родной сторонѣ. Саша началъ разсказывать такъ: «Наши родители были всегда очень бѣдны, но трудолюбивы. Въ той деревнѣ, гдѣ они жили на нашей родинѣ, была большая фабрика глиняныхъ вещей, которыя развозились въ разныя стороны. Отецъ нашъ не зналъ за что приняться, работы постоянной у него не было, и онъ работалъ то тутъ, то тамъ.

— Не попробовать ли намъ счастія на фабрикѣ, сказалъ онъ, можетъ быть, и дадутъ мнѣ тамъ работу. На слѣдующее утро онъ пошелъ на фабрику. Сердце у него сильно билось, когда онъ подходилъ къ ней. Видитъ, за конторкой сидитъ хозяинъ. «Что тебѣ надобно?» спрашиваетъ онъ моего отца.

— Я недавно женился, и мнѣ теперь надобно вдвойнѣ работать!

— Ну, хорошо, что же дальше?

— Ахъ, господинъ, еслибъ вы намъ отпустили побольше товару, мы бы его стали развозить и продавать по деревнямъ за извѣстную плату.

— Да, я согласенъ, отвѣчалъ хозяинъ, я знаю, что вы хорошіе, честные люди; но я тутъ не одинъ хозяинъ, не всѣ васъ знаютъ; вы принесите мнѣ какой нибудь залогъ. Ступайте пока домой, мнѣ надо отвѣчать на спѣшныя письма, а объ васъ я напишу моимъ товарищамъ. Прощайте!

Нечего дѣлать, нужно было идти домой и ждать что будетъ. Мы жили въ маленькой хижинѣ съ однимъ окномъ. Посреди комнаты стоялъ простой березовый столъ, но такой всегда бѣлый и чистый, что казался постоянно новымъ. У стѣны стояло три табурета, да висѣлъ осколокъ зеркала, оставшійся еще отъ прабабушки; вотъ и вся мебель нашей избушки. Надъ окномъ была прибита полка, на ней стояли три тарелки; тутъ же подлѣ горшокъ для каши, маленькій котелокъ и четыре старинныя чашки. Кроватей у насъ не было, а вмѣсто нихъ каждый вечеръ приносили свѣжей соломы. Дороже всего для насъ была старая библія. Когда родителямъ нашимъ становилось очень грустно, они прочитывали изъ нея нѣсколько строкъ, и опять принимались за работу. Мать садилась за прялку, а отецъ уходилъ на крыльцо плесть корзинки, кото-

рыя онъ продавалъ. Ахъ, какъ хорошо онъ ихъ дѣлалъ!.. Однажды, какъ-то, моя мать прядетъ и думаетъ: что бы найдти мнѣ у себя, что-нибудь цѣнное, ничего не пожалѣла бы и отдала въ залогъ на фабрику.» Она задумалась и сложила руки на груди. «Ахъ! Боже мой! вдругъ вскрикнула она, вѣдь вотъ что у меня есть, мой серебряный талеръ. Иванъ, поди сюда, смотри что за радость!» и она прыгала, держа въ рукахъ талеръ; отецъ бросилъ свою работу, прибѣжалъ въ избу, и они вмѣстѣ радовались, какъ маленькія дѣти.

— О какъ тутъ весело! сказалъ хозяинъ фабрики, отворяя дверь, можетъ быть и работы вамъ у меня не нужно больше.

Наши родители подбѣжали къ нему и наперерывъ стали говорить о своемъ счастіи.

— Хорошо, отвѣчалъ имъ фабрикантъ, приходи ко мнѣ завтра, Иванъ; ты отдашь мнѣ талеръ, а я тебѣ дамъ товару, продавай его по деревнямъ и городамъ!

Хозяинъ фабрики ушелъ, а наши родители стали приготовляться къ отъѣзду. Отецъ мой починилъ тѣлежку и сдѣлалъ надъ нею прелестную зеленую покрышку. Рано утромъ, лишь только встало солнце, они отправились на фабрику за товаромъ. Отецъ везъ тѣлежку, а мать шла подлѣ него и пѣла своимъ звонкимъ голосомъ прощальную пѣснь. На фабрикѣ отецъ нагрузилъ тѣлежку глиняной посудой и отправился въ

путь. Мать долго смотрѣла ему вслѣдъ, махала платкомъ и говорила: «добрый путь! добрый путь!»

Оставшись одна, она стала попрежнему работать; ткала холстъ, посѣяла въ нашемъ крошечномъ огородѣ рѣпы, бобовъ, моркови, конопли, и стала ждать возвращенія отца. Черезъ двѣ недѣли онъ вернулся, распродалъ всю посуду, и привезъ много денегъ.

— Все продалъ, до послѣдняго черепка, сказалъ онъ весело матери, отдавая ей въ подарокъ красивый платокъ.

На фабрикѣ хозяева похвалили его, и дали ему новаго товару. Такъ началась наша торговля. Дѣла нашихъ родителей стали понемногу поправляться; и комнатка наша сдѣлалась наряднѣе. Зимой, въ этотъ годъ родился я. Черезъ годъ наше семейство еще стало больше, родилась Лиза; она теперь славная дѣвочка, добрая такая, все помогаетъ матери. Потомъ родился Коля, Гриша и крошечная Марѳа!

— Боже мой! воскликнула мать Тони; сколько васъ; вамъ тѣсно стало въ вашей избушкѣ.

— О нѣтъ! Съ тѣхъ поръ, какъ мой отецъ началъ торговлю, прошло уже восемь лѣтъ; вмѣсто старой тѣлежки, онъ купилъ осла, а тѣлежка сдѣлалась колыбелью для маленькихъ дѣтей. Отецъ выстроилъ новую избушку и прикупилъ немного земли. Избушка у насъ маленькая, но достаетъ для всѣхъ насъ, а поле довольно велико для нашего осла, козы и нашей собаки. Какъ же у насъ весело!

— А ходишь ли ты въ школу? спросилъ Митя, старшій изъ сыновей судьи.

— Лѣтомъ почти никогда; тогда столько полевыхъ работъ, мнѣ нужно помогать родителямъ, или отецъ беретъ меня съ собою. Зимою мы ходимъ въ сосѣднюю деревню, тамъ живетъ школьный учитель. Во время мятели и вьюги я не беру Коли съ собой; если очень сильная непогода застанетъ меня въ школѣ, то учитель оставляетъ меня на нѣсколько дней у себя, и когда всѣ мальчики уйдутъ, то онъ меня учитъ одного, читать, писать и считать.

— А мать твоя, должно быть, очень безпокоилась о тебѣ, сказала Тони, если ты такъ долго не возвращался домой.

— Нѣтъ, она знала, когда я оставался въ школѣ, отвѣчалъ Саша: не далеко отъ школы, на высокой горѣ, стоитъ вѣтряная мельница. Къ одному изъ крыльевъ я привязываю длинный лоскутъ. Мать взглянетъ на мельницу, увидитъ его и не безпокоится обо мнѣ.

— Ай, да славный мальчикъ, сказалъ судья, всякому горю знаетъ чѣмъ помочь.

Тони между тѣмъ достала книгу съ рисунками и и стала показывать дѣтямъ.

— Какія прелестныя картинки, говорилъ Саша, и отъ радости глаза у него блестѣли; какъ весело учиться по такой книжкѣ, должно быть ты, Тони, и читаешь хорошо.

— Да, умѣю, отвѣчала Тони, дай книжку, я что

нибудь тебѣ прочту. Она стала читать, и думала: «гдѣ же бѣдному мальчику такъ хорошо читать, какъ я, ему нельзя выучиться порядочно, онъ даже не можетъ каждый день ходить въ школу.»

Послѣ нея сталъ читать Саша, и Тони чуть не вскрикнула отъ удивленія: онъ читалъ лучше нея. Послѣ, дѣти опять стали пѣть, читать и разсказывать другъ другу сказки и различныя приключенія.

— Саша умѣетъ еще хорошо трубить, сказалъ Коля, онъ все умѣетъ.

— Протруби намъ что-нибудь! говорили дѣти, окружая его со всѣхъ сторонъ. Коля, не дожидаясь согласія Саши, побѣжалъ въ конюшню и вскорѣ вернулся оттуда, неся что-то подъ полою.

— Смотрите, вѣдь это флейта! вскрикнули дѣти, прыгая вокругъ мальчиковъ, это не труба! Это настоящая флейта! Сыграй! Пожалуйста, сыграй на ней намъ хоть что нибудь!

— О, онъ много пѣсенъ играетъ, говорилъ Коля, онъ знаетъ и «тоску по родинѣ» и, какъ, ласточка вернулась изъ-за моря, и много еще другихъ пѣсенъ, всѣхъ я и припомнить не могу.

— И всѣ эти пѣсни показалъ тебѣ школьный учитель? спросила Тони.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Саша, я всѣмъ этимъ пѣснямъ научился въ деревнѣ подъ большой липой. Разъ какъ-то весною, я побѣжалъ съ другими мальчиками къ ручью, надъ которымъ росли прелестныя ивы. Тамъ,

я вырѣзалъ себѣ прямую и довольно большую флейту, сдѣлалъ въ ней всѣ клапаны, какъ умѣлъ, и попробовалъ играть на ней, но звуки были жалобные и непріятные. Я спряталъ флейту въ дупло дерева, а самъ пошелъ назадъ въ школу. Вижу, у школы на скамейкѣ, сидитъ отставной солдатъ; на груди у него желѣзный крестъ, нога на костылѣ, рука также подвязана; сидитъ онъ и обѣими руками оперся на палку. Я подумалъ, что онъ пришелъ съ шарманкой, и спросилъ его: «гдѣ твоя шарманка?»

— Нѣтъ у меня шарманки, отвѣчалъ онъ, но вотъ, что у меня есть! И съ этими словами, онъ вынулъ изъ-подъ своего кафтана дудочку. «Ахъ! флейта!» вскрикнулъ я весело, «покажи мнѣ, какъ ты играешь на ней?»

Старикъ солдатъ, взялъ меня на колѣни и поцѣловавъ приласкалъ меня. Узнавши, что я сдѣлалъ флейту, онъ захотѣлъ ее видѣть; я бѣгомъ отправился за нею, принесъ ее; онъ поправилъ, что было не такъ въ ней, подумалъ немного и сказалъ: «Я теперь тебѣ сыграю самую легкую мелодію; слушай хорошенько, внимательно, постарайся запомнить ее и сыграть.»

Онъ сталъ играть, и, какъ хорошо онъ игралъ! Онъ кончилъ, а я все еще стоялъ, все слушалъ, такъ ужь она мнѣ понравилась. «Запомнишь ли ты эту пѣсню? спросилъ меня солдатъ, я черезъ двѣ недѣли опять приду сюда и послушаю, какъ-то ты ее выучилъ »

Прощай же!» Онъ ушелъ. Я каждый день убѣгалъ въ лѣсъ, чтобъ никто не смѣялся надо мной, какъ я плохо играю. Какъ весело мнѣ тамъ было; кругомъ меня пѣли птицы, надо мной шумѣли верхушки деревьевъ, и никто не мѣшалъ мнѣ учиться. Прошло двѣ недѣли; я издали увидѣлъ солдата и съ волненіемъ сталъ подходить къ нему. Сердце у меня сильно билось, когда я взялъ флейту въ руки; я собралъ всѣ свои послѣднія силы и началъ играть. Сперва звуки были слабые и нерѣшительные, но чѣмъ дальше я игралъ, тѣмъ больше увлекался. Старикъ солдатъ былъ въ восторгѣ отъ моей игры; «славно, славно, говорилъ онъ, ты выучишься и будешь хорошо играть.» Послѣ того, я долго учился у него, и черезъ годъ игралъ уже очень порядочно. Меня стали звать на деревенскіе праздники и свадьбы. Для всѣхъ насъ это было большое счастіе, особенно, когда заболѣлъ мой отецъ.

— Онъ на свои деньги купилъ нашего осла, перебилъ его Коля, нашъ прежній оселъ проданъ уже давно, нужны были деньги на лѣкарство и на хлѣбъ всѣмъ намъ. Да, плохо бы намъ пришлось безъ нашего умнаго, добраго Саши.

Такъ еще долго дѣти разговаривали между собою и разсказывали другъ другу. Стало темнѣть. Гроза прошла и былъ чудесный лунный вечеръ.

На другой день, чѣмъ свѣтъ Саша и Коля встали; они вычистили осла, накормили и напоили его и свою

собаку и передъ тѣмъ, какъ собираться въ дорогу, стали молиться Богу.

Вдругъ слышатъ за собою нѣжный дѣтскій голосокъ, они обернулись, и видятъ — за ними стоитъ Тони, сложивъ руки на груди для молитвы.

— Здравствуй, Тони, сказалъ Саша, какъ ты рано встала! я думаю, что въ домѣ еще всѣ спятъ!

— Да, правда, всѣ спятъ еще, это я одна такъ рано встала, отвѣчала она, подошла къ мальчикамъ и вынула изъ передника длинный свертокъ, завязанныя розовой ленточкой: «Вотъ, возьмите это, прибавила Тони, подавая свертокъ, это пригодится вамъ, тутъ есть карандаши и бумага, только одно, обѣщайтесь мнѣ прислать письмо, и я буду отвѣчать; ты увидишь сама, какъ намъ будетъ весело посылать другъ другу письма. А тебѣ, Коля, вотъ книжка съ картинками, скорѣй учись читать, тутъ много занимательныхъ разсказовъ; они даже лучше картинокъ.

— Благодарствуй, добрая Тони; смотри, какъ радъ Коля, онъ прыгаетъ и играетъ со своей книжкой.

Между тѣмъ, солнце уже совершенно вышло изъ-за горизонта; утренній туманъ разсѣялся, и все кругомъ стало просыпаться. Пѣтухи важно расхаживали по дорогѣ, не переставая кричать. Со всѣхъ сторонъ раздалось мычанье коровъ и звонъ колокольчиковъ, Въ кустахъ и въ деревьяхъ закопошились и зачирикали воробьи, въ воздухѣ уже кружились жаворонки, заливаясь пѣснью.

Скоро и всѣ дѣти были на ногахъ, и съ радостными криками прибѣжали къ путникамъ. «Доброе утро! доброе утро!» кричали они еще издали. Поздоровавшись, всѣ вмѣстѣ гурьбой побѣжали въ комнаты.

Тони, между тѣмъ, накрыла столъ и все приготовила для утренняго завтрака.

Когда все было готово, Тони вынула большой колокольчикъ изъ корзинки и стала звонить. Всѣ дѣти прибѣжали на звонокъ. Даже птицы: павлины, воробьи, куры, знали этотъ колокольчикъ, всегда прилетали и прибѣгали подъ липу, и ждали падающихъ на землю крошекъ. Послѣ завтрака, каждому надо было заняться своей работой. Судья ушелъ въ поле, присмотрѣть за работой, жена его занялась хозяйствомъ, дѣти ушли въ школу, а нашимъ мальчикамъ путникамъ, пора было отправиться въ дорогу. «Дай Богъ счастья вамъ! Счастливый путь!» кричали имъ дѣти со всѣхъ сторонъ. «Благодарствуйте за хлѣбъ соль, и за радушный пріемъ!» отвѣчалъ Саша, усаживая маленькаго Колю на осла, подъ тѣнь свѣжихъ вѣтвей. Судья положилъ въ сѣдло нѣсколько монетъ, а хозяйка имъ дала провизіи, сколько могла. «Дай Богъ счастья вамъ и здоровья вашимъ родителямъ! говорила добрая хозяйка, «да смотрите не забывайте насъ, заѣзжайте къ намъ по дорогѣ, отдохнуть.» Дѣти со своими школьными сумками за-плечами, вышли провожать. «Ахъ! еслибъ ты спѣлъ что-нибудь на-прощанье! «сказала Тони.

— Ахъ! спой намъ пѣсню, спой, просили дѣти.

Саша сталъ пѣть, и всѣ дѣти подхватывали припѣвъ его пѣсни хоромъ. Но пора уже было разстаться; прямо лежала дорога, налѣво стояла школа; дѣти простились съ мальчиками, и потомъ долго смотрѣли имъ въ слѣдъ и махали имъ платками, пока они наконецъ не скрылись за холмами. Еще долго издалека слышался голосъ Саши.

Послѣ отъѣзда Саши, прошло много недѣль и мѣсяцевъ, и долго объ нихъ никакихъ вѣстей не было. Но какъ-то разъ пришелъ почтальонъ и отдалъ письмо Тони. Она посмотрѣла на адресъ и чуть не вскрикнула отъ радости; на конвертѣ было написано: «Тони Вильтеръ, въ Эйхенау.»

— Письмо изъ Бернедорфа, сказалъ почтальонъ.

«Ахъ, должно быть это отъ крестнаго папы» говорила Тони, и побѣжала въ уединенное мѣсто. Она проворно взобралась по узкой лѣсенкѣ на сѣновалъ, надъ конюшней. Тамъ поднялась страшная суматоха; курица-насѣдка слетѣла съ яицъ, и долго не могла успокоиться, все кудахтала; кошка, также съ испуга, чуть не свалилась со ступенекъ лѣстницы. «Полно, Бѣлянка», говорила Тони курицѣ, «полно, моя курочка, сиди, не кудахтай, я тебѣ никакого зла не сдѣлаю. Спи, спи спокойно на своихъ бѣлыхъ яичкахъ, такъ, такъ; садись, хорошо!» И Бѣлянка, какъ-бы слушая ее, и въ самомъ дѣлѣ утихла. Кошка уже ластилась къ Тони, и какъ бы заглядывала къ ней въ письмо. «Слушай, кошечка моя, что мнѣ пишетъ мой крестный паненька, слушай

же! Не мѣшай мнѣ читать!» говорила Тони, распечатывая письмо. Она стала читать его.

«Моя добрая крошка Тони. Посылаю первое мое письмо къ тебѣ, я думаю, оно тебя также обрадуетъ, какъ бывало меня въ дѣтствѣ радовали письма. Тебѣ черезъ нѣсколько дней уже девять лѣтъ, какая ты большая! а какъ еще недавно я держалъ тебя на-рукахъ, надъ купелью, и ты безсознательно смотрѣла на меня своими свѣтлыми глазенками. Твоямаменька дала мнѣ леденцовъ, чтобы утѣшать тебя. Я боялся, что ты будешь кричать у меня на рукахъ, но совершенно напрасно: ты лежала тихо и спокойно въ своемъ розовенькомъ гнѣздышкѣ, и во всѣ глаза смотрѣла на окружающихъ; ты даже и тогда не заплакала, когда пасторъ окропилъ твой лобикъ холодной водой. Еще тогда я тебя поблагодарилъ и обѣщалъ тебѣ всегда помогать совѣтами. Смотри, я буду ждать отъ тебя отвѣта, безъ поправокъ маменьки, я хочу чтобы въ твоемъ письмѣ все было свое, ничего чужаго! Ты мнѣ сама напишешь, да? Разскажи мнѣ, что ты дѣлаешь каждый день, что тебя радуетъ и что печалитъ. Потомъ и я тебѣ отвѣчу. Потомъ, я соберусь къ тебѣ въ гости, запрягу своихъ вороныхъ лошадей въ красивую колясочку; сбруя заблеститъ, какъ драгоцѣнные камни, лисьи хвосты на уздечкахъ будутъ отмахивать мухъ отъ мордочекъ. Я возьму тебя къ себѣ и покажу мои сады, мой красивый замокъ. Вокругъ него, въ паркѣ, прыгаютъ зайцы, благородные олени и скромныя лани. А сколь-

ко я тебѣ хорошаго разскажу! я только-что вернулся изъ путешествія и видѣлъ много—много хорошихъ городовъ и вещей. Ахъ, какъ жаль, что тебя тутъ нѣтъ; передъ моими окнами стоитъ прехорошенькій оселъ, весь украшенъ зеленью и цвѣтами, и что за прелестныя дѣти съ нимъ; вотъ, старшій запѣлъ, нѣжнымъ звонкимъ голоскомъ; онъ просилъ, въ пѣснѣ чтобы хотя бездѣлицу купили у него какую нибудь. Жаль, что ты не можешь видѣть эту прелестную группу!» Тони отъ радости вскочила и захлопала въ ладоши, такъ что курица Бѣлянка опять раскудахталась, и кошка стала тревожно мяукать, не понимая что это такое. «Это Саша и маленькій братъ его были съ осломъ. Ахъ! какъ я рада! я знаю, гдѣ они теперь!» вскрикнула радостно Тони, и опять продолжала читать: «Жаль, что они не остановились у моего замка, а то-бы я поговорилъ съ ними. Мнѣ разсказали потомъ, что они несчастныя дѣти, и трудятся для своего больнаго отца и для своей матери; хочу имъ помочь, хоть чѣмъ нибудь. Извини, что больше не могу тебѣ ничего написать, завтра я уѣзжаю отсюда и мнѣ надо поскорѣе уложить свои вещи. Прощай! не забывай своего крестнаго отца.

«А. Дервитъ»,

«P. S. Скоро день твоего рожденія; не позабудь мнѣ написать, чего тебѣ хочется больше всего; ты можешь пожелать три вещи, одну изъ царства растеній, одну изъ минераловъ и одну изъ животныхъ.

Придумай-же чего бы ты хотѣла, я буду ждать твоего отвѣта въ Маріенау.»

.....

«Что мнѣ выбрать изъ каждаго царства? Я право сама не знаю, печально думала Тони. У меня восемь дней сроку; я могу думать и выбирать; это вѣдь очень много времени, можетъ быть и придумаю что нибудь. Ахъ, вотъ, что я напишу въ письмѣ: я ему разскажу все что знаю про Сашу и Колю, онъ добрый такой, онъ поможетъ мнѣ!» Съ этими словами Тони вскочила со своего мѣста, обняла кошечку, присѣла нѣсколько разъ передъ встревоженной Бѣлянкой и побѣжала внизъ по шаткой лѣсенкѣ. Она еще издали услышала шумъ и смѣхъ своихъ сестеръ и братьевъ, и побѣжала къ нимъ въ садъ; она незамѣтно подкралась къ тому мѣсту, гдѣ такъ весело смѣялись, и сама чуть не засмѣялась также громко; и было отчего смѣяться. Старшій братъ стоялъ посреди всѣхъ дѣтей; на немъ былъ старый отцовскій халатъ; крошечныя ручки не поддерживали и половины длинныхъ рукавовъ, такъ что мальчикъ совершенно утонулъ въ халатѣ. На груди была привѣшена большая мѣдная бляха; старая, совершенно изношенная шляпа спускалась у него до самой шеи, такъ что ни глазъ, ни рта не было видно, и при каждомъ движеніи она колыхалась, какъ на шестѣ, туда и сюда. Мальчикъ держалъ въ рукахъ бумагу и громко читалъ: «по рѣшенію суда, положе-

но маленькую Тони лишить завтрака за то, что она не явилась во время! «Ого подумала Тони, постой же, шалунъ, будетъ тебѣ за это!» Но она спокойно стояла за кустами и ждала, что будетъ дальше. Между тѣмъ, мальчикъ продолжалъ. «Тони искали вездѣ, звали ее; и на всѣ четыре стороны она нигдѣ не нашлась, и потому завтракъ отдается намъ.»

«Плохо же искали меня, думала Тони, не могли отыскать на сѣновалѣ, вѣдь они знаютъ, что я тамъ постоянно бываю.»

Вотъ, вся дѣтская толпа побѣжала въ одну сторону подъ зеленую липу. Тамъ, подъ деревомъ стоялъ накрытый столъ, и на немъ красовалась булка со свѣжимъ масломъ, а подлѣ груша и сочная кисть винограда. Тони ужасно хотѣлось ѣсть, но она хотѣла знать, что сдѣлаютъ шалуны. Тихо, тихо какъ кошка, прокралась она еще ближе къ липѣ и слушала.

— Начинается аукціонъ! закричалъ опять мальчикъ: слушайте!

Дѣти стали играть въ распродажу, это была ихъ любимая игра. Всѣ дѣти, кромѣ Лели, принимали участіе; одна она со слезами смотрѣла на всѣхъ и слушала.

«Свѣжая булка! оцѣнена въ три орѣха! три орѣха! кто больше?» громко кричалъ Митя.

— Четыре гроша! отозвался другой голосокъ.

— Четыре стеклянные шарика! они больше сто-

ятъ нежели твои орѣхи и некрасивые гроши! Четыре стекляныхъ шарика! разъ! два!...

Въ эту минуту маленькая Леля совершенно уже расплакалась и громко крикнула: «оставьте Тонину порцію, вы все разберете, и ей ничего не останется; бѣдная Тони, она останется совершенно голодная!»

— Тише! не шумѣть! прикрикнулъ на нее Митя. Тони сама виновата, зачѣмъ ея не было здѣсь во время! Митя сдѣлалъ при этомъ такое смѣшное лицо, что Леля не знала плакать ли ей, или смѣяться.

Въ эту минуту Тони выскочила изъ своей засады, явилась посреди дѣтей и сказала: «не трогайте, это все мое! все мое!»

Дѣти-шалуны разсыпались во всѣ стороны. Митя такъ растерялся, что не зналъ, что ему придерживать, свою ли мѣховую шапку, длинные ли рукава, или подобрать полы своего халата. Тони и Леля отъ души смѣялись имъ вслѣдъ; Тони расцѣловала и горячо поблагодарила свою защитницу. «Они не хотѣли меня обидѣть, говорила Тони, они думали, что я у нашей сосѣдки, и были въ правѣ раздѣлить мой завтракъ. А теперь пойдемъ завтракать, я тебѣ отдамъ мою грушу. А за то, что ты была такая добрая, я тебѣ покажу то, отчего я такъ долго пробыла на сѣновалѣ.» Тони вынула изъ кармана письмо. «Посмотри, это мнѣ прислалъ крестный папенька изъ Берне-

дорфа; знаешь ли, онъ пишетъ также и объ Сашѣ и о маленькомъ Колѣ!»

Послѣ завтрака дѣвочки побѣжали къ матери и къ отцу. Тони прочитала родителямъ свое письмо, а шалуны братья услышали все черезъ открытое окно, что къ Тони писалъ крестный отецъ, и съ радостнымъ крикомъ вбѣжали въ комнаты, отъ души просили прощенія у Тони, и стали сообща придумывать, чего бы ей попросить у крестнаго отца.

— Вотъ-то счастливица! воскликнулъ Митя, ты можешь три вещи просить! скажи же, чего ты попросишь?

— Я бы хотѣлъ, сказалъ Рудольфъ, младшій братъ, изъ животныхъ, чудесную воронную лошадь, у него ихъ столько въ конюшнѣ; чтобъ на ней была надѣта хорошенькая уздечка и красивое сѣдло. О! тогда я ни сдѣлалъ бы шагу пѣшкомъ, все сидѣлъ бы на лошади!

— Вотъ-то смѣшно! сказала Тони, ты значитъ будешь скакать на конѣ и въ постели? бѣдный, когда же ты будешь спать? мы будемъ играть въ горѣлки или въ жмурки, а ты все за нами верхомъ; вѣдь это скучно! А когда мы заберемся на верхъ, къ голубямъ, что ты будешь дѣлать? также за нами: вотъ-то поднимется тамъ у насъ суматоха, крикъ, и всѣ голуби разлетятся во всѣ стороны. Боже мой, какія ты смѣшныя глупости говоришь!—Всѣ дѣти засмѣялись кругомъ, и пристыженный мальчикъ замолчалъ.

— А я хотѣлъ бы, сказалъ Митя, имѣть хорошую

охотничью собаку, сеттера, чтобы она умѣла и отыскивать дичь и дѣлать стойку на ней, и слушалась бы меня во всемъ; или красиваго оленя: онъ пасся бы подлѣ дома въ нашемъ саду и ласкался бы ко мнѣ и бѣгалъ бы всюду за мною.

— Ну, ты пожалуй много чего захочешь, сказала Тони, да все мнѣ-то не того бы хотѣлось, пусть скажетъ Леля, что бы такое она придумала.

— О! я бы хотѣла бѣленькую овечку, на розовенькой ленточкѣ, со звонкимъ колокольчикомъ. Какъ было бы весело, она бѣгала бы за мной, кричала бы: «бя, бя» и колокольчикъ звенѣлъ бы, звенѣлъ безъ остановки. Но если и это тебѣ не нравится, то я хотѣла бы двѣ бѣлыя, какъ снѣгъ мыши. Ахъ, какія онѣ хорошенькія; я имъ сдѣлала бы домикъ въ моей комнатѣ, вмѣстѣ съ куклами, и потомъ у меня стало бы ихъ много, много, цѣлое семейство!

— Ну, а ты чего хочешь въ подарокъ отъ крестнаго отца? спросила мать Тони.

— Я не могу такъ скоро сказать, отвѣчала Тони, я лучше сперва хорошенько подумаю.

— Ахъ, она что нибудь чудесное, умное придумаетъ, она такая ученая, сказалъ Митя, низко кланяясь ей, въ какой же ты странѣ свѣта будешь искать животныхъ, минераловъ и растеній; должно быть гдѣ нибудь въ Африкѣ, въ Италіи, или въ Персіи! Ты, должно быть, попросишь лавы изъ дымящагося Везувія, допотопныхъ оленей и много еще чего, много

много мудренаго. Нужно будетъ для этого далеко, далеко ѣхать; ты, Рудольфъ, осѣдлай своего воронаго коня и мы вмѣстѣ поскачемъ въ далекія страны отыскивать желанія Тони.

Мальчики громко засмѣялись и побѣжали въ садъ.

Тони не зная, что придумать, принялась пока за работу, и вмѣстѣ съ маленькой сестрой стала вязать. Такимъ образомъ, всѣ разошлись въ разныя стороны, всякій занялся своимъ дѣломъ.

Послѣ полученія письма прошло нѣсколько дней, а наша Тони все еще не знала, что бы такое попросить у крестнаго отца. Чтобы подумать объ этомъ, она всегда забиралась въ свой уютный уголокъ на сѣно, и тамъ записывала въ свою книжку все, чего бы ей хотѣлось.

Курица Бѣлянка привыкла больше не пугаться Тони, и кошка всегда ласково ластилась къ ней. Наконецъ, она исписала три страницы названіями разныхъ вещей; оставалось выбрать лучшее. Она перечитала нѣсколько разъ свою книжку, принесла перья и чернила и попросила работника внести столъ на сѣновалъ. Тони усѣлась поудобнѣе и начала свое письмо:

«Милый, добрый крестный папенька!

«Мнѣ страшно писать; вѣдь это мое первое письмо! Прости мнѣ ошибки, которыя ты найдешь въ немъ. Не смѣйся слишкомъ надо мной, прошу тебя, не смѣйся.»

Тони остановилась; она слышитъ, кто-то взошелъ на первыя ступеньки лѣстницы, и вслѣдъ затѣмъ по-

слышался грубый голосъ. «Не бойтесь, барышня, я вамъ не стану мѣшать, я Ѳедоръ, вашъ работникъ, боюсь васъ побезпокоить и потому бросаю вамъ вотъ это письмецо, ловите его!» Работникъ ушелъ, а Тони соскочила съ своего мѣста и подняла его.

«Ахъ, радость-то какая! опять письмо! вскрикнула она: откуда же оно?... Нѣтъ, продолжала Тони, это не отъ крестнаго, и запечатано оно простой пуговицей! ай, какая смѣшная печать! Какія большія буквы! я гдѣ-то ихъ уже видѣла! ахъ да! такія буквы писалъ Саша, маленькій торговецъ; должно быть письмо отъ него!»

Она поскорѣе открыла письмо; оно въ самомъ дѣлѣ было отъ Саши; вотъ, что онъ писалъ: «Милая барышня Тони, я бы тебѣ давно написалъ, но намъ ужасно плохо приходилось все это время; мнѣ нужно было столько работать за больнаго папеньку и за бѣдную слабую маменьку, что право во все лѣто у меня не было ни одной свободной минуты. По вечерамъ, когда не было работы, я бросался на скамью и не раздѣваясь засыпалъ мертвымъ сномъ. Мой папенька заболѣлъ еще сильнѣе; надо было призвать доктора, платить за дорогія лекарства; маменька совершенно выбилась изъ силъ, не имѣя ни минуты отдыха, ни днемъ, ни ночью. Намъ нельзя было оставаться въ нашемъ маленькомъ домикѣ, пришлось продать его. Чтобы уѣхать изъ него, мы выбрали самый теплый, солнечный день, укутали, чѣмъ могли,

папеньку и перенесли все въ одну комнатку, въ чужой домъ. Какъ намъ всѣмъ было тяжело уѣзжать изъ родной избушки, но никто не плакалъ, всѣ боялись огорчить другъ друга. Къ нашему несчастію, у моихъ младшихъ братьевъ и сестеръ сдѣлалась корь, такъ что матушкѣ некогда было работать. Однимъ работникомъ въ домѣ осатлся я. Помощи не откуда было ждать, нашъ добрый покровитель, богатый фабрикантъ, уѣхалъ далеко; оставалось просить милостыни, да и то было не у кого, кругомъ были все такіе же бѣдняки, какъ мы. Но Богъ помогъ намъ. Помнишь, у насъ былъ такой славный ньюфаундлендъ, такой добрый, ласковый; я спасъ его отъ смерти; злые мальчики хотѣли его потопить въ рѣкѣ, а я отбилъ его у нихъ, принесъ домой и выкормилъ, выхолилъ его. Съ тѣхъ поръ, онъ не отставалъ отъ меня ни на шагъ, и я его очень любилъ. Однажды, я встрѣтилъ на большой дорогѣ также очень бѣднаго мелочнаго торговца; онъ печально сидѣлъ подлѣ своей тѣлѣжки, и чуть не со слезами смотрѣлъ на свою мертвую собаку. Онъ былъ уже не молодъ и видно такъ слабъ, что не могъ самъ тащить своей тѣлѣжки. Мы съ Колей подошли и стали утѣшать. «Хоть бы мнѣ сильную собаку достать откуда нибудь, сказалъ онъ, самъ пожалуй не дотащу тѣлѣжку до деревни. Вотъ если бы вы продали мнѣ свою собаку, вы молодые мальчики, и тѣлѣжка ваша легче моей; продайте мнѣ вашу собаку!»

Я долго не зналъ: согласиться мнѣ, или нѣтъ; жаль было доброй собаки, разстаться съ ней казалось мнѣ также трудно, какъ потерять что-нибудь родное. Долго я не рѣшался, но и старика стало жаль, и ему захотѣлось помочь чѣмъ нибудь: онъ же такъ упрашивалъ, такъ умолялъ отдать ему собаку. Наконецъ, я продалъ собаку за два талера и побѣжалъ вмѣстѣ съ братомъ домой, не оглядываясь на моего дорогаго ньюфаундленда. Не удерживая своихъ рыданій, я бросился на шею къ матушкѣ, разсказалъ ей все и отдалъ деньги. Она и батюшка мой благословили меня за состраданіе, и долго ласкали и утѣшали меня. Съ этихъ поръ, мы съ братомъ вдвоемъ, тянемъ на ремняхъ тележку; мнѣ-то это не бѣда, а вотъ я боюсь что брату это слишкомъ тяжело; боюсь, чтобъ онъ также не заболѣлъ. Теперь я заставляю его подталкивать тѣлѣжку сзади, и онъ не такъ устаетъ. Теперь у насъ нѣтъ ни земли своей, ни хижины, все это чужое; но слава Богу, батюшкѣ лучше, можетъ быть онъ скоро будетъ здоровъ, и вмѣстѣ со здоровьемъ и работой вернется къ намъ все прежнее. Прощай, добрая Тони, пожалѣй меня, и не слишкомъ смѣйся надъ моими каракулями. Я думаю, что скоро и читать и писать разучусь; ты знаешь, съ тѣхъ поръ, какъ я былъ у васъ, я ни разу не пѣлъ, ни разу, даже въ руки не бралъ моей флейты!»

«Прощай, не забывай твоего бѣднаго

«Саши.»

«Ахъ, Боже мой! какіе они бѣдные!» говорила Тони, утирая слезы. «Какіе же мы, значитъ, счастливые, у насъ такъ много земли, теплый, свѣтлый домикъ, въ немъ такъ весело и хорошо, и сколько у насъ коровъ и лошадей, всего, всего довольно! Сколько счастія и радости у насъ, и всѣ кругомъ такіе здоровые, веселые; нѣтъ ни горя, ни нужды! А они-то бѣдные, минуты нѣтъ отдыха, нѣтъ ничего своего, даже куска хлѣба!» Такъ сидѣла она долго задумавшись, и слезы текли по ея розовенькимъ щечкамъ. Она все придумывала, какъ бы помочь маленькимъ торговцамъ, и наконецъ придумала. «У меня есть восемь копѣекъ, я попрошу еще у братьевъ и сестеръ, они, навѣрное, что-нибудь дадутъ, а потомъ будетъ мое рожденіе и папенька, какъ и всегда, подаритъ мнѣ талеръ. Ахъ, нѣтъ! вотъ что, лучше я просто попрошу крестнаго отца помочь бѣднякамъ! Вотъ-то радость какая будетъ бѣдному Сашѣ!» Тони оставила свое первое письмо, нѣсколько разъ пробѣжала свою книжку, и стала разсказывать въ письмѣ всю печальную исторію дѣтей; просила крестнаго отца отыскать ихъ и помочь имъ выбиться изъ бѣдности. Въ свое письмо она вложила письмо Саши. Вмѣсто подарка себѣ, она просила дать бѣднякамъ осла, нѣсколько кулей картофеля и выкупить домъ и землю у чужихъ людей. Она такъ прилежно писала, что бѣдные пальчики ея заболѣли, но ей за то было весело и легко на душѣ. Она сама побѣжала на почту, ей казалось,

что письмо такимъ образомъ скорѣе дойдетъ. Домой шла она еще веселѣе; тамъ никто еще не возвращался. Она нарвала цвѣтовъ и поставила ихъ на столъ, въ комнату матери.

— Что ты такъ весела нынче? спросила мать, лаская ее.

— Ты знаешь, маменька, я отослала письмо крестному! О, какое оно толстое вышло у меня!

— Я думаю, тебѣ не легко было написать письмо, это для тебя порядочная работа. Зачѣмъ ты только не показала мнѣ его, можетъ быть, я что-нибудь и поправила бы.

— Я хотѣла поскорѣе отправить его, боялась, чтобъ оно не залежалось у меня, отвѣчала Тони, потупляя глазки. Ты знаешь, это секретъ! пожалуйста не спрашивай меня о письмѣ, до моего рожденія. Я тебѣ первой покажу отвѣтъ моего крестнаго! Право, я ничего дурнаго не написала!

— Хорошо, моя крошка, не стану разспрашивать тебя. А теперь ступай спать, прощай, дай я тебя перекрещу.

Всѣ разошлись по своимъ комнатамъ и скоро все затихло въ домикѣ.

.....

Лѣто подходило уже къ концу; начиналась осень, теплая, сухая и богатая плодами. Вездѣ пошелъ сборъ винограда и плодовъ, съ пѣснями и смѣхомъ; поля и

сады были полны рабочей тревоги и жизни. И нашимъ дѣтямъ пора было обирать свой садикъ, усыпанный яблоками, вишнями и цѣлыми гроздами винограда. Тамъ, каждому ребенку была отдѣлена грядка, на которой онъ копался цѣлое лѣто, сажая растенія и заботясь о нихъ. Дѣти, смотря на большихъ, также устроили свой сборъ, и гурьбой, со множествомъ корзинокъ, отправились въ свое маленькое имѣніе. Мальчики проворно взобрались на деревья, и оттуда бросали яблоки въ корзины. Работа шла живо и весело, и скоро всѣ корзины были совершенно полны.

— Вотъ-то богатый сборъ у насъ, говорилъ старшій братъ, смотри, ни одной пустой корзины не осталось!

— Давайте, продадимъ свои плоды, и на вырученныя деньги купимъ себѣ что-нибудь, сказали другіе.

— Да, хорошо! у насъ слишкомъ много плодовъ! отвѣчалъ Митя, пока давайте играть. Пусть каждый придумаетъ, что онъ купитъ на свои деньги; садитесь скорѣй, скорѣй въ кружокъ, я сейчасъ стану спрашивать; кто не отвѣтитъ тотчасъ же, съ того фантъ!

— Разъ, два, три! ну, Рудольфъ, скажи мнѣ, что ты сдѣлаешь съ своими деньгами?

— На будущей недѣлѣ будетъ ярмарка въ сосѣднемъ городкѣ. Я попрошу маменьку свезти насъ туда, и мы посмотримъ на маріонетокъ, а потомъ пойдемъ въ звѣринецъ: тамъ бываютъ славные тигры,

львы, медвѣди и лисицы, и много другихъ животныхъ; тамъ я люблю очень бывать!

«Да, это хорошо, сказалъ Митя, а что если маменькѣ будетъ некогда, или она просто не захочетъ?»

— Я ее буду долго просить, до тѣхъ поръ, пока она не согласится, отвѣчалъ Рудольфъ.

— Ну, хорошо; а ты, Тони, ты что сдѣлаешь со своими деньгами?

— Ахъ! я еще не знаю сама, спроси меня лучше послѣднюю!

— Ну, такъ и быть, оставлю, только думай скорѣе, а не то возьму съ тебя фантъ.

— Ну, а ты, крошечная Леля, что ты придумала?

— Я ужасно люблю воланы и мячики, такъ я и хочу на всѣ мои деньги накупить мячиковъ, такихъ красивенькихъ, съ домиками и птицами, а также и разноцвѣтныхъ волановъ.

«Ну, ты славно придумала, хотя и маленькая! Мы всѣ будемъ съ тобою играть, мы также любимъ воланы! Ну, а ты, Тони, что? додумалась ли до чего нибудь?

— Ахъ! я право... все еще не знаю, что сказать... подождите до дня моего рожденія, тогда я скажу, что сдѣлаю съ деньгами! говорила Тони запинаясь.

«Ну, этого долго ждать! дай пока фантъ! закричали мальчики: фантъ! фантъ!

— Вотъ, возьмите! сказала Тони, отдавая мальчикамъ блестящее колечко. А что же мнѣ сдѣлать чтобы вернуть мое кольцо? придумывайте скорѣе!

— Сейчасъ, подожди немного! сказалъ Митя, отходя съ братомъ въ сторону, и долго они говорили шепотомъ, весело поглядывая на дѣвочекъ. Знаешь ли что? ты должна просить милостыни!

— Хорошо, я сейчасъ приду къ вамъ! отвѣчала Тони. Черезъ минуту она уже была въ самомъ странномъ оборванномъ платьѣ, и на головкѣ красный платокъ, связанный по четыремъ угламъ. На одной рукѣ висѣла большая корзина; тяжело ступая, Тони упиралась на толстую клюку. Другою свободной рукой, она вела свою сестру, которая вмѣсто всякаго особеннаго наряда надѣла себѣ на голову свой бѣлый передникъ. Братья важно стали у своихъ корзинъ.

«Тукъ, тукъ, тукъ! сказала Тони.

— Кто тамъ?

«Отвори мнѣ дверь, дай отдохнуть! Я издалека.»

— Ну, войди! Чего жъ тебѣ еще надо?

«Ахъ, я очень бѣдна, у меня нѣтъ ничего, ни крохи хлѣба въ моей сумѣ, сжальтесь, дайте чего-нибудь, просила Тони. У васъ такъ много плодовъ, дайте мнѣ хоть одинъ гарнецъ яблоковъ.

— Цѣлый гарнецъ? ну, ты не глупа, знаешь, что попросить! сказалъ Митя, на вотъ тебѣ! Онъ всыпалъ полный гарнецъ яблоковъ въ подставленную корзину. Тони пошла дальше, къ младшему брату, и тамъ просила:

«Ахъ, господинъ, я долго, долго была больна, ничего не могла работать! у меня дома шестеро дѣтей осталось, и всѣ голодныя, въ лохмотьяхъ. Мы должны

были все продать мало-по-малу, нашъ домъ, огородъ, все до послѣдняго котенка, до послѣдней картофелинки. Дай хоть немного изъ своего богатства!

Рудольфъ, не дожидаясь больше, отсыпалъ полный гарнецъ вишень. Разсказъ Тони такъ тронулъ всѣхъ, что Леля позабыла свою роль, подбѣжала къ своимъ корзинамъ и отсыпала Тони нѣсколько гарнцевъ грушъ и винограда: «ахъ, возьми! возьми хоть что-нибудь и отъ меня для бѣднаго семейства!»

«Добрая, милая, хорошая Леля!» говорила Тони, крѣпко обнимая и цѣлуя сестру. Потомъ она бросила въ сторону палку и безобразный платокъ, взяла свою до верха наполненную корзину, и поволокла ее къ матери.

«Барыня! купите у меня что-нибудь; у меня есть и груши, и виноградъ, и много вишень!» говорила Тони громко и весело. «Маменька, сказала она шепотомъ, наклоняясь къ матери: «купи, пожалуйста! Это въ самомъ дѣлѣ для бѣдныхъ людей!»

— О! я знаю, для кого! отвѣчала мать; это твой секретъ; должно быть въ этомъ семействѣ есть мальчикъ.

«Да, да! тише, маменька! не говори только никому!»

— Хорошо, дитя мое! сказала мать, цѣлуя Тони, дай мнѣ плоды, я всѣ у тебя покупаю!

Тони отъ радости стала бѣгать и прыгать по саду со своей сестрой. «Стой! закричали мальчики, мы тебя не выпустимъ, пока ты намъ не скажешь своего секрета!»

— Какіе вы нетерпѣливые шалуны, все хотите знать, подождите моего рожденія, все узнаете!

— Нѣтъ, говори сейчасъ! ты наша плѣнница!

— Оставьте ее; ей пора идти накрывать столъ для ужина.

Дѣти перестали играть и всѣ разошлись. Вскорѣ стемнѣло совершенно и дѣти пошли спать. Ихъ комнаты были на верху; мальчики забрались туда раньше сестеръ и стали ждать ихъ. Лишь только дѣвочки показались со своей лампочкой на верху лѣстницы, братья бросились къ нимъ, схватили обѣихъ сестеръ, и чтобы онѣ не могли крикнуть, зажали имъ ротъ.

— Ну, теперь вы у насъ въ плѣну. Тони, отвѣчай! Что будетъ въ день твоего рожденія? Смотри, разсказывай все! Сядь здѣсь, на подушки, тутъ хорошо сидѣть! Такъ говорилъ Митя, усаживая Тони на свою постель: «ну, говори же!»

— Постой! сію минуту! во первыхъ, я попрошу маменьку сварить шоколаду, потомъ, отдамъ вамъ мое пирожное, которое мнѣ подарятъ; а потомъ еще, я попрошу папеньку запречь намъ большую тѣлѣгу парой, и мы будемъ кататься въ ней!

— Ахъ, да! какъ хорошо! то-то будетъ весело! говорили мальчики: мы украсимъ тѣлѣгу свѣжими вѣтками и цвѣтами, и положимъ мягкія подушки для сидѣнья!

— Да, да! а я сяду на свою лошадку и поѣду

впереди почтальономъ, возьму большую трубу и всю дорогу буду трубить!

— А я сплету всѣмъ вѣнки на шляпы, и вплету разноцвѣтныя ленты въ хвосты и гривы лошадямъ. Мы наберемъ много, много пирожковъ, хлѣба, говядины и отправимся куда нибудь, далеко, далеко!»

Такъ разговаривали дѣти долгое время. Наконецъ, мать пришла, перекрестила ихъ, и всѣ тогда разбѣжались по своимъ кроватямъ.

Насталъ день рожденія Тони.

Было чудесное осеннее утро; еще очень рано, лишь только взошло солнце, въ маленькомъ домикѣ началось движеніе. По двору туда и сюда ходили работники, подмазывали и мыли тѣлѣги, чистили дворъ и конюшню; въ кухнѣ уже дымилась труба, и тамъ стряпали, пекли и варили разные сладкіе хлѣба и пирожныя.

Митя, услышавъ шумъ и движеніе на дворѣ, тотчасъ вскочилъ со своей постели и сталъ будить брата. «Вставай скорѣй! А не то я одѣяло стащу съ тебя! Смотри, какъ солнце высоко!»

Рудольфъ вскочилъ, протирая обѣими руками свои глаза, и стараясь смотрѣть прямо на свѣтъ. «Ахъ, ты уморительный! ишь, сморщился какъ! ай, ай, ай, какъ смѣшно!»

— Перестань! сестру разбудишь! говорилъ младшій братъ, проворно одѣваясь. Вотъ уже оба готовы; они весело подпрыгнули, обняли другъ друга, и вы-

бѣжали тихо изъ комнаты. Черезъ минуту они были уже на дворѣ,

«Гдѣ тѣлѣга? спросилъ Митя: готова ли она, подмазана?»

— Вотъ она, развѣ не видишь, отвѣчалъ Рудольфъ, вотъ она, въ сторонѣ подлѣ сарая!

Въ это время въ ворота вошелъ работникъ. У него за спиною былъ цѣлый лѣсъ зеленыхъ вѣтвей, и посреди ихъ, на самой верхушкѣ, свернувшись сидѣла бѣлая кошка. Работникъ сбросилъ съ себя свою ношу, и они принялись вѣтками украшать тѣлѣгу; въ нѣсколько минутъ она была совершенно покрыта зеленью.

«Ахъ, какая славная тѣлѣга, сказала Леля, вбѣгая на дворъ, точно какъ та бесѣдка на ослѣ бѣдныхъ мальчиковъ; что-то они теперь дѣлаютъ? Гдѣ они?»

— Далеко должно быть, на чужой сторонѣ! Бѣдные, что-то они? сказали въ одинъ голосъ оба брата. Митя, Рудольфъ,—пойдемте въ столовую, мама зоветъ разставлять подарки! Пойдемте скорѣе! Я уже бѣгу! и Леля въ самомъ дѣлѣ пустилась бѣжать. Братья взглянули еще разъ на свою тѣлѣгу, и пошли также за нею.

Тамъ уже почти все было разставлено. Столъ, покрытый бѣлой скатертью, стоялъ посреди комнаты. На него съ одной стороны была наложена цѣлая груда книгъ и тетрадей и надъ ними, важно, будто посматривая во всѣ стороны, сидѣла нарядная кукла; тутъ же подлѣ лежало платьице для Тони. Съ другой стороны стояла блестящая клѣтка и въ ней съ жердочки

на жердочку прыгала желтенькая канарейка; это ей дарили братья; тутъ же былъ и подарокъ отъ Лели. Она долго отказывалась отъ всякихъ пряниковъ и игрушекъ, чтобы только купить для Тони разныхъ цвѣтовъ. Тутъ они и красовались.

Издали все это казалось цвѣтущей и блестящей группой,

«Не пора ли побудить Тони, сказали дѣти, все уже готово; можно ли, маменька?»

— Слушайте, дѣти! только не слишкомъ тормошите ее!

«Хорошо, хорошо! мы потихоньку!» отвѣчали дѣти и пустились бѣжать по лѣстницѣ. Они всѣ на цыпочкахъ подошли къ комнатѣ Тони, удерживая дыханіе. Они думали застать ее въ постели, но она уже давно встала.

Тони не спала уже, когда Леля вставала, и притворяясь спящей выглядывала изъ-подъ одѣяла; лишь только сестра вышла за дверь, она тотчасъ же стала одѣваться. Тони взглянула на небо: оно было ясное, голубое, безъ облачка. Она стала на колѣни и начала горячо молиться Богу, благодарить Его за все свое счастіе, и молить Бога о бѣдныхъ маленькихъ страдальцахъ.

Потомъ она стала быстро умываться и одѣваться. Внизу она слышала голоса братьевъ и шумъ отворяющихся и затворяющихся дверей; но она была такъ занята, что даже не выглянула изъ окошка. Въ это

самое время, братья подошли къ ея дверямъ. Они глазомъ прильнули къ ея дверямъ, чтобы посмотрѣть въ щелочку что Тони дѣлаетъ. Тони была уже одѣта и прыгая и кружась по комнатѣ прибирала разбросанныя вещи. Вотъ, все готово, она оглянулась во всѣ стороны и запѣла свою любимую пѣсенку.

Въ то-же мгновеніе отворилась дверь, и дѣти подхватили пѣсню хоромъ и обнимали и цѣловали Тони. Потомъ всѣ вмѣстѣ, взявшись за руки, побѣжали внизъ.

Тони не знала на что смотрѣть, къ чему прежде подойти. Какъ ни было Тони весело любоваться всѣмъ, но ей казалось все-таки, что чего-то недостаетъ. Наконецъ издали на столѣ, надъ цвѣтами и зелеными листьями, она увидѣла большой бѣлый конвертъ съ красною печатью. Отъ радости, она вся покраснѣла. Она подбѣжала къ столу и осторожно вынула письмо, разорвала конвертъ. Какъ бы ей хотѣлось теперь убѣжать на сѣновалъ, и тамъ одной прочитать письмо; но ее обступили братья и сестры и просили читать вслухъ.

«Ну, скорѣй читай! Что тамъ написано?—

«Желаю много, много счастья и радости моей маленькой Тони!» Прочла Тони на почтовомъ листкѣ.

— А дальше что? Ничего?

«Нѣтъ, еще есть другое письмо, отвѣчала дѣвочка. на немъ вотъ что написано:

«Прочитай черезъ часъ его!»

— Ахъ! какой мой крестный, онъ хочетъ испытать

мое терпѣніе; хорошо же, я подожду. Папенька, который теперь часъ?»

— Половина восьмаго, мое милое дитя!

«Пока пойдемте, дѣти, подъ липу, сказала мать, вы сперва выпьете по чашкѣ шоколаду, а потомъ поѣдете кататься въ Майендорфъ, черезъ лѣсъ!»

— Ахъ! да, да, какъ будетъ хорошо! побѣжимъ скорѣе подъ липу! радостно говорили дѣти, разсматривая подарки, и взявшись за руки, весело подпрыгивая, побѣжали подъ липу. Тамъ, по обыкновенію, стоялъ уже накрытый столъ, уставленный сладкими пирожками и другими лакомствами. Тони въ этотъ день хозяйничала и разливала шоколадъ. Для нея это было истиннымъ наслажденіемъ.

Веселью и смѣху за завтракомъ не было конца; время между тѣмъ все шло. Братья поскорѣе выпили шоколадъ и побѣжали къ своей зеленой тѣлѣгѣ; Тони также хотѣла пойдти за ними.

«Нѣтъ! сказали они, останься здѣсь, не смотри за нашу телѣгу, это секретъ. Потомъ все увидишь и узнаешь? Прощай!

Они убѣжали, и Тони осталась одна со своей сестрой, нѣсколько разъ брала въ руки письмо, осматривала его со всѣхъ и внимательно слѣдила за часовой стрѣлкой. На дворѣ, между тѣмъ, раздавались громкіе голоса и хохотъ братьевъ, и рѣзкій звукъ трубы! Младшій братъ Рудольфъ сѣлъ на своего пони, и разъѣзжая по двору, воображалъ себя трубачемъ.

Изъ сосѣднихъ домовъ пришли маленькіе гости съ цвѣтами и вѣнками; вся шумная ватага прибѣжала къ Тони съ поздравленіями. Между тѣмъ уже прошелъ часъ и Тони распечатала письмо.

«Дай я прочту, моя добрая дѣвочка!» сказала мать, Тони подала ей письмо: отъ волненія у нея дрожали руки.

Мать стала читать, а Тони, прижавшись къ ней, слушала и отъ радости краснѣла и вся дрожала. Издали послышался трубный звукъ, и такой мягкій, пріятный, какого дѣти никогда не слыхали. Къ крыльцу подскакала четверка вороныхъ лошадей, запряженныхъ цугомъ. Все блестѣло издали, и сбруя, и шарабанъ, и ливреи на кучерѣ, и слугахъ. Люди повторили приглашеніе крестнаго отца.

«Тони, ты маленькая принцесса, говорилъ Митя, помогая сестрѣ влѣзать въ шарабанъ, тебѣ прилично кататься въ такихъ экипажахъ, а намъ, рабочимъ людямъ, хорошо и въ тѣлѣгѣ!»

Пока дѣти разсматривали и ласкали лошадей, мать дала позавтракать людямъ и собрала все, что было нужно для дороги. Но, вотъ все готово, всѣ на своихъ мѣстахъ, и поѣздъ тронулся. Спереди ѣхалъ великолѣпный шарабанъ со всѣми дѣвочками, а сзади двигалась зеленая тѣлѣга. На ней только и былъ видѣнъ работникъ, который правилъ лошадьми. Всѣ же мальчики сидѣли въ зеленой кибиткѣ; оттуда раздавался только громкій говоръ и смѣхъ и пѣсни; работ-

никъ по временамъ оборачивался и говорилъ мальчикамъ: «тише, не такъ громко! а-то пожалуй мои гнѣдки, испугаются и понесутъ!»

На пути нѣсколько разъ останавливались отдохнуть и потомъ отправлялись дальше.

«Ну что? спрашивалъ кто-нибудь изъ кибитки: «видѣнъ ли Бернедорфъ?»

— Только еще шпиль башни; должно быть еще очень далеко, отвѣчали съ шарабана.

«О! значитъ мы успѣемъ окончить свои приготовленія! то-то радость будетъ нашей милой Тони, говорили братья, копошась, какъ птицы въ зелени.

«Ахъ! и флагъ видѣнъ! вскрикнула Леля, смотри Тони, тамъ вдали, за деревьями, вѣдь это замокъ.»

Они въѣхали въ паркъ и черезъ нѣсколько минутъ остановились у красиваго подъѣзда.

На порогѣ встрѣтилъ ихъ хозяинъ и просилъ гостей войти въ комнаты.

«А это что за лѣсъ? сказалъ хозяинъ. Да, вотъ, кто-то тамъ копошится въ зелени? не звѣрки ли какіе-нибудь?»

— Нѣтъ, нѣтъ! закричали Рудольфъ и Митя, выскакивая изъ зелени, ты видишь у насъ только по двѣ ноги!

«Здравствуйте, друзья шалуны, живѣй завтракать, а потомъ бѣгайте вездѣ по парку вмѣстѣ съ моими дикими козами!»

Мальчики не заставили повторять приглашенія два

раза, и черезъ нѣсколько минутъ всѣ уже сидѣли за столомъ.

Послѣ завтрака Дорвитъ позвалъ всѣхъ посмотрѣть на подарки Тонѣ.

Тамъ, въ паркѣ, стояла зеленая бесѣдка, усыпанная цвѣтами бѣлыхъ акацій и розъ; подлѣ нея стоялъ привязанный къ дереву оселъ, на немъ былъ красный чепракъ и хорошенькое новенькое сѣдлецо; подлѣ осла лежала большая черная собака; она лѣниво подняла голову чтобы посмотрѣть, кто пришелъ.

«Смотри, говорили дѣти, а тамъ кто выглядываетъ изъ бесѣдки. Ухъ! какой черный! такъ шапку на глаза надвинулъ, что лица совершенно не видно!»

— Ничего не бойся, Леля! говорилъ Митя, низко кланяясь неподвижному человѣку, вотъ я его сейчасъ спрошу, что онъ тутъ дѣлаетъ?

Мальчики подбѣжали къ нему и стали его дергать за руки и снимать шапку.

«Ай! ай! это просто солома! и въ ногахъ и въ рукахъ! смотри, а за нимъ что стоитъ? одинъ, два, три мѣшка! Все съ картофелемъ! и еще, еще что-то есть! тутъ и льну сколько и овса и хлѣба! ну славный подарокъ! Хоть сейчасъ начинай торговлю!»

Тони во все это время съ радостью смотрѣла на Дорвита и горячо обнимала и цѣловала его. «Добрый! добрый ты какой! Какъ я люблю тебя!»

— Ты этого хотѣла, я исполнилъ только твою просьбу! отвѣчалъ Дорвитъ, а теперь тебѣ конечно

хотѣлось бы посмотрѣть на нашихъ бѣдняковъ. Вотъ, сядь на этого осла, а я пойду подлѣ тебя, пойдемъ!

Тони взобралась на красивое сѣдлецо, и старикъ хозяинъ взялъ осла за поводъ и они одни ушли отъ бесѣдки въ темный паркъ.

По дорогѣ, изъ лѣса выбѣгали къ нимъ навстрѣчу дикія лани и пугливо поглядывали на Тони, а къ хозяину, осторожно оглядываясь, подходили и брали у него изъ рукъ хлѣбъ. По кустамъ прыгали веселыя бѣлочки, и кролики и зайцы сновались по лужайкамъ, или сидѣли другъ противъ друга и умывались лапками. Тони хотѣлось всѣхъ звѣрковъ приласкать и покормить. Но вотъ они выѣхали на открытую поляну; посреди нея стояла одинокая изба. Они подъѣхали къ ней; окна и двери были открыты настежь, но въ ней не было ни людей, ни мебели.

«Войдемъ въ избу, сказалъ хозяинъ, намъ нужно тамъ все устроить. Посовѣтуй мнѣ, Тони, гдѣ сдѣлать тутъ спальню, столовую и дѣтскую.»

— Папа говоритъ, что спальня всегда должна быть на солнцнечной сторонѣ!

«Ну хорошо! это правда, комната на солнцѣ всегда здоровѣе, также и дѣтская будетъ съ этой стороны. Эй! крикнулъ Дорвитъ.

Тотчасъ явилось двое слугъ съ простыми скамьями и столами, и стали все прибирать въ комнатахъ.

«Ну, теперь все готово! сказала Тони, поѣдемъ же къ Сашѣ и Колѣ! Пожалуйста поѣдемъ! ахъ, что это тамъ! Кто это ѣдетъ?»

Въ это время на полянѣ поднялась страшная пыль. когда она разсѣялась, то Тони увидѣла зеленую тѣлѣгу, а подлѣ нея спереди столько мальчиковъ и дѣвочекъ, что Тони сразу не могла всѣхъ разглядѣть. Когда подошли ближе, она узнала Сашу и Колю. Они шли подлѣ блѣдной и худой женщины, маленькія хилыя дѣти держались за платье своей матери. На тѣлѣгѣ, на зеленыхъ вѣткахъ, лежалъ ихъ больной отецъ. Къ этому времени къ избѣ пришли всѣ братья и сестры Тони.

Она прижалась къ Дорвиту и благодарила его отъ всей души самыми ласковыми словами.

«Не благодари меня, дитя мое: ты добрѣе и милосерднѣе меня, потому что ты дала мнѣ мысль осчастливить трудолюбивыхъ бѣдняковъ. Пойдемъ, встрѣтимъ ихъ на порогѣ! смотри, какъ всѣ уже близко!

Тони въ это время прыгала по комнатѣ, она подбѣжала къ платью, повѣшенному тутъ же въ углу, и положила туда еще дома приготовленный пакетъ. На немъ было написано: «отъ Тони моимъ маленькимъ друзьямъ.» Въ немъ лежали всѣ деньги, собранныя во время дѣтской игры. Тѣлѣга остановилась у подъѣзда. Какая она разукрашенная! Со всѣхъ концовъ, гдѣ только можно было привѣсить, были привязаны колбасы, ветчина, мѣшки съ бобами, горохомъ, корзины со свѣжими и сушеными плодами. Сыновья осторожно сняли своего отца съ тѣлѣги и хотѣли его внести въ домъ, но онъ сталъ на ноги, хотя отъ волненія

не могъ говорить. Онъ съ сіяющимъ отъ счастія лицомъ, снялъ шляпу и благоговѣйно сложилъ руки. Всѣ стали на колѣни и громко стали молиться и потомъ уже вошли въ домъ. Черезъ полчаса всѣ пошли домой и оставили бѣдняковъ наслаждаться своимъ новымъ счастьемъ.

Всѣмъ, и хозяевамъ, и гостямъ было свѣтло, и весело на душѣ какъ въ самый праздничный день. Всѣмъ казалось, что лани, олени, зайцы, и даже молчаливыя сосны радуются вмѣстѣ, и привѣтливо киваютъ своими величавыми верхушками.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.
Докторъ и смѣтливый больной. 1
Материнская любовь 16
Компаньоны 32
Альпійскій пастухъ и орелъ 54
Знаменитый скрипачъ и нищій 79
Случай изъ жизни Горація Верне 98
Черта изъ жизни Гаррика 120
Таня и бѣлая кошечка 133
Двѣ сестры 154
Случаи изъ жизни Беранже. 180
Молодой Рюйтеръ и марокскій бей 207
Байронъ и его собака 226
Журавли 240
Нелюдимъ 262
Пропавшая корова. 305
Внушеніе Божіе 337
Подарокъ. 370
Наша ласточка 402
Двѣ вдовы и незнакомецъ 419
Доброе дитя. 439

LIBRARY OF CONGRESS
00023305628